Российская академия наук
Дальневосточное отделение
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

на правах рукописи

Болдырев Виталий Евгеньевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА БАРАКА ОБАМЫ: ПРОЦЕСС, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
академик РАН
доктор исторических наук, профессор
Виктор Лаврентьевич Ларин

Владивосток
2025

Оглавление

Введение……..3
Глава 1. Политика США в отношении СВА в 2009–2016 гг. в оценках исследователей…….…….....48
1.1. Внутренние тенденции развития США в оценках исследователей…….……..51
1.2. Региональный курс США в оценках исследователей……64
1.3. Эволюция АТР и СВА в оценках исследователей: место и роль США……....96
Глава 2. Историческая динамика как фактор эволюции внешней политики США в 2009–2016 гг. ……..…..…127
2.1. Социальные трансформации США в начале XXI века……..……..…127
2.2. Северо-Восточная Азия: региональные трансформации, место и роль США в них……..153
Глава 3. Структура социальных взаимодействий власти и политика США в отношении СВА ……..……..…183
3.1. Структура социального взаимодействия внутри исполнительной власти и политика США в отношении СВА……..……...185
3.2 Отношения законодательной и исполнительной власти и политика США в отношении СВА……..……..…231
Глава 4. Нарративное и цивилизационное измерения политики США в отношении СВА……...264
4.1 Стратегия безопасности США: политические контуры восприятия СВА.…….....265
4.2. Внешнеполитический нарратив исполнительной власти: положение СВА в системе американских цивилизационных координат.……295
Глава 5. Практическая реализация курса США в отношении стран СВА в 2009–2016 гг. ……..…338
5.1 Политика в отношении союзников: региональный контекст и страновое измерение…….……...…342
5.2 Курс на северокорейском направлении…….……....373
5.3 Политика в отношении КНР……...388
Заключение…….…415
Список использованных источников и литературы……...424
Приложения……504

Введение

Актуальность темы исследования. Рубежной точкой в новейшей истории Соединённых Штатов стал ноябрь 2016 г., который ознаменовался победой Д. Трампа на президентских выборах. В отношении стран Северо-Восточной Азии (СВА) 45-й президент стал проводить политику тарифных ограничений, как в случае с Китаем, пересмотра торговых соглашений в случае с Японией, предпринял попытку наладить дипломатическое взаимодействие с КНДР. Было ли это всё случайностью? Представляется, что это стало следствием длительной закономерности, характеризовавшей развитие Соединённых Штатов после окончания холодной войны, а квинтэссенция этой, либеральной по своей сути, закономерности пришлась на период правления Б. Обамы.

В период правления 44-го президента эволюция американского общества, а соответственно и всех связанных с ним феноменов, включая внешнюю политику, характеризовалась противоречивыми тенденциями. Так внутри страны стало отчётливее проявляться противостояние между либеральной частью общества, выразителем интересов которой была Демократическая партия, и её оппонентами, которые представляли собой сравнительно пёструю совокупность групп, недовольных тем или иным аспектом политики либералов и продвигавшейся ими повестки. Во-первых, несмотря на господствовавшую либеральную экономическую тенденцию, предполагавшую вынос производств за пределы США и ставку на широкую международную производственно-сбытовую кооперацию, усилились позиции промышленных групп, ориентированных на создание законченного продукта и локализацию наиболее передовых технологий в пределах Соединённых Штатов. Во-вторых, в 2008–2016 гг. обострилась межведомственная борьба в правительстве и администрации президента: усилилось влияние военных и связанных с ними промышленных корпораций, которые в политической плоскости выступали против пропонентов либерального курса, за которым в правительстве Б. Обамы стоял Государственный департамент и министерства экономического блока. В-третьих, в этот период произошло кардинальное размежевание партийного электората, которое приобрело форму системного

межпартийного противостояния. Об этом свидетельствуют не только внешние проявления такие как повышенная избирательная активность, относительно строгое размежевание штатов по партийной ориентации, постоянные протестные акции, но и идеологический тупик. Рельефнее всего эта тенденция характеризовала Демократическую партию: исчерпав ресурс повестки клинтоновского прогрессизма, ориентированного на социальные реформы, партия обратилась к радикальному наследию У. Клинтона, которое касалось широкого спектра вопросов социокультурного модернизма, что только усиливало социальное противостояние в США.

На фоне приведённых выше внутренних тенденций противоречивый характер стала носить и внешняя политика США. Так правительство Б. Обамы, сохраняя участие в АТЭС, сделало своим ключевым интеграционным проектом Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), в которое были вовлечены страны из разных географических регионов, политически объединённых в АТР (Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Северной и Латинской Америк). В то же время, несмотря на все переговорные усилия, после подписания Соглашения о ТТП в октябре 2015 г. исполнительная власть США стала проявлять заметно меньше активности, чтобы обеспечить его ратификацию. Другим примером противоречий служил Стратегический и экономический диалог (СЭД) с КНР, который совмещал собой обсуждение проблем, решение которых сближало обе стороны, благоприятствовало выстраиванию партнёрских отношений, и проблем, вызывавших острые разногласия. Противоречия присутствовали и в политике в отношении стран Корейского полуострова. Квинтэссенцией противоречий на южнокорейском направлении стал затянувшийся процесс согласования положений и ратификации соглашения о свободной торговле (ССТ). В случае с КНДР в 2015 г. американская политика претерпела существенные изменения: произошёл отказ от чистого сдерживания, которое было дополнено попыткой, пусть и эфемерной, с помощью «мягкой» силы трансформировать северокорейское общество. Наконец, происходят перемены и в американском политическом лексиконе: вместо привычного мыслительного и описательного

термина АТР военное ведомство предлагает термин Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), а президентская администрация обосновывает его, хотя не употребляет сам термин.

Иными словами, противоречия характеризовали не только внутренне развитие Соединённых Штатов, но и их внешнюю политику в период президентства Б. Обамы. Это указывает на то, что на данный период пришлось столкновение двух тенденций: прежней либеральной и новой, ей оппонировавшей. Такое столкновение стало первопричиной сложных общественных процессов, одним из результатов которых стала внешняя политика. Соответственно период правления Б. Обамы для исследования значим в том смысле, что именно на него пришлись те подспудные изменения в американском обществе, в американской политической элите, которые впоследствии определили характер американской политики во второй половине 2010-х – первой половине 2020-х гг.

В то же время СВА представляет собой не самое простое поле для американской внешней политики. Во-первых, регион с позиций интеграции и организации кооперационных связей между странами, к нему относящимися, является слабым. В связи с этим внешняя политика США в отношении региона приобретает не вид общего регионального курса, а совокупности политик, реализуемых за редким исключением в отношении каждой из стран в отдельности. Как следствие она становится зависимой от более сложного сочетания внутриамериканских интересов, её повестка обладает более сложной структурой, а для самого курса характерна более сложная эволюция.

Во-вторых, формальные отношения и восприятия стран региона американским правительством на момент прихода Б. Обамы к власти сильно отличались. Япония и РК были американскими союзниками. Однако, несмотря на это, в отношении Южной Кореи сохранялись отдельные восприятия её как конкурента, наносящего ущерб интересам американских производителей. Китай, несмотря на то что к концу 2000-х гг. превратился в мировую фабрику, а размещение своих производств американскими корпорациями на его территории стало нормой, в политическом истэблишменте воспринимался критически, как

страна, которая даже внешне не принимает общественно-политическую культуру, считающуюся американской элитой нормой для США и их союзников и партнёров. Более того, критические восприятия КНР во второй половине 2000-х гг. постепенно переходят на отдельные вопросы политической повестки. КНДР однозначно воспринималась враждебным государством. Это не только делало невозможной единую региональную политику, но и открывало широкие возможности для влияния на неё со стороны различных групп американского общества.

В-третьих, в период правления Б. Обамы обозначился ряд трансформаций международной среды, которые прямо или косвенно касались СВА. Первой такой трансформацией стало усиление интеграционных и кооперационных начал между странами региона, которые, с одной стороны, опирались на собственное видение хозяйственного партнёрства с иными государствами, с другой стороны, в своих интересах использовали преимущества, которые им предоставлял либеральный торгово-экономический порядок, ведомый Соединёнными Штатами. На практике это сначала проявилось в стремлении Японии построить широкую сеть экономических взаимодействий со странами Тихого и Индийского океана, а позднее привело к усилению Китая в международных делах как нового центра. Об этом свидетельствовало объявление Инициативы пояса и пути (ИПП) в 2013 г., которое хронологически совпало с началом ухудшения американо-китайских отношений. В 2014 г. обозначилась тенденция возвращения России в число великих держав. И хотя эта тенденция проявилась на европейском театре мировой политики, ничто не мешало использовать образ её угрозы в политике в отношении стран СВА. Наконец, отданный в сравнении с АТЭС приоритет переговорам о ТТП и последовавшая осторожность Б. Обамы в процессе ратификации соглашения о нём указывали на возникновение кризиса многосторонних объединений, основанных на идеях либерализма. Это указывает на то, что перед Вашингтоном в 2009–2016 гг. встала дилемма проактивной и реактивной региональной политики. Она явилась следствием краха прежней игровой стратегии американских либералов, которую Зб. Бжезинский, впоследствии внешнеполитический советник Б. Обамы в период предвыборной кампании, метафорично называл «великой

шахматной доской»[1]. Она стала следствием того, что вопреки акцентам Ч. Краутхаммера[2], однополярный мир воспринимался либералами не как переходный момент от биполярного к совсем иному миру, а как длительное его состояние.

Таким образом, в период президентства Б. Обамы в США, в мире и в регионе явственно проступил кризис либеральной американской внутренней и внешней политики, набирали силу социальные группы и векторы развития, которые оказались носителями нелиберальных идей.

Поскольку в отечественной общественно-научной традиции внешнеполитические тенденции связываются, прежде всего, с анализом текущих изменений, то и большинство исследований выполнено с опорой на методологию политической науки. Более того, следование за событийной, идейной, региональной и иной конъюнктурой внешнего курса того или иного государства приводит к тому, что подавляющее большинство исследователей концентрируется на анализе текущих событий, которые ограничены хронологическими рамками определённого внешнеполитического феномена: курса страны в определённый период, чьи границы определяются периодом правления того или иного лидера, международной политической проблемой, господством определённых идей или идеалистических конструктов. Справедливости ради надо заметить, что за рубежом господствует аналогичная тенденция. Правда, на этом общем фоне, как в России, так и за рубежом, выделяется определённое количество работ, которые, хотя и не касаются внешнеполитической проблематики прямо, позволяют реконструировать внешнюю политику США как следствие длительной динамики качественной эволюции системы[3], партийного развития[4], эволюции стратегической культуры[5],

---

[1] Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.

[2] Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. – 1990. – Vol. 70. – №1. – P. 23–33.

[3] Schlesinger A.M.-Jr. The Cycles of American History. Boston – New York.: A Mariner Book Houghton Mifflin Company, 1999; Turchin P. End Times. Elites, counter-elites, and the path of political disintegration. New York: Penguin Press, 2023.

[4] Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008; Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №5. – С. 3–17; Espinoza M. Donald Trump's impact on the Republican Party // Policy Studies. 2021. – Vol. 42. – №. 5–6. – P. 563–579.

[5] Вслед за исследованием М. Смита под культурой стратегического мышления понимается совокупность писанных и неписанных правил взаимодействия в процессе принятия политических решений, влияние господствующих политических идей на него, существующие нормы выражения целей и задач политики, которые воплощаются в виде

решения определённой реальной или искусственно созданной внешнеполитической проблемы[6].

При таком положении дел возникает оппозиция подходов. С одной стороны, мы имеем дело с анализом краткосрочных, ограниченных во времени тенденций, который опирается на ограниченный круг источников как по своему количеству, так и по разнообразию доступных видов, с другой стороны, мы наблюдаем масштабные реконструкции процессов, которые обращают внимание, главным образом, на макроуровень исследовательской проблемы. Из-за этого сравнительно легко упустить предпосылки и причины крупных исторических трансформаций, которые в аналитическом и прогностическом плане позволяют исследователю точнее расставить акценты.

Попытки решить эту проблему предпринимались ещё в последнее десятилетие холодной войны, а ряд сделанных тогда предложений заслуживают внимания. Так Е.А. Орлова, оперируя термином «мультипарадигмальность», высказала революционную для начала 1980-х гг., особенно для советской науки, идею, что анализировать процесс принятия внешнеполитических решений необходимо с позиций минимум трёх парадигм, чтобы обеспечить рамки исследования, максимально подходящими для конкретного случая[7]. Французский историк А. Филииппар утверждал, что лежащий в основе внешней политики процесс принятия решений в каждом конкретном случае зависит от вовлечённых в принятие решений людей, их интересов и целей, контекста, который понимался как взаимосвязанная сеть отдельных фактов и человеческих контактов с общей стратегией[8]. Однако последовавшая волна глобального «триумфа» США в холодной войне и её политической научной мысли оставили эти начинания почти

государственных и ведомственных стратегий. Smith M. Why is the West so rotten at strategy? // International Affairs. – 2024. – Vol. 100. – №4. – P. 1591–1614.

[6] Christensen T. J. The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power. New York – London: W.W. Norton & Company, 2015.

[7] Orlova E.A. Interaction Paradigms of Decision-Making // International Political Science Review. – 1982. – Vol. 3. – №2. – P. 212–217.

[8] Phillipart A. Transfers Decision-Making Complexity and Influence on Decision-Making Powers // International Political Science Review. – 1982. Vol. 3. – №3. – P. 269–276.

незамеченными, как и более позднюю попытку С.К. Уайта [9] обратиться к методологическому наследию исторической науки, чтобы исследовать мир внешней политики и международных отношений как многогранный.

Иными словами, выход из создавшегося положения связывается с исторической наукой, поскольку её представители акцентируют внимание больше не на чистой динамике, а на цепочке последовательных событий, случаев, взаимосвязанных случайностей, что позволяет точнее реконструировать закономерности эволюции общественных феноменов. При этом исторические исследования характеризуются настолько тщательным и всесторонним исследованием факта, насколько это позволяет информация источников разных видов[10]. Таким образом, историческое исследование внешней политики США, хронологически локализованной в ограниченных рамках, зависящей от ряда эволюционирующих факторов, реализованной в переломный для страны период, информация о которой доступна в разных видах не только официальных, но и личных источников, позволяет, с одной стороны, полнее реконструировать картину исследуемого феномена, с другой стороны, точнее понять события и процессы, которые определили будущую динамику[11].

Состояние отечественной и зарубежной историографии позволяет говорить, что **степень научной разработанности**[12], данной проблемы является высокой. В то же время подавляющее большинство исследований было выполнено в течение того хронологического периода, рамками которого ограничен исследуемый этап американской внешней политики, в течение которого существует та или иная проблема, влияющая на внешний курс. Однако, сам феномен внешней политики и

---

[9] White S.K. Pluralism, Platitudes, and Paradoxes. Fifty Years of Western Political Thought // Political Theory. – 2002. – Vol. 30. – №4. – P. 472–481.

[10] Elman C., Elman M.F. The Role of History in International Relations // Millennium. Journal of International Studies. – 2008. – Vol. 37. – № 2. – P. 357–364; Lawson G. The Eternal Divide? History and International Relations. URL: https://www.e-ir.info/pdf/38082 (дата обращения: 15.09.2020).

[11] Несмотря на то что подобная попытка в отношении американской внешней политики была предпринята Дж. Л. Гэддисом в 1991 г., она, как и методологические предложения Е.А. Орловой и А. Филиппара, остались незамеченными и не получили должного развития в последующее десятилетия из-за казавшегося «триумфа» США и их аналитической, подчеркнём политологической, мысли в окончании холодной войны. Gaddis J. Toward the Post-Cold War World // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70. – № 2. – P. 102–122.

[12] Подробный историографический анализ представлен в главе 1, поэтому здесь мы выделим только самые общие характеристики отечественных и зарубежных исследований.

связанные с ним проблемы многогранны, что выступает объективным аналитическим ограничителем, вследствие которого доминируют исследования в жанре статьи, а значит основной акцент в исследованиях делается на отдельных аспектах явления. При этом немногие исследователи обращались к проблеме эволюции, динамики, трансформации внешней политики США, которые можно было бы описать качественными методами с позиций исторической науки. Другим фактором, который объективно сдерживал полноту исследования, стал недостаток доступных источников, главным образом, источников персонального происхождения, как официальных, так и частных, которые позволяли бы точнее реконструировать структуру социальных связей власти, глубже понять их мотивы. Всё это вынуждало исследователей скорее обращаться к макроуровню, оставляя микроуровень за рамками исследования.

В целом состояние исследований свидетельствовало, что политика США в отношении СВА во конце 2000-х – середине 2010-х гг. не была исследована как следствие качественной эволюции связанных с ней и влиявших на неё исторических процессов, с учётом понимания механизма принятия решений как совокупности формальных и неформальных взаимодействий, как совокупности исторически сложившейся культуры стратегического мышления и культурно-цивилизационного фундамента.

Целью исследования является анализ эволюции американской политики в отношении стран СВА в период президентства Б. Обамы как результат развития американского общества, сочетания формального и неформального взаимодействия власти в процессе принятия решений, культуры стратегического мышления американской элиты.

Соответственно к **задачам** исследования относятся:

- изучить ключевые тенденции внутренней динамики, которая характеризовала эволюция американского общества, оценить степень и характер её влияния на американскую политику в отношении СВА;

- исследовать основные характеристики региона СВА как внешней по отношению к Соединённым Штатам среды и объекта их внешней политики,

которые стали результатом предшествующего эволюционного развития региона и соотнести с ними ключевые американские инициативы, реализовывавшиеся в отношении стран региона;

-реконструировать скрытые сети социальных контактов, характеризовавшие отношения между разными ветвями власти, группами интересов и неформальными группами внутри властных институтов, а также выявить их влияние на курс в отношении СВА;

- проанализировать интерпретации внешнеполитических событий, касавшихся Северо-Восточной Азии, в соответствии с особенностями культуры стратегического мышления правительства, характерных для конца 2000-х – первой половины 2010-х гг., и культурно-цивилизационной матрицей американского общества, определить скрытый смысл намерений правительства Б. Обамы, официальных интерпретаций прошлого, настоящего и будущего;

- проанализировать практическую реализацию курса США в отношении СВА.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает внешняя политика США, а **предметом** эволюция политики США в отношении Северо-Восточной Азии, которая была определена специфическими чертами развития американского общества, совокупностью формальных и неформальных способов взаимодействия представителей власти в контексте процесса принятия решений, стратегической культурой и культурно-цивилизационными основаниями, характерными для Соединённых Штатов.

Область исследования соответствует п. 6, п. 8, п. 16, п. 18, научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Хронологические рамки исследования. В центре настоящего исследования находится внешняя политика, пришедшаяся на период президентства Б. Обамы (2009–2016 гг.), которая в самых общих рамках понимается здесь как следствие внутреннего положения США. Выбор в пользу именно этого отрезка американской истории был сделан по нескольким причинам. Во-первых, в 2008 г. Соединённые Штаты пережили экономический кризис, на выходе из которого разные группы

американского общества и политического истэблишмента предлагали разные модели дальнейшего экономического развития США, что обуславливало характер их будущего взаимодействия со странами СВА. Правительство придерживалось в большей степени отработанной в течение 1980-х – первой половины 2000-х гг. либеральной модели, в то время как оппозиция делал больший акцент на реиндустриализацию, которая с 2014 г. стала доминирующим процессом социально-экономического развития США. Во-вторых, именно в период правления Б. Обамы были предприняты попытки не только сделать во внешней политике восточно-азиатское направление, которое подразумевало и СВА, ключевым во внешней политике, но и развить отношения со странами региона на либеральной основе, которая была детищем американской экономической и политической мысли. Однако, эти достижения 2009–2016 гг. впоследствии были пересмотрены Д. Трампом, представлявшим Республиканскую партию, и Дж. Байденом, представлявшим Демократическую партию. В-третьих, в 2006 г. начался новый этап идейного развития Демократической партии, чей расцвет пришёлся на период 2008 – 2014 гг., который во внешней политике акцентировал внимание на развитии многосторонних форматов или двусторонних взаимодействий, охватывавших максимально возможное количество сфер межгосударственных отношений. Ему на смену пришёл период партийного развития, характеризовавшийся обращением к клинтоновскому радикализму, как следствие во внешнюю политику стали активнее проникать проблемы сугубо внутренней американской и партийной демократической повестки. В то же время, чтобы глубже понять американские внешнеполитические мотивы, в отдельных случаях хронологические рамки расширялись за счёт ретроспективного и перспективного исторического контекста.

Территориальные рамки исследования. Пространственным ядром исследования выступают Соединённые Штаты, т.к. оно касается их внешней политики.

Поскольку же исследуется политика в отношении СВА, территориальные рамки требуют уточнения. В американском внешнеполитическом планировании

присутствует регион Восточной Азии и Тихого океана[13]. В то же время такие терминологические словосочетания как Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) стали нормой американского политического лексикона. Таким образом, во внешней политике США сталкиваются географический и политический принципы выделения регионов. Чтобы не попасть под влияние логики политики и планирования Соединённых Штатов обратимся к работам М. Бисона[14], который выделил исторический принцип формирования регионов в Азии. Согласно ему в Восточной Азии существует два естественно сложившихся международных региона. Для Юго-Восточной Азии (ЮВА) характерно относительно сложное многостороннее взаимодействие и балансирование, персоналистский характер отношений, связанный с ролью лидера, слабость государственных границ и изменчивая территориальная организация стран. Ей противопоставляется СВА, для которой было ограниченное число государств-участников, которые признавали формальное превосходство Китая над ними, но при этом региональная система отношений предполагала равенство участников отношений на практике, в основе которой лежало совпадение и взаимодополнение их интересов. После Второй Мировой войны этот регион оказался разделён на сферы влияния странами победительницами таким образом, что Китай, формально доминирующая страна региона, оказалась вовлечена в мировую систему социализма (МСС) вместе с Монголией, Япония как региональный экономический лидер второй половины XX в. оказалась в мировой системе капитализма (МСК), а Корея и вовсе была разделена между двумя системами, при этом по результатам войны между КПК и Гоминьданом Тайвань оказался вне формального подчинения Пекину, эвакуировавшаяся на остров и сформировавшая там правительство партия Гоминьдан сохранила прежнюю проамериканскую внешнюю ориентацию. Как следствие регион был разделён по политическим причинам, и под внешним влиянием, и вследствие внутренних

[13] Official web page of U.S. Department of State Bureau of East Asian and Pacific Affairs. URL: https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-of-political-affairs/bureau-of-east-asian-and-pacific-affairs/ (дата обращения: 24.02.2025).

[14] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1. / Ed. by M. Beeson. Singapore: World Scientific, 2019. P. 6–19.

конфликтов, а их последствия по-прежнему остаются непреодолёнными, в то время как страны ЮВА после холодной войны смогли преодолеть прежнее политически мотивированное, навязанное извне деление, став в интеграционном плане более сильным субрегионом Восточной Азии, в то время как СВА оказалась в этом аспекте более слабым субрегионом. Это историческое наследие предопределило, что и региональные процессы, и внешняя политика в отношении стран региона будут обладать сложной динамикой, их трансформации будут проявляться более рельефно.

Параллельно В. И. Гантман и Е.М. Примаков указывали, что в контексте внешней политики понятие регион является не географическим, а проблемно-политическим, его границы изменчивы вследствие набора проблем, их содержания и характера[15]. Как следствие границы СВА, как политического региона, могут изменяться и корректироваться в контексте проблем, поднимавшихся Соединёнными Штатами в отношении государств региона, а также с учётом того, что СВА в контексте американского внешнеполитического планирования воспринималась как составная часть восточноазиатско-тихоокеанского пространства. В то же время под СВА понимается совокупность Японии, Республики Корея, КНДР, КНР, Монголии и Тайваня. В контексте политики США в 2009–2016 гг. регион приобретает следующую структуру: ядром выступают союзные Япония и РК, враждебной силой была определена КНДР, Китай рассматривается как «неопределившаяся» сила, обладающая потенциалом стать как партнёром, так и оппонентом США, Монголия и Тайвань воспринимаются как антитеза Китаю.

Исследовательский акцент именно на этом субрегионе сделан по следующим причинам. Во-первых, в отношении его стран США использовали все три модели внешнеэкономической политики, реализовывавшейся на тихоокеанском пространстве: в рамках многосторонней инициативы, в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле, в рамках двустороннего масштабного

[15] Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / Под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 223

политического и экономического диалога. Во-вторых, в СВА находились важнейшие для США тихоокеанские союзники. В-третьих, СВА характеризовалась наличием наиболее акцентированной международной политической ситуации на Тихом океане – ядерной проблемой Корейского полуострова. В-четвёртых, в контексте её решения Вашингтон впервые в пределах тихоокеанского пространства предпринял попытку выстроить сетевую, американоцентричную архитектуру с привлечением внерегиональных государств.

Теоретическая и методологическая основа. Ввиду того что в данном исследовании внешняя политика США воспринимается как сложный по своему составу феномен, который существовал на определённом своём этапе в определённых исторических рамках, связанных в первую очередь с внутренним развитием общества и лишь во вторую с особенностями внешней среды, используется следующий теоретико-методологический инструментарий. В качестве фундаментальных выступают следующие методы. Системно-исторический метод позволяет не только проследить эволюцию внешней политики США, но и реконструировать её как комплексную общественную систему, которая представляет собой совокупность постоянно взаимодействующих друг с другом социальных структур, которые тем самым определяют состояние отдельных функциональных подсистем, а само их взаимодействие находится в зависимости в т.ч. и от культурных особенностей конкретного (в нашем случае – американского) общества на конкретном историческом этапе его развития[16]. В то же время и А.К. Аликберов и М. Джексон подчёркивают, что изучение комплексности предполагает поиск различий[17].

В таком случае возникает риск, что реконструируемое явление будет представлено фрагментированным. Избежать этого позволяет перекрёстный метод, который в данном случае позволяет построить многомерную картину внешней политики США в отношении СВА как феномена, находящегося на пересечении

[16] Аликберов, А.К. Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход. М.: Наука, 2023. С. 175–176, 483, 548.
[17] Jackson M.C. Critical Systems Thinking and the Management of Complexity. Hoboken – Chichester: John Wiley and Sons Inc., 2019. P. 532–533.

трёх измерений, характеризующих развитие американского общества, как в целом, так и отдельных, связанных с ним феноменов в частности. Использование перекрёстного метода позволит более точно, а также максимально целостно, насколько это позволяет источниковая база, реконструировать внешнюю политику США как постоянно эволюционирующий феномен. Правда, здесь необходимо принять во внимание, что использование перекрёстного метода накладывает свою специфику на организацию исследования: он не предполагает, чтобы различные измерения одного феномена были изолированными друг от друга, наоборот, он учитывает их взаимовлияние и взаимопроникновение[18].

Понимание исторических процессов, которое послужило прологом к перекрёстному методу сложилось в течение 1980-х – 1990-х гг. Так М.А. Барг считал, что наиболее полно понять развитие и эволюцию обществ можно, исследовав три элемента действительности: эволюцию, структуру социальных связей и культурные особенности общества, чья совокупность реализуется на некоторой территории. В то же время М.А. Барг воспринимал эти три направления общественного развития не взаимосвязанными, а параллельными[19].

Независимо от него в 1990-е гг. П. Осборн разработал предложил свою видение, которое позволяло рассматривать и анализировать историческую эволюцию общества как многомерную. При этом в отличии от М.А. Барга П. Осборн считал эти измерения взаимосвязанными, а не параллельными. В качестве измерений исторических процессов он называл: континуум, в котором развиваются социальные явления из прошлого через настоящее в будущее, структуру взаимодействия социальных групп и отдельных людей в определённый момент или на определённом этапе существования общества, и нарратив, связанный с текстами, в которых различные социальные силы формируют образы различных состояний и явлений в соответствии с их интересами, с их пониманием прошлого, трактовкой настоящего и видением будущего. Кроме того, П. Осборн указывал, что

[18] Аликберов А.К. Ук. соч. С. 297–298, 302, 305–306.
[19] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 62–68, 88.

значение перечисленных измерений исторического процесса меняется от общества к обществу и от пространства к пространству.[20].

Как видно, расхождением двух пониманий исторической эволюции стало то, что М.А. Барг указывал на наличие культурного измерения, а П. Осборн – нарративного. Однако, если принять во внимание тот факт, что в современной политике нарратив используется для обоснования того или иного курса, а его разработчики прибегают к аргументам, которые в конкретной культуре приобретают конкретные значения, то справедливым будет признать, что культурное и нарративное измерение во внешней политике Соединённых Штатов сливаются в единое.

Таким образом, внешняя политика США в отношении СВА понимается как следствие эволюционных процессов развития американского общества, структуры социальных взаимодействий представителей власти, вовлечённых в процесс принятия решений, и интерпретацией событий, которая определена культурными особенностями американского общества. Для каждого из этих измерений применяется своя совокупность методов.

Для анализа динамики американского общества и его эволюции используется историко-генетический метод. Наиболее целостный и структурированный взгляд на его применение, в целом, изложил Е. Топольски. Он выделяет три вида эволюционных процессов: циклический, который имеет относительно строгую периодичность, диктуемую историческими законами конкретного общества, направленный, который локализован в конкретных исторически рамках, а в ряде случаев и в пределах ограниченного географического пространства, и нерегулярный, который сочетает в себе характеристики двух предыдущих, имея внутри себя некоторое подобие циклов, которые, тем не менее, не обладают регулярностью, а их начало и конец подвержены самому широкому спектру обстоятельств[21].

[20] Osborne P. The Politics of Time. Modernity and Avant-Garde. New York – London.: Verso, 1995. P. 18–29, 44–51.
[21] Topolski J. Metodologia historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. S. 522–525.

Применительно к США циклические процессы принято описывать с помощью концепции циклов американской истории А.М. Шлезингера-мл. Однако, проведённый позднее более тщательный анализ смены исторических циклов в 1978–1985 гг., описанный В.Н. Гарбузовым[22], а также анализ смены циклов в 2010-х гг.[23], позволяют говорить, как минимум о трёх циклических векторах развития: социально-политическом, который связан с настроениями в обществе, властном, который связан с избранием президента, выступающего носителем новых идей, и экономическом, который связан с проведением новой по отношению к предыдущему циклу экономической политикой. Эти векторы не сменяются одномоментно, их последовательность может различаться от одной смены к другой, при этом всегда проявляется следующая особенность: смена последнего из векторов характеризуется интенсивной борьбой между различными группами общества, вследствие чего начало новой его фазы всегда затягивается.

С этим учётом сохраняет свою актуальность понимание фаз цикла А.М. Шлезингером-мл. Период активизма сопряжён с активными изменениями во внутренней и внешней политике. Пик цикла возникает тогда, когда выработанные на предыдущей фазе модели решения проблем работают эффективно, а политические оппоненты прибегают к одним и тем же или близким методам и инструментам, или, говоря американским политическим лексиконом, существует двухпартийный консенсус. Пик заканчивается кризисом, в ходе которого отработанные модели дают сбой, в то же время правительство не спешит предпринимать новых, отличающихся от прежних мер, а решает проблемы с помощью прежних, удобных, но перестающих эффективно работать инструментов. Как следствие начинается фаза усталости, в течение которой усиливается какая-либо проблема, запускающая новый цикл истории[24].

---

[22] Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана…

[23] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США: Трансформация интерпретаций и межведомственных взаимодействия в 2009–2020 гг. Владивосток.: ИИАЭ ДВО РАН, 2021.

[24] Schlesinger A.M.-Jr. Op. cit. P. 28–29.

Направленные процессы в случае США связаны со сроками властных полномочий, чей циклический характер определён юридическими, но не историческими факторами.

Нерегулярные процессы связываются с партийным развитием. Проведённые В.О. Печатновым [25] и В.Н. Гарбузовым [26] исследования свидетельствуют о волнообразном развитии Демократической и Республиканской партий, при этом для партийных волн характерны разная продолжительность, разная интенсивность внутренней динамики конкретного цикла, допускается наличие интервалов, пауз между ними.

Это указывает, что существует понимание асинхронности и сложной структуры исторической эволюции американского общества и как следствие зависимости внешней политики США в отношении СВА от сложной комбинации социальных процессов. Именно её реконструировать и позволяет применение историко-генетического метода.

В то же время период правления Б. Обамы может быть разделён на более дробные периоды, которые характеризуют эволюцию каждого из трёх измерений внешней политики США в отношении СВА, указывают на особенности каждого из них. Для их анализа применялся сравнительный метод в хронологической версии.

Второе измерение внешней политики США как социального явления представлено совокупностью формальных и неформальных взаимодействий, формальных и неформальных участников процесса принятия внешнеполитических решений. Среди них выделяются системообразующие органы власти, совокупности ведомств по сфере их ответственности, сторонние игроки, такие как выборочные группы общества посредством общественного мнения и группы интересов. Однако наиболее важным стоит считать, что ещё в 1980-х гг. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный обозначили, что максимально полно и точно исследовать внешнюю политику США позволит микроструктурный анализ роли и

[25] Печатнов В.О. Ук соч.
[26] Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны…

места неформальных связей в принятии решений[27]. По их мнению, механизм принятия решений обладает двумя гранями: первая представлена формальными органами власти, чьё взаимодействие регламентировано законом, вторая же представлена неформальными общественными связями (дружбой, общими интересами, устными личными обязательствами и др.), которые прячутся за формальными функциями и регламентами, но являются реальными двигателями принимаемых решений. Позднее М. Гальперин и П. Клэпп[28], изучив структуру принятия политических процессов и опираясь на метод включённого наблюдения указали, что внешнеполитический процесс является человекоцентричным механизмом, как следствие текущие и перспективные интересы конкретных людей являются ведущими мотивами тех или иных действий: одни из них могут быть формальны по своей природе, но обладать неформальным, скрытым смыслом, другие же будут неформальны по своей природе изначально. Дж. Линдсэй[29] так же обращал внимание, что действия американских законодателей являются сочетанием формального и неформального начал, результатом которых являются принимаемые решения.

Это, социальное, измерение внешней политики США не противопоставляется первому. Наоборот, в исторической науке существует точка зрения, что эволюция внешней политики любого государства прямо связана с наличием альтернатив и различий, из которых главы государств и ведомств выбирают наиболее для них приемлемые и впоследствии облекают в политические решения[30].

В рамках исторической науки наиболее полную версию структурного метода, подходящего для исследования неформальной стороны социальных связей, в т.ч. представителей власти, предложили представители истории повседневности и исторической адаптологии.

---

[27] Механизм формирования внешней политики США / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
[28] Halperin M., Clapp P. Bureaucratic Politics of Foreign Policy. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2006. P. vii.
[29] Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 1994.
[30] Филитов, А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М.: Наука, 2009. С. 9–10.

История повседневности (ИП), как более раннее направление, получила развитие в рамках ряда национальных школ, каждая из которых имеет свои особенности. В связи с чем необходимо оговориться в какой мере в исследовании используются наработки каждой из них.

Основной является немецкая школа ИП, *Alltagsgeschichte,* которая, акцентирует внимание на микроструктуре общества, многогранности, многоуровневости и многообразии повседневных действий человека, а он сам предстаёт как объект и субъект истории. При этом, А. Людтке, один из ведущих представителей немецкой ИП, подчёркивал, что структурное исследование должно быть не подобным моментальному снимку, а изучать трансформации структур общества.

Всего им выделяется пять исследовательских полей.

Практика, под которой понимаются практические действия, предполагающие многообразие, многоуровневость и противоречивость явлений, которые объединены в хрупкие, изменчивые сети практических действий.

Освоение, под которым понимается взаимодействие человека с пространством и социальной средой в таком ключе, чтобы сделать их своими, принадлежащими ему.

Акторы, под которыми понимаются люди, представляющие разные социальные слои, группы, общности, которые не всегда автономны, но не всегда зависимы, в разных ситуациях они демонстрируют разный эмоциональный, иногда сложный, профиль, выбирают разные траектории движения в обществе, ищут или создают возможности и пространство для реализации себя.

Силовое поле соответствует фигуре актора, включает социальные связи и практические действия, расширяет возможности выбора поведения или действий, делая их бесконечными, а их вариативность ограничивается числом социальных связей различного порядка и потребностью в них в том или ином контексте.

Уклонение, под которым понимается выбор социальной траектории актором, исходя из собственной жизненной ситуации и общественного положения.

При исследовании структуры общества ключевым элементом анализа, по мнению А. Людтке, выступают силовые поля, структуры практики, в т.ч. властной, не только формальной, определённой законами, процедурами, инструкциями, но и неформальной, определённой личностным измерением вовлечённых в них акторов[31].

Польская ИП *(historia powszechna)* в свою очередь вносит два важных уточнения: во-первых, социальная структура базового процесса может приобретать специфические локальные черты[32], во-вторых, наличие базового процесса не исключает возникновение нового процесса, который занял свободное от него пространство и создаёт свою социальную сеть, которая способна прийти на смену существующей или модифицировать её[33].

Наконец, в рамках американской ИП *(history of everyday life)* была предпринята попытка проанализировать политику Б. Обамы в области безопасности. Эта попытка высветила одну из ключевых проблем использования ИП для исследования недавнего прошлого: если недостаёт источников, которые позволяют реконструировать сети социальных связей, остаётся только делать акцент на символической стороне проблемы[34].

Другим, сравнительно молодым направлением исторического структурализма является историческая адаптология, развитая сначала в Санкт-Петербурге С.В. Яровым[35] и позднее в Новосибирске группой В.И. Шишкина[36] как синтетическое направление на базе исторической науки. Она акцентирует внимание на поворотных моментах истории и бифуркационных точках, практике, как конформизме и мимикрии, тексте, его форме, явном и скрытом смыслах. Основное внимание концентрируется на техниках формирования лояльности: инструментах, лабораториях, практиках, сценариях, языке и ритуалах. Таким

---

[31] Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 53–68.
[32] Topolski J. Nowe idee współczesnej historiografii. Poznań: Wydanictwo Poznańske, 1980. S. 168–177.
[33] Приводится по: Nie tylko represje i opór: z professorem Dariuszem Jaroszem roozmamają Andrzej Skalomowski i Michał Przeperski // Nowe książki: przegląd nowości wydawniczych. – 2018. – No. 6. – S. 4–8.
[34] Graham M. Presidents' Secrets: The Use and Abuse of Hidden Power. New Haven – London, 2017. P. 180–202.
[35] Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006.
[36] Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 13, 15, 23, 26, 46, 50—52.

образом, историческая адаптология дополняет ИП в анализе скрытых структур общества.

Такое понимание структурного метода позволяет точнее выявить роль формальных и неформальных связей среди представителей власти и оценить их влияние на политику США в отношении СВА.

Обращение к отдельным положениям исторической адаптологии, которая акцентирует внимание на анализе повестки и лексического сопровождения политики или позиции ведомства, делает необходимым качественный контент-анализ. Он ориентирует на выявление повторяемости и контекстов употребления типичных лексических конструкций или маркеров, характеризующих видение и интерпретацию действительности или изменение поведенческих моделей [37]. В рамках данного исследования он позволил проанализировать общее нарративное видение политики в отношении стран СВА отдельных ведомств, интерпретацию ими отдельных направлений курса и связанных с ними событий, выявить лексические маркеры, указывающие на изменения поведенческой стратегии индивидуальных и коллективных акторов в контексте регионального курса.

Кроме того, чтобы понять, как американское правительство воспринимало Соединённые Штаты как систему, и какие это открывало возможности для лоббирования для тех или иных групп интересов, использовался метод системного моделирования, основанного на *языке непрямого кодирования (ЯНК)*. Он разработан на основе результатов глобального моделирования[38], но предполагает отказ от использования математических формул в пользу построения логической модели, поскольку при принятии решений политики формулами не пользуются. Более того, как признавали создатели глобального моделирования, при использовании сугубо математического аппарата возникает риск упустить те социальные и политические проблемы, которые языком математики выразить нельзя[39].

---

[37] Там же. С. 50–52.

[38] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США…

[39] Геловани, В.А., Бритков, В.Б., Дубовский, С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком, 2009. С. 37.

Для воссоздания общей картины на основе результатов глобального моделирования[40] была создана карта связанных кодов, с ней были соотнесены положения стратегических документов, как законченные смысловые элементы текстов. В дальнейшем тексты национальных и ведомственных стратегий были разделены на логически самостоятельные фрагменты, с помощью которых описывались внешнеполитические приоритеты (один фрагмент подразумевал один приоритет). Каждый из фрагментов был соотнесён с кодами, которыми описываются подсистемы и их компоненты[41]. В дальнейшем они были сведены в единую таблицу с последовательной разбивкой по стратегиям, подсистемам, их компонентам, количеству упоминаний компонентов. Это позволило отойти от восприятия системы, в какой и себя и нас, как внешних наблюдателей, стремилось убедить американское правительства с помощью текстовых формулировок, вскрыть срытые смыслы и приоритеты политики Соединённых Штатов, оценить какие функциональные направления политики в отношении стран СВА были для него более или менее приоритетными, значимость каких из них искусственно завышалась с помощью лексических формул, какие социальные силы пользовались наибольшим влиянием в контексте стратегического планирования (См. приложения 6–8).

Нарративно-культурное измерение внешней политики США обладает двумя связанными субизмерениями. В соответствии с исследованием П. Осборна нарратив заключает в себе трактовку прошлого, интерпретацию настоящего и видение будущего. Наиболее легко извлекаемый пласт нарратива описывается с помощью структурного его понимания И.С. Семененко. Его дробление происходит по двум критериям: уровню и проблемам. В качестве уровней И.С. Семененко выделяет постнарратив в виде тщательно разработанной социально-политической теории, нарратив о состоянии в виде общей идеи или концепции, объясняющей образ действия, и дискурс как коммуникативную форму практики, связанную с

[40] Там же.

[41] Под посистемами понимаются функциональные системы общества (например, экономическая, демографическая, торговая, военная, ресурсно-сырьевая), из которых складываются сами общества. Каждая из подсистем обладает меньшими по масштабам проблемами, которые здесь обозначены компонентами.

состоянием субъекта, которая создаёт рамки для нарратива. Именно последний уровень представляет здесь наибольший интерес, поскольку с его помощью влиятельные группы общества навязывают другим свою модель поведения или формирующие её образы[42], на нём полнее раскрывается социальная и проблемная структура нарратива.

В то же время дискурс является наиболее видимым проявлением глубинных элементов сферы идеального, которые относятся к цивилизационному субизмерению. Для прикладного исследования, посвящённого той или иной проблеме в истории США, наиболее подходящим представляется приём построения системы координат А.В. Яковенко, которая описывает культурно-цивилизационный фундамент, отношения общества к другим и восприятия себя среди них[43]. Этому благоприятствует и определение культуры как одного из мерил внешней политики, данное П. Бертоном. В частности, он указывал, что культура представляет собой разделяемую некоторым обществом систему символов, отношений, ценностей, ожиданий веры и норм поведения; на национальном уровне она превращается в компонент ментального программирования людей, принадлежащих данной национальной общности как отдельной от других общностей и индивидов[44]. Иными словами, внешняя политика находится под влиянием коллективного бессознательного. Представители московской школы, опираясь на теоретико-методологическое наследие К.Г. Юнга[45], предпринимали усилия по анализу архетипов и связанных с ними факторов американской цивилизации, при этом К.С. Гаджиев[46] делал больший акцент на внешней политике, а В.В. Согрин[47] – на внутренней. Однако, наиболее структурированную систему координат позволяет вывести исследование представителя санкт-

[42] Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. Ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. С. 12, 421–422.
[43] Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. / Под ред А.В. Яковенко, К.А. Манасенко. М.: Содружество культур, 2023. С. 6–7.
[44] Berton P. Culture – Communication – Negotiation: Japan, China and the Soviet Union / Russia // International Comparative Studies of Negotiation Behavior. International Symposium. August 28–30, 1996. Kyoto, Japam / Ed. by H. Kimura. Kyoto: International Research Centre for Japanese Studies, 1998. P. 175–210.
[45] Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Издательство АСТ, 2021.
[46] Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990.
[47] Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США…

петербургской школы И. Куриллы*[48] (Иван Курилла внесён в реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ)[49]. Первая ось представлена архетипами, цивилизационными факторами, и фундаментальными представлениями американской цивилизации, в числе которых град на холме, исключительность, вера в цивилизаторскую миссию, фронтир, образ евразийской силы. Правда, их следует дополнить либерально-капиталистическим индивидуализмом и англо-саксонским архетипом, выведенными В.В. Согриным. Вторая ось представлена опытом и практикой, которые связаны с обеспечением безопасности за счёт других, силой примера, бинарностью мышления, морально-ценностным измерением внешней политики, практическим использованием образа внешней угрозы, адаптируемыми мыслительными клише, языковыми формулами. Третья ось касается образов других. Четвёртая ось связана с течением культурно-цивилизационного времени. С одной стороны, временной процесс здесь связывается с достижением целевого образа, которым выступают идеализированные представления о Римской республике как образце устройства общества, и абстрактной формулировкой Т. Джефферсона о стремлении к счастью, которая ориентирует на стремление постоянно улучшать страну. Тем самым в сфере идеального задавался строгий, заведомо известный результат политики, а также изменчивость, вариативность практик и инструментов по её достижению.

Важные уточнения в исследования культурного аспекта внешней политики вносят М. Бисон[50] и Т.В. Бордачёв[51]. Первый выявил существование исторически сложившихся международно-правовых культур. В контексте нашей работы интерес представляют европейская, характерная для США, конфуцианская, характерная для СВА и юго-восточная – характерная для ЮВА, но отдельные элементы которой были вынуждены учитывать и Соединённые Штаты и страны СВА. Второй из них указал на существование в рамках одной международно-

[48] Курилла И.* Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США. М.: Альпина Паблишер, 2024. 320 с.
[49] Здесь и далее знаком «*» обозначены лица, внесённые в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.
[50] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1…. P. 6–19.
[51] Бордачев Т.В. Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII – XV веков повлияла на будущее России. М.: Издательство АСТ, 2024. 336 с.

правовой культуры нескольких внешнеполитических культур. Так в рамках европейской международно-правовой культуры возникли англо-саксонская, континентальная и российская внешнеполитические культуры. Здесь нас интересует только англо-саксонская, которая воспринимает проблемы как поле для дипломатической игры.

Однако, нельзя игнорировать, что, несмотря на связь с миром идеального, нарратив может касаться сугубо практических целей. В этом случае для анализа применяются отдельные положения исторической адаптологии. Согласно им текст является также формой поддержки и сопротивления действующей власти вместе с особенностями, возникающими в некоторый исторический момент.

Ещё одну грань нарратива как элемента политической и стратегической культуры раскрывает М. Смит [52] , обращая внимание, что те или иные формулировки в официальных документах не только обозначают позицию конкретного правительства или ведомства, но и обладают качественными характеристиками, которые свидетельствует о состоянии процесса принятия решений, культуры стратегического мышления.

С учётом существующих пониманий текста и аналитических приёмов для исследования нарративно-культурного измерения внешней политики США в отношении СВА использован качественный контент-анализ, который ориентирует на выявление лексических маркеров, характеризующих взгляды американского правительства на собственную внешнюю политику и положение дел в регионе, а также свидетельствующих о состоянии стратегического мышления и планирования. Кроме него для реконструкции культурно-цивилизационной картины использовался системно-морфологический метод, с которым в качестве инструментария соотносится приём системы координат, позволяющий конкретизировать влияние американского коллективного бессознательного на политику США в отношении стран СВА.

[52] Smith M. Op. cit.

Поскольку внешняя политика США является не только следствием внутренних социальных процессов, но и касается внешней среды, в нашем случае СВА, которая представляется совокупностью стран, пространств между ними и связанных с ними международными проблемами, в исследовании применяется сравнительный метод в территориальной версии. Такое его применение позволило выявить общее и различное у американского курса в отношении каждой из стран региона, индентифицировать их объективные и субъективные причины.

В то же время СВА во многом является регионом политическим, а значит изменчивым, чья пространственная организация зависит от политики конкретных государств, в нашем случае США, и продвигаемых ими видений регионального взаимодействия. С учётом «искусственного» характера СВА в начале XXI в., его включением американскими внешнеполитическаками стратегами в более широкие региональные контексты, для реконструкции максимально полной картины практического курса Соединённых Штатов в отношении СВА использовался системный метод в трактовке В.И. Гантмана, Е.М. Примакова[53]. Они выделяли ряд уровней международных отношений: глобальный, региональный, субрегиональный, международно-ситуационный, групповой и двусторонний, причём последний характеризуется как основание всей пирамиды международных отношений. Поскольку единого региона в СВА не сложилось по объективным причинам, наибольший интерес представляют следующие уровни, на которых реализовывалась политика США: международно-ситуационный, групповой и двусторонний. Первый из них характеризуется существованием международной проблемной ситуации в виде северокорейской ядерной программы. Второй из них, групповой, связан с группами государств, многосторонними формальными и неформальными объединениями, в которые вовлекались США и в которые они вовлекали государства СВА. Двусторонний уровень касается политики в отношении каждого государства со всеми её особенностями.

[53] Основы теории международных отношений… С. 223–225.

Предотвратить размывание границ исторической науки и обеспечить исследованию строгое ей соответствие позволяют принципы исторического исследования. Они были исследованы в трудах Е. Топольского[54], В.В. Согрина[55], А.К. Аликберова[56], А. Нортон[57], А.Д. Бадера и Д.М. МакКорта[58], Дж. Гобсона и Дж. Лоусона [59] . Всего выделяются три принципа. Первый принцип, историзма, подразумевает исследование явлений в динамике с учётом исторического временного контекста. Он остаётся краеугольным принципом любого исторического исследования, предотвращающим осуществление «моментального» исследования, в котором историческая действительность уподобляется фотографическому снимку, а также предотвращающим игнорирование развивающегося исторического контекста. Следование ему позволяет реконструировать любое событие как результат предшествовавших взаимодействий и как закономерную последовательность прежних событий. В 2020-х гг. принцип историзма был уточнён, и стал формулироваться принцип «нового историзма», в соответствии с которым факты должны быть не только зафиксированы, но и верифицированы за счёт информации из разных источников. Иными словами, исторический процесс стал пониматься многомерным. В этом контексте важно замечание А. Нортон, что реализация принципа историзма возможна только при опоре на первичные источники информации, т.е. те, которые мы называем историческими источниками.

Второй принцип, дисциплинарной экологии, предполагает, что заимствования из других дисциплин могут быть полезным подспорьем, могут выполнять функцию поставщика полезного инструментария, но при этом они не должны нарушать принципа историзма и подменять методологию истории собственной.

---

[54] Topolski J. Metodologia historii... S. 471–472.
[55] Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. С. 14–15.
[56] Аликберов А.К. Ук. соч. С. 308, 609–613.
[57] Norton A. Politics Against History: Temporal Distortions in the Study of Politics // Political Studies. – 2010. – Vol. 58. – №2. – P. 340–357.
[58] Bader A.D., McCourt D.M. Rethinking International Theory, History and the Event with Hannah Arendt // Journal of International Political Theory. – 2010. – Vol. 6. – №2. – P. 117–141.
[59] Hobson J.M., Lawson G. What is history in International Relations // Millennium. Journal of International Studies. – 2008. – Vol. 37. – № 2. – P. 415–435.

Третий принцип максимального накопления фактов, также направлен на поддержание принципа историзма и предполагает сбор максимально полной информации об исследуемом предмете, насколько это позволяет доступная в источниках информация. В современных условиях он дополняется верификацией, в соответствии с которой факт должен быть проверен с помощью информации из других источников, которая касается иных граней и измерений конкретного факта.

Обзор источников. В числе прочих методологических новаций новой истории холодной войны необходимо выделить то, что она меняет отношение к анализу исторических источников. В частности, Н.И. Корсакова[60] указывала, что за официальными документами стоят живые люди с их профессиональным опытом, жизненными интересами, что в большинстве случаев позволяет не только проследить общие исторические тенденции, вскрываемые с помощью информации того или иного вида источника, но и отследить персональные траектории вовлечения в политику. Точка зрения Р.Л. Райли[61] корректирует это понимание: согласно ей при таком ракурсе исследования наибольшую важность приобретают неофициальные источники, а также только те официальные источники, которые свидетельствуют о вовлечённости конкретного человека.

Однако, наиболее системно пересматривает отношение к источникам М.А. Петрова. По её мнению, при изучении внешней политики и международных отношений с позиций исторической науки важно отойти от анализа исключительно общих процессов и больших социальных, экономических и политических структур, которые были привычными для классического марксизма, школы анналов и больших теорий американской науки о международных отношениях. Данный элемент анализа никуда не уходит, но он уравновешивается другими. К наиболее значимым из них М.А. Петрова относит структуры социальных связей господствующей властной группы, а также групп им оппонирующих, культуру внешней политики, под которой понимается совокупность коллективных

[60] Корсакова Н.И. Французская дипломатия и Кубинский кризис М.: РОССПЭН, 2006. С. 25
[61] Riley R.L. The White House as a Black Box: Oral History and the Problem of Evidence in Presidential Studies // Political Studies. – 2009. – Vol. 57. – №1. – P. 187–206.

представлений, ценностей, символов, образов, восприятие через призму противопоставления «Я – другой». В связи с расширением исследовательского поля истории внешней политики и международных отношений М.А. Петрова указывает на необходимость сохранить привычный для исследователей историков комплекс источников, но при этом стремиться извлекать из источников любого вида информацию, которая характеризовала бы события, сети социальных связей и взаимодействий власти, практики отдельных лиц, облечённых полномочиями, и ведомств, персональные профили, культурные аспекты их деятельности в том смысле, в каком это обозначено выше[62]. Иными словами, М.А. Петрова считает, что независимо от вида источника, из него необходимо извлекать разноплановую информацию, позволяющую отойти от изучения только общих и больших элементов исследовательского поля.

Таким образом, анализ использованных здесь источников предполагал поиск информации, касавшейся трёх аспектов политики США в отношении СВА: закономерных исторических тенденций, ведомственной / персональной (формальной и неформальной) вовлечённости в процесс принятия решений, культурно-цивилизационного влияния на внешнюю политику.

Ввиду незначительного временного лага, который отделяет исследование от анализируемых событий, его основу составляют опубликованные источники различных ведомств и служб федеральной власти США в 2009–2016 гг., главным образом, размещённые в сети Интернет. Из числа непубличных, рассекреченных источников использованы только отдельные электронные письма Х. Клинтон.

Формально, наиболее важное значение отводится общенациональным и ведомственным стратегиям [63] (см. список использованных источников и литературы, пункты 36–48) и отдельным исполнительным указам, чьи положения

---

[62] Петрова М. А. Старые источники – новые подходы: изучение европейской дипломатии раннего Нового времени в зарубежной историографии конца XX – начала XXI века // Новая и новейшая история. – 2024. – №6. – С. 21–39.

[63] См. например: National Security Strategy. May 2010. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016); The National Intelligence Strategy. August 2009. URL: http://fas.org/irp/offdocs/nis2009.pdf (дата обращения: 26.09.2016); The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

носят стратегический характер[64], принятым в течение 2009–2016 гг., в которых зафиксировано восприятие американским правительством наиболее благоприятной траектории развития Соединённых Штатов, в соответствии с которой проводилась внешняя политика, в целом, и в отношении стран СВА в частности. Их анализ позволил проанализировать официальные интерпретации положения США и их отношений со странами региона, определить, какие из функциональных направлений, с точки зрения правительства Б. Обамы, были более важными или менее важными, чья значимость искусственно поддерживалась официальным нарративом. Кроме того, их анализ позволил выявить некоторые группы интересов, оказывавших влияние на правительство на определённом хронологическом отрезке, а также степень этого влияния.

В то же время на основе этого планирования США действовали не в пустом пространстве, а в регионе, в котором присутствовали другие государства с собственным пониманием благоприятной траектории развития, в них влиятельными были собственные группы интересов. В связи с этим для того, чтобы реконструировать текущую картину экономических взаимодействий картину региона и оценить эффективность отдельных, хотя и центральных по своей сути, усилий американского правительства, был изучен комплекс документов Соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве[65], который включает собственно соглашение, дополнения к нему, его официальные комментарии, дополнительную переписку между государствами подписантами. Вторая совокупность источников здесь представлена официальными документами зарубежных государств, в которых характеризуются их стратегические намерения[66].

---

[64] Executive Order 13514. Federal Leadership in Environment, Energy and Economic Performance. October 5, 2009. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2009-10-08/pdf/E9-54518.pdf (дата обращения: 26.02.2020); Executive Order 13534. National Export Initiative. March 11, 2010. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2010-03-16/pdf/2010-5837.pdf (дата обращения: 26.02.2020); Executive Order 13630. Establishment of an Interagancy task Force on Commercial Advocacy. December 6, 2012. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2012-12-11/pdf/2012-30060.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

[65] Trans-Pacific Partnership Agreement Full Text. URL https://ustr.gov/sites/default/files/tpp (дата обращения: 01.06.2016); Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/tpp (дата обращения: 24.10.2015).

[66] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шёлкового пути и морского шёлкового пути XXI в. // Россия и АТР. – 2015. – №3. – С. 255–270; National Security Strategy of Japan. December 2022 // Japan Cabinet intelligence and research office site. URL: www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

Ещё одна группа источников международного характера, которая позволяет выявить страновые нюансы региональной политики Вашингтона, представлена совместными заявлениями официальных представителей США и равных им представителей стран СВА[67] (см. список источников и литературы, пункты 18–35). В то же время её было бы некорректно рассматривать вне комплекса публичных документов президентской администрации, Государственного департамента, министерства обороны, торгового представителя США, которые представлены заявлениями [68] (см. список источников и литературы, пункты 52–174), выступлениями в Конгрессе[69] (см. список источников и литературы, пункты 175–191), информационными справками [70] (см. список источников и литературы, пункты 202–230), справками для СМИ[71] (см. список источников и литературы, пункты 231–259), интервью[72] (см. список источников и литературы, пункты, 260–269) стенограммами пресс-конференций и пресс-брифингов [73] (см. список

[67] См. например: Joint Press Statement by President Obama and President Hu of China. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-press-statement-president-obama-and-president-hu-china (дата обращения: 06.11.2016); Joint Statement of the 2012 United States - Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm (дата обращения: 26.09.2016); Joint Statement of the Security Consultative Committee: Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities. October 3, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm (дата обращения:23.09.2016).

[68] См. например: Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of Chuna at Official Arrival Ceremony. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-chuna-official-arrival-ceremony (дата обращения: 02.11.2016); Remarks by Hillary R. Clinton, Secretary of State, at the U.S. Institute of Peace China Conference. March 7, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/03/185402.htm (дата обращения: 03.10.2016); Statement at Shangri-La Security Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta. June 02, 2012. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1681 (дата обращения: 03.12.2016).

[69] См. например: Testimony by Sung Kim, Special Representative for North Korea Policy, before the House Foreign Affairs Committee. The North Korean Threat: Nuclear, Missiles and Cyber. January 13, 2015. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235888.htm (дата обращения: 04.09.2016); Testimony of Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, before the Senate Foreign Relations Committee. The Future of U.S – China Relations. June 25, 2014. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/06/228415.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[70] См. например: Economic Value of the U.S. – South Korea Free Trade Agreement: More American Exports, More American Jobs. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/09272011_wh_economic_value_fact_sheet_us_korea (дата обращения: 06.11.2016); Fact Sheet. The U.S.-China EcoPartnerships Program. July 10, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211792.htm (дата обращения: 04.10.2016).

[71] См. например Media Note. Deputy Press Secretary Steinberg's Upcoming Travel to Asia. February 28, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/02/137417.htm (дата обращения: 12.09.2016); Media Note. Conclusion of U.S. – China Human Rights Dialogue. July 24, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/07/195431.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[72] См. например: ABC Interview: U.S., Japan Work Together for Global Recovery. Interview Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, with Marta Raddatz of ABC. February 17, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117600.htm (дата обращения: 12.09.2016); Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Ian Williams of NBC. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189259.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[73] См. например: Background Briefing by Senior State Department Official. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189215.htm (дата обращения: 03.10.2016); Background Press Briefing on Vice

источников и литературы, пункты 270–299), стенограммами выступлений перед зарубежной аудиторией[74], списками приглашённых[75], справками о телефонных беседах[76]. Этот обширнейший комплекс документов позволил проследить эволюцию политики в отношении стран СВА на событийном уровне, выявить основные её этапы, глубже реконструировать логику мышления исполнительной власти, отделить конъюнктурные элементы курса от долгосрочных и тактические шаги от стратегических намерений, выявить ведомственные интересы, проследить изменения межведомственных отношений и использование неформальных практик взаимодействия, выявить персональные вовлечения, оценить их влияние на курс в отношении СВА, реконструировать сети групп интересов, связанных с ведомствами исполнительной власти, идентифицировать место и роль американского коллективного бессознательного в осуществлении политики в

President Biden's Trip to China, Japan and Republic of Korea. November 27, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/27/background-press-briefing-vice-president-biden-trip-china-japan-and-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016).

[74] Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. November 16, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-town-hall-meeting-with-future-chinese-leaders (дата обращения: 02.11.2016); Conversation With Young Leaders. Remarks, John Kerry, Secretary of State, Shangri La Hotel, Ulaanbaatar, Mongolia, June 5, 2016. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258079.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[75] President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment In United States. April 25, 2014. URL; https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/-president-obama-attends-roundtable-korean-business-executives-encourage-investment-united-states (дата обращения: 04.11.2016); Expected Attendees at Tonight's China State Dinner. September 25, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/25/expected-attendees-tonights-china-state -dinner (дата обращения: 04.11.2016).

[76] Readout of President Obama's Call with President Lee Myung-bak of the Republic of Korea. February 12, 2013. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/readout-president-obama-s-call-president-lee-myung-bak-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016); Readout of President Obama's Call with President Lee of the Republic of Korea. December 19, 2011. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2011/12/19/readout-president-obama-s-call-president-lee-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016); Readout of President Obama's Call with President Park Geun-hye of the Republic of Korea. June 17, 2013. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/readout-president-obama-s-call-president-park-geun-hye-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016); Readout of President Obama's Call with President-elect Park Geun-hye of the Republic of Korea. December 21, 2012. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2012/12/21/readout-president-obama-s-call-president-elect-park-geun-hye-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016); Readout of President Obama's Call with Republic of Korea President Lee Myung-Bak. May 25, 2009. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2009/05/25/readout-president-obama-s-call-withrepublic-korea-president-lee-myung-bak (дата обращения: 05.11.2016); Readout of the President's Call with Japanese Prime Minister Shinzo Abe. February 13, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/13/readout-presidents-call-japanese-prime-minister-shinzo-abe (дата обращения: 06.11.2016); Readout of the President's Call with Japanese Prime Minister Taro Aso. May 25, 2009. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-japanese-prime-minister-taro-aso (дата обращения: 06.11.2016); Readout of the President's Call with Prime Minister Hatoyama of Japan. May 27, 2010. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-prime-minister-hatoyama-japan (дата обращения: 06.11.2016); Readout of the President's Call with Prime Minister-Designate Kan of Japan. June 5, 2010. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-prime-minister-designate-kan-japan (дата обращения: 06.11.2016); Readout on the President's Call to Prime Minister Aso of Japan. January 29, 2009. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-prime-minister-aso-japan (дата обращения: 06.11.2016).

отношении США, т.к. в них зафиксированы связанные с ними образы и речевые клише. Кроме того, информационные справки, касавшиеся экономических проблем, содержали статистику, которая полнее раскрывает намерения американского правительства.

Более точно реконструировать неформальную сторону логики мышления лиц, принимавших решения позволила рассекреченная электронная переписка[77]. Поскольку в отличии от обычной переписки она представляет собой скорое по времени реагирование, то такие тексты указывают на проблемы, которые волнуют то или иное ведомство в конкретный момент хронологического времени, а также взгляды на них, которые остаются за текстами публичных документов. Кроме того, любое письмо является персональным источником, что в данном случае позволяет выявить личностное измерение внешней политики, взгляды, опасения, эмоции, желания госсекретаря.

Из документов, изданных ведомствами федеральной власти, также использовались казначейские лицензии[78], которые позволили глубже понять изменения политики Б. Обамы в отношении КНДР в 2015–2016 гг.

Для верификации торгово-экономических тенденций использовались данные Статистического бюро США (см. список использованных источников и литературы, пункты 337–364), а также информация из справочника Массачусетского технологического института, посвящённого сложности экономик, раздела, касающегося хозяйственного развития американских штатов[79].

---

[77] E-mail from Sullivan, Jacob J. Friday, November 12, 2010. Subject: RE: 3Ds Forward – Asia Pacific. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016); E-mail from Sullivan, Jacob J. Thursday, November 17, 2011. Subject: Fw: SecDef Panetta calls India, China 'threats'. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016); E-mail from Sullivan, Jacob J. Wednesday, March 28, 2012. Subject: FW: US/India/China/Trialogue – Update. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

[78] General license No.4. Noncommercial, Personal Remittances Authorized. March 24, 2016. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl4.pdf (дата обращения: 06.05.2016); General license No.5. Certain Services in Support on Nongovernmental Organizations' Activities Authorized. March 24, 2016. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl5.pdf (дата обращения: 06.05.2016); General license No.8. Certain Transactions Related to Patents, Trademarks and Copyrights Authorized. March 23, 2016. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl8.pdf (дата обращения: 06.05.2016)

[79] MIT Atlas of Economic Complexity. US Subnational Profiles. URL: https://oec.world/en/profiles/subnational_usa/ (дата обращения: 24.04.2021).

Для определения роли и места Конгресса в политике Соединённых Штатов в отношении США в 2009–2016 гг. использовались следующие источники. Большой пласт информации, касающейся интересов конкретных конгрессменов и сенаторов (а значит и интересов граждан в их избирательных округах), текущих и перспективных перегруппировок депутатов, их связей с группами интересов и формирования групп давления из числа законодателей, формальных и неформальных способах воздействия на правительство, содержится в бюллетене Конгресса «Конгрешнл Рикорд»[80]. Стенограммы слушаний (см. список источников и литературы, пункты 322–334) [81] позволили исследовать эти аспекты участия законодателей ещё глубже, выявить не только локальные по охвату конгрессменов и сенаторов перегруппировки, но и долгосрочные блокирования, процесс формирования оппозиции по линии законодательная власть – исполнительная власть, выявить неформальные практики, применявшиеся конгрессменами в этом контексте. Соотношение материалов «Конгрешнл рикорд», которые охватывают, главным образом, первый срок Б. Обамы, и стенограмм слушаний, которые приходятся исключительно на второй его срок, свидетельствует, что в официальном издании содержится больше информации о событиях тактического характера, в то время как в стенограммах слушаний – о событиях стратегического характера. Ещё одну небольшую группу представляют аналитические материалы Исследовательской службы Конгресса (ИСК)[82], которые позволил глубже понять логику и мотивы внешнеэкономической политики Б. Обамы.

Последний пласт представлен источниками личного происхождения. В нём выделяется три группы. Первая из них представлена мемуарами[83], а также иными

---

[80] Congressional Record. 2009–2016. URL: https://www.congress.gov/crec/ (дата обращения: 14.09.2017)

[81] См. например: Rebalance to Asia: What Does it Meen for Democracy, Good Governance and Human Rights? Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on foreign relations. United States Senate. One Hundred Thirteenth Congress. First session. March 21, 2013. Washington: U.S. Government Printing Office, 2013; Across the Other Pond: U.S. Opportunities and Challenges in the Asia Pacific. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. February 26, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015.

[82] Fergusson I.F., Vaughn B. The Trans-Pacific Partnership Agreement. CRS Report for Congress. June 25, 2010. URL: http://www.crs.gov (дата обращения: 17.05.2012); The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. CRS Report for Congress. August 21, 2013 / Coordinator Fergusson I.F. URL: http://fpc.state.gov/documents/organization/213981.pdf (дата обращения: 05.09.2014).

[83] Клинтон Х.Р. Тяжёлые времена. М.: Эксмо, 2016; Мэтлок Дж. Ук. соч.; Bader J.A. Obama and China's Rise. An Insider Account of America's Asia Strategy. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2012; Campbell K.M. The Pivot.

трудами государственных деятелей США[84]. Они позволили выявить персональные взгляды, уточнить персональные стратегии вовлечённости в принятие решений, конкретизировать соответствующую обстановку, точнее понять мотивы их действий, уточнить ведомственные приоритеты и характер межведомственного взаимодействия.

Публицистические произведения[85] позволили внести некоторые уточнения, касавшиеся социальных перегруппировок в отдельные моменты, персональных особенностей мышления американских политиков, культурно-цивилизационного измерения внешней политики.

Последней задаче было подчинено и обращение к отдельным трудам представителей американской либеральной[86] и консервативной мысли[87].

Кроме того, чтобы вписать политику Б. Обамы в более длительный временной контекст в отдельных случаях возникала необходимость обращаться к отдельным источникам, более ранним по времени появления.

Научная новизна исследования.

С учётом общего состояния отечественной и зарубежной историографии, которое характеризуется конъюнктурным интересом к политическим, экономическим и иным проблемам внешней политики США, не выходящим за хронологические рамки их существования или правления конкретного президента, представленное исследование обладает следующими аспектами новизны.

The Future of American Statecraft in Asia. New York – Boston: Twelve, 2016; Obama B. A Promised Land. New York: Crown, 2020.

[84] Бжезинский Зб. Ук. соч.; Гор А. Атака на разум. СПб.: Амфора, 2008; Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т.2. – № 2. – С. 20 – 32; Обама Б.Х. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008; Campbell K.M., Ratner E. Far Eastern Promises. Why Washington Should Focus on Asia // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – № 3. – P. 106–116; Carter A.B. Running the Pentagon Right. How to Get the Troops What They Need // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – №1. – P. 101–112; Clinton H.R. Leading Through Civilian Power. Redefining American Diplomacy and Development // Foreign Affairs. – 2010 – Vol. 89. – № 6. – P. 13–24; Clinton H.R. America's Pacific Century // Foreign Policy. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (дата обращения: 18.10.2017).

[85]; Брагин М.Ю. Америка выбрала Обаму // Международная жизнь. – 2008. – № 12. – С. 34–50; Овчинников В.В. Сакура и дуб. М,: АСТ, Восток-Запад, 2008; Шитов А.К. Четверть века в Америке. В Вашингтоне от Клинтона до Трампа. М.: Издательство АСТ, 2021.

[86] Nye J.S. Jr. Smart Power // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol. 26. – № 2. – P. 7–9.

[87] Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2009. 392 с.; Tucker, R. W. Reagan's Foreign Policy // Foreign Affairs. – 1988 / 1989. – Vol. 68. – № 1. – P. 1 – 28.

1. Внешняя политика США на конкретном историческом примере исследована как эволюционирующее, многомерное явление, зависящее, как минимум, от исторической эволюции американского общества, структуры формальных и неформальных взаимодействий представителей органов власти и культурно-цивилизационных основ американского общества, которые существовали не изолировано, а состояли в отношениях взаимовлияния и взаимопроникновения относительно друг друга.
2. Доказана асинхронность американских исторических циклов.
3. Исследование основано на широком круге опубликованных, а также рассекреченных источников, которые прежде не были введены в научный оборот, впервые вводятся в научный оборот электронные письма как исторический источник.
4. Политика США в отношении СВА оценена как следствие исторически определённой социальной эволюции американского общества, для которого в период 2009–2016 гг. было характерно столкновение старых и новых экономических и политических тенденций.
5. Пересмотрен традиционный для мировой историографии подход, согласно которому термины «кардинальный поворот» и «перебалансирование» являются синонимами при обозначении политики Б. Обамы на Тихом океане. В действительности эти термины скрывали межведомственную борьбу за доминирование в контексте азиатско-тихоокеанской политики США.
6. Реконструирована структура формальных и неформальных взаимодействий между ведомствами и институтами власти с целью обеспечения благоприятных условий для удовлетворения ведомственных интересов в контексте внешней политики. Выявлены отдельные лексические маркеры и приёмы, свидетельствующие о восприятии той или иной проблемы или характеризующих отношения между ведомствами.

7. В процессе реконструкции была применена авторская разработка – *язык непрямого кодирования*. Он позволил идентифицировать объективно существовавшие тенденции развития США, которые американское правительство принимало, но скрывало в стратегиях за политически мотивированными интерпретациями текущего и перспективного положения Соединённых Штатов.
8. Доказано, что наибольшее влияние на формирование политики Б. Обамы в отношении стран СВА оказывало связанное с глубинными образами американского мировидения культурно-цивилизационное измерение.
9. Выявлено, что высокая конкуренция и конфликтный потенциал первого правительства Б. Обамы оказывали положительное влияние на курс в отношении СВА, в особенности Китая, вынуждая американскую сторону делать акцент на вопросы, благоприятствующие взаимодействию, а не вызывающие разногласия.
10. Реконструкция отношений между исполнительной и законодательной властью позволила определить, что в контексте политики США в отношении СВА ключевая линия раскола прошла между ветвями власти, а не между правящей партией и оппозицией.
11. Доказано, что в региональной политике США во второе десятилетие XXI в. произошло восстановление военно-политического, экономического и идейного каркаса, характерного для политики в условиях противостояния оппонирующему полюсу мировой системы.

Фундаментальная проблема исследования заключается в том, чтобы реконструировать эволюцию внешней политики США в период президентства Б. Обамы в отношении СВА как сложноорганизованное социально-историческое явление, постоянно адаптирующееся к меняющимся условиям среды и являющееся следствием комбинации взаимозависящих и взаимовлияющих параметров развития американского общества: исторически определённой траектории общественного (экономического и политического) развития, структуры формальных и неформальных властных (социальных по своей сути) связей,

культурных и цивилизационных особенностей, присущих американскому обществу на данном этапе исторического развития.

Положения, выносимые на защиту.

1. Исторически сложившиеся тенденции социально-экономического и социально-политического развития США в конце XX – начале XXI вв. определили, что во внешней политике в отношении СВА либеральная (экономическая и политическая) повестка диктовалась проблемами внутреннего развития США.
2. Региональная, среда вследствие присутствия двусторонних отношений в ущерб многосторонним, доминирования восточноазиатских подходов в экономических аспектах, наличия региональных политических проблем и прочной вовлечённости США в дела СВА за счёт военно-политических союзов провоцировала противоречия между экономическими и военно-политическими началами американского регионального курса.
3. Структура формальных и неформальных связей исполнительной власти в процессе разработки политики в отношении стран СВА определила децентрализованный характер её планирования, а сам курс подверженным постоянным тактическим изменениям под воздействием групп интересов, амбиций отдельных политиков, взаимоотношений ветвей власти.
4. В условиях децентрализации планирования и преобладания тактического мышления над стратегическим функции фундаментальной скрепы отдельных внешнеполитических инициатив в отношении СВА выполняли не официальные стратегии, а культурно-цивилизационные факторы, которые к 2016 г. окончательно определили восприятие региона американскими политиками, согласно которому его страны строго делились на союзников и оппонентов США.
5. Вследствие децентрализации планирования и сегментированности регионального курса по страновому принципу, американская политика в отношении каждой из стран СВА в 2009–2016 гг. представлял собой специфическую совокупность методов и инструментов, единство которых

на практике поддерживалось либеральными идеями и американскими культурно-цивилизационными основаниями.

6. Несмотря на доминирование неолиберальных идей и объективную необходимость использовать ресурс внешнего рынка для вывода экономики США из кризиса, в политике в отношении стран СВА определяющим был не экономический, а военно-политический вектор, что привело к возрождению политического каркаса, характерного для периода биполярного противостояния.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость связана с тем, что в рамках исторической дисциплины, на основе её теоретико-методологических разработок, со строгим соблюдением её принципов – историзма, дисциплинарной экологии, максимального накопления фактов – осуществлено исследование внешней политики, которая с начала XXI в. понимается исследователями, прежде всего, как междисциплинарное поле, в котором исторической науке отводится второстепенная роль. Более того, в ходе исследования были отработаны отдельные элементы исторической методологии, а также предложены методологические новации, которые имеют прикладное значение.

Это отсылает нас к упомянутой работе Дж. Л. Гэддиса[88] 1991 г., когда он, будучи приверженцем новой истории холодной волны предпринял попытку продемонстрировать, что историческая наука имеет практическое значение для исследования внешней политики и международных отношений, чем поставил себя в оппозицию нарождавшемуся триумфализму, который исходил из победы США в холодной войне и которым впоследствии воспользовалась политическая наука, широко внедрив свой аналитический инструментарий по всему миру. Вследствие этого исчезали из анализа элементы специфики, уникальности, акцент на которых в противовес политологии делает история. Безусловно, одна работа не изменит всего положения, но обозначит значимость аналитического внимания к деталям

[88] Gaddis J.L. Op. cit.

при исследовании универсальных, повторяющихся явлений. На примере внешней политики США это позволяет лучше понимать её глубинные причины и механизмы, следствием которых предстаёт видимый наблюдателями курс, который, как правило, оказывается в центре исследовательского внимания.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в его рамках были отработаны аналитические инструменты, разработанные в рамках исторической науки, которые могут применяться при анализе текущей и прогнозировании перспективной политики Соединённых Штатов.

Соответственно некоторые его положения могут быть востребованы у широкого круга практиков, которым приходится сталкиваться с американской внешней политикой и связанными с ней процессами, главным образом, в области дипломатии и международных отношений, прогнозирования внешней политики.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки и дополнения учебных курсов по историческим и политическим дисциплинам, связанным с историей и внешней политикой США, международным отношениям.

Кроме того, анализ данной проблематики позволил автору разработать и внедрить следующие новации.

С 2019 г. преподаётся курс «Источниковедения, историографии и методологии всеобщей истории» аспирантам Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Его основным отличием является понимание истории как прикладной дисциплины, открытой к заимствованиям из других наук, но при этом обладающей устойчивым теоретико-методологическим фундаментом и способной служить делу разработки прикладного инструментария, применимого для анализа текущих и прогнозирования перспективных тенденций.

В 2021 г. был разработан *язык непрямого кодирования,* который позволяет реконструировать интерпретацию состояния и наиболее благоприятной траектории развитии США, с точки зрения их правительства, а при использовании его в динамике, степень преемственности и новаторства интерпретаций, предлагаемых сменяемыми правительствами. Это позволяет проверить насколько текстовые

интерпретации внешней политики США, принадлежащие политикам, соответствуют стратегическому планированию. Позднее модели, основанные на *языке непрямого кодирования,* и алгоритм их применения были адаптированы для анализа перспективного внутреннего и внешнего курса на основе предвыборных программ[89].

Предполагается, что совмещение моделирования на основе математических формул, позволяющего получить относительно объективную картину, и моделирования на основе языка непрямого кодирования, позволяющего реконструировать относительно целостную её интерпретацию, позволит выявить расхождения между объективной реальностью и субъективными взглядами политиков на её развитие, что можно впоследствии использовать для влияния на США в интересах Российской Федерации.

Также, совместно с В.Л. Лариным и В.Ю. Мишиным в течение 2017–2018 гг. была разработана и апробирована методика сценируемого круглого стола для сравнительно малых аналитических групп для анализа и прогнозирования международных политических ситуаций.

Структура диссертации соответствует обозначенным выше целям и задачам. Глава 1 представляет собой историографический анализ. Ввиду того что большинство исследований, посвящённых политике правительства Б. Обамы в отношении стран СВА, было создано в период 2008–2020 г., который характеризовался максимальной интернационализацией науки, её структура определялась не национальными историографиями, а проблемами, которые оказались в центре внимания исследователей независимо от места их работы и принадлежности к тому или иному теоретико-методологическому направлению. Соответственно в параграфе 1.1. проанализированы работы, посвящённые внутренним тенденциями развития США, повлиявшим на внешнюю политику Б. Обамы, в параграфе 1.2. были проанализированы исследования, посвящённые внешней политике Б. Обамы в отношении стран СВА, в параграфе 1.3 были

[89] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США при Дж. Байдене: предварительная реконструкция национальной стратегии // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2021. – Т. 14. – №3. – С. 348–373.

проанализированы исследования, посвящённые эволюции региональной архитектуры СВА и АТР, месту и роли США в этих процессах.

В главе 2 исследована динамика исторического контекста политики правительства Б. Обамы в отношении стран СВА. Параграф 2.1. посвящён эволюции американского общества в параграфе 2.2 регион СВА проанализирован как эволюционирующая внешняя для США среда, выступающая исторически сложившейся региональной системой международных отношений, отличной от американских представлений, совокупностью региональных проблем, борьбой между экономической и военно-политической траекториями развития, что создаёт условия для противоречий внутри региональной политики США.

В главе 3 реконструирована структура социальных связей, влиявших на политику Б. Обамы в отношении СВА: в параграфе 3.1 была осуществлена реконструкция скрытых структурных связей между ведомствами исполнительной власти, в параграфе 3.2 была исследована роль Конгресса в региональной политике, выявлена неформальная сторона отношений законодательной и исполнительной власти в контексте политики в отношении СВА.

Глава 4 посвящена нарративному и культурному измерению курса Б. Обамы в отношении стран СВА. В параграфе 4.1. проанализирована интерпретация региональной политики, которая заключена в стратегии. Исследованы явные её характеристики, которые передаются с помощью текста, и выявлены скрытые управленческие тенденции, которые влияли на характер интерпретации. В параграфе 4.2. курс Б. Обамы в отношении стран СВА был сопоставлен с американской культурно-цивилизационной системой координат, которая позволила выявить влияние глубинных элементов американского коллективного бессознательного на конкретный внешнеполитический курс и стала одной из причин доминирования его политического измерения.

Глава 5 посвящена практической реализации региональной политики. В параграфе 5.1. изучен экономический и военно-политический курс в отношении Японии и Республики Корея как американских военно-политических союзников. В параграфе 5.2. проанализирована политика на северокорейском направлении как

курс в отношении КНДР непосредственно и как совокупность усилий по построению региональной архитектуры в контексте ядерной проблемы Корейского полуострова, параграф 5.3. посвящён политике США в отношении КНР, которая предполагала как построение двусторонних отношений, так и извлечение политических выгод пропагандистского характера.

В заключении дана оценка политике Б. Обамы в отношении США как многомерного исторического явления, которое характеризовалось комплексом противоречий.

Апробация. Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 31 работа общим объёмом 37 п.л., включая 1 индивидуальную монографию объёмом 10,45 п.л.[90], разделы в 2 коллективных монографиях общим объёмом 3,7 п.л.[91], 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК по специальности 5.6.2 – Всеобщая история[92] объёмом 17,5 п.л., а также в сборниках научных статей и материалах конференций [93] объёмом 5,35 п.л. Отдельные положения диссертационного

[90] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США…

[91] Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.; Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россиямежду двумя глобальными кризисами / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИП Шульга В.Б., 2022. 456 с.

[92] Болдырев В.Е. Интеграция Тихоокеанской России в АТР: взгляды правительства и бизнеса США // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С. 200 – 206.; Болдырев В. Е. Внешнеполитический процесс США: перспективы многофакторного анализа // Россия и АТР. – 2015 – № 1. – С. 14 – 24; Болдырев В. Е. Место Тихоокеанской России во внешнеполитическом процессе Соединённых Штатов Америки // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 143 – 153; Болдырев В. Е. Арктическая политика США и группы интересов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №7. – С. 26 – 36; Болдырев В.Е. Многофакторный анализ внешнеполитического процесса: теоретический аспект проблемы // Россия и АТР. – 2015. – № 1. – С. 57 – 68; Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство: новый фактор лидерства США в АТР и Тихоокеанская Россия // Россия и АТР. – 2016. – № 2. – С. 72 – 88; Болдырев В.Е., Мишин В.Ю. Политика США по либерализации левых режимов. Исторический опыт и перспективы курса в отношении КНДР // Россия и АТР. – 2017. – № 1. – С. 106 – 120; Ларин В.Л., Мишин В.Ю., Болдырев В.Е. Сценируемый круглый стол – новая методика прогнозирования внешней политики и международных отношений: результаты апробации // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. – №4. – С. 24–40; Болдырев В.Е. Принятие решений и адаптация органов исполнительной власти. Пример тихоокеанской политики Б. Обамы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2021. – Т. 26. – №4. – С. 222–235; Болдырев В.Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т.53. – №3, С. 47–62; Болдырев В.Е. Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. Т. 54. №4. С. 104–122; Болдырев В.Е. Деколонизация науки и знания о международных отношениях: постановка проблемы // Россия и АТР 2024. №2. С. 83–108; Болдырев В.Е. Курс США по построению Тихоокеанского региона. Место и роль Китая // Россия и АТР. –2024. –№4. –С. 5–29; Болдырев В.Е. Политика США по построению сетевого региона в тихоокеанском пространстве //США и Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – №3. – С. 72–85; Болдырев В.Е. Культурно-цивилизационное измерение политики Б. Обамы в отношении Северо-Восточной Азии: пролог к современной региональной архитектуре // Россия и АТР. – 2025. – №2. – С. 101–125; Болдырев В.Е.США: динамика развития сквозь призму общественных исследований // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – 2025. Т.49. – С. 7–28.

[93] Болдырев В.Е. Политика США в отношении КНДР после смерти Ким Чен Ира. Риски и угрозы для России // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-

исследования докладывались на 32 международных, Всероссийских и региональных конференциях, в т.ч. «Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?», (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, г., 27 мая 2016 г.); Международный научно-экспертный форум Примаковские чтения – 2018, «Риски нестабильного мира»; Международная научная конференция «Международные отношения в эпоху неопределённости». (Республика Сербия, г. Белград, Белградский национальный университет, 17–19 июня 2019 г.); 20-я Конференция Гонконгской ассоциации политических наук (24, 31 октября 2020 г.); XXVI IPSA Congress, International Political Science Association, Universidade Nova de Lisboa, 10–15 июля 2021 г.; «Теория и методология науки о международных отношениях» (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, 21–22 апреля 2022 г.); VI международная научно-практическая конференция молодых учёных Института истории НАН Беларуси «Ars Longa: научные достижения и перспективы». (ИИ НАН Беларуси, Белоруссия, г. Минск, 27–28 апреля 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Колониализм на Востоке: и его влияние на

Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы / Под ред. В.Л. Ларина, В.В. Кожевникова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с. С. 226–234; Болдырев В.Е. Экономическая политика США на Тихом океане // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности… С. 69–79; Болдырев В.Е. Культурно-цивилизационные основы внешней политики США: исторический аспект // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Том XVI. Культура России и сопредельных стран. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 208 с. С. 163 – 175; Болдырев В.Е. Исследование внешнеполитического процесса США. Состояние и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: Материалы III научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных Школы гуманитарных наук ДВФУ. Владивосток: ДВФУ, 2014. – 232 с. С. 55 – 59; Болдырев В.Е. США и Транстихоокеанское партнёрство: группы интересов и региональная политика // Американистика на Дальнем Востоке: Ежегодный бюллетень. Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Киреев, Н.В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – 62 с. С. 4 – 7; Болдырев В.Е. Ресурсы и ограничители экономической интеграцией Тихоокеанской России и США // У карты Тихого океана. № 41. (239). С. 25 – 29; Болдырев В.Е. Политика США в отношении КНДР: новые тенденции и перспективы // У карты Тихого океана. – № 46 (244). – С. 24 – 29; Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство и формирование новой архитектуры торгово-экономических отношений в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: конкуренция культур, государств, идей. XV Всероссийская научная конференция молодых учёных (Владивосток, 25 – 26 апреля 2016): материалы конференции / Отв. ред. И.В. Ставров. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 60 с. С. 15 – 17; Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство в стратегиях США и России в АТР // Мировое развитие. Выпуск 17. / Отв. Ред. К.Р. Вода. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 195 с. С. 67 – 79; Болдырев В.Е. Историческая наука и перспектива прикладных исследований АТР // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.) / Отв. Ред.: Ф.Е. Ажимов, М.А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 476 с. С. 195 – 199; Болдырев В.Е. Проблемы гуманитарных корреляций в новейшей социально-политической истории США // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодёжной научной школы-конференции с международным участием/ Под ред. М.А. Гордеевой, Т.И. Морозовой. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 432 с. С. 405–414; Болдырев В.Е. Политика США как фактор поведения КНДР: цивилизационный аспект // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – 458 с. С. 310–315.

современный мир», (Российское историческое общество, г. Владивосток, 10 сентября 2023 г.); Международный II Санкт-Петербургский конгресс международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 24–26 мая 2024 г.); Международная конференция молодых учёных и аспирантов «США в 2024 г.» (ИСК РАН, г. Москва, 24–25 октября 2024 г.); Международная научная конференция «Колониальная, неоколониальная и постколониальная политика Запада в исторической ретроспективе» (ИВИ РАН, г. Москва, 10–11 апреля 2025 г.), международный круглый стол «Разделённые морем – 2: Региональная интерпретация глобальных вызовов» (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 23 апреля 2025 г.), Международная научно-практическая конференция «Уроки Великой Отечественной и Второй Мировой войн: к 80-летию Великой Победы (ДВФУ, Российское историческое общество, г. Владивосток, 3 сентября 2025 г.), II Всероссийская научная конференция с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации» (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 21 – 22 ноября 2017 г.); Всероссийская молодёжная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (ИИ СО РАН, НГУ, г. Новосибирск, 27 – 29 сентября 2018 г.); XIV Съезд востоковедов России (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 23–26 сентября 2024 г.); Всероссийская конференция «Основные тенденции США во внешней политике XX – XXI вв.» (НИ ТГУ, г. Томск, 20–21 марта 2025 г.).

Глава 1. Политика США в отношении СВА в 2009–2016 гг. в оценках исследователей

Во введении уже были обозначены ключевые тенденции исследований, касающихся внешней политики США. В качестве ключевой проблемы большинства практических исследований видится их связь с конкретным моментом, вследствие чего анализ политики, которая реализовывалась на определённом хронологическом этапе, редко выходит за его пределы. Это порождает важнейшие характеристики такой историографии, которую, собственно, этим термином называть не совсем корректно, если следовать её классическому определению как истории исторической науки. Вследствие этого точнее будет говорить о наличии комплекса или совокупности исследований, которые посвящены некоторым отдельным характеристикам самой политики Соединённых Штатов в отношении СВА в период президентства Б. Обамы, системным условиям её реализации, которые носили внутренний или внешний характер. Немаловажным будет отметить, что подавляющее большинство этих исследований выполнено страноведами, политологами и экономистами, которые анализировали события того хронологического отрезка в соответствии с методологией своих дисциплин, неисторических по своей сути, при том что, по крайней мере, в России существует запрос на историческое осмысление политики США на Тихом океане[1].

Ключевыми характеристиками этой совокупности выступают эпизодичность, под которой понимается чёткая привязка к определённому, порой крайне короткому, мимолётному периоду хронологического времени, и реактивность, поскольку большинство исследований стало аналитической реакцией на внутреннее состояние США, их внешнюю политику, события и тенденции, происходящие в регионе СВА. Следствием этого стала неравномерность как количественного всплеска работ, так и их проблемного

[1] Губин А.В. Предпосылки современного китайско-американского противоборства // Общественные науки и современность. – 2024. – №2. – С. 23–39.

охвата. Наконец, это указывает на то, что их авторы зависели от господствовавших представлений, особенностей восприятия действительности, характерных для обществ, в которых они творили. Это в значительной мере предопределило доминирующие проблемы национальных и региональных историографий. В России контекстом выступили потребность глубже понимать тенденции экономической и политической жизни США, которые предприняли попытку перезагрузить отношения с РФ, а также стремление Москвы интегрироваться в АТР в условиях параллельной интенсификации тихоокеанской политики США. В Соединённых Штатах таковым стал курс на «перебалансирование» – «кардинальный поворот» в отношении Тихого океана. Для китайских исследователей ключевые проблемы лежали в плоскости китайско-американских отношений[2]. В странах АТР беспокойство вызывала конкуренция американского и китайского подходов к региону, её влияние на региональную динамику. Европейские исследователи стали уделять внимание роли Китая и России в АТР после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. Британские исследования были эпизодичны, что объясняется слабой вовлечённостью страны в региональные проблемы, но при этом касались ключевых проблем региональной системы.

Различия между национальными историографиями прослеживаются и на уровне доминирующих тенденций теоретико-методологической организации исследований. Для российских работ характерно присутствие трёх параллельных тенденций: стремление концептуализировать отдельные тренды на основе западных теоретических разработок, практический анализ текущих событий,

[2] В настоящем исследовании анализировались только те китайские исследования, которые были изданы на английском и русском языках и опубликованы или в англоязычных журналах, издаваемых в КНР, или в англоязычных журналах, издаваемых в Европе и США, или в журналах, издаваемых в России, как наиболее доступные для российского исследователя, владеющего английским языком. В связи с этим во внимание нужно принять следующие соображения. Во-первых, из-за широкой интернационализации науки в 2000–2010- х гг. нормой были зарубежные академические стажировки и международные исследовательские группы, что затрудняет вычленение подлинной позиции китайских исследователей из работ, подготовленных в рамках соответствующих программ. Во-вторых, публикация в изданиях разных стран предполагает учёт разных стандартов научного жанра, а значит и разного аналитического языка, который в одном случае может быть более теоретичен, но не отрываться от практических явлений, во втором случае будет перевешивать реконструкция событийной последовательности, в третьем случае язык будет концептуален. В-третьих, в Китае подготовка статей, ориентированных на зарубежную аудиторию, предполагает адаптацию национальной исследовательской логики мышления сообразно запросам той аудитории, на которую рассчитаны публикации. Более того, для Китая является нормой подавать информацию для внешнего мира дозированно независимо от того, к какой области общественных (политических, экономических, научных и т.д.) отношений она относится.

готовность предлагать свою концепцию, отталкиваясь от событийной динамики. Для американской историографии характерно большое влияние теоретико-методологических установок, концентрация на исследовании сравнительно узкой проблемы, существенное значение мировоззренческих установок. Китайские исследователи, как правило, стремятся концептуализировать и «систематизировать» действительность, отталкиваясь от неё. Для других стран АТР характерно соседство ключевой тенденции китайских исследований со стремлением внедрить технологические и теоретико-методологические преимущества западной науки. Британским исследованиям присуща большая теоретико-методологическая фундаментальность, которая позволяет реконструировать сложную структуру проблемы, вскрывая неявные, подспудные связи между её элементами, которые определяют динамику. Европейские исследователи также уделяют значительное внимание теории и методологии, но в отличии от британских коллег используют её для максимально полной реконструкции текущего момента.

В то же время нельзя не отметить важную черту общественных исследований конца 2000-х – 2010-х гг. Для этого периода была характерна очень высокая мобильность исследователей: заграничные стажировки, длительные контракты с иностранными исследовательскими центрами, международные гранты и исследовательские команды были нормами того времени для академического сообщества. Вследствие этого подчас трудно отнести то или иное исследование к конкретной национальной школе. Не зная всех подспудных элементов каждого случая исследовательской повседневности, нельзя чётко ответить на вопрос: реализует ли учёный на практике теоретико-методологические наработки организации, в которой подготовлено исследование, или он транслирует взгляды, характерные для той научной школы, которая его подготовила прежде? А как быть в том случае, если мы имеем дело с результатами работы международной команды?

Вследствие этого, анализ прежде проведённых исследований организован по проблемному принципу. Всего выделяется три категории связанных с политикой

США в отношении СВА проблем, которые в той или иной степени были исследованы в разных странах и регионах:

- внутренние тенденции развития США,
- внешняя политика США в отношении стран СВА как части АТР,
- региональные тенденции в АТР и СВА, формирующие их архитектуру, логику и принципы взаимодействия между странами, и место США в них.

1.1 Внутренние тенденции развития США в оценках исследователей

Поскольку настоящая работа посвящена проблемам внешней политики Соединённых Штатов, логичнее начать историографический обзор с исследований, посвящённых особенностям их внутреннего состояния, которые определили общие и специфические черты внешнего курса США, который хронологически пришёлся на период президентства Б. Обамы.

Наиболее обширный пласт работ связан с экономическим развитием и экономической политикой 44-го президента. Самое подробное исследование, посвящённое общему состоянию и перспективам развития американского хозяйства, было подготовлено коллективом экономистов ИСК РАН[3]. Значительное место в нём уделяется экономическому положению и политике Б. Обамы. Не вдаваясь в подробный анализ этого всеобъемлющего исследования, остановимся только на наиболее значимых в контексте настоящей работы моментах.

В целом, в монографии выделяется ряд отличительных черт экономической ситуации в США после кризиса 2008 г. К ним отнесены: медленный рост производства, занятости и экономической активности; более высокий рост частных инвестиций и доходов корпораций; низкий уровень кредитной активности; отсутствие отраслей, способных стать локомотивами восстановления, при росте значения научно-технического комплекса для экономики, что при существовавшей модели должно было иметь отложенный эффект; сильно возросшая зависимость потребителей и производителей от разных видов государственной поддержки;

[3] Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции / Под ред. В.Б. Супяна. М.: Весь Мир, 2018.

следование старым концептуальным моделям при решении внешнеэкономических проблем. В то же время авторы не всегда последовательны в оценках экономического курса Б. Обамы. С одной стороны, в монографии содержится критика за медленное восстановление хозяйства, неэффективное использование финансовых и регуляторных инструментов, отсутствие принципиально новых идей для анализа существующего положения и трансформации модели экономического развития. С другой стороны, экономический рост, имевший место быть в 2014–2015 гг., приписывается к успехам демократического правительства, несмотря на его остальные неудачи.

Более полную картину оценок позволяет дать анализ статей, посвящённых экономической проблематике. Как и в отмеченной выше монографии доминирующей стала тема выхода США из экономического кризиса. Раньше всего она была поднята В.С. Васильевым и Е.А. Роговским [4]. Характеризуя антикризисную стратегию Б. Обамы, они обратили внимание, что демократический президент следует логике традиционного со времени Р. Рейгана республиканского курса, ставя во главу угла налоговые сокращения. В дальнейшем, проводя обозначенную в этой статье линию на проведение исторических параллелей, авторы предприняли попытку поставить экономическое исследование на исторические «рельсы». По-видимому, принимая во внимание исследование В.Н. Гарбузова[5] по экономической истории, Е.А. Роговский и В.С. Васильев, опираясь на концепцию циклов американской истории А.М. Шлезингера-мл. в классическом её виде, сделали, хотя и неудачную, попытку спрогнозировать начало нового исторического цикла США на основе социально-экономических данных[6].

В дальнейшем на следование рейгановским рецептам экономического курса обратил внимание В.Б. Супян [7]. Одновременно он указал на особенности хозяйственного развития, благоприятствовавшие восстановлению: потенциал

[4] Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т. Гайтнера // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – №4. – С. 3–29.
[5] Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана…
[6] Роговский Е.А., Васильев В.С. Идейное оправдание экономической политики Б. Обамы // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №10. – С. 47–66.
[7] Супян В.Б. Мировой кризис и перспективы американской экономики // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 8. – С. 3–16.

мелкосерийного производства, рост наукоёмких производств, сетевой характер ряда фирм, компьютеризация и цифровизаия управления[8]. На практике ключевыми локомотивами по выходу экономики из кризиса стали сфера услуг, НИОКР и наиболее передовые отрасли машиностроения[9]. К немаловажным факторам роста В.Б. Супян отнёс и соблюдение авторских и патентных прав[10].

Проводя комплексный анализ состояния экономики США в послекризисный период, В.Б. Супян[11] констатирует, что она сохранила позиции мирового лидера по ряду показателей: структура хозяйства и занятости, место в мировой торговле, технологичные производства, высокая добавленная стоимость. В то же время её внутреннее измерение характеризовалось рядом проблем, среди которых выделялись медленный рост, медленное восстановление рынка труда, усилившееся расслоение общества[12]. Медленный, в целом, выход экономики США из кризиса позволил В.М. Шавкунову [13] характеризовать её состояние как вялотекущая рецессия, которая закончилась в 2013 г. ввиду роста занятости и сокращения мер государственной поддержки.

По мнению отдельных экономистов, общий вектор хозяйственного развития США был предопределён системными условиями и характеристиками национальной экономики, стал результатом системных и структурных трансформаций, которые начались в 1980-е гг. и получили мощный импульс с 1990-е – 2000-е гг.

Анализируя роль кризиса 2008 г. для развития американской экономики, А.А. Пороховский[14] выделил три тенденции её структурной перестройки: рост сектора

---

[8] Супян В.Б. США: уроки кризиса // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №8. – С. 3–18.
[9] Супян В.Б. Послекризисное развития экономики США: новые вызовы // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 3–17.
[10] Супян В.Б. Перспективы экономического восстановления в США // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 3–16.
[11] Супян В.Б. США в мировой экономике: перспективы сохранения лидерства // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №7. – С. 3–16.
[12] Супян В.Б. Экономика США: тенденции и вызовы текущего десятилетия // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №6. – С. 3–18.
[13] Шавкунов В.М. Вялотекущая рецессия в США: новые явления и закономерности // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №1. – С. 39–51.
[14] Пороховский А.А. Структурные изменения американской экономики после кризиса 2007–2009 гг. // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 3–18.

науки и НИОКР, повышение технологичности отраслей, вследствие чего произошла их более дробная специализация.

Очень близкую оценку состояния хозяйства США дал А.Ю. Давыдов.[15] Он выявил ряд ключевых структурных трансформаций американской экономики, которые характеризовали её к началу кризиса 2008 г. В их числе рост компьютеризации и наукоёмкости, стремление ускорить и удешевить производственные процессы, усиление экспортной ориентации сельского хозяйства, снижение доли традиционных производств товаров широкого потребления и рост доли производств композитных материалов и изделий из них. С учётом приведённого системного состояния логичными выглядят векторы экономического курса Б. Обамы, обеспечившие рост хозяйства. К ним А.Ю. Давыдов [16] отнёс повышение технологичности машиностроения, цифровизация здравоохранения, внедрение нанотехнологий, модернизация инфраструктуры.

Оценивая состояние высокотехнологичных отраслей машиностроения к середине 2010-х гг., В.Г. Варнавский [17] подчёркивал, что, несмотря на противоречивость тенденций, отрасль остаётся локомотивом развития американской экономики. Хотя количество предприятий, инвестиции и уровень занятости в ней сократился, она смогла увеличить объём производства, быть лидером по внедрению новых технологий и по трудоустройству наиболее квалифицированных кадров. За счёт этого удалось повысить эффективность производства в американской индустрии, в целом.

Выход США из кризиса, обозначившийся к 2013 г., породил дискуссию о дельнейшем векторе развития хозяйства. А.А. Парканский[18] на примере торгово-экономических отношений с Китаем утверждал, что экспортная ориентация сохранит свою значимость, поскольку вносит существенный вклад в создание

[15] Давыдов А.Ю. Структурные изменения в американской экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №11. – С. 35–47.
[16] Давыдов А.Ю. Новые факторы роста американской экономики // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №2. – С. 4–21.
[17] Варнавский В.Г. Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №2. – С. 34–46.
[18] Парканский А.А. Мифы и реалии американо-китайских экономических отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 19–35.

рабочих мест, а их число компенсирует закрытые вакансии вследствие выноса производств. Как следствие, мнение о том, что связи с КНР негативно влияют на занятость внутри США, в статье было представлено преувеличенным. М.А. Потапов выразил это мнение таким образом, что китайская и американская экономика оказались настолько связаны друг с другом, что именно в этой связи лежит ключ к их посткризисному восстановлению[19].

Э.В. Кириченко в своих оценках заняла промежуточную позицию. Она выделила два столпа его будущего развития: либерализм и рост инновационного начала. На момент исследования, когда исчерпание ресурсов либерализма ещё не было столь очевидным, эти два фактора трактовались как взаимосвязанные, взаимодополняющие, способные обеспечить в будущем благоприятную для американской экономики траекторию и сохранить её глобальное лидерство. Более того, автором подчёркивается, что объективное усиление инновационного и промышленного начал стало причиной того, что в ходе предвыборной гонки 2012 г. Б. Обама обратился к проблеме реиндустриализации[20].

Подчёркнуто противоположную точку зрения заняла группа О.И. Маликовой [21], которая утверждала, что реиндустриализация США является долгосрочной тенденцией экономического развития, чему в немалой степени способствовало оживление добывающей отрасли, позволившей удешевить ряд химических и машиностроительных производств. С.А. Толкачёв и А.Ю. Тепляков[22] в свою очередь указали, что общий тренд на реиндустриализацию нашёл активную поддержку среди штатных правительств, хотя она и имела отличия от одного штата к другому: в одних поддерживались традиционные старые отрасли, в других – отрасли традиционной машиностроительной специализации, в третьих – передовые наукоёмкие производства. Это позволило им говорить о решоринге как

[19] Потапов М.А. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №3. – С. 90–96.
[20] Глобальная перестройка / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014. С. 93–116.
[21] Маликова О.И., Побываев С.А., Толкачёв С.А. Энергосырьевые факторы и перспективы реиндустриализации экономики США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №9. – С. 3–22.
[22] Толкачёв С.А., Тепляков А.Ю. Региональная промышленная политика и решоринг в США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №10. – С. 56–72.

о долгосрочной тенденции американского хозяйства, имеющей определённую государственную опору.

Подводя итог обзору экономической дискуссии, можно констатировать, что, в целом, исследователи были едины в том, что Б. Обама, декларировавший приверженность рузвельтовской социально экономической традиции, последовал устойчивым, привычным, нормальным рецептам экономического восстановления, которые были предложены командой Р. Рейгана в начале 1980-х гг. Ключевые усилия 44-го президента были связаны с обеспечением технологического лидерства США и поддержания соответствующей структуры экономики, т.е. они были направлены на поддержание жизнеспособности естественно сложившихся хозяйственных процессов. В то же время по вопросу о путях послекризисного развития Соединённых Штатов возникла дискуссия, характеризовавшаяся доминированием двух противоположных точек зрения: согласно первой экономика продолжит развиваться по накатанному пути выноса производств и либеральных рецептов существования, согласно второй основой дальнейшего развития станет реиндустриализация, одной из форм которой выступал решоринг.

Второй пласт исследований связан с партийно-политическим и общественно-политическим развитием США. Попытку наиболее целостно реконструировать их с учётом длительных тенденций исторического развития американского общества предприняла Н.М. Травкина. И хотя подавляющая часть её исследования касается первого президентства Д. Трампа, она даёт очень интересную характеристику историческому периоду, на который пришлось президентство Б. Обамы. Во-первых, со второй половины 1970-х гг. существенно расширяется круг лиц, претендующих на должность президента США сначала за счёт губернаторов, затем за счёт сенаторов, которые заняли свои места сравнительно недавно и потому не имели прочных и разветвлённых связей в Вашингтоне, и наконец за счёт лиц, которые на протяжении многих лет были сенаторами, прочно вписались в вашингтонское общество, но при этом сохраняли за собой имидж внутрипартийного диссидента. Во-вторых, своеобразной чертой американской политики 1980-х – начала 2010-х гг. Н.М. Травкина называет семейное

противостояние Бушей и Клинтонов, что позволяет охарактеризовать этот периодом нехарактерного для США «династического правления». Нарастание нетипичных социально-политических явлений в среде американского истэблишмента, пик которых пришёлся на вторую половину 2000-х – середину 2010-х гг., по мнению Н.М. Травкиной свидетельствовало, что страна подошла к переломному моменту своего развития.[23].

Все остальные исследования, посвящённые социально-политическим проблемам Соединённых Штатов, можно разделить на несколько меньших групп. Первая из них представлена статьями, посвящёнными Б. Обаме, его месту и роли в американском политическом раскладе.

Н.М. Травкина[24], уделяя значительное место биографии Б. Обамы, на тот момент ещё кандидата в президенты, обратила внимание на ряд системных особенностей. Во-первых, его быстрый взлёт стал следствием того, что дала сбой традиционная для обеих партий схема политического мышления, что внутренние проблемы США можно решить за счёт внешней политики. Во-вторых, она обратила внимание на расхождение социальной базы, к которой изначально обращался Б. Обама, баллотируясь в Сенат, и которая его поддерживала в ходе президентской гонки. В первом случае делалась ставка на рабочих, ставших жертвами деиндустриализации, во втором случае поддержка исходила от афроамериканцев, поколения миллениалов и людей с высшим образованием.

Тем не менее, по мнению Н.А. Косолапова на президентских выборах 2008 г. решающим фактором, превосходящим по значимости другие, стал идейный кризис Республиканской партии[25]. Близкой точки зрения придерживается и группа Т. Осборн. Она выявила, что победа Б. Обамы была обеспечена не за счёт мобилизации электората, а благодаря антиреспубликанскому протесту последнего[26]. Качественных причин этого явления вскользь касается Н.М.

[23] Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018.
[24] Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. – №9. – С. 3–36.
[25] Косолапов Н.А. Новая администрация США: наследие, проблемы, задачи // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №4. – С. 22–34.
[26] Osborn T., McClurg S.D., Knoll B. Op. cit.

Травкина, указывая, что к ним относилась не только усталость американского общества от войн в Ираке и Афганистане, но и глубокий внутрипартийный протест, который выразился в выдвижении кандидатом в президенты Дж. Маккейна, чуждого традициям республиканского истэблишмента[27].

Т. Мэйск и А.Е. Шоки указывают также на большую роль протестов внутри Демократической партии и её электората против доминирования партийного истэблишмента, который на праймериз представляла Х. Клинтон[28]. М.М. Францу и Т.Н. Ридауту в ходе анализа предвыборной кампании удалось выявить модели стратегического поведения Б. Обамы: рекламировать себя, создавая «собственное поле» в СМИ отдельных ключевых городов, централизовать низовую поддержку, чтобы не зависеть от поддержки групп интересов по не исходящим от него каналам[29].

Поскольку уже на этапе вхождения Б. Обамы в верхние эшелоны власти исследователи обращали внимание на то, что 44-й президент оказался под влиянием широкого спектра разнородных факторов, в дальнейшем они акцентировали внимание на противоречивости его положения, политики, поведенческой стратегии.

При анализе экономической команды 44-го президента Н.М. Травкина[30] обратила внимание, что большинство лиц, занявших в ней ключевые посты, имели опыт в правительствах Р. Рейгана и У. Клинтона, т.е. обладали опытом управления экономикой в духе неолиберализма, хотя прежде Б. Обама демонстрировал приверженность рузвельтовским идеалам.

Также Н.М. Травкина[31] указывала и на объективные проблемы политической системы США, которая, по её мнению, в начале XXI в. вступила в полосу кризиса: авторитет института президентства оказался морально подорванным в глазах

---

[27] Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития… С. 19.
[28] Maske, T., Shokhey, A.E. Revisiting the Divisive Primary Hypothesis: 2008 and the Clinton–Obama Nomination Battle // American Politics Research. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 233–265.
[29] Franz M.M., Ridout T.N. Political Advertising and Persuasion in the 2004 and 2008 Presidential Elections // American Politics Research. – 2010. –Vol. 38. – № 2. – P. 303–329.
[30] Травкина Н.М. Ключевые фигуры экономической команды Б. Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 6. – С. 37–54.
[31] Травкина Н.М. 2010: США перед выбором // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №9. – С. 19–40.

общественности, выросло влияние третьих партий и низовых политических объединений, а среди управленцев доминировали те, кто сформировался в спокойное бескризисное время 1990-х гг. Эта тенденция, по её мнению, подтверждалась победой республиканцев на промежуточных выборах 2010 г.[32]

Ряд исследований посвящён проблемам построения двухпартийного консенсуса Б. Обамой. Фоном для этого, по мнению Э.В. Кириченко стал финансовый кризис [33], который был использован для учёта общественных настроений[34], и попытки администрации построить двухпартийный консенсус в ходе обсуждения государственного финансирования НИОКР, закончившейся с прямо противоположным результатом: началась консолидация Республиканской фракции[35]. Этому в немалой степени способствовала разница партийных подходов к пониманию природы и причин кризиса, на которую обратил внимание В.С. Васильев [36]. Так, конгрессмены-демократы делали акцент на субъективных причинах кризиса, связанных с управлением экономикой, а конгрессмены-республиканцы считали кризис 2008 г. следствием объективных тенденций, происходивших из особенностей существовавшего хозяйства.

Вследствие неудачи партийно-политическая стратегия Б. Обамы стала приобретать причудливые очертания. А. Дж. Кларк[37] указал на попытки президента играть на фракционной неоднородности оппонентов, вследствие чего был вынужден попеременно то опираться на поддержку Демократической партии, то блокироваться с оппозицией с целью тактически оппонировать своим сторонникам.

---

[32] Травкина Н.М. Итоги промежуточных выборов 2010 г. и политические перспективы Б. Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №3. – С. 3–21.

[33] Кириченко Э.В. США: год президентских выборов и преодоления финансового кризиса. // Год планеты. Выпуск 2008 г. / Под ред. В.Г. Барановского. М.: Наука, 2008. С. 203–215.

[34] Кириченко Э.В. США: стратегия выхода из кризиса // Год планеты. Выпуск 2010 г. / Под ред. В.Г. Барановского. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 159–171.

[35] Кириченко Э.В. США: проблемы государственного долга и бюджетного дефицита // Год планеты. Выпуск 2011 г. / Под ред. В.Г. Барановского. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 244–256.

[36] Васильев В.С. «Из тени в свет пролетая» и обратно: анатомия финансовых потрясений // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №7. – С. 3–23.

[37] Clarke, A.J. Party Sub-Brands and American Party Factions // American Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 64. – № 3. – P. 452–470.

Столь неумелая стратегия, по оценкам Н.М. Травкиной[38], предопределила результат промежуточных выборов 2014 г. как переломный. Комментируя его, она констатировала, что длительный саботаж внутриполитической повестки 44-го президента республиканцами укрепил их позиции перед президентскими выборами 2016 г. Кроме того, усилились и позиции крупного капитала. Это позволило Н.М. Травкиной назвать 2014 г. «концом» президентства Б. Обамы.

Ещё один блок статей посвящён партийной эволюции. Прежде всего, в них исследователи касаются Республиканской партии. Д. Кэмпбелл и Р. Патнам[39] проанализировали влияние религии на партийно-политические процессы в США. Они пришли к выводу, что со второй половины 1970-х гг. этот фактор стал оказывать заметное влияние на выборы. Это связано с тем, что большинство религиозных организаций стало ориентироваться на Республиканскую партию, их влияние было существенно и при создании Чайной партии. В то же время Демократическая партия стала опираться, главным образом, на светский электорат, представленный, преимущественно, молодым поколением. Аналогичные тенденции независимо выявил и М.А. Алхименков[40].

Более дробно процесс эволюции Республиканской партии интерпретирован В.Н. Гарбузовым[41]. Для этого он использовал понятие консервативных «волн», которые характеризуют и развитие самой партии, и той части общества, на которую она опирается. Это позволило выявить целый ряд факторов, влиявших на партийную трансформацию: выдвижение кандидатов в президенты, внутрипартийные и межпартийные перегруппировки, спонтанная реакция, приспособление к объективной действительности, организация низовой массовой поддержки. В случае с избранием Б. Обамы на пост президента имели место быть спонтанный ответ на победу представителя либеральной части общества и

[38] Травкина Н.М. «Конец» президентства Б. Обамы (по итогам промежуточных выборов в Конгресс) // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №1. – С. 65–77.
[39] Campbell D.E., Putnam R.D. God and Cesar in America. Why Mixing Religion and Politics Is Bad for Both // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 34–43.
[40] Алхименков М.А. Религиозные аспекты внешнеполитических постулатов Республиканской партии США: консервативная эволюция 2008–2011 гг. // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 38–54.
[41] Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны…

организация в этих условиях «Чайной партии», массового низового движения, которое, подобно «новым правым» в конце 1970-х гг., обеспечивало широкую поддержку консервативных идей в народе и популяризировало их.

Ещё ряд исследований касается фактора «Чайной партии». У.Р. Мид [42] предпринял попытку спрогнозировать её влияние на партийный и политический расклад в США. Главным образом, он обратил внимание на пёстрый состав группы, объединившей представителей разных правых направлений, придерживавшихся популистской риторики. С учётом прочных связей правых с Республиканской партией, прогнозировалось, что в течение президентского срока Б. Обамы она не окажет влияния на внешнюю политику США, однако её фактор будет прямо связан с перестройкой «Великой старой партии». Г.А. Мирзаян [43], в свою очередь, указывал на существенное поправение республиканцев с началом 2010-х гг., занятие ими ультраконсервативных позиций.

Как результат этих изменений, по оценкам Н. М. Травкиной и С.А Маргеловой[44], в 2014 г. в контексте внутриполитической повестки две ведущих партии заняли строго антагонистические позиции, при этом Республиканская партия ввиду недовольства электората руководителями фракций в Конгрессе, роста популярности Чайной парти и смены поколений в руководящих эшелонах вступила в состояние обновления.

В целом, представленный спектр мнений и оценок, даёт основание говорить, что на внутриполитическом поприще Б. Обама оказался противоречивой фигурой, политиком, оказавшимся неспособным построить собственную стабильную стратегию, укреплявшую его позиции и позиции правящей партии, и ослаблявшую положение оппозиции. Последняя же наоборот, как считают исследователи, воспользовалась просчётами президента и укрепила свои позиции.

---

[42] Мид У.Р. «Движение чаепития» и американская внешняя политика // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т.9. – №3. – С. 64–79.

[43] Мирзаян Г.А. Итоги президентских выборов в США и их последствия для Республиканской партии и американской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – №4. – С. 30–38.

[44] Травкина Н.М., Маргелова С.А. Демократы и республиканцы перед выборами в США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №7. – С. 53–71.

Этот процесс, по оценкам А.А. Попова, набрал полную силу в 2012 г. в ходе всеобщих выборов[45]. Одну из важнейших линий межпартийного разлома О.А. Тимофеев связывал с политикой в отношении Китая[46]. С.М. Труш[47], анализируя проблемы, поднимавшиеся в полемике между кандидатами в президенты, пришёл сначала к иному выводу: с 2012 г. стал формироваться двухпартийный антикитайский консенсус, а его основой выступило недовольство положением в американской экономике. Однако, в дальнейшем он[48] проанализировал, как группы интересов формировали отношение Вашингтона к Пекину, и занял точку зрения более близкую к позиции О.А. Тимофеева. Первая из групп выступала за либерализацию торгово-экономической политики КНР, чтобы обеспечить экономическую экспансию американского капитала на китайской территории, вторая была заинтересована в раздувании образа «китайской угрозы» и обеспечения контрактов в сфере безопасности.

Проблема групп интересов получила эпизодические освящение и в других исследованиях. Так Д.Б. Графов указал, что с 2008 г. усилился китайский лоббизм в США, что повлекло рост антикитайских отношений в американских политических кругах[49]. С.С. Костяев[50] в свою очередь обратил внимание на то, что усилился лоббизм южнокорейской автомобильной промышленности, которая прикладывала наибольшие усилия с целью добиться максимально быстрой ратификации ССТ между РК и США.

По сути, ей противостояла изменившаяся машина экономического лоббизма США, исследованная южнокорейским американистом Чхве Ён Ми[51]. Он проанализировал расклад голосов в Конгрессе по признакам принадлежности к

---

[45] Попов А.А. Выборы-2012 в США: основные результаты // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №2. – С. 3–18.

[46] Тимофеев О.А. Тема отношений США с КНР в президентской кампании 2012 года // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №2. – С. 47–56.

[47] Труш С.М. Выборные циклы в США и КНР: следствия для двусторонних отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №3. – С. 21–36.

[48] Труш С.М. Отношения КНР – США: диалог новых администраций // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №5. – С. 23–36.

[49] Графов Д.Б. Китайский лоббизм в США // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №6. – С. 25–32.

[50] Костяев С.С. Корейское лобби в США: соглашение о свободной торговле, военное сотрудничество // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №8. – С. 95–101.

[51] Choi Young Mi. Constituency, Ideology and Economic Interests in U.S. Congressional Voting: The Case of the U.S. – Korea Free Trade Agreement // Political Research Quarterly. – 2015. – Vol. 68. – №2. – P. 266–279.

партии и группам интересов в контексте ратификации американо-южнокорейского ССТ и отметил, что этот процесс высветил следующие особенности голосования по внешнеэкономическим вопросам. Первая из них заключается в том, что здесь большую роль играют секторальные коалиции, которые формируются по принципу поддержки отдельной отрасли независимо от того, чьи интересы отстаивают депутаты, рабочих или корпораций. Вторая заключается в том, что в процессе подготовки голосования и обсуждения соглашения значимое место сохраняют традиционные групповые ориентации конгрессменов, касающиеся проблем безопасности, поддержки бизнеса, защиты рабочих, поддержки консерватизма или либерализма и т.д. Такая перестройка структуры горизонтальных взаимодействий позволила автомобильной отрасли США добиться значимого для себя пересмотра текста соглашения, получив выгоды на внутреннем и корейском рынках.

Незначительное количество исследований, посвящённых влиянию внешних факторов на внутриполитическое положение в США, в целом, позволяют выделить ключевую тенденцию лоббирования интересов: заинтересованные в каких-либо ограничениях группы консолидировались, формировали образ некоторой «угрозы», мобилизовывали сторонников в политических кругах с целью добиться решения, удовлетворявшего интересам определённой отрасли.

В целом, результаты исследований, посвящённых внутреннему развитию США в 2008–2016 гг., свидетельствуют о следующей эволюционной картине.

Ключевым фактором был экономический кризис 2008 г., который определил большинство действий 44-го президента внутри страны. Нормализация хозяйственного развития к 2013 г. была обеспечена рецептами Р. Рейгана и стремлением поддерживать естественные экономические процессы. Дальнейшее развитие характеризовалось противоборством двух тенденций: выноса производств, характерного для либерального этапа развития экономики, который уходил корнями в реформы Р. Рейгана, и реиндустриализации, нового явления для американской экономики.

Ослабление позиций Республиканской партии Б. Обама попытался использовать для построения межпартийного консенсуса на основе антикризисной

повестки, однако в результате получил постоянно усилившуюся консолидацию оппозиции.

Наконец, росло противостояние экономических групп интересов: одни выступали за сохранение либерального курса, вторые настаивали на ограничениях, используя для этого разные политические контексты, в т.ч. внешнеэкономический.

Иными словами, результаты исследований свидетельствуют, что внутреннее положение США при Б. Обаме характеризовалось постепенным усилением двух важнейших разделительных линий: экономической между сторонниками либерализма и реиндустриализации и партийно-политической между двумя ведущими партиями.

В то же время такая реконструкция внутренних процессов в Соединённых Штатов сводит их к сравнительно простой бинарной картине, что, во-первых, исключает из аналитического поля другие разделительные линии, а, во-вторых, несмотря на отдельные аналитические достижения, прячет разные грани происходящих изменений за общими процессами. Таким образом, влияние эволюции американского общества, как сложно организованного процесса, состоящего из множества меньших по масштабу и хронологически ограниченных процессов, которые в том или ином социальном контексте способны принимать разные значения, на американскую политику в отношении СВА в 2009–2016 гг. остаётся слабо изученной, что обусловлено большим вниманием к анализу самих явлений в США, нежели их влиянию на внешнюю политику.

1.2 Региональный курс США в оценках исследователей

Исследования, посвящённые внешнеполитической проблематике, могут быть объединены в пять тематических блоков: общие стратегические и политические рамки, процесс принятия внешнеполитических решений, взаимосвязь между процессом принятия решений и внешнеполитической стратегией, отдельные функциональные направления внешней политики (торгово-экономическое и военно-политическое) и политика США в отношении отдельных

стран региона и отношения с ними с особым акцентом на политику и взаимодействие с Китаем.

Первое из перечисленных тематических направлений, посвящённое общим рамкам внешнего курса Б. Обамы, представлено, главным образом, политологическими исследованиями. Среди них выделяется более узкая специализация.

Так ряд работ посвящён исключительно общим характеристикам внешней политики 44-го президента, а также проблеме её транзита от Дж. Буша-мл.

С. Брукс и У. Уолфорт[52], в целом, позитивно оценили приход Б. Обамы. По их мнению, 44-й президент, был способен изменить одну из важнейших тенденций внешней политики. Авторы исходили из того, что алармистский курс его предшественника мешал США активно трансформировать многосторонние организации. Б. Обаму же они называют лидером, способным возглавить процесс реформ и ревизии многосторонних организаций, обеспечив выгоды для американского положения в мире и перенастроив связи в интересах Соединённых Штатов.

В статье 2010 г. Дж. Дамбрел [53] констатирован упадок Америки. Если следовать логике изложения, ключевая проблема заключается в том, что до 2006 г. в политической среде США господствовал триумфализм, который столкнулся с полосой неудач ближневосточной политики Дж. Буша-мл. и подъёмом Китая, вследствие чего вступил в полосу кризиса. Вследствие этого Б. Обама начинал политику в условиях следующего контекста: ухудшение функционирования политического процесса, рост общественных дискуссий, невозможность сформировать двухпартийную повестку, а также подрыв американского имиджа на международной арене. Это вынудило 44-го президента пересматривать внешнюю политику, адаптировав её в соответствии с новыми условиями. С.М. Рогов[54], В.А.

[52] Brooks S.G., Wohlforth W.C. Reshaping the World Order. How Washington Should Reform International Institutes // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – №2. – P. 49–63.
[53] Dumbrell J. American Power: Crisis or Renewal // Politics. – 2010. – Vol. 30. – № S1. – P. 15–23.
[54] Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 3. – С. 3–22.

Кременюк[55], А.Ф. Клименко, А.В. Болятко и А.С. Давыдов[56] связывали эту адаптацию с методами «мягкой» и «умной силы». Их использование, по мнению П.А. Карасева[57], стали результатом длительной эволюции отношения сотрудников госдепартамента к информационно-коммуникационным технологиям, которую верно уловила Х. Клинтон, возглавив внешнеполитическое ведомство.

Этой основной точке зрения, представители которой больше обращали внимание на «фактор Обамы», противостояла другая, которой придерживались исследователи, изучавшие системные (структурные или динамические) условия внешней политики 44-го президента.

Авторский коллектив, подготовивший раздел о месте роли США в мире для труда «Россия в полицентричном мире», исходит из того, что к началу президентского срока Б. Обамы Соединённые Штаты находились в состоянии кризиса, затрагивавшего широчайший спектр общественных и политических отношений, который дополнялся кризисом идеи однополярного мира. Это определило внешнюю политику Б. Обамы, который, с одной стороны стремился преодолеть элементы кризиса в экономической и доктринальной областях, но, с другой стороны, оказался заложником объективной внутренней американской действительности. Вследствие этого внешняя политика характеризовалась следующими тенденциями:

- продвижение либеральных ценностей в рамках двусторонних отношений, чтобы смягчить кризис идеи однополярности,

- следование устоявшимся доктринальным взглядам в военной и военно-политической области,

- попытка реализовать внешнюю политику компромиссного характера, одни положения которой удовлетворяли бы демократической повестке, а другие – республиканской[58].

---

[55] Кременюк В.А. Внешняя политика президента Б. Обамы: поиски выхода из кризиса // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №6. – С. 3–20.

[56] Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии / Под ред. Д.В. Гордиенко. М.: ИДВ РАН, 2012. 232 с.

[57] Карасев П.А. Новые информационные технологии во внешней политике США// Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №5. – С. 53–62.

[58] Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь мир, 2011. С. 173–217.

Австралийский исследователь Нгуен Тхи Тху Ханг[59] предпринял попытку опровергнуть мнение, что политика Б. Обамы в АТР носила идеалистический характер[60]. По результатам проверки своего предположения, автором был сделан вывод о том, что тихоокеанский курс 44-го президента имел реалистический базис и идеалистическую надстройку. К базису были отнесены усиление военного присутствия США в регионе и ставка на укрепление союзнических отношений. Надстройку представляли многосторонние форматы и приверженность к продвижению демократических ценностей и прав человека.

Т.А. Шаклеина [61] касается, главным образом, глобального измерения внешней политики Б. Обамы. Несмотря на мирную предвыборную риторику и более выдержанный тон официальных документов, по её оценкам, стратегия 44-го президента была преемственной по отношению к стратегии Дж. Буша-мл. Такое положение объясняется парадигмой, доминирующей во внешнеполитической мысли после Второй Мировой войны. Её ключевые компоненты связаны с глобальным военным присутствием, поддержанием дееспособности вооружённых сил, глобальным интервенционизмом. Кроме того, по мнению автора, проблемой для Б. Обамы на пути преодоления стратегического наследия прошлого стало отсутствие харизматической личности в демократических рядах, что создавало условия, благоприятные для активизации Республиканской оппозиции и её атаки на внешний курс демократического правительства.

Американисты исследовали, как общие рамки курса находили отражение в практической плоскости. Значимое место здесь занимает анализ стратегий Б. Обамы, имевших внешнеполитическое измерение. В.Н. Конышев, А.А. Сергунин[62] изучили стратегию национальной безопасности США с позиций формальной

[59] Nguyen Thi Thui Hang. The US Rebalance towards the Asia-Pacific: Really Realist? // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – № 3. – P. 291–306.

[60] Здесь, по-видимому, не учитывались принятые в американской науке на рубеже тысячелетий внешнеполитические характеристики ведущих политических партий: представителей Демократической партии, к которым принадлежал Б. Обама, называли приверженцами идеалистических начал, в то время как республиканцы больше обращали внимание на баланс сил и практическую сторону проблемы. См.: Берри, Н.О. Почему американскую внешнюю политику так трудно понять? // Международная жизнь – 1998. – № 11 – 12. – С. 33 – 49.

[61] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012.

[62] Конышев В.Н. Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №1. – С. 23–36.

структуры текста, ими были выделены инструменты реализации внешнего курса, приведён тот факт, что угрозы разделены на традиционные и нетрадиционные. Отличного подхода придерживался Г.Б. Корсаков [63], который считал, что стратегические приоритеты были разделены по страновому, проблемному и ведомственному принципам. В.С. Васильев и Е.А. Роговский[64] обратили внимание, что при Б. Обаме стратегия национальной безопасности приобрела экономическое измерение: в тексте документа был сформулирован ряд социально-экономических целей и связанных с ними задач, в то же время, как отмечали авторы, никаких конкретных показателей, которые служили бы индикаторами решения проблем, в стратегии не приведено. Ян Цяоян и Гуо Ци[65], используя контент анализ Стратегии национальной безопасности США 2010 г., заключили, что во внешней политике новое правительство будет концентрироваться на поиске и уточнении угроз и вызовов в разных регионах и функциональных измерениях, будет ограниченно подходить к развитию институтов международной кооперации, в отношении незападных стран будет делать акцент на распространении американских ценностей.

Ещё в трёх работах изучались рамки практической реализации курса Б. Обамы в АТР. В двух коллективных работах, написанных в популярном в 2000-х – 2010-х гг. жанре «параллельного монтажа», сравниваются подходы России и США к АТР[66]. Для них характерно влияние текущей конъюнктуры, большое воздействие на ход исследования оказывают предварительные теоретические установки и аналитические допущения. В них, во-первых, подчёркнуто, что в контексте политических подходов АТР не является единым регионом, но делится на субрегионы, главными из которых называются СВА и ЮВА. Более того, Дж. Рольф

[63] Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 22–40.
[64] Васильев В.С., Роговский Е.А. Стратегия администрации Обамы: национальная безопасность как национальная экономическая безопасность // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №12. – С. 3–25.
[65] Yang Qiaoyan, Guo Qi. Changes in the U.S. 2010 National Security Strategy. Based on Frequency of Word Usage // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 119–131.
[66] Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США / Под ред. В.И. Курилова, А.Л. Лукина. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2006. 228 с.; From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation / Ed by R. Azizian, A. Lukin. Vladivostok – Honolulu: Far Eastern Federal University Press – Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012.

указывает на то, что состав региона в контексте внешней политики зависит от субъективного восприятия действительности: так в США существует консенсус, что СВА состоит из КНР, Японии и Республики Корея, в то время как Россия и КНДР воспринимаются её составными частями лишь ситуационно и по необходимости. Точку зрения Дж. Рольфа дополняет С. Лаймэ. Он указывает на то, что на практике именно военно-политический курс США способен привести к трансформации географических границ региона. В издании 2012 г. изучение внешней политики в отношении АТР сконцентрировано на анализе внешнеполитического нарратива администрации Б. Обамы и его интерпретациях. С учётом момента были выделены шесть наиболее перспективных векторов тихоокеанского курса: укрепление двусторонних альянсов, углубление отношений с растущими державами, вовлечение в региональные многосторонние институты, расширение торгово-экономического присутствия, укрепление военного присутствия, продвижение демократии и прав человека.

В свою очередь, анализируя перспективы политики Б. Обамы в АТР, С.М. Рогов[67] указывал, что центральным направлением станет китайское. Цели США состояли в укрепление собственных позиций за счёт развития отношений с союзниками и партнёрами перед лицом растущего Китая. Ключевым элементом курса, обеспечивающим поступательное развитие отношений двух стран, должна была стать экономика. Основные риски ухудшения отношений С.М. Рогов связывал с проблемами прав человека, Тайваня, Тибета, ростом американских опасений в отношении военной мощи КНР.

Поскольку вторая половина 2000-х – первая половина 2010-х гг. были периодом активной тихоокеанской политики России, отечественные исследователи коснулись также и места России в тихоокеанском курсе США Л.Н. Гарусова[68] указывала, что США не видят Россию тихоокеанской державой, поскольку в отношениях двух стран доминируют глобальное и европейское измерение, а все

[67] Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы…
[68] Гарусова Л.Н. Тихоокеанская Россия: интересы и политика США // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С.260–286.

процессы на Дальнем Востоке в Вашингтоне воспринимаются через общероссийскую призму. Ей оппонировал В.Б. Супян[69], считая Дальний Восток привлекательным для американских инвестиций ввиду близости региона и присутствия ряда их компаний в Приморском и Хабаровском краях.

Таким образом, в ходе исследования общих рамок внешней политики Б. Обамы, сформировались две группы исследований. Первая группа представлена дискуссией о доминировании идеалистического и реалистического начал. Сторонники первой точки зрения доказывали, что курс 44-го президента обладает отличительной новизной в сравнении с политикой предшественника, а их оппоненты настаивают на том, что курс Б. Обамы стал логичным продолжением курса Дж. Буша, что было предопределено структурными и эволюционными факторами.

Другая группа представлена исследователями стратегий, как строя внешнеполитической мысли. Они реконструировали структуру мышления администрации и правительства Б. Обамы посредством анализа стратегических документов, которые фиксируют базовые элементы политической мысли, ориентированной на практику, а также выделили ролевые функции отдельных функциональных направлений, их способности влиять на характер внешней политики США.

Второе тематическое направление касается проблем внешнеполитического процесса при Б. Обаме.

Здесь наиболее информативное исследование принадлежит перу Дж. Манна[70]. При оценке его работы нужно принять во внимание тот факт, что она создавалась в период правления 44-го президента, посвящена периоду его первой администрации, характеризовавшейся высоким уровнем конфликтности, и требовала собрать большое количество разрозненных фактов, характеризовавших взаимоотношения между членами правительства и администрации. Вследствие

[69] Супян В.Б. Экономические отношения России и США: торговля и инвестиции в начале XXI века // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №1. – С. 3–25.
[70] Mann J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. New York: Penguin Books, 2012.

этого исследование обладает преимущественно описательным характером. В то же время это нисколько не умаляет его достоинств, главным из которых стало выделение двух противоборствующих лагерей в исполнительной власти: лагеря Б. Обамы и лагеря Х. Клинтон, а также ряда неформальных инструментов и механизмов, которые использовали эти лагеря, включая склонение ключевых аппаратчиков на свою сторону, контроль на предмет факта соответствия идеям, сдерживание самостоятельности мышления через вовлечение в команду. В целом, это исследование представляет из себя каталог неформальных практик и скрытых структур взаимодействия внутри исполнительной власти в конкретный момент времени, влиявших на внешнюю политику. Оно является первой попыткой исследовать процесс принятия решений при конкретном президенте как совокупность неформальных, не регламентируемых законом и обычаем практик.

Применительно к китайскому вектору курса реконструкцию скрытых факторов процесса принятия решений осуществил Юань Пэн [71]. Анализируя противоречия его повестки, он пришёл к выводу, что внутри американской исполнительной власти происходит борьба, главным образом, между советниками президента и Госдепартаментом, а сам президент вынужден играть роль примирителя. Следствием этого прогнозировался риск ухудшения отношений.

Ещё для ряда исследований характерен персональный и биографический анализ, что позволило выявить отдельные особенности «политической кухни» внутри правительства и администрации. Так А.А. Тарелин [72] изучал профессиональные биографии внешнеполитических советников Б. Обамы в период его предвыборной гонки. С.М. Самуйлов [73] же использовал такой подход при исследовании внешнеполитической команды 44-го президента. Ему удалось выявить, что большинство из них, как участники большой политики,

[71] Yuan Peng. Strategic Reassurance and the Future of China – U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 17–29.
[72] Тарелин А.А. Вопросы внешней политики в президентской кампании-2008 // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. – №10. – С. 69–76.
[73] Самуйлов С.М. Кто отвечает в Вашингтоне за внешнюю политику и военную политику // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – №6. – С. 55–68.

сформировались в годы президентства У. Клинтона. В.В. Бондарев[74] совместил биографический и структурный методы при исследовании состава СНБ Б. Обамы, что позволило выявить не только влияние опыта на поведение его членов, но и их устремления, указывавшие на управленческие амбиции, влиявшие на стиль и манеру работы президентских советников. В дальнейшем с помощью анализа персонального состава отдельных частей президентской команды В.С. Васильев[75] и С.М. Самуйлов [76] исследовали распределение ролей между органами исполнительной власти во внешнеполитическом процессе, определяли степень и характер проработанности отдельных направлений курса. Также С.М. Самуйлов[77] проанализировал стиль управления внешней политикой Б. Обамы. В частности, он отмечал высокую склонность 44-го президента к аналитике, способности постоянно принимать информацию и менять позицию, системно мыслить. Также в исследовании подчёркивалось, что Б. Обама с самого начала перенёс тяжесть принятия внешнеполитических решений в Белый дом. Сугубо биографический метод был использован А.А. Поповым [78] при изучении состава вторых правительства и администрации Б. Обамы, С.Ю. Шенин[79] посвятил отдельную статью министру обороны США Ч. Хейгелу, А.Р. Борисова[80] – госсекретарю Дж. Керри.

В целом, состояние исследований по данной проблематике указывает, что, несмотря на глубокий структурный или временной анализ скрытых элементов процесса принятия решений, доминирует подход, который образно можно

---

[74] Бондарев В.В. Совет национальной безопасности США при администрации Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 11. – С. 33–48.

[75] Васильев В.С. Политико-финансовая операция «управляемый дефолт» // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №10. – С. 61–73.

[76] Самуйлов С.М. Реформирование системы национальной безопасности при Бараке Обаме // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №11. – С. 27–41.

[77] Самуйлов С.М. О стилях принятия внешнеполитических решений президентами США // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №12. – С. 3–22.

[78] Попов А.А. Втора администрация Барака Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №6. – С. 17–40.

[79] Шенин С.Ю. Долгий путь в Пентагон: взгляды и интересы Чака Хейгла // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №9. – С. 95–106.

[80] Борисова А.Р. Влияние личностного фактора на формирование политики США (Госсекретарь Дж. Керри) // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 72–83.

сравнить с фотографией, в соответствии с которым реконструируется картина момента, но не динамика трансформаций.

Третья группа исследований посвящена тому, как неформальные элементы процесса принятия решений формировали внешнюю политику Б. Обамы.

К. Дуек[81], анализируя внешнюю политику Б. Обамы в целом, исходит из концепции большой стратегии и ряда вспомогательных политологических аналитических инструментов. Это позволило ему идентифицировать, что 44-й президент считал более приоритетным поддержание либерального порядка внутри США, чтобы обеспечить переизбрание, а внешняя политика для него была вторичной, имела характер отвлекающего манёвра для внутренней аудитории. Последнее повлекло одну из черт внешнего курса Б. Обамы, а именно, усиленная самореклама перед согражданами. Одновременно К. Дуек дал общую классификацию стратегических приоритетов, в числе которых по степени значимости перечислены противодействие терроризму, ядерное нераспространение, курс в отношении великих держав, соперничающих с США, арабский мир, отношения с союзниками. Тем самым он опровергает широко распространённое в экспертной среде мнение, что азиатско-тихоокеанское направления для Б. Обамы было приоритетным. В то же время стремление следовать политологическим конструкциям привело к противоречиям, несмотря на то что отдельные положения созвучны идеям исторического структурализма, а в ряде случаев автор делает точные замечания в отношении внутренних политических размежеваний, влияющих на политику. Так, с одной стороны, К. Дуек пишет, что Вашингтон уклонился от вовлечения в акваториальные и территориальные споры союзников, с другой стороны, утверждает, что его позиция по этому вопросу была достаточно жёсткая. Процесс принятия внешнеполитических решений при Б. Обаме К. Дуек называет монолитным, но при этом справедливо замечает, что Х. Клинтон на посту госсекретаря занималась

[81] Dueck C. The Obama Doctrine. American Grand Strategy Today. Oxford: Oxford University Press, 2015.

созданием собственной политической ниши, оказывала негативное влияние на единство исполнительной власти.

Ещё одно крупное исследование внешнеполитической стратегии Б. Обамы было написано Д. Чоллетом[82]. Несмотря на то что большая его часть посвящена ближневосточному и европейскому регионам, а регион Тихого океана занимает незначительное место, представленный анализ позволяет точнее понять акценты внешнеполитического мышления 44-го президента. Его основой называется фундаментальное восприятие США в мире американскими либералами, к которым принадлежал Б. Обама. Оно концентрируется вокруг постулата «мы и они», что хорошо для мира, то хорошо для Америки. В условиях глобального господства либеральных идей и необходимости вновь создать единую американскую нацию в плоскости внутренней политики, акцент был сделан на интернационализацию экономических процессов. Большую роль во внешней политике Б. Обамы, как подчёркивает Д. Чоллет, играли концепции, некоторые из которых имели множественный смысл. Концепция перебалансирования понималась в либеральных кругах как противопоставление несбалансированности в целом, как исправление перекосов, связанных с чрезмерным вниманием к внешней политике за счёт внутренней, чрезмерным акцентом на военном понимании силы в ущерб невоенным, а также смещение акцентов в региональных измерениях курса. Иными словами, азиатско-тихоокеанское направление не было единственным или главным, а просто имело ряд особенностей. К ним отнесены активное использование двусторонних отношений, переформатирование многосторонних площадок, тесно взаимодействие с КНР. Результаты на Тихом океане, по оценкам автора, были успешными в экономической и неудачными в военной сфере. Этому способствовали постоянная внутренняя борьба в правительстве, несвязанность, сегментированность региональных политик, проблемы восприятия американского курса другими странами из-за терминологического разнообразия.

[82] Chollet D. The Long Game. How Obama Defied Washington and Redefined America’s Role in the World. New York: Public Affairs, 2016.

Чётко выраженную негативную позицию в отношении внешней политике Б. Обамы занимает А. Пайрс[83]. Своё исследование она начинает с недопустимого не только для историка, но и вообще для исследователя, стремящегося к максимально объективному анализу, утверждению, что внешняя политика Б. Обамы позволила укрепиться американским врагам, а не друзьям и союзникам. В дальнейшем она доказывает этот тезис на протяжении всей книги, чему соответствует и подбор источников, которые подкрепляют правоту автора, но не позволяют построить более взвешенной, всесторонней картины. Однако, несмотря на ущербность подхода, А. Пайрс выделила следующие характеристики внешней политики Б. Обамы, которые заслуживают внимания. Во-первых, как и К. Дуек она не называет азиатско-тихоокеанское направление ключевым. Во-вторых, она указывает, что конфликтный потенциал администрации и правительства Б. Обамы был определён их составом, в который вошли люди с амбициями, но не имевшие опыта работы, необходимого для полученных должностей. В-третьих, оказавшись на новых должностях, назначенцы стали стремиться реализовать на практике теоретические концепции, как правило, вкладывая в них собственный смысл, отличный от того, который предполагали их разработчики.

В целом, в этих исследованиях удалось установить отдельные структурные связи между неформальными и формальными элементами курса, выделить некоторые стабильные модели поведения и связанных с ним политических стратегий. В то же время их авторы опровергают наиболее распространённый тезис, что азиатско-тихоокеанское направление было важнейшим во внешней политике Б. Обамы.

Четвёртая группа исследований посвящена отдельным функциональным направлениям внешней политики 44-го президента.

При изучении внешнеэкономических проблем, основное внимание обращалось на следующие аспекты. А.П. Портанский[84], анализируя глобальную

[83] Pierce A.R. A Perilous Path. The Misguided Foreign Policy of Barack Obama, Hillary Clinton and John Kerry. Ney York: Post Hill Press, 2016.
[84] Портанский А.П. Вашингтон пересматривает свои торговые приоритеты // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №12. – С. 27–40.

торговую стратегию США, акцентировал внимание, что вследствие кризиса 2008 г. вновь стали актуальными ограничительные барьеры для защиты внутреннего рынка, свободная торговля стала рассматриваться как инструмент по продвижению американского экспорта, глобальные переговорные инициативы стали уступать место региональным в вопросе либерализации торговых отношений. Более подробно этого вопроса коснулся А.Ю. Давыдов[85]. Им были выявлены четыре ключевых изменения в американском хозяйстве, влиявших на внешнеэкономический вектор: типизация производств ведущих экономик, сужение производственной специализации внутри отраслей, доминирование ТНК в экспорте (показатель достиг 70% в 2007 г.) и снижение объёмов экспорта при росте объёмов импорта при доминировании последнего. В то же время экономика превратилась в инвестиционно-ориентированную, как по экспорту, так и по импорту[86]. В этих условиях особое значение приобретали различные инструменты государственного регулирования внешней торговли, включая как давно существующие ограничительные меры, так и появившееся сравнительно недавно право президента вести международные переговоры по либерализации торговли.

Остальные исследования в этой группе посвящены военным и военно-политическим проблемам.

Монография Н.И. Бубновой[87] посвящена соответствующему планированию в 2010-х гг. В целом, внимание акцентируется на периоде президентства Д. Трампа, однако, касательно правления Б. Обамы автор делает несколько важных замечаний. Во-первых, 44-й президент сделал ставку на снижение роли военных во внешней политике. Во-вторых, военное строительство Пекина вынудило Вашингтон пересмотреть подходы к строительству вооружённых сил с учётом нового понимания сдерживания в контексте концепции «Ограничения и воспрещения доступа» (A2/AD). В-третьих, в этих условиях министерство обороны США

[85] Давыдов А.Ю. Внешняя торговля США и её государственное регулирование // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 1. – С. 13–28.
[86] Это заключение было сделано А.Ю. Давыдовым на основе американской статистики, в которой была выделена отдельной статьёй номенклатуры инвестиционная техника, под которой понимаются основные фонды производств самого широкого спектра отраслей.
[87] Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: РОССПЭН, 2021.

сделало ставку на глубокое технологическое переоснащения армии. В-четвёртых, в военно-политической сфере Б. Обама оказался под сильным давлением, как со стороны Демократической партии, а точнее влиятельнейшей группы Х. Клинтон, так и со стороны республиканской оппозиции.

Г.Б. Корсаков [88] , проанализировав трансформацию оперативно-стратегических концепций министерства обороны США, которая произошла в течение 2009–2012 гг., пришёл к выводу, что ключевым источником угроз американские военные считали Китай. Р.А. Фарамазян[89] указывал на то, что при Б. Обаме основной акцент в развитии вооружённых сил был сделан на повышение технологичности систем вооружений, модернизацию ВВС, совершенствование системы материального обеспечения.

Более подробный анализ изменений в американской армии провела группа А.А. Кокошина[90]. Ею была проанализирована стратегия третьей компенсации как стратегия развития ВС США. Были выявлены повышение технологичности вооружений, роботизация, миниатюризация и цифровизация как ключевые характеристики развития вооружений. В производственном плане она предполагает применение самых передовых технологий производства, включая трёхмерную печать, и интеграцию военного производства в гражданский сектор экономики. В политическом плане стратегия нацелена на нейтрализацию угроз и военных преимуществ других государств.

Состояние исследований в этой группе позволяет говорить о сравнительном единстве мнений: внешнеэкономический курс характеризовался сосуществованием противоречащих инструментов, а военный и военно-политический курс характеризовался единством целей, подразумевавших качественное технологическое перевооружение армии и адаптацию её возможностей с учётом укрепления китайских вооружённых сил.

---

[88] Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №1. – С. 71–88.

[89] Фарамазян Р.А. Военные расходы США // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – №6. – С. 47–56.

[90] Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №11. – С. 3–22.

Наиболее обширный пласт работ, посвящённых внешнешнеполитической проблематике, касается курса Б. Обамы в отношении конкретных стран региона. Причём внутри этого пласта выделяется доминирующая группа работ, сконцентрированная на политике в отношении Китая или китайско-американских отношениях. Эта характеристика справедлива для всех страновых и региональных школ.

Оценку состояния и тенденций американо-китайских отношений, в целом, дали Ф.Г. Войтоловский и В.В. Михеев[91]. Они исходили из того, что американский курс в отношении Китая являлся противоречивым по своей природе, поскольку предполагал сдерживание и вовлечение, что порождало споры между сторонниками и противниками взаимодействия с КНР в процессе принятия решений. Обратили авторы внимание и на усиление политических позиций Пекина в внешних сношениях, на более агрессивные подходы Си Цзиньпина к защите китайских интересов. В то же время достигнутый к 2012 г. уровень взаимодействия в экономике, торговле, «зелёной» повестке в рамках СЭД позволил позитивно оценить перспективы сближения и сотрудничества двух стран.

Среди остальных отечественных исследований выделяются следующие меньшие группы. Первая из них касается истоков конфликтного начала в политике Б. Обамы.

Оценивая перспективы политики Б. Обамы в АТР, О.А. Тимофеев[92] исходил из того, что позиции США в Азии слабели, а на их курс влияли три аналитические школы, выступавшие за вовлечение, сдерживание или совмещение этих характеристик в политике в отношении КНР. Прогнозировалось, что ключевое внимание будет уделяться Китаю и экономическим отношениям со странами региона, будет сделана ставка на развитие многосторонних региональных форматов, а место ключевого союзника в регионе займёт Япония. При этом успех азиатской стратегии Б. Обамы, по мнению О.А. Тимофеева зависел от того, как

[91] Глобальная перестройка… С. 399 – 414.
[92] Тимофеев О.А. США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 16–27.

будут выстроены отношения с КНР, как будут использованы преимущества экономики как ключевой темы повестки двусторонних отношений[93], как будут влиять культурно-цивилизационные факторы, баланс сдерживания и конкуренции, способность Вашингтона сформировать структурированную повестку взаимодействия с Пекином. При этом, оценивая первые результаты Стратегического и экономического диалога (СЭД), он констатировал, что американо-китайские отношения вышли на качественно новый уровень, способный развить постоянное сотрудничество двух сторон[94] В любом случае, заключал О.А. Тимофеев, динамика политики США в отношении КНР и двусторонних отношений определялась системными факторами, а не устремлениями президентов и американских политиков.

В.В. Михеев и В.Б. Амиров[95] прогнозировали, что внешняя политика Б. Обамы будет реакцией на возвышение Китая, который окажется в центре тихоокеанского курса, при этом поначалу ключевыми были экономические проблемы. Крен в пользу военно-политического аспекта стал реакцией на стремление КНР сравняться по мощи с США в АТР после избрания Си Цзиньпина и следствием роста влияния алармистов в экспертном сообществе США[96].

С.В. Старкин и И.В. Рыжов[97] считали, что обострение американо-китайских отношений спровоцировал тихоокеанский курс Б. Обамы, предполагавший создание ограничений и барьеров вокруг Китая, что нарушило естественные региональные процессы в Восточной Азии.

---

[93] Современный Китай в системе международных отношений / Под ред. Д. В. Буярова. М.: Красанд, 2012. С. 82–127.
[94] Тимофеев О.А. Эволюция американо-китайского диалога в начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №3. – С. 33–41.
[95] Тихоокеанская политика США при новой администрации // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №7. – С. 3–10.
[96] Михеев В.В., Луконин С.А., Луконина Ю.С. Дальше без заветов – 3. («Китайская мечта», Ликономика, амбиции лидерства) // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №2. – С. 13–23.
[97] Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 49–56.

По мнению В.И. Трифонова[98] и Л.В. Васильева[99], 44-й президент проводил политику сдерживания в отношении всех стран АТР, в целом, используя переговоры о ТТП и военно-политические союзы, не позволяя им выбирать независящую от США траекторию развития.

А.Г. Савельев[100] видел корень проблемы в том, что внутри правительства США три ключевых ведомства занимали разные позиции: министерство финансов не видело в росте КНР угрозы, Госдепартамент придерживался противоположной точки зрения, а министерство обороны солидаризировалось с мнением президентской администрации независимо от его значения. Также в статье подчёркивается, что более всего антикитайские настроения стали усиливаться в Конгрессе с 2013 г.

Н.Л. Семин[101] выявил, что в формировании образа «китайской угрозы» значимую роль сыграло американское разведсообщество, указывавшее, что она исходит от модернизации вооружённых сил КНР и её активной дипломатии. П.А. Шариков[102] связывал это и с тем, что военные угрозы стали приобретать кибернетическое измерение.

Таким образом, основная дискуссия о причинах жёсткого курса Б. Обамы в отношении Пекина развернулась вокруг вопроса о доминировании одной из групп факторов: системных, касающихся отношений сторон, в целом, и субъективных, связанных с позиций ведомств в процессе принятия решений

Вторая группа исследований посвящена непосредственному содержанию политики Б. Обамы в отношении КНР. Здесь российские исследователи в большинстве своём стремились реконструировать системную картину.

---

[98] Трифонов В.И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVII: Ежегодное издание / Под ред. Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 29–44

[99] Васильев Л.Е. Юго-Восточная Азия: США и Китай – от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVII… С. 87–99.

[100] Савельев А.Г. Политика безопасности США: сдвиг в сторону Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №8. – С. 5–13.

[101] Семин Н.Л. Современная стратегия национальной разведки США: опыт политического анализа // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 57–76.

[102] Шариков П.А. Китайские киберугрозы безопасности США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 21–37.

Анализируя перспективы отношений США и КНР, С.М. Труш[103] указал на следующие тенденции. Во-первых, в экономике Китая наметились структурные сдвиги в производстве в пользу электронной отрасли и иных затратных и технологичных отраслей. Во-вторых, в американском экспорте в КНР в значительной степени были комплектующие и узлы, поступавшие на совместные предприятия. При этом около 50% торгового потока из Китая в США занимала продукция совместных предприятий, американских, тайваньских, европейских, т.е. продукция собственно китайских предприятий составляла только около половины объёмов американского импорта из КНР. В-третьих, выросло негативное отношение к Китаю, и в рабочей среде из-за выноса производств, и в деловой среде из-за более низкого уровня стандартов и регулирующих норм, принятых в КНР, и в политической среде, представители которой не считали её рыночной страной из-за значительной роли государства в регулировании хозяйственной жизни. Как следствие, сложились специфические условия: недовольство в отношении китайской экономики росло, Китай был зависим от США как импортёр технологий и как звено сборочной цепочки, США были зависимы от Китая как потребитель готовой техники, собранной из американских комплектующих. В этих условиях, чтобы снизить негативный потенциал отношений, Б. Обама пошёл по пути диверсификации отношений за счёт расширение повестки СЭД и связанного с ним сотрудничества.

В то же время, как заметил С.М. Труш[104], вместе с поиском гармонии в двусторонних отношениях, Б. Обама предпринял ряд шагов по сдерживанию КНР, которые включали экономическую составляющую в виде ТТП, политическую составляющую, заключавшуюся в большем вовлечении США в проблемы ЮКМ, и военно-политическую, связанную с укреплением союзов и партнёрств.

---

[103] Труш С.М. Динамика отношений КНР – США: мотивации России // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №4. – С. 19–42.

[104] Труш С. М. Администрация Обамы и Китай: мотивации и события // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №8. – С. 45–60.

А.Б. Парканский[105] и В.В. Самарцев[106] обратили внимание на то, что к 2010-м гг. одной из проблем отношений стали взаимные вложения в высокотехнологичные производства: американские производители стремились удешевить выпуск товаров, а китайские – получить доступ к передовым технологиям. Обе стратегии способствовали росту антикитайских настроений, стремлениям ограничить негативное влияние инвестиционных стратегий на американскую экономику.

Я.В. Лексютина[107] отмечала, что причиной политического противостояния Вашингтона и Пекина является разная трактовка норм международного морского права, которая вылилась в противостояние в контексте акваториальных споров в Восточной Азии.

К.В. Антипов[108] коснулся проблемы американо-китайского противостояния в кибернетической сфере. Активизация китайских усилий в ней и создание подразделения в вооружённых силах аналогичного киберкомандованию США стали, по оценкам автора, для Б. Обамы удобным предлогом для милитаризации интернета, острие которой было направлено в отношении Китая, усиления антикитайской риторики с целью мобилизовать ведущих американских производителей электронного и телекоммуникационного оборудования.

Исключением из российских исследований, посвящённых практическим проблемам политики США в отношении КНР, стали статьи Ю. Белоброва[109], в которых проводилась мысль, что антикитайская сущность является врождённым, неотъемлемым элементом курса Б. Обамы.

В целом, в этом пласте отечественных исследований сложилась достаточно противоречивая ситуация. Среди тех учёных, которые связывали причины

---

[105] Парканский А.Б. Новейшие тенденции в американо-китайском инвестиционном взаимодействии // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №9. – С. 3–18.

[106] Самарцев В.В. Китайские прямые инвестиции в США: выгоды и вызовы // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 57–71.

[107] Лексютина Я.В. Противоречия между США и КНР в районе Южно-Китайского моря // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №8. – С. 16–29.

[108] Антипов К.В. Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №6. – С. 39–54.

[109] Белобров Ю. Геополитические амбиции и интриги США в АТР // Международная жизнь. – 2015. – №9. – С. 114–127; Белобров Ю. Китай и ПРО // Международная жизнь. – 2012. – №8. – С. 28–40.

обострения отношений США и КНР с ростом американского алармизма, доминирует мнение, что ключевые факторы не объективные, а субъективные. В свою очередь группа учёных, изучавших проблемы практической реализации курса Б. Обамы в отношении КНР, за редчайшим исключением подчёркивали, что ухудшение отношений и ужесточение политики США стало следствием системной динамики.

Среди американских исследований, которые были проведены, главным образом, политологами выделяются следующие направления. Представители первого из них стремились выявить причины ухудшения двусторонних отношений. По мнению Г. Киссинджера[110] к концу первого президентского срока Б. Обамы отношения США и Китая были высоко институционализированы и имели потенциал для бесконфликтного развития. Однако, перспективы их развития Г. Киссинджер оценивал негативно. Ключевая проблема, по его мнению, заключалась в субъективном восприятии сторонами друг друга. В частности, в США общераспространённым было мнение, что КНР стремится их вытеснить из Западной Пацифики, аналитики прибегали к понятиям игры с нулевой суммой и стратегического поражения, настаивали на том, чтобы строить мир по прежним рецептам без участия Китая, отвечать на рост его мощи военным строительством. В то же время американские аналитики не принимали во внимание страх Китая быть окружённым.

Близкую точку зрения занял и Дж. Най-мл.[111] Он указывал, что у Китая был ряд нерешённых внутренних проблем, в то время как США, по его мнению, обладали рядом преимуществ как внутри страны, так и на международной арене. В этих условиях Дж. Най-мл. ключевой проблемой для Соединённых Штатов называл активизацию внутренних дискуссий, акцент на обсуждении культурных и моральных аспектов, партийно-политическую поляризацию американского общества.

---

[110] Kissinger H.A. The Future of U.S. – Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – №2.– P. 44–55.

[111] Nye J.S., Jr. The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 6. – P. 2–12.

Группа П. Грайса [112] предприняла попытку выявить глубинные причины трений в американо-китайских отношениях. Ей удалось выяснить, что в Китае ключевой видят не военную угрозу со стороны Соединённых Штатов, а угрозу унижения, которая историческими корнями уходит в конец XIX в., в то время как в Вашингтоне видят военный рост Пекина главной угрозой. Это, по мнению исследователей, стало причиной недопонимания и рассогласованности в отношениях двух держав.

Интересно исследование Ш. Тайлоу [113], посвящённое модернизации китайского флота и американской реакции. Автор исходит из того, что современное развитие флота КНР является одним из элементов восстановления прежде утраченного китайского влияния. В этих условиях, по её мнению, ключевая проблема заключается в восприятии действительности американским правительством. Для него намерения китайской стороны при принятии решений вторичны, первичным же является видимый факт, а именно, рост военно-морской мощи КНР. Как следствие американская стратегия в АТР оценивается автором как реактивная, нацеленная на поддержание уже имеющихся военных преимуществ и укрепление военного сотрудничества с союзниками и партнёрами в регионе.

М О'Хэнлон и Дж. Стэйнберг опубликовали в 2017 г. аналитический доклад, посвящённый внешней политике США в отношении КНР в сфере безопасности и стратегических вопросов[114]. Авторы исходят из того, что современное отношение стран друг к другу сформировались под влиянием международно-политического статуса и ключевых цивилизационных факторов, определяющих внешнюю политику. Так КНР обозначена растущей державой, а США – признанной державой; китайское правительство исходит из концепции Поднебесной империи, а американское – из архетипа «града на холме», как следствие у стран разные стратегические цели: у КНР – доминирование, у США – обеспечение свободы. По

[112] Gries P.H., Zhang Qingmin, Crowson M.H., Cai Huajian. Patriotism, Nationalism and China's US Policy: Structures and Consequences of Chinese National Identity // The China Quarterly. – 2011.– №1. – P. 1–17.
[113] Tayloe Sh. C. Crossover Point: How China's Naval Modernization Could Reverse the United States' Strategic Advantage // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2017 – Vol. 4. – №1. – P. 1–25.
[114] O'Hanlon M.E., Steinberg J. A Glass Half Full? Rebalance, Reassurance, and Resolve in the U.S. – China Strategic Relationship. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2017.

мнению экспертов, эти факторы предопределили размежевание и создали риск конфликтных отношений. В этих условиях Вашингтон стал реализовывать стратегию, которая предполагала сохранение военных баз на территории союзников и повышение технологичности вооружений с целью сформировать противовес морским силам Китая в рамках концепции «асимметричного ответа». В целом, этих мер, по оценкам авторов, было достаточно, чтобы обеспечить американо-китайский военный баланс в АТР

Однако среди американских исследований доминирует тенденция поиска угроз, исходящих от КНР, а порой и их приписывание. Группа М. Индыка[115] считала, что 44-й президент не был ни наивным идеалистом, ни реактивным реалистом, при этом он стремился сформировать такой либеральной порядок, при котором США делили бы ответственность с другими участниками, если таковое было необходимо. В Восточной Азии, где США делали ставку на двусторонние отношения, в центре такого курса оказался Китай, который демократическое правительство стремилось сделать ответственным игроком мирового либерального порядка посредством постоянных двусторонних встреч и сложной стратегии перебалансирования.

Э. Экономи[116] исходила из того, что с конца 1990-х гг. Китай постепенно стал открываться миру, настраивая отношения со странами других регионов, что вместе с ростом экономической и военной мощи КНР послужили причиной для трактовки Китая как угрозы США. Её примерами стало ухудшение положения в ЮКМ, которое превратилось в «поле сражения», где ущемляется свобода мореплавания, китайское участие с модернизации портов по всему миру приводится в статье как подтверждение тезиса о китайской экспансии. Чтобы противостоять ей автор предлагает, чтобы правительство США влияло на китайское поведение совместно с союзниками и партнёрами, добилось от Пекина признания либеральных ценностей как незыблемой основы мира.

---

[115] Indyk M.S., Liberthal K.G., O'Hanlon M.E. Scoring Obama's Foreign Policy. A Progressive Pragmatist Tries to Bend History // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 3. – P. 29–43.

[116] Economy E.C. The Game Changer. Coping With China's Foreign Policy Revolution // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. N 6. P. 142–152.

Ещё более однозначно выражает позицию М. Малик[117]. По его мнению, ключевой проблемой на Тихом океане является китайская военная угроза, поскольку Пекин сделал ставку на то, чтобы изменить либеральный мир, ведомый Вашингтоном. Чтобы ей эффективно противодействовать, предлагается придать «Четвёрке» военный антикитайский характер, а в оперативном и стратегическом планировании заменить термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» на «Индо-Тихоокеанский регион».

Ряд исследований этой группы содержит критику курса Б. Обамы в отношении Китая. П. Харрис[118] считал, что от Китая исходили экономическая и военная угроза для США, поскольку КНР являлась недемократическим и нелиберальным государством, обладающим потенциалом переформатировать мировую политику способом, ущемляющим и уничтожающим американские интересы. В то же время, он видит проблемой и то, что правительство Соединённых Штатов воспринимает Китай исключительно по действиям его руководства на международной арене, при этом в отношении КНР всегда использовалась ситуативная, конъюнктурная стратегия, не учитывающая долгосрочных тенденций. В то время как, по мнению, П. Харриса логичнее было бы проводить политику, не позволявшую Пекину думать об угрозе со стороны США.

Д. Дрезнер [119], как и большинство исследователей, анализировавших стратегию Б. Обамы, говорит о 2010 г. как о рубежном. Поставки вооружений на Тайвань стали маркером неудачи ситуативной стратегии в отношении КНР, в основе которой лежал СЭД, и началом долгосрочного курса сдерживания Китая за счёт партнёрств с его соседями.

А. Фридберг[120] исходит из того, что американский подход к Китаю, который основывался на экономическом взаимодействии и политическом диалоге, а в конечном итоге предполагал демократизацию КНР, оказался недостаточно

[117] Malik M. Balancing Act. The China – India – U.S. Triangle // World Affairs. – 2016. – Vol. 179. – №1. – P. 46–57.
[118] Harris P. The Imminent US Strategic Adjustment to China // The Chinese Journal of International Politics. – 2015. – Vol. 8.– P. 219–250.
[119] Дрезнер Д. Есть ли у Обамы большая стратегия? // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т. 9. – №4. – С. 48–58.
[120] Фридберг А. Несговорчивый Пекин: Альтернативная китайская политика США // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10. – №5. – С. 148–159.

эффективным. Следствием этого стало возникновение к началу 2010-х гг. глобальной китайской сферы влияния, вход в которую для американских компаний оказался затруднённым. При этом отмечается, что наибольшее усиление Китая произошло в первые годы правления Б. Обамы, характеризовавшееся борьбой между «ястребами», выступавшими за сдерживание Пекина, и сторонниками его успокоения. Это сделало курс 44-го президента неэффективным, приведшим к ситуации секторального противостояния двух стран в финансовой и высокотехнологической сферах.

На иные угрозы и страхи указывают ещё два исследования. А. Сегал[121] подчеркнул, что возникший инцидент между компанией «Гугл» и китайским правительством в 2011 г. указывал на проблему разного понимания интернета по разные стороны океана гражданскими и военными ведомствами. Р. Альтман и Р. Хаас[122] выражали опасения, что Пекин будет контролировать Вашингтон, скупая его долговые обязательства, что Китай воспользуется упадком Америки для роста своего могущества, что он является главной угрозой для Соединённых Штатов, поскольку превратился в симбиоз авторитаризма и рыночной экономики.

Таким образом, более дробная структура американских исследований, посвящённых политике США в отношении Китая и отношениям с ним, представлена тремя группами: представители первой стремятся выявить системные, глубинные причины роста напряжённости, вторые соревнуются в определении «китайской угрозы», третьи ищут причины, почему Б. Обама виноват в ухудшении американо-китайских отношений.

Китайские исследования, посвящённые проблемам курса США в отношении КНР, можно разделить на три группы. Первая из них представлена работами, в которых представлен оптимистичный взгляд на перспективы взаимодействия двух стран. Лю Липин[123] признаёт, что из-за неудач во внешней политике Б. Обама

---

[121] Segal A. Chinese Computer Games. Keeping Safe in Cyberspace // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 14–20.

[122] Altman R.C., Haas R.N. American Profligacy and American Power. The Consequences of Fiscal Irresponsibility // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 6. – P. 25–34.

[123] Liu Liping. US Misperceptions and China’s Chances // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №4. – P. 1–14.

использует сложный образ «китайской угрозы». Американо-китайские отношения Лю Липин характеризует как сотрудничество соревнующихся партнёров. Его характерными чертами являются совпадение позиций в одних вопросах и расхождение – в других. В этих условиях логика взаимодействия выражается формулой «лучше выиграть, но, по крайней мере, не проиграть»[124].

Цуй Тянькай[125], в целом, позитивно оценивает перспективы американо-китайских отношений. Эту точку зрения он аргументирует тем, что США выбрали именно АТР как пространственный центр двусторонних отношений, высокой частотой встреч на высшем и высоком уровнях, между странами были установлены многочисленные диалоговые форматы.

Однако противоречивая статья Ма Чжэнъана[126] позволяет усомниться в такой трактовке. С одной стороны, автор указывал на общность подходов Вашингтона и Пекина, которая позволила построить двусторонние отношения на основе принципа взаимного выигрыша. С другой стороны, он приводит перечень факторов, негативно влиявших на курс Б. Обамы, включая страх потерять лидерство, мышление периода холодной войны, враждебное отношение к Китаю, высокое значение информационных помех, следствием которых стало доминирование тезиса о «китайской угрозе».

Чжу Фэн[127] попытался более детально проанализировать вклад и США, и Китая в нестабильную динамику двусторонних отношений. Политика обеих сторон, по его мнению, носила реактивный характер и зависела от краткосрочных ситуативных ответов на действия другой стороны. Однако, поднятая им проблема поиска системных причин складывавшегося положения в американо-китайских отношениях с учётом роста негативных тенденций оказалась в положении маргинальной, а доминирующее положение заняли исследования, в которых проводился тезис о неизбежном ухудшении двусторонних отношений и усилении

---

[124] Liu Liping. On the Basis of Sino – U.S. Cooperation // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1.– P. 1–16.
[125] Cui Tiankai On the Asia-Pacific and Sound for the China–US Interaction in the Region // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 16–24.
[126] Ma Zhengang. Sino – US Relations: Present and Future // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 25–40.
[127] Zhu Feng. China Studies on U.S. Strategy and Sino–U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 68–72.

Юань Пэн [128] указывал, что отношения США и КНР характеризовались структурным взаимодействием и структурными противоречиями. При этом вследствие внутренних американских дискуссий, нацеленных на то, чтобы определить, является ли Китай противником, противоречия стали доминировать, а правительство Б. Обамы стало разрабатывать набор правил в качестве реактивного ответа на подъём Китая. Это дало автору основание говорить, что у США не было стратегии в отношении усилившейся КНР.

Идея взаимодействия США и КНР в двустороннем всеобъемлющем формате, по мнению Гао Цзугуя [129], являлась свидетельством того, что в Соединённых Штатах стали рассматривать Китай как вызов, а их отношения понимались как комплексные. Они стали всё больше связываться с различиями, трениями и столкновением американских и китайских интересов.

Пан Жуй[130] был достаточно пессимистичен в оценке перспектив отношений КНР и США. Он обратил внимание, что с приходом Б. Обамы двусторонние встречи сопровождались избыточными протокольными эпитетами в ходе рутинных заявлений американской стороны, а в американском обществе резко сократилось число сторонников дружбы с Китаем, но росли широкие антикитайские настроения. С учётом этого прогнозировалось, что остриё агрессивной дипломатии будет направлено в отношении КНР.

В тематическом выпуске журнала «Глобал Ревью», вышедшем вскоре после избрания Си Цзиньпина Председателем КНР, опубликованы статьи, которые акцентируют внимание на внешнеполитических расхождениях между Китаем и Соединёнными Штатами. Цзян Шисюэ[131] акцентирует внимание на дисбалансах в американо-китайских отношениях, которые стали следствием политики. Выделены следующие из них: стремление Вашингтона предложить Пекину формат G2 и тем

---

[128] Yuan Peng. Where are Sino–U.S. Relations Headed? // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – Special Issue, September 2010. – 2010. – P. 53–62.

[129] Gao Zugui. Transforming Sino–U.S. Strategic Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №3. – P. 31–40.

[130] Pan Rui. Sino – U.S. Relations: Forty Years After the Issuance of the “Shanghai Communique” // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 41–53.

[131] Jiang Shixue. A Tale of Two Major Powers: Chinese Perception of the United States // Global Review. – 2013. – №4. – P. 39–54.

самым создать ему стратегическую ловушку, сдержать Китай посредством тихоокеанского курса. Юй Хунъюань[132] продемонстрировал, что среди экспертов, формирующих тематическую повестку в США и КНР, расходится понимание ключевых аспектов климатической и экологической проблемы. Более того, американская сторона реализует политический курс с оглядкой на рейтинги поддержки среди населения, а китайская больше озабочена международно-правовыми вопросами. Цай Пэнхун[133] проводит мысль о том, что движение Китая на запад является естественным для континентального и морского векторов политики. В связи с этим азиатско-тихоокеанская и индо-тихоокеанская политика, продекларированная Х. Клинтон и ставшая ответом на китайскую морскую стратегию, трактуется как антикитайская. У Чунси[134] делает акцент, что страны придерживаются разных дипломатических стратегий: США опираются на альянсы, Китай – на многостороннюю дипломатию.

Однако наиболее системно эту точку зрения изложили Янь Сюэтун и Ци Хайся[135]. Они считают, что ухудшение американо-китайских отношений было неизбежным. Наиболее симптоматичной переменой, касающейся, в первую очередь, американской стороны, авторы называют негативный образ Китая, создаваемый в США экспертами и политологами. В этих условиях азиатско-тихоокеанская стратегия Б. Обамы характеризуется как средство, способное подстегнуть конкуренцию между Соединёнными Штатами и Китаем, тем более что авторы выделяют целый ряд базовых расхождений между Пекином и Вашингтоном. Во-первых, стороны имеют разные взгляды на одни и те же проблемы. Во-вторых, стороны расходятся в понимании важности и значимости отдельных событий. В-третьих, двусторонние отношения характеризуются слишком частыми встречами на высшем уровне, которые не позволяют достичь

[132] Yu Hongyuan. The New Development of US Climate Policy and the Implications for China–US Cooperation // Global Review. – 2013. – №4. – P. 55 – 70.
[133] Cai Penghong. The Indo-Pacific: Its Geopolitical Implications for China // Global Review. – 2013. – №4. – P. 71–81.
[134] Wu Chunsi. Strategic Transition and Security Cooperation in the Asia-Pacific Region // Global Review. – 2013. – №4. – P. 82–88.
[135] Yan Xuetong, Qi Haixia. Football Game Rather Than Boxing Match: China – US Intesifying Rivalry Does not Amount to Cold War // The Chinese Journal of International Politics. – 2012. – Vol. 5. – P. 105–127.

глубокого, фундаментального по своему значению результата. Следствием этого стало то, что США и КНР выстроили поверхностные отношения.

С учётом описанного положения, в 2012 г. авторы прогнозировали следующие тенденции. Стратегия Б. Обамы будет азиецентричной, при этом она будет постоянно сужаться, превращаясь в ответ на рост Китая, в особенности на море. При этом дистанция между мощью двух держав будет уменьшаться. Структурные различия между сторонами будут нарастать. Торговля и экономическая дипломатия, которые мыслятся взаимосвязанными, останутся единственным элементом для снятия напряжённости в двусторонних отношениях. Авторы заключают, что это указывает на перспективное усиление конкуренции между США и КНР.

В целом, состояние китайских исследований свидетельствует о доминировании негативного мышления, позитивное мышление по мере ухудшения двусторонних отношений сокращалось, попытки провести системный анализ состояния американо-китайских отношений были эпизодическими и не оказали влияния на ход аналитической мысли.

Сравнивая американские и китайские исследования, нельзя не заметить, что их структура очень близка: доминирует негативный взгляд на состояние и перспективы отношений, а позитивный или нейтральный подходы оказались незначительными. В целом, это указывает на то, что и американская и китайская историография двусторонних отношений в 2009–2016 гг. попала под сильное влияние политической конъюнктуры.

Среди исследователей, представляющих другие страны, выделяются следующие. Тайваньский политолог Лю Фуко[136] анализировал отношения КНР и США в контексте американской внешней политики. Ключевыми предпосылками для положения рубежа 2000-х и 2010-х гг. обозначены чрезмерное внимание Соединённых Штатов к Ближнему Востоку и снижение их роли в делах региона, рост Китая, неопределённость, готовы ли восточноазиатские страны принять

[136] Liu Fu-Kuo. The Structural Change in the United States – China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region // East Asian Review. – 2011. – Vol. 14. – P. 39–56.

американское лидерство в интеграционных процессах. Пересмотр политики в отношении региона Вашингтон начал в 2006 г., когда активизировал своё участие в азиатских и тихоокеанских многосторонних форматах, стал обозначать интеграционные идеи. С учётом этого первый год президентства Б. Обамы оценивался много обещавшим, поскольку США необходимо было сильнее вовлечься в дела региона, а в случае с Китаем лучшую возможность для этого предоставлял СЭД. Однако в 2010 г. произошло ухудшение отношений. В качестве причин произошедшего Лю Фуко выделил следующие аспекты. Во-первых, в 2009–2010 гг. Б. Обама фактически продолжил линию предшественника, что свидетельствовало не только об отсутствии собственного взгляда на отношения с регионом, но и на слабость американского курса. Во-вторых, Вашингтон не смог чётко определить приоритетные сферы взаимодействия с КНР в рамках СЭД, вследствие чего проблемы безопасности оказались на периферии партнёрства. В-третьих, это способствовало тому, что обе стороны независимо друг от друга вывели эту проблематику за рамки СЭД. В то же время усиливающиеся взаимосвязи сторон позволили автору оптимистично оценить перспективы американо-китайских отношений, указать на их стабилизирующее влияние на региональную безопасность.

Его австралийский коллега С. Бэйбоунз[137] считал, что основная проблема связана с тем, что в конце XX – начале XXI в. Китай сократил технологическое отставание от Запада, возникшее в предыдущие полтора столетия, что было болезненно воспринято американской стороной. В то же время он не считал Китай вызовом для США, поскольку ему предстояло решить большое количество внутренних вопросов.

Статья Е. Атанассовой-Корнелис [138] затрагивает проблему американо-китайских отношений. Её корнем она считает разное восприятие друг друга: КНР воспринимает США, как страну внешнего мира, в качестве потенциального

[137] Babones S. The Middling Kingdom. The Hype and the Reality of China's Rise // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 90. – №5. – P. 79–88.
[138] Atanassova-Cornelis E. Chinese Nation Building and Foreign Policy: Japan and the US as the Significant "Others" in National Identity Construction // East Asia. – 2012. – Vol. 29. – №1. – P. 95–108.

партнёра, а в Соединённых Штатах с начала XXI в. доминировало беспокойство, что Китай станет великой державой. Вследствие этого в Пекине усилилось восприятие американских действий как окружения, а Вашингтон стал критиковать китайскую сторону за нетранспарентность военной политики. В то же время, указывает автор, подъём в 2009 г двустороннего диалога до уровня стратегического, стал свидетельством того, что Китай является ключевым партнёром США по самому широкому спектру проблем.

Вьетнамский исследователь Нгуен Динь Лием [139] оценивал политику Б. Обамы в АТР как создание контрбаланса в отношении Китая. Это, по его мнению, позволило другим странам региона быть более свободными в принятии решений.

Состояние исследований, посвящённых проблемам политики США в отношении Китая, свидетельствует об отсутствии общих тенденций для разных национальных «историографий», вследствие чего формируется пёстрая картина интерпретаций и оценок, которая, тем не менее, позволяет говорить о наличии общих базовых исследовательских подходов: доминирование структурного анализа проблем над динамическим, зависимость от конъюнктуры в ущерб беспристрастному анализу.

С учётом повышенного внимания к китайской политике Б. Обамы, его курсу в отношении других стран СВА уделялось куда менее значительное внимание, при этом порой о нём исследования писались с оглядкой на Китай.

Касаясь американо-японских союзнических отношений, А.В. Семин [140] указывал, что на их развитие с конца 2010-х гг. влияли два фактора: с одной стороны, политические круги Японии разделяли американские опасения в отношении «китайской угрозы», с другой стороны, в Токио существовали собственные опасения, что Соединённые Штаты могут сократить своё военное присутствие в АТР. По мнению Д.В. Стрельцова, результатом более активной политики здесь стало превращение Японии в союзника, оказывающего тыловую и

---

[139] Нгуен Динь Лием. Вьетнамо-Китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. –С. 68–79.

[140] Семин А.В. США – Япония: полвека альянса // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №8. – С. 34–46.

логистическую поддержку американским силам[141]. Этому благоприятствовало и то, что военно-политическая составляющая, по оценкам В.В. Михеева и В.Б. Амирова[142], осталась доминирующей в отношениях США с Японией и РК.

Г.Д. Толорая[143], касаясь курса Б. Обамы в отношении КНДР, отмечал, что в условиях давления на Пхеньян и ожидания смены режима, её участие в шестисторонних переговорах было вынужденной уступкой. После потопления корвета «Чхонан» ВМС РК курс 44-го президента стал реализовываться в чистом виде. А.З. Жебин, Е.У. Ким, А.В. Асмолов[144] называли американскую стратегию в отношении шестисторонних переговоров поиском «точек входа», с помощью которой Вашингтон преследует цель навязать странам региона свою политическую повестку. Впоследствии А.З. Жебин[145] и Л.Н. Гарусова[146] указывали на фиаско этой политики, вследствие которого США пришлось иметь дело с de-facto ядерной КНДР.

Внешнюю политику США в отношении Монголии исследовала А.В. Громова[147]. Её исследование свидетельствует, что курс Б. Обамы в её отношении является продолжением политики предшественников, которые концентрировались на оказании помощи, содействию НПО и обеспечению присутствия бизнеса в горной отрасли Монголии.

Узбекистанский экономист Д. А. Файзулаев[148] указывал, что после распада СССР политика США в отношении Монголии определялась, в первую очередь, геополитическими, антикитайскими и антироссийскими интересами, несмотря на присутствие американского добывающего бизнеса в горной отрасли страны,

---

[141] Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №3. –С. 21–32

[142] Тихоокеанская политика США при новой администрации…

[143] Толорая Г.Д. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из тупика // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №5. – С. 3–19.

[144] Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии…

[145] Жебин А.З. КНДР: несменяемый вектор // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №3. – С. 46–66.

[146] Гарусова Л.Н. Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико-академического сообщества // Россия и АТР. – 2012. – №2. – С. 122–134.

[147] Громова А.В. Сферы интересов США и Канады в экономике Монголии // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 55–66.

[148] Файзулаев Д.А. Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства? // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С. 29–41.

которую Улан-Батор видел локомотивом восстановления хозяйства после распада социалистической системы.

А.В. Волошина[149] обратила внимание на то, что в американском экспертном сообществе не было единого мнения касательно политики в отношении Тайваня: в нём присутствовали сторонники «отказа» от него, чтобы не нагнетать напряжённость в отношении с КНР, их оппоненты настаивали на необходимости Тайваня в контексте сдерживания Китая.

В целом, проблемы, поднимавшиеся при изучении политики Б. Обамы в отношении АТР и США, применявшиеся аналитические подходы позволяют выделить четыре доминирующих характеристики исследований. Во-первых, присутствует дискуссия о приоритете объективного и субъективного начал в процессе принятия решений, при этом проблематично говорить, что предпринимались попытки идентифицировать места и роли каждого из них.

Во-вторых, редки работы, в которых были бы проанализированы во взаимосвязи эволюционные процессы, влиявшие на американскую политику в отношении США, а также их причины. Как правило, исследователи касались определённой стороны проблемы. В одних случаях они затрагивали отдельные поверхностные характеристики исторической динамики. В других они анализировали структуру взаимодействий, но она предстаёт фрагментированной по трём причинам. Первая заключается в том, что структуры реконструируются подобно фотографическому снимку, а их трансформации учитываются слабо. Вторая причина связана с тем, что структуры взаимодействий чётко привязываются к конкретному политическому контексту. Третья причина касается исследований, в которых анализируются отдельные элементы и фрагменты общей структуры социального взаимодействия.

В-третьих, в целом значительной характеристикой является оппозиция системных и ситуационных исследований. При этом доминируют вторые, вследствие чего внешняя политика Б. Обамы предстаёт набором отдельных шагов,

[149] Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 80–93.

что не позволяет говорить о том, что существует совокупность исследований, которую можно обозначить как относительно системная реконструкция внешнего курса США в 2009–2016 гг.

В-четвёртых, важной проблемой стало влияние конъюнктуры и способность избавиться от него. Чрезмерное внимание к проблеме политики Б. Обамы в отношении Китая в ущерб анализу его курса в отношении других стран СВА, избыточное влияние политических интересов Пекина и Вашингтона на китайские и американские исследования по данному вопросу свидетельствуют, что конъюнктура текущего момента оказалась решающим фактором при выборе конкретных тем для анализа американской внешней политики в отношении АТР и СВА. В то же время в тех исследованиях, где присутствовала очистка аналитического мышления от конъюнктурного влияния, исследователи смогли не только отойти от доминирующих оценок курса Б. Обамы, но и установить связи неформальных социальных явлений и внешней политики.

В целом, при соотнесении данной картины с целями и задачами настоящего исследования обнаруживается, что незначительное внимание уделяется влиянию исторических, эволюционных процессов на внешнюю политику США в период президентства Б. Обамы. Для более точного их понимания необходимо будет соединить анализ различных уровней структуры социальных взаимодействий, проследить, как их результаты влияли на принятые решения.

1.3 Эволюция АТР и СВА в оценках исследователей: роль и место США

Поскольку, в соответствии с пониманием региона В.И. Гантманом и Е.М. Примаковым его статическое и динамическое состояние определяется меняющейся структурой региональных проблем, трансформацией границ и странового состава региона под их влиянием, многоуровневой организацией [150] , ниже будет проанализировано, какие аспекты и тенденции развития АТР и СВА в 2009–2016

[150] Основы теории международных отношений… С. 223–224; Россия в полицентричном мире… С. 5–6.

гг. оказывались в центре исследовательского внимания, какое место в регионе занимали США, как их вовлечение в дела региона влияло на его трансформацию.

Представители первого направления стремились выявить фундаментальные, общие для всех стран регионов процессы, которые в свою очередь определяли видимые процессы второго порядка, такие как интеграция, рост напряжённости и др.

Пожалуй, наиболее полно определить разные системные и структурные характеристики азиатского и азиатско-тихоокеанского пространств удалось коллективу под руководством А.Д. Воскресенского [151] . Несмотря на то что исследователями признаётся наличие общих измерений, которые выступают связующими элементами пространства, например, интеграции, они подчёркивают, что важную роль в них играют государства, которым присуще как объективное внутреннее положение, так и субъективное восприятие себя и других в регионе. Эта взаимосвязь обозначается ключевой характеристикой взаимодействия, которая создаёт благоприятные или неблагоприятные двусторонние или многосторонние явления, которые в свою очередь развивают или сдерживают взаимодействие между странами[152]. Однако регион представлен не только как совокупность стран. По мнению авторов, на его архитектуру также влияют наличие общих ключевых функциональных подсистем (экономической, финансовой, энергетической, культурной), в которых развиваются и от которых зависят межгосударственные взаимодействия. В ряде случаев, как на Корейском полуострове, подсистемы могут дополняться ситуативным измерением в условиях кризисов.

Дуалистичность государственного индивидуализма и интеграционной общности позволила исследовательскому коллективу выявить две динамических характеристики региона. Первую обозначим здесь как вектор. Она касается географической направленности внешнеполитических усилий стран. Вторую

[151] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО–Университет, 2010.

[152] Стратегия США в работе характеризуется как стратегия обеспечения лидерства с помощью сдерживания самостоятельности стран Восточной Азии, которую они стремятся обеспечить посредством интеграционных региональных объединений.

обозначим здесь как площадка, она относится к интеграционным объединениям и многосторонним форматам.

Это в свою очередь позволило выявить две долгосрочных динамических тенденции Восточной Азии: тяготение периферийных стран к отдельным субрегионам вследствие объективно существующих связей, оппонирование процесса стягивания Восточной Азии в макрорегион и торможения двусторонних взаимодействий вследствие нерешённых проблем.

По мнению исследователей, чтобы вписаться в эту региональную архитектуру, а протекавшие здесь процессы использовать в свою пользу, США делали ставку на межгосударственные политические отношения, в первую очередь на своих союзников, а также на Индию, чтобы сформировать тихоокеанское пространство на выгодных для себя условиях, а также подготовиться к потенциальному будущему противостоянию с Китаем. Чтобы обеспечить себе место полюса во взаимодействиях стран АТР и СВА, Вашингтон предпринял две попытки по построению многосторонних форматов: четырёхстороннего взаимодействия Quad и шестисторонних переговоров, касавшихся ядерной проблемы Корейского полуострова.

Для описания трансформирующихся отношений в СВА Б. Уомак [153] предложил концепцию многоузлового мира. Она основывается на том, что после 2008 г. усилились интенсивность и разнообразие способов межгосударственных взаимодействий. Под узлами понимаются точки конвергенции взаимоотношений, большие узлы способны притягивать большее количество взаимодействий и тем самым формировать каркас регионального и международного полей, но при этом они не способны контролировать малые узлы. В целом, в условиях глобализации, по мнению Б. Уомака, двусторонние отношения стран характеризуются асимметрией, усиленной взаимосвязанностью, дихотомией общих проблем и разных политически мотивированных взглядов на пути их решения. Б. Уомак касается двух плоскостей существования СВА: экономической и политической. В

[153] Womak B. Northeast Asia in a Multinodal World // East Asia. – 2014. – Vol. 31. – № 3. – P. 171–182.

первой из них он выделяет два узла: США и КНР, при этом он указывает на асимметричное развитие хозяйства и технологий стран региона: как правило, количество не свидетельствует о качестве, при этом и количество и качество не свидетельствуют о степени независимости национальных экономик от импорта узлов и технологий, необходимых для производства готовой продукции. Для политической сферы характерна низкая степень интеграции, что повышает риск конфликта. Также Б. Уомак ставит вопрос о страновом составе СВА. К его ядру отнесены Китай, РК, КНДР, Япония. США, по его мнению, хотя и претендуют на то, чтобы быть одним из узлов СВА, присутствуют в регионе посредством исторически сложившихся экономических и политических связей, российский Дальний Восток выступает сопредельной территорией для регионального ядра, Тайвань становится частью региона по мере усиления напряжённости в отношениях с КНР[154].

В исследовании М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе [155], хотя и посвященном внешней политики США в отношении Восточной Азии после окончания холодной войны, акцент сделан на политических и военно-политических проблемах, как ключевых для динамики региона. При этом вовлечённость Соединённых Штатов в соответствующие процессы авторы считали ключевым фактором, определившим вектор и характер регионального развития. Оно зависело от роста роли многосторонних форматов и изменения позиций стран региона, глобального контекста военно-политических проблем, роли международных ситуаций в региональной архитектуре отношений. Это можно рассматривать как альтернативу

[154] Представляется, что Б. Уомак концептуально, хотя и крайне сжато, переосмыслил исследование Г. Розмана, в котором в качестве проблем формирования СВА как единого региона называлась неравномерность развития стран региона и, как следствие, его периферийное для вовлечённых государств положение с точки зрения и географии и интересов, хронологическая асинхронность внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив в рамках двусторонних отношений, которая стала следствием того, что правительства не учитывали готовность другой стороны принять те или иные предложения, существенное расхождение взаимных представлений друг о друге, высокая роль негативной исторической памяти, которые сдерживали налаживание партнёрских отношений в регионе. Как следствие СВА представляется у Г. Розмана как пространство, формируемое рассинхронизированными двусторонними контактами, в то время как Б. Уомак стремится найти точки соприкосновения. См.: Rozman G. Northeast Asia Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

[155] Крупянко М.И., Арешидзе А.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010.

точке зрения А.Д. Богатурова [156], считавшего экономическую подсистему доминирующей в отношениях стран АТР, которая стала следствием развития экономической кооперации при участии стран СВА и примат которой приняли в США в своих отношениях с восточноазиатскими странами.

Более подробно положение в регионе проанализировали австралийские политологи Ш. Хамейри и К. Джайасурия[157]. По их мнению, оно характеризуется тремя парами дихотомий: секьюритизация нетрадиционных проблем и доминирование традиционных проблем «жёсткой» безопасности, противопоставление интересов одной страны интересам группы стран, противопоставление интересов двух стран друг другу. И хотя авторы прямо не называют США, ссылки на документы американского правительства свидетельствуют, что ими признаются усилия Соединённых Штатов косвенно проникнуть в различные форматы взаимодействия, формируя внешний нарратив, интерпретируя состояние региона и функциональных подсистем, опираясь на свой авторитет.

В.И. Балакин [158] же продолжал придерживаться традиционной с момента публикации монографии А.Д. Богатурова точки зрения об экономической подсистеме в Восточной Азии как определяющей межгосударственные отношения со всеми партнёрами, взаимодействующими с восточноазиатскими странами.

М. Судзуки[159] указывал на сложность архитектуры АТР и СВА как его части. Она характеризовалась принятием странами региона международных режимов, как юридических способов решения типичных проблем, развитием общерегиональных интеграционных форматов в экономической сфере, фрагментацией пространства в сфере безопасности и возникновением проблем социальных по своей природе для некоторого количества государств, причём эти проблемы оказывались новыми по

---

[156] Богатуров А.Д. Великие державы на тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны. (1945–1955). М.: Конверт – НОФМО, 1997. С. 214.

[157] Hameiri Sh., Jayasuriya K. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region // Political Studies. – 2011. – Vol. 59. – № 11. – P. 20–37.

[158] Балакин В.И. Восточноазиатский регионализм: политическая мотивация участников интеграции // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №5. – С. 19–24

[159] Suzuki M. Introduction: The rise of formal institutions in the Asia-Pacific region through regime complexity // International Relations of the Asia-Pacific. – 2024. – Vol. 24. – №3. – P. 367–397.

отношению ранее созданной архитектуры. В этих условиях для США единственным способом вписаться в региональную архитектуру оставалось создание альтернативного или оппонирующего интеграционного проекта (или, по крайней мере, предложение своей логики организовать его). Собственно, в период президентства Б. Обамы ТТП после присоединения к нему США претендовало на подобную роль в отношении ВРЭП, где место ведущего торгового партнёра взял на себя Китай, в то время как Япония претендовала на функции технологического лидера.

Отталкиваясь от анализа событийной динамики, А.В Воронцов и П.С. Агальцов [160] характеризовали региональную систему Восточной Азии как подвижную и разнообразную ввиду большого количества интеграционных форматов, которая оказалась благоприятной для оживления старых конфликтных ситуаций и, соответственно, проникновения внешних игроков, что упрощало вовлечение США в дела региона.

Эти немногочисленные исследования свидетельствуют, что фундаментальный региональный каркас АТР и СВА определялся дихотомией сотрудничества и оппонирования, модификацией географических границ региона под влиянием политических ситуаций и социальных проблем.

В подавляющем большинстве случаев исследователи не смогли абстрагироваться от политики конкретных государств и соответственно интерпретировали явные региональные трансформации с её учётом. При этом в центре внимания оказались подходы США и Китая, в меньшей степени Японии и других стран. Именно эти страны трактовались как претенденты на роль регионального лидера, способного выстроить архитектуру межгосударственных взаимодействий с той лишь разницей, что в американском варианте доминировали политические мотивы, а в азиатских – экономические.

[160] Воронцов А.В. Агальцов П.С. Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №4. – С. 7–22.

Акцент исключительно на общие тенденции, ставшие следствием регионального фундамента, был сделан только в работе С.К. Песцова [161]. Характеризуя состояние архитектуры многосторонних отношений в АТР, он назвал её метафоричной из-за того, что в регионе представлены постоянно появляющиеся многосторонние форматы разной степени консолидации и институционализации, что ослабляло многостороннее сотрудничество. Это, по его мнению, открывало пространство для предложения нарративов об устройстве регионов [162], которые обладали двумя характеристиками. Так восточно-азиатские и южно-тихоокеанские обладали экономической направленностью, в то время как американские даже на пике доминирования идей многостороннего экономического сотрудничества не были лишены политической подоплёки. Также период от окончания холодной войны и до первой половины 2010-х гг. С.К. Песцеов характеризует доминированием экономических и партнёрских идей, которому на смену под влиянием внешней политики США приходит период геоэкономических и геополитических концепций, благоприятных для проведения разделительных линий.

Ряд российских востоковедов [163] предложили альтернативную интерпретацию картины взаимодействия стран СВА, поставив во главу угла не проблемный, а страновой и ролевой подходы. Его центром являлись американо-китайские взаимосвязи. Указывалось на существовании в их рамках асимметрии: американская сторона обладала большей политической и военной мощью, в то время как она находилась в зависимости от КНР как ключевого держателя их долговых обязательств и одного из важнейших поставщиков электроники. Менее значимыми, хотя и обладающими достаточной силой и авторитетом, игроками региона названы Россия и Япония, для которых характерна чёткая ориентация на Китай и США соответственно. В наиболее трудном положении оказались страны

[161] Песцов С.К. Меняющаяся институциональная архитектура АТР: представления и взгляды РФ // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе…
[162] Там же; Песцов С.К. Индо-тихоокеанский versus Азиатско-тихоокеанский: дискуссия о перспективах азиатского регионализма // Россия и АТР. – 2025. – №2. С. 8–26.
[163] Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №4. – С. 35–79.

Корейского полуострова. Их политика оценивается как реакция на изменчивую динамику китайско-американских отношений. Чтобы снизить для себя влияние связанных с ней рисков, КНДР стала развивать ракетно-ядерную программу, а РК пошла по пути сохранения военно-политических отношений с США и наращивания торгово-экономических связей с КНР. Таким образом, вновь проводился тезис о доминировании американского политического и китайского экономического начал в регионе, которые определяли не только асимметрию двусторонних отношений, но и вынуждали остальные государства СВА выбирать ту или иную реактивную адаптационную стратегию.

Однако большинство исследователей, хотя и стремились делать акцент на общих видимых тенденциях региона, чётко связывали региональные изменения с действиями конкретных сторон.

А.Л. Лукин [164] выделял следующие рамки интеграционных процессов: высокая вовлечённость бизнеса, осторожное отношение участников к созданию наднациональных структур, сильная технологическая взаимозависимость и одинаковая производственная специализация, ставшие следствием модели «строя летящих гусей», конкуренция между США, Японией и Китаем за региональное лидерство, множество интеграционных проектов и объединений. По мнению автора, эти характеристики, как способствуют более глубокой интеграции стран АТР, так и сдерживают её, а с учётом схожести специализации и наличия трёх центров и вовсе провоцируют конкуренцию. А.Л. Лукин обращает внимание, что такое положение дел способствовало большему экономическому вовлечению США, что с учётом совмещения ими экономической и неэкономической повестки интеграции насторожило азиатские страны. В то же время он прогнозировал потенциальные изменения в американской политике на Тихом океане в 2010-х гг. как только восточноазиатские интеграционные инициативы перестанут отвечать политическим интересам Вашингтона.

---

[164] Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2009; Лукин А.Л. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: теоретические подходы и концепции // Россия и АТР. – 2009. – №2. – С. 33–47.

Коллектив Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова [165] указывал, что усиление восточноазиатских стран, в особенности стран СВА, в 1990-е гг. стало следствием «ухода» США из региона, когда ослабло внешнее американское воздействие на них. В то же время он проанализировал интеграцию в Восточной Азии как институциональные ворота для вовлечения Соединённых Штатов в дела региона посредством многосторонних экономических объединений, которые, в числе прочего, рассматривались в Вашингтоне как инструмент преодоления последствий экономического кризиса 2008 г. и переосмысления курса Дж. Баша-мл.

М.А. Потапов [166] и А.В. Федоровский [167] отмечали, что страны Восточной Азии сравнительно легко преодолели экономический кризис, переориентировав торговые потоки. В то же время он высветил ряд их внутренних проблем, что в совокупности со стремлением США развивать ТТП как альтернативу АТЭС делало идею региональной интеграции сомнительной, а превращение КНР в региональный экономический центр реальным. Как следствие региональная архитектура на Тихом океане обладала потенциалом приобрести биполярный характер вследствие американо-китайского противостояния.

Ещё в ряде работ более подробно раскрывается влияние политики США и интеграционных инициатив на архитектуру региона. А.А. Сидоров [168] проанализировал ключевые тенденции трансформации торгово-экономических отношений в АТР под влиянием формировавшегося ТТП. Он обратил внимание на тот факт, что изначально инициатива объединения исходила от стран, между которыми отсутствовали значимые торгово-экономические связи. Это позволило ему трактовать идею ТТП как стратегическую, как модель будущих торговых соглашений, тем более что повестка переговоров обладала весьма

---

[165] Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014.

[166] Потапов М.А. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №1. – С. 42–52; Потапов М.А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №12. – С. 19–25.

[167] Федоровский А.В. Возможности и проблемы регионального сотрудничества в Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №1. – С. 82–91; Федоровский А.В. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 40–50.

[168] Сидоров А.А. США и Транстихоокеанское партнёрство: проблемы и перспективы // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №11. – С. 14–32.

диверсифицированной структурой, затрагивавшей не только международные нормы, но и национальные стандарты, меры регулирования, тарифы, интеллектуальное право. Впоследствии эта повестка была расширена. Расширилась и география участников переговоров. Присоединение к ним США, которые к тому моменту уже заключили ряд ССТ, определило базовую архитектуру переговоров: с одной стороны ряд вопросов решался сообща, с другой стороны, отдельные вопросы, которые возникали в контексте уже заключённых ССТ, обсуждались в двустороннем формате. В целом, это позволяло примирить многосторонний и двусторонний подходы на этапе переговоров. В то же время оставался открытым вопрос, как повлияет эта торговая инициатива на расклад экономических сил в АТР. А.А. Сидоров указал, что фактически ТТП стало альтернативой не только Китаю, как экономическому центру Восточной Азии, но и АСЕАН с её многосторонними интеграционными инициативами. Вследствие возникновения ТТП более интенсивными стали переговоры в формате «АСЕАН+6», а также прогнозировалось ухудшение торгово-экономических отношений Вашингтона и Пекина. Иными словами, подключение США инициативе о ТТП интенсифицировала интеграционные процессы в Восточной Азии, направленные на постепенное слияние СВА и ЮВА в единый регион.

Анализ, проведённый А.Н. Пановым, [169] позволяет охарактеризовать американский курс как сдерживание «азиатизации Азии». При Б. Обаме эта тенденция усилилась, о чём свидетельствовала американская готовность участвовать в разработке правил интеграционного взаимодействия по широкому спектру вопросов. За счёт этого, по мнению А.Н. Панова, 44-й президент стремился компенсировать отсутствие у США в регионе многостороннего ССТ, а также создать противовес китаецентричным инициативам. В тех случаях, когда многостороннее ССТ заключить было невозможно, США делали акцент на двусторонних соглашениях, теснее связывая экономики азиатских стран с американской, препятствуя формированию единого регионального пространства.

[169] Панов А.Н. США и экономические интеграционные процессы в АТР // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №5. – С. 3–14.

В свою очередь А.Б. Парканский[170] заострил внимание, что американская торговая политика в регионе определялась рядом дисбалансов: зависимость американской экономики от импорта из АТР во всех группах товаров, зависимость АТР от торгово-экономического взаимодействия с США, при том что их торговля с регионом росла только за счёт китайского и вьетнамского направлений. Такое положение, по мнению А.Б. Парканского стало следствием того, что экономическая политика Б. Обамы, нацеленная на преодоление последствий кризиса 2008 г., к концу его первого президентского срока исчерпала внутренние ресурсы и стала ориентироваться на внешние рынки как на приоритетные. Это в свою очередь указывало на кризис экономического курса США, в целом, а также создавало предпосылки для кризиса региональной торгово-экономической модели, основанной на пришедших из Соединённых Штатов идеях неолиберализма.

Мнение Юань Пэна[171] уточняет точку зрения А.Б. Парканского, поскольку к ключевым торгово-экономическим дисбалансам США он относит деиндустриализацию США, вынос производств, начавшийся в 1990-е гг. Это сделало их зависимыми от внешних рынков и ослабило роль экономических начал их политики в отношении СВА.

Г. Костюнина и В. Баронов [172] указали и на несбалансированность Соглашения о ТТП, несмотря на широчайший охват проблем, которые попадали под его регулирование с целью либерализации региональной торговли. Большое количество двусторонних дополнительных документов свидетельствовало о наличии большого числа спорных моментов в их отношениях. Неравномерны были и роли сторон в торговле и инвестициях друг для друга: для одних стран в число подписантов входило большинство ведущих торговых и инвестиционных партнёров, для других стран в их числе преобладали второстепенные партнёры.

---

[170] Парканский А.Б. Азиатско-Тихоокеанское направление экономической политики США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №2. – С. 3–24.

[171] Yuan Peng. The Financial Crisis and US Economic Hegemony // Contemporary International Relations. – 2009. – Vol. 19.– №5. – P. 24–39.

[172] Костюнина Г., Баронов В, Транстихоокеанское пратнёрство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная жизнь. – 2016. – №2. – С. 90–112.

Это также выступало объективными сдержками усилий, основанных на американских неолиберальных идеях.

В исследовании Лю Бо[173] также проводилась мысль, что большое количество двусторонних противоречий окажется сильнее тенденций на либерализацию и интеграцию, что на практике было способно ослабить идейное влияние США в регионе. Причина этому, по мнению Я. Комори[174], была в слабости неформальных участников переговоров при силе двусторонних межгосударственных торгово-экономических отношений. Как следствие чрезмерный акцент на межправительственном взаимодействии сохранял за вовлечёнными государствами (включая США) первостепенную роль в определении региональной архитектуры и её трансформации.

Иными словами, американское начало в торгово-экономической архитектуре АТР в 2009–2016 гг. стало логичным продолжением роли, какую играли США при либеральном торгово-экономическом порядке в прежние годы, как следствие оно способствовало сохранению противоречий в регионе, происходивших как из организации межгосударственного взаимодействия, так и из самих неолиберальных идей, которые не всегда соответствовали реальности.

Я.В Лексютина[175] в свою очередь уточняет, что в качестве ресурса по трансформации архитектуры Восточной Азии (в т.ч. и СВА) в соответствии с американскими интересами в Вашингтоне рассматривали не только торговые, но и военно-политические объединения.

Достаточно подробно военно-политическую архитектуру региона и политику США описал Сунь Жу[176]. На её характер повлияли исторические обстоятельства. Во-первых, в регионе многосторонние организации никогда не были устойчивыми. Во-вторых, в предшествующее столетие накопилось немало опасений и предрассудков американских союзников в отношении друг друга. В-третьих,

---

[173] Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. – С. 56–66.
[174] Komori Ya. Regional Governance in East Asia and the Asia-Pacific // East Asia. 2009. Vol. 26. № 4. P. 321–341.
[175] Лексютина Я.В. «Возвращение в Азию» – внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №9. – С. 17–34.
[176] Sun Ru. The Prospects of the United States' Asia-Pacific Alliance System // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 54–75.

эволюция системы международных отношений на рубеже XX – XXI вв. способствовала тому, что разные союзники и партнёры США по-разному ранжировали угрозы по степени приоритетности. В этих условиях Вашингтон был вынужден пойти по пути построения кластеров-треугольников, для чего использовал консультации на полях встреч в рамках многосторонних форматов, в т.ч. не имевших отношения к обеспечению безопасности. Цель этих консультаций состояла в том, чтобы содействовать углублению кооперации и повышать степень доверия между сторонами. При этом, как замечает Сунь Жу, треугольники были организованы так, что вместе с США в состав каждого из них входила Япония, что делало её ключевым американским союзником в АТР.

Т. Сатаке и Дж. Хеммингс [177] проанализировали американоцентричную архитектуру отношений в АТР в области безопасности. Её основой обозначены американские трёхсторонние квазиальянсы. Их появлению кроме отсутствия в регионе многосторонних структур типа НАТО способствовали: опасения сторон спровоцировать региональную гонку вооружений, риск попасть во «внутриальянсовую ловушку угрозы»[178], действия стран региона с оглядкой на США как ключевого их союзника, диверсификация и случайная сегментация взаимодействия США и их союзников в обеспечении безопасности в 1990-х гг., развитие двусторонних отношений между союзниками Соединённых Штатов без их участия. На практике же эта система оказалась хрупкой и неустойчивой: ввиду отсутствия формализованных союзнических отношений их существование оказывалось в зависимости от партийных интересов сменявших друг друга правительств.

Однако, основные региональные трансформации в военно-политической сфере и вопросах обеспечения безопасности, по мнению Я.В. Лексютиной [179],

[177] Satake T., Hemmings J. Japan – Australia security Cooperation in the bilateral and multilateral contexts // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 815–834.

[178] Под внутриальянсовой ловушкой угрозы понимается необходимость реализовать союзнические обязательства в отношении другого участника альянса в случае возникновения угрозы, которая не имеет прямого отношения к данной стране, но опасна для союзника.

[179] Лексютина Я.В. Обострение напряжённости в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №5. – С. 30–41.

группы П.А. Калмычека[180], Сунь Жу[181], Фу Ин и У Шицунь[182], М.И. Мэгкэймита и А. Тана[183] коснулись ЮКМ, что позволяет говорить, что в мировой историографии доминирует точка зрения, что сугубо американское начало слабо воздействовало на проблемные характеристики региональной безопасности.

По-иному расставляют акценты исследователи акваториального и территориального спора в Восточно-Китайском море (ВКМ). Они признают, что основные его причины имеют юридический и экономический характер ввиду того, что стороны не провели делимитацию морского пространства, богатого углеводородами и вызывающего интерес у китайских и японских компаний[184]. Однако, такое положение дел упрощало проникновение в регион внешних игроков. По оценкам С. Ито в сугубо экономическом плане Россия поставками углеводородов была способна стабилизировать ситуацию[185]. Её подходу противодействовали США, которые, как пишут австралийский и сингапурский политологи Ян Фан и Ли Минцзян[186], использовали обострение ситуации в ВКМ и ЮКМ и смогли укрепить военно-политические союзы в АТР.

В то же время нельзя не отметить, что подавляющее большинство исследователей связывают важнейшие региональные трансформации в АТР и СВА с Китаем и американо-китайским противостоянием, которое было проанализировано как комплексное, экономическое и (военно-)политическое явление.

---

[180] Калмычек П.А., Кистанов В.О. Леонтьева Е.Л. Япония: текущие проблемы политики, экономики, дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №4. – С. 37–54.

[181] Sun Ru. Op. cit.

[182] Фу Ин, У Шицунь. Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 36–54.

[183] Magcamit M.I., Tan A.C. East and South China Seas Maritime Dispute Resolution and Escalation: Two Sides of the Same Coin? // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – №2. – P.113–134.

[184] Семин А.В. Токио – Пекин: конфликтный потенциал сохраняется // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №4. – С. 104–109; Гордеева И. В. Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №1. – С. 40–47; Стрельцов Д.В. Япония: новая парадигма безопасности в свете обострения территориального спора с Китаем // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №1. – С. 53–62; Liao J. X. Sino-Japanese Energy Security and Regional Stability: The Case of East Chian Sea Gas Exploration // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №1. – P. 57–78; Au Kung Wing. The East China Sea Issue: Japan – China Talks for Oil and Gas // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – № 3. – P. 223–241.

[185] Itoh S. China’s Surging Energy Demand: Trigger for Conflict or Cooperation with Japan? // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №1. – P. 79–98.

[186] Yang Fang, Li Mingjiang. Comparing China’s Claims and Policies in the East and South China Seas: Implications for Regional Security // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – №2. – P. 135–156.

Так Л.Г. Арешидзе[187] трактует политику КНР и США в отношении друг друга как последовательные реакции на усиление их положения в регионе. Следствием этого она называет зависимость СВА от динамики двусторонних отношений и формирующейся «новой биполярности».

В качестве одной из ключевых трансформаций мира после окончания холодной войны Т. Дж. Кристенсен[188] называет постепенное возвышение Китая. Он происходило по трём направлениям: постепенное превращение в ведущего торгово-экономического партнёра для стран, представляющих разные регионы мира, которое сопровождалось ослаблением аналогичных позиций США; рост китайской вовлечённости в многосторонние структуры и организации; усиление военной мощи. В Восточной Азии это повлекло следующие изменения. Во-первых, вовлечение КНР в международные экономические процессы зависело от размещения на её территории иностранных производств, что превратило её в ядро производственно-сбытовых цепочек. Во-вторых, в регионе развилась производственная взаимозависимость. В-третьих, экономика играла роль амортизатора в вопросах безопасности, предотвращая развитие негативных силовых сценариев. Реагируя на эти тенденции, США сначала попытались построить отношения с КНР на основе примата политических императивов, но позднее под давлением групп интересов пересмотрела этот подход в пользу экономического. С учётом этих тенденций, как указывает Т. Дж. Кристенсен, администрация Дж. Буша-мл. сформировала модель взаимодействия с Китаем. Она включала в себя поиск китайской поддержки американским глобальным и иным международным инициативам, вовлечение КНР в международные западные институты, развитие региональных диалогов, запуск прообраза СЭД в 2006 г. как площадки для обсуждения проблем, способных повредить развитию двусторонних отношений. Последний формат, как считает автор, стал ответом США на резкий рост поставок из КНР в США. Другой переломной точкой называется кризис 2008

[187] Арешидзе Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. М.: Международные отношения, 2007.
[188] Christensen T. J. Op. cit.

г., после которого рост экономической силы Китая становится всё более осязаемым, а американское влияние, наоборот, сокращается. Здесь корень проблемы видится в том, что неоднородная по своему составу администрация Б. Обамы не смогла предложить свою модель отношений с КНР, вследствие чего оказалась в заложниках взглядов и моделей предшественников, в время от времени прибегала к разовым действиям имиджевого характера. Это определило, что несмотря на видимый приоритет экономических вопросов, которые представляли общий интерес, сохранялся потенциал для ухудшения американо-китайских отношений вследствие того, что политические проблемы, вызывавшие между сторонами разногласия, не ушли, а просто были на время затушёваны.

Анализируя общее состояние американо-китайских отношений, Ню Синьчунь [189] указывает на наличие трёх фундаментальных их характеристик. Первой называется взаимная зависимость, которая в экономической сфере характеризуется выгодами взаимной дополняемости, в военной – соревнованием, в политической – соревнованием и взаимодействием из-за решения общих проблем странами с разным политическим строем. Вторая фундаментальная черта связана с комплексной взаимозависимостью перечисленных трёх сфер. Здесь динамика отношений такова, что проблемы в одной сфере могут спровоцировать проблемы в других, как и успех в одной из них может способствовать достижениям в других сферах. Третьей характеристикой названа хрупкость из-за разницы в подходах и интерпретациях проблем. В частности, с американской стороны таковыми стали восприятие территориальных и акваториальных споров в Восточной Азии, проблемы Тайваня, прав человека в Тибете и Синцзян-Уйгурском автономном районе, интерпретация военной стратегии КНР. Иными словами, в целом, подтверждалась точка зрения Т. Дж. Кристенсена.

[189] Niu Xinchun. Sino – US Relations: Dependence and Fragility // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1. – P. 74–95.

А.В. Сёмин[190] и Чжао Синь[191], исследовав общие контуры архитектуры торгово-экономических отношений в АТР, заключили, что усиление Китая как одного из торгово-экономических полюсов и производителя продукции машиностроения привело к диверсификации хозяйственной силы в регионе, которой прежде обладали только США и Япония, как следствие американские позиции ослабли. М.А. Портной[192] и В.Е. Петровский[193] считают, что в АТР вследствие национальных внешнеэкономических курсов в середине 2010-х гг. сложилась двухполюсная система торгово-экономических отношений. Одним полюсом выступали США, сгруппировавшие вокруг себя членов ТТП, вторым – Китай, продвигавший идею ВРЭП и трёхстороннего сотрудничества с РК и Японией. Идеи биполярности в Азии и на Тихом океане, основанной на интеграционных объединениях, лидерами которых были США и Китай, придерживаются также С.В. Севастьянов[194], Е.Я. Арапова[195], Дж. Ли[196], Чан Минхуа[197], Лю Бо[198].

Т. Кикучи[199], анализируя трансформацию архитектуры торгово-экономических отношений в АТР к 2015 г., пришёл к противоположному выводу, что конкурентный подход для АТР и СВА будет гибельным, а ТТП и ВРЭП как два крупнейших интеграционных проекта дополняют друг друга. Близкую ему позицию занял Фу Мэнци[200].

---

[190] Семин А.В. Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №6. –С. 45–51.

[191] Чжао Синь. Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 41–55.

[192] Портной М.А. Трансокеанские партнёрства – новый этап мирового интеграционного процесса // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №8. – С. 73–84.

[193] Петровский В.Е. Россия и азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция. В поисках «точки входа» // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №5. – С. 4–18.

[194] Севастьянов С.В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – №4. – С. 5–12.

[195] Арапова Е.Я. Интеграция стран Восточноазиатского саммита и интересы США // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №5. – С. 65–70.

[196] Lee J. America Rising. Indispensible Again in Asia // World Affairs. – 2016. – Vol. 179 – № 1. – P. 22–29.

[197] Chiang Min-Hua. The Potential of China – Japan – South Korea Free Trade Agreement // East Asia. – 2013. – Vol. 30. – №3. – P. 199–216.

[198] Лю Бо. Ук. соч.

[199] Кикучи Т. Новый порядок в АТР. Японский взгляд на экономические процессы // Россия в глобальной политике. 2015. – №6. – С. 164–175.

[200] Fu Mengzi. Tackling Challenges in the Global Economy and Building a New World Order – China Influence and U.S. Factors // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 1–9.

Однако, наиболее системно эту исследовательскую позицию изложил Сон Гуою[201], который отмечал, что в регионе сталкиваются три подхода к организации многостороннего взаимодействия и две её формы. Первый подход был сформирован АСЕАН, ориентированный на обеспечение стабильности, второй – Китаем и имел выраженные политические оттенки, третий – США и отвечал их глобальным устремлениям. В качестве форм экономической интеграции он выделил две: создание страновых «кустов» двусторонних соглашений со средними по размерам экономиками и многосторонние форматы. Запуск многосторонних инициатив в этих условиях фактически привёл к столкновению восточноазиатского и американского подходов, последний оценивается нацеленным на вытеснение Китая на обочину мировых экономических процессов, вследствие чего Пекин стал развивать сотрудничество с другими странами в форматах «путей» и «коридоров».

Некоторые исследователи склонны считать, что видимое большинством коллег противостояние интеграционных инициатив США и КНР, имеет глубинные системные корни.

По оценкам Дж. М. Оуэна[202], на период президентства Б. Обамы пришёлся начальный этап трансформации мирового порядка. Она характеризуется кризисом либерального порядка, который, по оценкам исследователя, был призван защитить демократический строй и глобальную американскую империю, и всё более активным стремлением КНР построить собственный порядок после прихода к власти Си Цзиньпина. При этом у последнего выделяются следующие характерные отличия: отказ от военно-политических альянсов, отказ от силового продвижения идеологии и строя, но китаецентричная экономическая интеграция, рост зависимости стран через долг, транспортные и торговые операции, вовлечение в финансовые институты, созданные Китаем. При этом Дж. М. Оуэн подчёркивает, что китайское правительство не намерено отказываться от выгод, которые приносит ему либеральный порядок. Это позволило ему сделать вывод, что с 2013

[201] Song Guoyou. Competition for Rules: China, the United States and East Asian FTA Negotiations // East Asian Review. – Vol. 16. – 2015. – P. 41–52.
[202] Owen J.M. Two emerging international orders? China and the United States // International Affairs. – 2021. – Vol. 97. – №5. – P. 1415–1431.

г. присутствует конкуренция китайской и американской версий мирового порядка, которая выражается в создании стратегических нарративов, создании альтернативных многосторонних форматов и международных институтов, при этом Соединённые Штаты были вынуждены защищать либеральный порядок перед лицом усиливающегося Китая, т.к. этот процесс потенциально мог запустить новую модель глобализации, не отвечающую американским интересам.

С. Лобелл и Дж. Эрнстсен[203] исследовали трансформацию мировой торговой архитектуры. Они исходят из того, что большое влияние на неё оказывает экономическая модель доминирующего государства. Когда произошло усиление США, они выстроили либеральную модель на основе свободной торговли и блокового подхода. Она предполагала, что в центре системы находится лидер, вовлекающий в свою орбиту единомышленников. Либеральный торговый порядок прошёл три этапа: региональный, глобальный, которые подразумевали развитие, и кризисный. Для последнего характерно противостояние сторонников либерального подхода и модели, предполагающей различные ограничения. В условиях кризиса американского либерального порядка произошло возвышение Китая, который последовательно прошёл стадии стороны, принимающей торговые правила, создающей правила, формирующей правила. При этом авторы обращают внимание на следующую антиномию внешнеэкономической политики КНР. С одной стороны, её воплощением является ИПП, которая трактуется как расширение сферы влияния, где будет продвигаться китайская модель государственного капитализма. С другой стороны, она реализуется в рамках ВРЭП, основанном на принципах свободной торговли. Рост китайского экономического влияния в мире вызвал опасения США, что их вытеснят с зарубежных рынков, при этом администрация Б. Обамы, по оценкам исследователей, не дала внятного ответа на данные изменения, вследствие чего обострилась политическая обстановка, вызванная ростом недоверия между Вашингтоном и Пекином.

[203] Lobell S.E., Ernstsen J. The liberal international trading order (LITO) in an era of shifting capabilities // International Affairs. – 2018. – Vol. 97. – №5. – P. 1489–1504.

Другая группа исследователей больше внимания уделяла политическим и военным аспектам соперничества США и КНР.

Наиболее полно эту проблему проанализировали Чжао Сушен и Ци Сюн[204]. Они характеризовали положение Соединённых Штатов как доминирование, ставшее следствием окончания холодной войны, и стремление построить свою версию региона на основе военно-политической повестки. Положение Китая, который получал выгоды от ведомого США порядка, зависело от его внутренней политики, хозяйственного развития, эволюции стратегических подходов китайского руководства. Таким образом, отношения между США и КНР представлены как конкуренция внешнеполитических императивов и моделей внутреннего развития, в которой Вашингтон обладал преимуществами.

Развивая этот аналитический сюжет, А.В. Волошина[205] называет усиленное военное строительство в КНР ответом на азиатско-тихоокеанский курс Б. Обамы, воспринятый в Пекине как окружение Китая.

Юань Пен[206] считает, что противоречивый характер американской политики в отношении КНР, которая совмещает противостояние и партнёрство, определён особенностями положения в СВА. К ним отнесены следующие: возрастающий региональный дисбаланс вследствие усиления Китая и развития ядерной программы КНДР, перестройка военной стратегии США в следствие переосмысления американского места в мире Б. Обамой, часто и интенсивно возникающие в регионе международные ситуации. Южнокорейский политолог Ю Чан Ёль[207] считал политику Вашингтона в отношении КНДР в начале XXI в. прологом к эксплуатации образов «угроз» и её влиянию на отношения США с другими странами региона.

---

[204] Zhao Susheng, Qi Xiong. Building a New Model of US – China Relationship in East Asia // East Asian Review. – Vol. 16. – 2015. – P. 123–158.

[205] Волошина А.В. Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №6. – С. 12–24.

[206] Yuan Peng. China – U.S. Handshake in Northeast Asia // Contemporary International Relations. – 2011. – Vol. 21. – №1. – P. 11–24.

[207] Yoo Chan Yul. North Korea’s Resurgence and China’s Rise: Implications for the Future of Northeast Asian Security // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №3. – 293–316.

Индийский исследователь Б. Челлани[208] указывал, что США стремились реализовать в отношении Китая новый вариант стратегии сдерживания: с одной стороны, им удалось укрепить отношения с рядом стран по периметру Китая, с другой стороны, запуск СЭД автор оценил как реакцию, что американское правительство с пониманием относится к китайским внешнеполитическим амбициям.

Многосюжетной и противоречивой представляется статья Дж. Миршаймера[209], посвящённая перспективам американо-китайского противостояния и его влияния на АТР. В целом, она отражала растерянность американского экспертного сообщества касательно подъёма Китая в конце 2000-х гг.: констатировалось, что американское стратегическое главенство исчезало, стратегическая конкуренция КНР и США будет вовлекать другие страны. Рост мощи Китая, прежде всего, связывался с усилением его ВМС, которым отводится оборонительная роль. Это, по мнению Дж. Миршаймера стало ответом на присутствие наступательного американского оружия вблизи Китая. В статье приводился тезис, что в будущем китайское правительство будет копировать американскую модель поведения в мире, а Соединённые Штаты таким образом втягивались в неизбежное противостояние с Китаем.

И.В. Гордеева[210] в росте напряжённости между США и КНР видела потенциал для сплочения американских союзников на основе поддержки Тайваня. А А.В. Фененко[211] прямо указывал, что «тайваньский фактор» является определяющим для американской военной политики в отношении Китая, включая политику ядерного сдерживания.

Значительной роли «тайваньского фактора» в обострении американо-китайских отношений, по мнению В.И. Трифонова[212], способствовали сами США,

---

[208] Челлани Б. Тень Китая над Азией и политика США // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8. – №6. – С. 161–178.
[209] Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. – P. 381–396.
[210] Гордеева И.В. Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. –С. 45–55.
[211] Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.
[212] Трифонов В.И. Тайваньский вопрос на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 28–36.

которым по политическим мотивам выгодно сохранение собственной администрации на острове, поскольку среди её руководства тезис о «китайской угрозе» является ключевым при запросах о поставке вооружений на остров. В свою очередь, Вашингтон заинтересован в том, чтобы поддерживать существование этого образа. Тем более, что на самом Тайване, как отмечал А.Г. Ларин, сложилось мощное проамериканское экономическое лобби[213], а акваториальные споры с Китаем, по мнению А. Тана, становились благоприятным контекстом для укрепления и углубления отношений США с Тайванем на антикитайской основе.[214]

Лин Хонгю[215] в свою очередь обратил внимание, что американо-китайское противостояние затрагивает не только традиционные, но и новые политические пространства, включая кибернетическое. Положение в нём, по мнению исследователя, стало следствием разных подходов к кибернетической политике: американский основан на понимании свободы в интернете, а китайский – на многопоточности информации, с учётом того, что разная информация несёт разный, в т.ч. вредный смысл. Это указывало на потенциал будущих разногласий между сторонами и формировало ещё одну потенциальную сферу противостояния.

В качестве общего резюме к этой части академической дискуссии можно привести мнение В. Родкевича[216]: не давая дополнительную смысловую нагрузку своим оценкам, он уточнял, что американо-китайские отношения в течение 2010-х гг. приобретали глобальный характер, как следствие региональная повестка, связанная с СВА, в них могла отойти на периферийную позицию. Это на практике стимулировало другие страны предлагать собственные внешнеполитические инициативы в регионе, чтобы обеспечить для себя более выгодное положение.

В целом, анализ американо-китайских отношений свидетельствовал, что преобладали точки зрения, согласно которым их состояние характеризовалось

---

[213] Ларин А.Г. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 13–26.
[214] Tan A.C. Tipping the Scale: PRC's Military Modernization and Cross-Taiwan Straits Relations // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2015. – Vol. 1. – №2. – P. 127–144.
[215] Lin Hongyu. Google and Sino-U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1. – P. 44–49.
[216] Rodkiewicz W. Zwrot na wshód. Ułomna dywersyfikacja rosyjskiej polityki zagranicznej. Warszawa: Ośrodek studiów wshodnich im. Marka Karpia, 2014.

системным оппонированием в экономической, политической, военной, правовой и иных сферах, при этом само противостояние обладало противоречиями, которые исходили из того, что обе стороны, несмотря на нагнетание напряжённости, продолжали извлекать преимущества, прежде всего, экономического характера из отношений друг с другом.

При этом исследования, в которых затрагивалось бы влияние США на возвышение Китая и как следствие трансформации архитектуры региона в невыгодном для Соединённых Штатов направлении, были редки.

Р.П. Пардо[217] проанализировал шестисторонние переговоры, запущенные при участии США, как площадку, использованную КНР для построения китаецентричной региональной архитектуры в СВА. Хотя, по мнению автора, в целом, условия для достижения этой цели появились ещё в 1992 г., Пекин стал проявлять активность только после начала шестисторонних переговоров и только в их рамках. Для этого предпринимались следующие шаги. Во-первых, Китай пытался в рамках переговоров создать многостороннюю, постоянно действующую региональную конструкцию, о чём свидетельствовало стремление включить все предложения в итоговый документ по результатам переговоров в сентябре 2005 г. Во-вторых, в их рамках, стремясь снизить уровень опасений Сеула и Токио в отношении Пхеньяна, Пекин смог заложить основу для будущего трехстороннего взаимодействия КНР – РК – Япония. В-третьих, ужесточив позицию в отношении КНДР, Китаю удалось закрепить в отношениях с США главенство двустороннего формата. К.В Асмолов[218] указывал, что главные выгоды для Китая были связаны с укреплением дипломатического взаимодействия с участниками переговоров. Иными словами, стремление Соединённых Штатов построить многостороннюю политическую архитектуру СВА способствовало укреплению региональных отношений Китая, который впоследствии в соответствии с ранее приводившимися оценками стал для них оппонирующей силой. В немалой степени такому

[217] Pardo R.P. China and Northeast Assia Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? // East Asia. – 2012. – Vol. – 29. №4. – P. 337–354.
[218] Асмолов К.В. Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №4. – С. 26–36.

положению дел, по мнению Гуй Ёнтао[219], способствовало то, что при Б. Обаме американская политика в отношении КНДР представляла сложное сочетание слабо связанных между собой тактических и стратегических целей курса.

Анализируя роль США в возвышении Китая, Вэй Цзунлэй и Фу Юй[220] считают, что кризис 2008 г., ставший следствием состояния американской экономики, запустил перестройку мировой архитектуры, чем и воспользовалась КНР, усилив свою роль в обсуждении глобальных проблем (ядерное нераспространение, развитие, климат, борьба с эпидемиями), более прочно проникнув в международные организации, укрепив отношения с рядом государств на двусторонней основе.

Р. Каплан[221], анализируя внешнеэкономические и транспортные связи Китая, в 2009–2010 гг. пришёл к выводу, что китайское влияние в течение 2010-х – 2020-х гг. будет распространяться, главным образом, в западном направлении. Последнее будет иметь два вектора: вследствие стремления получить доступ к ближневосточным и африканским ресурсам усилится влияние КНР в Индийском океане, оно будет способствовать формированию нового региона (обозначим его как Индо-Тихоокеанский регион (ИТР)), выполняющего роль связующего звена между Ближним Востоком и АТР. Второй вектор имеет континентальное измерение и касается, прежде всего, контактов со странами Центральной Азии, а также вовлекает Монголию в орбиту китайского влияния. Результатом этого движения на запад Р. Каплан предвидел возникновение обширной сферы китайского влияния в восточном полушарии, которая будет противопоставлена американскому влиянию и присутствию. США в перспективе это ставило перед непростой дилеммой: с одной стороны, никуда не уходили общие для двух стран проблемы безопасности на море, решение которых требовало взаимодействия, с другой стороны, прогнозировалось, что в перспективе китайский военный флот

---

[219] Gui Yongtao. The Future of Korean Peninsula and Major Power Relations in Northeast Asia // East Asian Review. – 2011. – Vol. – 14. – P. 21–38.

[220] Wei Zonglei, Fu Yu. China's Foreign Strategy: Constantly Deepening and Broadening // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 79–95.

[221] Kaplan R.D. Center Stage for the Twenty-first Century. Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – № 2. – P. 16–36; Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 3. – P. 22–41.

станет мощнее американского, что неизбежно приведёт стороны к военно-морскому противостоянию.

В целом, эти исследования указывают, что США, сделав попытки сформировать региональный порядок в СВА, основанный на либеральных экономических идеях и ситуативных многосторонних международных взаимодействиях способствовали укреплению КНР, которая стала выстраивать собственную, независимую от американских идей, сеть международных взаимодействий, что, по оценкам американских исследователей, делало американо-китайское противостояние неизбежным.

В исследованиях о роли США в трансформации СВА упоминается и Япония. К. Уоллес[222] оценивал стратегию Японии по расширению своего влияния как противовес и укрепившемуся Китаю, и США, стремящимся навязать Японии свою точку зрения в вопросах региональной безопасности. В этих условиях Токио реализовывал два ключевых вектора. Первый предполагал развитие инфраструктуры, увеличение торговли и инвестиции в ещё развивающиеся страны, представленные АСЕАН, Бенгальским регионом, Индией и западной частью Индийского океана. Второй вектор был связан с ТТП и предполагал построение горизонтальных связей на Тихом океане и апробацию ряда норм, которые можно было впоследствии включить в Соглашение о ВРЭП и тем самым создать некоторые рамки для поведения Китая, учитывающие японские интересы. Таким образом, Токио стремился сбалансировать свои отношения и снизить зависимость от Вашингтона, который стремился вовлечь японскую сторону в противостояние с КНР на американских условиях, используя опасения японских политиков в отношении «китайской угрозы» и слабость Японии в сопоставлении с военным потенциалом КНР. Иными словами, американская политика в отношении Китая стала для Японии стимулом к тому, чтобы построить сеть региональных контрбалансов.

[222] Wallace C. Leaving (north-east) Asia? Japan’s southern strategy // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 883–904.

Остальные исследователи придерживаются альтернативной точки зрения. М.Г. Носов [223] отправным моментом современного этапа американо-японских отношений называет экономический кризис начала 1990-х гг., вследствие чего в экономической плоскости отношения стали менее интенсивными, а их всплески были связаны с более широким глобальным или региональным контекстом, инициатором которых могла стать любая из сторон.

Как следствие более обширным полем для влияния на региональную архитектуру в рамках реакций на японскую политику становилось военно-политическое.

А. Сакаки и Ю. Нисино[224] оценивали начало 2010-х гг. как благоприятное время для возобновления трёхстороннего сотрудничества в сфере безопасности между Японией, Республикой Корея и США. Однако этому препятствовал ряд факторов. Первым называется историческая проблема «женщин для комфорта» между Сеулом и Токио, которая привела к обострению двусторонних отношений [225]. Вторая проблема связана с разным пониманием угроз. На юге Корейского полуострова КНДР считали угрозой, но выступали за мирное решение корейского вопроса с учётом влияния США и Китая. В Японии ключевым аспектом вопроса считали отказ северокорейской стороны от оружия массового поражения (ОМП). При этом в общерегиональном контексте для Сеула главную угрозу представляли военные программы Пхеньяна, а для Токио – территориальный и акваториальный спор в ВКМ с Пекином. Третья проблема связана с формированием регионального порядка. Япония, по оценкам авторов, была заинтересована в сохранении американоцентричной архитектуры, вследствие чего южнокорейское экономическое сотрудничество с КНР вызывало у японских политиков опасения, что РК вовлекается в китаецентричный порядок. В этих условиях США были вынуждены играть роль стабилизатора, чтобы не допустить

[223] Носов М.Г. Отношения между США и Японией: история взлётов и падений (1791–2020). М.: Весь мир, 2020.
[224] Sakaki A., Nishino Ju. Japan’s South Korea predicament // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 735–754.
[225] На историческую память как фактор, сдерживающий сотрудничество между союзниками Вашингтона в СВА, указывали и А.А. Батакова и В.А. Гринюк. См.: Батакова А.А. Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. –С. 32–44; Гринюк В.А. Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №2. – С. 35–47.

большего ухудшения отношений между своими ключевыми восточноазиатскими союзниками и предотвратить фрагментацию региональной сети военно-политических взаимодействий.

Б. Грённинг[226] считал, что модернизация китайских ВМС вынудила японское правительство пойти на более тесное военное и военно-техническое сотрудничество с США, которое включало большее вовлечение Сил самообороны Японии в осуществление совместных мероприятий, модернизацию японских вооружений, приобретение техники у США, размещение американских вооружение на американских базах в Японии, развитие ракетных технологий, глубокая модернизация флота, в т.ч. подводного, совместное освоение космоса. Таким образом, возвышение Китая стало удобным поводом для роста присутствия американского ВПК на японском рынке, а также укреплением позиций в наиболее технологичных секторах рынка военной продукции. В этой связи С.Р. Нэйджи[227] обращает внимание на рост японского национализма в ответ на рост мощи КНР, который, правда, использовался преимущественно риторически, чтобы не ухудшить отношения с соседями. В этих условиях, по оценкам автора, США превращались в игрока, способного дирижировать японским национализмом в своих интересах: поощрять его в контексте укрепления военно-политического союза и ослаблять его в контексте региональных отношений.

А.Н. Панов[228], Дж. Браун[229] и В.И. Балакин[230] отмечали, что Вашингтон не просто управлял внешнеполитическими ориентациями Токио, но и определил в силу объективных военно-политических тенденций, что важнейшим элементом военно-политического курса Японии в отношении Китая стало укрепление американо-японского альянса.

---

[226] Grønning B. Operational and industrial military integration: extending the frontiers of the Japan – US alliance // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 755–772.
[227] Nagy S.R. Nationalism, Domestic Politics, and the Japan Economic Rejuvenation // East Asia. – 2014. – Vol. 31. – №1. – P. 5–21.
[228] Панов А.Н. США – Япония: модернизация военно-политического союза // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №2. – С. 22–42.
[229] Brown J.D. Japan's security cooperation with Russia: neutralizing the threat of a China-Russia // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 861–882.
[230] Балакин В.И. Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №1. –С. 77–81.

Таким образом, попытки Японии проводить более инициативную политику в СВА, АТР и ИТР, с одной стороны, создали для США отдельные трудности, поскольку приходилось играть модератора с целью вывести внешний курс Токио на приемлемую для себя траекторию, с другой стороны, открывало дополнительные возможности для сдерживания Китая и укрепления военно-политической архитектуры региона в соответствии со своими интересами.

Состояние исследований, в которых затрагивались роль и место США в трансформации архитектуры СВА, позволяет выделить несколько тенденций. Во-первых, независимо от того, какой аспект был исследован (многосторонние региональные форматы, двусторонние отношения, страновые внешнеполитические инициативы и практические шаги), было выделено, что основой американского присутствия в регионе является дихотомия экономического и политического начал, при этом американской стороне было свойственно понимание последнего из них в качестве приоритетного. Во-вторых, в обеих плоскостях США стремились построить собственную, завязанную на себя архитектуру отношений, что проявилось в продвижении либеральных экономических идей, которые способствовали поддержанию выгодного американским экономическим интересам либерального экономического порядка в регионе, а также в построении сети военно-политических «треугольников». В то же время попытки построить многостороннюю как экономическую, так и политическую архитектуру региона способствовали возвышению Китая и обострению американо-китайских отношений в целом ряде сфер, что стимулировало другие страны СВА к выработке самостоятельного курса, позволяющего вписаться в меняющуюся региональную архитектуру на более выгодных для них условиях. Это создало для США дополнительные возможности для укрепления связей с союзниками и усиления влияния на региональные дела. Немаловажным условием для этого выступило традиционное доминирование двусторонних связей как основы восточноазиатской региональной архитектуры. В-третьих, укрепление позиций Китая способствовало тому, что США стали переходить к оборонительной и реактивной стратегии, а экономические элементы в американской региональной политике вследствие

неэффективности внутри- и внешнеэкономических мер по преодолению последствий кризиса 2008 г. стали вытесняться военно-политическими, вследствие чего перспективное противостояние Соединённых Штатов и Китая превратилось в основной вектор регионального развития.

В целом, проанализированные исследования независимо от исследованных в них проблем обладают следующими характеристиками. Во-первых, они свидетельствуют о стремлении проводить сравнительно простые классификации, подчас бинарные, что чрезмерно упрощает сложную картину явления, не позволяет выявить и раскрыть влияние меньших тенденций и явлений на макроуровень. Иными словами, исследователи предпочитали иметь дело с видимыми, легко анализируемыми производными, нежели сложным переплетением скрытых, подспудных факторов, которые складывались в комплексные динамические ансамбли, те в свою очередь определяли вероятность той или иной внешнеполитической тенденции.

Во-вторых, преобладают ситуационные исследования, которые акцентировали внимание на отдельных ситуациях или проблемах внешней политики, вследствие чего её трактовка уподоблялась мозаике из статичных, ограниченных элементов, в то время как системные исследования, которые акцентировали бы внимание на развитии, подчас длительном, тех или иных социальных явлений, связанных с внешней политикой, или её тенденций были представлены значительно реже.

В-третьих, исследователи оказались под очень сильным влиянием окружавшей их действительности, вследствие чего подавляющее количество работ было посвящено американо-китайским отношениям и политике США в отношении КНР, тому, как Вашингтон использовал китайский фактор в восточноазиатской политике. Даже в исследованиях, в которых были продекларированы иные цели и задачи, исследователи не могли избежать обращения к этому аналитическому сюжету.

Вследствие описанного положения сформировалась следующая совокупная трактовка политики США в отношении СВА в период правления Б. Обамы. Ключевыми проблемами внутреннего развития, определившими базовый внешнеполитический вектор, были противостояние сторонников экономического либерализма и реиндустриализации и борьба двух ведущих партий. Внешнеполитический процесс характеризовался сочетанием объективного и субъективного начал, а сам региональный курс совокупностью ограниченных проблем и политических ситуаций при довлеющей конъюнктуре американо-китайских отношений и политики Вашингтона в отношении Пекина. Она выступила контекстом, трансформировавшим системный характер американского присутствия в регионе: вместо экономических инструментов главенствующими стали военно-политические, и уже с помощью них Соединённые Штаты укрепляли своё региональное пространство.

При таких подходах были упущены следующие важные аспекты и характеристики политики США в отношении СВА в период правления Б. Обамы. Для внутренних процессов была характерна более сложная динамика, которая задавалась историческими особенностями американского общества и разными по своему характеру векторами развития, которые на том или ином своём этапе приобретали разное качественное значение. Последнее влияло на содержание и характер политики США в отношении СВА.

При исследовании динамики региона и роли США в трансформации его архитектуры из-за акцента на видимые их проявления были упущены более глубокие и фундаментальные тенденции, определявшие особенности межгосударственных взаимодействий, которые влияли на положение Соединённых Штатов в регионе и воздействовали на выбор стратегий и инструментов, обеспечивавших им присутствие в СВА.

Роль малых, неявных, неформальных структур взаимодействия власти эпизодически затрагивалась в исследованиях, в то же время она присутствует там больше, как характеристика правительства, нежели подчинена задачи реконструировать скрытые способы влияния на внешнюю политику через анализ

межличностных отношений, жизненных стратегий ведомств, персональных профилей лиц, принимавших решения.

Полностью отсутствуют исследования, в которых анализировалась бы культурная сторона внешней политики как роли символов и коллективных представлений об СВА, её странах и американском месте в регионе. Исследования, в которых анализируются тексты стратегического характера, присутствуют, но в них стратегии не воспринимаются как нарратив, с помощью которого американское правительство интерпретирует положение дел в мире, его регионах и место Соединённых Штатов.

Соответственно политика США в отношении СВА на событийном уровне не исследовалась как следствие этих, связанных друг с другом и влияющих друг на друга измерений, которые постоянно развиваются и эволюционируют.

Глава 2. Историческая динамика как фактор эволюции внешней политики США в 2009–2016 гг.

2.1. Социальные трансформации США в начале XXI века

Динамику качественных изменений социально-экономического и социально-политического развития Соединённых Штатов определяет сочетание нескольких векторов, которые характеризуют эволюцию той или иной стороны американского общества, которая в свою очередь определяет состояние конкретного фактора, влияющего на американскую внешнюю политику.

Всего выделяется шесть качественных критериев [1], в соответствии с которыми реконструируется эволюция американского общества. Первый из них – большие асинхронные исторические циклы, которые представляют собой этапы развития социума Соединённых Штатов через призму связанных проблем социально-экономического, социально-политического развития и нахождения выразителей тех или иных интересов у власти. Второй критерий позволяет проследить более дробную динамику политической и властной эволюции, а в центре исследовательского внимания оказываются сроки полномочий президента, администраций, правительств, конгрессменов, сенаторов. Третий критерий касается волнообразного развития политических партий, эволюции их повестки, смены доминирующих идей. Четвёртый критерий касается доминирования определённой идеологии или фундаментальных идей политики, к которым в рамках настоящего исследования относятся кейнсианство и (нео)либерализм. Пятый критерий выводится из доминирования во власти определённой социальной управленческой группы. Шестой критерий – модель организации экономики и промышленного производства.

Базовый для исследуемого периода эволюции американского общества исторический цикл (1978/1985 – 2014/2021) стал ответом на экономический кризис

[1] Приводимое здесь перечисление критериев вовсе не означает, что они существовали в указанный период времени в чистом виде, наоборот, они были тесно переплетены друг с другом, дополняли друг друга, вносили акценты, а порой и противоречия, в связи с чем они были исследованы не в изложенной последовательности, а сообразно логике их существования.

второй половины 1970-х гг., но и сам оказался подорван экономическим кризисом 2008 г. В то же время смена циклов исторического времени в США сопровождается не только кризисом экономики, но также идей и политических программ.

Более внимательное прочтение монографии В.Н. Гарбузова [2], которая методологически опиралась на концепцию циклов американской истории А.М. Шлезингера-мл.[3], позволяет интерпретировать смену циклов более детально. Она характеризуется сменой трёх основных векторов: общественно-политического, властного, экономического. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. она происходила в следующей последовательности. В ответ на кризис кейнсианских идей в период правления Дж. Форда (1974–1976) произошло усиление правого политического фланга. Пик этого процесса связан с резко возросшей популярностью массового низового движения Новых правых, которое популяризировало идеи консерватизма. Она пришлась на 1978 г. В 1980 г. президентские выборы выиграл Р. Рейган, носитель консервативных идей. В 1985 г. после пика протекционистской волны, которая выражалась в большом количестве ограничительных мер, обсуждавшихся конгрессменами, правительство полностью взяло под контроль экономическую политику, которая внутри страны, главным образом, связывалась со снижением налогов и ускоренной амортизацией как антикризисной мерой, а во внешнем измерении со свободной торговлей и валютным регулированием.

Внутри страны курс консерваторов в 1990-е гг. был продолжен У. Клинтоном, представлявшим оппонирующую Демократическую партию. В частности, его правительство расширило налоговые льготы и окончательно сделало ставку на свободную торговлю[4]. Результатом последнего стало заключение Соглашения НАФТА[5], первого многостороннего ССТ в американской истории, и стремление интегрироваться в АТЭС за счёт продвижения повестки, отвечавшей американским интересам, что вызывало защитную реакцию стран региона[6].

---

[2] Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана…
[3] Schlesinger A.M.-Jr. Op. cit.
[4] Печатнов В.О. Ук соч. С. 434, 445–446.
[5] Ранее в 1989 г. было заключено только двустороннее ССТ с Канадой, которое в 1994 г. было заменено на НАФТА.
[6] Liu Fu-Kuo. Op. cit.

В 2000-х гг. Дж. Буш-мл. сделал основной внешнеполитический акцент на Ближнем Востоке. Однако за ближневосточной ширмой происходили иные тенденции, которые были предопределены тем, что и 43-й президент и его соперник по выборам А. Гор, занимавший в администрации У. Клинтона должность вице-президента, выступили с почти одинаковыми предвыборными программами [7] . Так, во внутренней политике администрация президента продолжала использовать привычный инструмент в виде налоговых сокращений[8]. Существовал тогда идейный консенсус между либеральными и консервативными идеологами и во внешней политике: он касался необходимости повсеместного распространения демократии [9] , не ставились под сомнения либеральные внешнеэкономические начала.

После неудач на Ближнем Востоке, который в начале XXI в. отвлекал значительные ресурсы американского внешнеполитического планирования, в последние годы своего президентства Дж. Буш-мл. вновь обратил внимание на азиатско-тихоокеанское направление. В 2006 г. на саммите АТЭС он анонсировал намерение США развивать широчайшую торгово-экономическую кооперацию со странами региона[10]. В том же году по американской инициативе был запущен прообраз СЭД. На самом высоком уровне стороны обсуждали политические проблемы экономических отношений (соблюдение китайскими компаниями прав интеллектуальной собственности, недостаточная, с американской точки зрения, открытость китайской финансовой сферы), вовлечение КНР в западные институты, региональные проблемы. В то же время республиканская администрация не реагировала на кратный рост китайского экспорта. Это указывало на несбалансированность повестки при довлеющем политическом компоненте[11]. В 2008 г. США присоединились к ТТП.

---

[7] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 453.
[8] Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика. М.: Наука, 2008. С. 251–261.
[9] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщённость Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. С. 397.
[10] Liu Fu-Kuo. Op. cit.
[11] Christensen T.J. Op. cit. P. 216–222.

Если наложить исторический цикл на президентские сроки, то получим следующую картину. Основные способы решения проблем были инициированы Р. Рейганом, апробированы У. Клинтоном. Тот факт, что находившаяся в оппозиции партия стала использовать инструменты политических оппонентов, указывал, что они стали восприниматься нормальными и типичными, в 1990-х гг. исторический цикл выходил на свой пик. При Дж. Буше-мл. эти инструменты продолжали использоваться как сами собой разумеющиеся, что указывало на пик цикла. Однако, кризис 2008 г. поколебал эту устойчивость, стал свидетельством того, что прежде эффективные инструменты дали сбой.

Поскольку кризис пришёлся на последний год президентства Дж. Буша-мл., то от правительства Б. Обамы зависело, какие антикризисные инструменты оно задействует. В многом это было предопределено президентской командой, в которой на ключевых постах доминировали сотрудники, прошедшие школы администраций Р. Рейгана и У. Клинтона[12]. Б. Обама последовал привычным республиканским рецептам: были предложены новые налоговые сокращения[13], сделана ставка на внешнеэкономическую интеграцию, а также на поддержку инновационного развития как посредством обеспечения правовых преимуществ, так и с помощью государственных инвестиций, а также косвенных мер, поощрявших кооперацию университетов, государства и бизнеса[14]. Одновременно была сделана ставка и на традиционный для истории США XX – XXI вв. способ поддержки хозяйства, а именно на повышение военных расходов[15]. Таким образом, 44-й президент, вступив в должность, продемонстрировал свою приверженность тогдашнему историческому циклу, который после начала кризиса вступил в фазу упадка, уверенность в эффективности нормальных для него методов.

На первый взгляд может показаться, что экономическая логика правительства Б. Обамы не предполагала ничего нового и не способствовала возникновению новых социально-экономических тенденций. На это указывал тот

[12] Травкина Н.М. Травкина Н.М. Ключевые фигуры экономической команды Б. Обамы…
[13] Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т. Гайтнера…
[14] Экономика США в XXI веке… С. 150–164.
[15] Там же. С. 17–18.

факт, что докризисного уровня экономика достигла только в 2011 г. в условиях того, что восстановительные процессы обладали низкой интенсивностью в сравнении с прежними периодами посткризисного восстановления. При этом освоение федеральных средств, выделенных на экономическую поддержку, растянулось до 2014 г. В то же время, по оценкам экономистов, влияние антикризисных мер на развитие американского хозяйства стало снижаться в 2012 г. [16] , а продлившееся благополучие основывалось на благоприятной для Соединённых Штатов конъюнктуре, которая главным образом, характеризовалась очень низкой (до 3%) инфляцией и невысокими ценами на импортируемое сырьё[17].

Кроме того, нужно понимать, что с середины 2000-х гг. социально-экономическое положение в США характеризовалось двумя противоположными тенденциями. Первая из них стала прямым следствием либеральной внешнеторговой политики, которая поощряла вынос американских производств за пределы США, что снижало занятость. Вторая, представленная реиндустриализацией (решорингом), выступила в качестве противовеса.

По оценкам С.А. Толкачёва, А.Ю. Теплякова, 2014 г. стал переломным в борьбе этих двух тенденций: на 50 000 рабочих мест, созданных в рамках выноса производств, появилось 60 000 рабочих мест в ходе реиндустриализации. С начала XXI в. этот год стал первым, когда было зафиксировано более благотворное влияние решоринга на рынок труда, нежели оффшоринга. Более того, как подчёркивается авторами, инициативы возвращения производств не только использовали преимущества политики федерального центра, но и находили поддержку у штатов. Следствием этого в ряде них стало усиление позиций машиностроительных отраслей, а также новейших отраслей, возникших в конце XX – начале XXI вв. и связанных, главным образом, с биотехнологическим комплексом[18]. Кроме того, штатная поддержка реиндустриализации в ряде случаев

[16] Там же. С. 11, 66–68.
[17] Ануреев С.В. Инфляционный всплеск второй половины 2020-х годов. Прогноз на основе данных США по сырьевым цинам и минимальной оплате труда с 1946 г. // Проблемы прогнозирования. – 2024. – №1. – С. 168–182.
[18] Толкачёв С.А., Тепляков А.Ю. Ук. соч.

позволяла не только поддерживать производственную специализацию, но и превращать её в экспортную. (Приложение 1)

Несмотря на то что реиндустриализация выступала оппонентом либеральных хозяйственных тенденций, приверженцем которых был Б. Обама, не следует принижать роли его политики в стимулировании этой перестройки. Поддержка, финансовая, юридическая, консультативная, какую оказывала федеральная власть не только исследовательскому ядру, но и новым научным центрам, способствовала трансферу разработок в производство[19], что стало одним из факторов укрепления позиций обрабатывающих отраслей. В 2012 г. в ходе президентской кампании Б. Обама пытался позиционировать себя сторонником инновационного развития и восстановления промышленной самодостаточности[20].

Кроме того, 2014 г. следует считать переломным и для военной промышленности, когда была издана Программа третьей компенсации, которая делала ставку на повышение технологичности вооружений, их миниатюризацию, использование наиболее передовых технологий их производства[21]. В качестве приоритетных направлений публично были обозначены разработка и производство противоспутниковых и противоракетных систем, дронов, кибероружия, модульных платформ, модернизация ракетных систем, авиации и ВМС, человекомашинных экосистем и сетей[22].

При этом осуществление этой программы требовало более напористой и агрессивной внешней политики, которая оправдывала бы модернизацию вооружённых сил. По мысли американского экспертного сообщества, в центре таковой нужно было поместить Китай, а сама политика в его отношении распространиться не только на АТР, но и Индо-Тихоокеаснкий регион (ИТР)[23].

Это указывало, что, исчерпав к 2012 г. ресурсы либеральных инструментов развития экономики, правительство Б. Обамы предприняло попытку внедрить

---

[19] Экономика США в XXI веке… С. 162–164.
[20] Глобальная перестройка… С. 108.
[21] Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Ук. соч.
[22] Remarks on “The Path to an Innovative Future for Defense”. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter. Oct. 28, 2016. URL: http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/990315/ (дата обращения: 03.12.2016).
[23] Economy E.C. Op. cit.; Malik M. Op. cit.; Harris P. Op. cit.; Mearsheimer J.J. Op. cit.

иные стимулы хозяйственного развития, не имевшие прямой связи с либеральной экономической мыслью. Более того, присутствовали отдельные признаки, что формируется общественная коалиция, поддерживающая эти правительственные начинания.

Однако, в течение последних двух лет своего президентского срока Б. Обама уклонился от проведения активной политики: это выразилось в том, что под воздействием благоприятной конъюнктуры он по-прежнему стремился использовать различные либеральные инструменты для развития американской экономики, но в отдельных ключевых случаях проявлял крайне высокую осторожность, как в случае с ратификацией соглашения о ТТП. Поскольку оно мыслилось ключевым внешнеэкономическим проектом администрации, квинтэссенцией экономического либерализма, инструментом поддержки американского хозяйства, а к организации переговорного механизма отношение имел сам президент, такое его поведение указывало на шаткость прежних подходов при активно изменявшихся социально-экономических реалиях.

Достаточно сложный конгломерат представлений о трансформирующейся военно-политической архитектуре АТР был характерен и для министерства обороны. В 2014 г., с одной стороны, выступление Ч. Хейгела указывало на то, что в центре американских военно-политических интересов находится регион ЮКМ и ЮВА, которые в странах, имеющих выход к Индийскому океану, воспринимаются как ядро ИТР[24], с другой стороны, большое внимание, уделённое проблемам СВА и Тихого океана, свидетельствовало, что восточноазиатское и тихоокеанское направления, как их принято в США обозначать официально, сохраняют большое значение для американского военного планирования. В 2015 г. в выступлениях Э. Картера, предназначенных для внутренней[25] и международной аудитории[26], наряду

[24] IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, Singapore, Saturday, May 31, 2014. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1857 (дата обращения: 03.12.2016).
[25] Remarks on the Next Phase of the U.S. Rebalance to the Asia-Pacific (McCain Institute, Arizona State University). As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Tempe, AZ, Monday, April 06, 2015. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1929 (дата обращения: 03.12.2016).
[26] IISS Shangri-La Dialogue: “A Regional Security Architecture Where Everyone Rises”. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, Saturday, May 30, 2015. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1945 (дата обращения: 03.12.2016).

с признанием значимости АТР было чётко обозначено стремление Пентагона заменить азиатско-тихоокеанское направление на индо-тихоокеанское, поскольку к числу важных партнёров США была отнесена Индия.

В целом, это свидетельствовало, что правительство Б. Обамы в 2015–2016 гг. оказалось в ситуации стратегической фрустрации: с одной стороны, оно не было готово к тому, чтобы отказаться от прежних внешнеполитических инициатив, которые к концу срока выглядели устаревшими, чтобы смириться с новым тенденциями социально-экономического развития, которые стали непредвиденным следствием его курса; а с другой стороны, отдельные ведомства предпринимали самостоятельные усилия, чтобы взять под контроль явления и тенденции, относящиеся к наступавшему историческому циклу.

Приход Д. Трампа в Белый дом в 2017 г. ознаменовал более уверенный переход к новому периоду американской истории: США вышли из ТТП, продукта либеральной эпохи, заключили торговое соглашение с Японией, которое обеспечивало экономический рост в Соединённых Штатов за счёт иностранных инвестиций в одни отрасли американского машиностроения и сбыта продукции его других отраслей за рубежом [27] , ИТР впервые был упомянут на уровне стратегического планирования[28].

В то же время первое президенство Д. Трампа ознаменовалось ожесточённой политической борьбой, часто носившей оттенок скандалов. Она прекратилась с избранием Дж. Байдена на пост президента США, который, однако, усилил позиции Индо-Пацифики в американском стратегическом планировании, издав региональную стратегию, [29] и выступил с инициативой Индо-Тихоокеанской экономической основы процветания, в основе которой лежали торгово-экономические и технологические сети, замкнутые на Соединённые Штаты[30], что

[27] Fact Sheet on U.S. – Japan Trade Agreement. URL: https://www.ustr.gov/about-us/policy-officies/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement (дата обращения: 07.04.2020).
[28] National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf (дата обращения: 28.12.2017).
[29] Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 06.04.2022).
[30] Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-hndo-pacific-economic-framework-for-prosperity (дата обращения:02.06.2023).

указывает на развитие идей, заложенных Д. Трампом в американо-японское торговое соглашение 2017 г.[31]. Это свидетельствует, что смена исторического цикла, происшедшая в 2014 г. в экономике, продолжилась сменой президентов как носителей идей в 2016 г. и завершилась в 2021 г. стабилизацией внутриполитической ситуации.

В теоретическом аспекте реконструированная картина подтверждает тезис о том, что исторические циклы США являются асинхронными, их векторы могут переходить из одного цикла в другой в произвольном порядке, при этом по повестке, относящейся к последнему «не сменившемуся» вектору, происходит наиболее ожесточённая полемика, и смена, соответственно, происходит последней и носит характер отложенной.

В практическом она позволяет уточнить место президенства Б. Обама в контексте циклов американской истории. Его начало пришлось на тот момент, когда пик цикла закончился, и началась фаза упадка. В экономической сфере 44-й президент проявил себя как последовательный приверженец идей и инструментов данного цикла, которые исчерпали себя в 2012 г. Тогда, 44-й президент сделал акцент на нелиберальных мерах хозяйственного стимулирования. Как следствие, в 2014 г. полную силу набрали новые социально-экономические процессы, появившиеся естественным путём, но усиление которых спровоцировал Б. Обама своей экономической политикой. Однако администрация и правительство не спешили отходить от привычных инструментов и способов решения проблем, вследствие чего они оказались в состоянии стратегической фрустрации, фрагментации политического планирования. Последнее выразилось в том, что отдельные ведомства стремились самостоятельно включиться в новые процессы, соответствовавшие наступавшему историческому циклу.

Само же президентство проследовало через следующие этапы исторического цикла: фаза упадка (2009–2012), когда прежние способы решения проблем ещё работали, а правительство было уверенно в их эффективности; время затишья

[31] Fact Sheet on U.S. – Japan Trade Agreement…

(2012–2013), когда прежние способы уже не работали, новые явления ещё не набрали полную силу, но правительство стало акцентировать усилия на нелиберальных мерах хозяйственного развития; начало смены циклов (2014–2016), при которой экономический вектор стал развиваться независимо от президентских нелиберальных начинаний, исполнительная власть оказалась вынужденной опереться на уже неэффективные либеральные начала, вследствие чего оказалась фрустрированной.

Однако, такая характеристика развития президентства Б. Обамы была бы неполной, если не затронуть одно из общественных проявлений, на какое исследователи редко обращают внимание. В экономической плоскости его касался М.Н. Портной [32] . Поднятая им проблема связана с господством идей, сформировавшихся в прошлую эпоху, но сохранившимися и существующими в новых реалиях. Обозначим это явление «эхом прошлого».

По мнению М.Н. Портного, период управления экономикой, начавшийся при Р. Рейгане в 1980-х гг., представлял либеральную альтернативу кейнсианству. В то же время для всего последовавшего периода времени по-прежнему актуальным оставалось кейнсианское понимание внешнеторгового дефицита как вредного явления, которое можно устранить с помощью государственной политики. При этом даже на пике глобализации в 2010-х гг. в США эта точка зрения сохраняла широчайшее господство и среди экономистов, и среди представителей власти. Б. Обама намеревался бороться с ним с помощью усиления экспортной ориентации производства, однако по итогам его президенства дефицит только усилился[33]. Это свидетельствует, что прежнее понимание дефицита не отвечало реальности экономического развития. В этом заключается парадокс: с одной стороны, Б. Обама выступал строгим приверженцем либерального цикла, с другой стороны, на отдельные элементы его внешнеэкономической политики продолжали влиять идеи давно завершившегося цикла истории.

[32] Экономика США в XXI веке… С. 225–242.
[33] Там же. С 225–228.

В этом контексте будет интересна и социально-экономическая характеристика США, которую дал П. Турчин: с 1980-х гг., т.е. с вступления Соединённых Штатов в период неолиберализма, в них нарастал выпуск специалистов конторских специальностей, в то время как количество выпускников, чьи знания были ориентированы на производство, снижалось [34]. Тем самым задавалась продолжительная тенденция на деиндустриализацию Соединённых Штатов, которая определялась не тактическими или локальными соображениями бизнеса, а фундаментальной профессиональной структурой общества, в котором на смену поколению «производителей», чьи представители формировались в условиях, ставших следствием реформ Ф.Д. Рузвельта [35], пришло поколение технократов, которое соответствовало неолиберальному историческому циклу. По расчётам Г.Л. Марковича и Н.Л. Григорьевой наибольшие трансформации рынка занятости начались после 2000 г., и к экономическому кризису 2008 г. численность занятых на производстве в среднем по стране сократилась на 26,6%, а в отдельных штатах снижение достигало 40% [36]. Как следствие и общество, и экономика к началу президентства Б. Обамы трансформировалось от кейнсианской модели к неолиберальной.

Если соотнести эти характеристики с пониманием дефицита правительством Б. Обамы, нельзя не заметить, что последнее пришло из кейнсианского исторического цикла, в течение которого Соединённые Штаты оставались производящей страной, в то время как к 2008 г., т.е. к началу экономического кризиса, ставшего причиной хозяйственной политики 44-го президента, они превратились в страну непроизводственную. В этом контексте практическое понимание торгового дефицита, характерное для уже ушедшей в идейном, экономическом и социальном смыслах эпохи, если не противоречило, то, по крайней мере, контрастировало с моделью социально-экономического развития 2000-х – 2010-х гг. Иными словами, демократическое правительство не смогло

[34] Turchin P. Op. cit.
[35] С позиций идей экономической политики этот период справедливо также называть кейнсианским циклом.
[36] Феномен Трампа / Под ред. А.В. Кузнецова. М.:ИНИОН РАН, 2020. С. 224.

полностью адаптировать внешнеэкономическую политику к новой модели хозяйственного развития страны, сохранилось прежнее понимание роли США в мире, которое сформировалось ещё в «производственную эпоху», которое не отвечало её новому положению. Таким образом, внутри провозглашённого правительством курса произошёл разрыв и на уровне идей, и на уровне господствующей бизнес-модели, и на уровне социально-экономической организации американского общества.

Более комплексно картину экономического положения позволяет восстановить периодизация промышленной политики США в послевоенный период. Первый её этап начался в 1950-х гг. Он преследовал формирование отраслевых цепочек на национальном рынке. К середине 1980-х гг. он себя исчерпал. Ему на смену пришёл второй этап, либеральный, характеризовавшийся широкой международной производственно-сбытовой кооперацией. Начало третьего этапа экономисты относят к 2020-м гг., который характеризуется ростом секьюритизации экономики, а его идейным двигателем, который впоследствии воплотился на практике, стал решоринг (реиндустриализация)[37]. В США он начал определять вектор хозяйственного развития ещё в 2014 г. Таким образом, правительство Б. Обамы, придерживаясь либеральных принципов, использовало чуждое их природе понимание дефицита. Впоследствии, оно, поддерживая инновационные производства и военную промышленность, попыталось встать во главе новых хозяйственных принципов, но продолжало придерживаться уходившего, но всё ещё крепкого либерального мышления.

О либеральном влиянии общества на настрой правительства Б. Обамы свидетельствуют и длинные периоды межведомственного противостояния. Р.Б. Хорвитц[38] интерпретирует историю США как борьбу различных ветвей власти и ведомств. В данном случае американская история трактуется как господство Конгресса (до 1933 г.); рост автономности исполнительной власти, которая была

[37] Смородинская Н., Катуков Д. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность // Общество и экономика. – 2024. – №12. – С. 5–25.
[38] Horwitz R.B. Trump and the “deep state” // Policy Studies. – 2021. – Vol. 42. – №. 5–6. – P. 473–490.

закреплена за счёт законодательно оформленных прав и полномочий, подкреплённых бюрократическими процедурами (1933–1970-е гг.), что совпадало с кейнсианским циклом; инфильтрация либеральных идей в ряды бюрократии и обеспечение их господства в процессе принятия решений (1970-е – 2010-е гг.), что совпало с неолиберальным циклом[39]. При этом, если учитывать замечание В.О. Печатнова, инфильтрация носителей либеральных идей резко усилилась при У. Клинтоне, который совместно с А. Гором перестроил бюрократический аппарат в духе предпринимательского типа. Его смысл заключался в том, чтобы избавиться от избыточной бюрократии, связанной с социальным и экономическим регулированием, передачей федеральных полномочий не только штатным и муниципальным властям, но и внешним подрядчикам в лице бизнеса и общественных организаций[40]. Иными словами, из государственного аппарата были удалены те, чьи функции были ориентированы на обслуживание части управленческого наследия Ф.Д. Рузвельта и реформ, осуществлённых в период кейнсианского цикла, чья реализация была обеспечена представителями Демократической партии. Однако, от этого наследия ни У. Клинтон, ни его преемники не отказывались. Параллельно в государственном аппарате укрепились сторонники либеральных идей. Одновременно были сохранены рузвельтовские новации, укреплявшие положение президента относительно Конгресса.

Таким образом, возник комплекс противоречий: с одной стороны, Демократическая партия сохраняла приверженность социально-ориентированной повестке, но максимально сократила обслуживающий её аппарат, обеспечила усиление либералов в государственной бюрократии, при этом сохранив общий каркас структуры. Иными словами, демократы одновременно стремились расстаться со своим прошлым не просто в партийном, а в государственном масштабе, но одновременно воспринимали его как идейный якорь.

---

[39] Здесь нельзя не заметить, что границы либерального цикла американской истории, либерального периода промышленной политики и организации экономики США и периода доминирования либеральных идей среди американских политиков и управленцев хронологически совпали или были близки относительно друг друга. Это служит дополнительным аргументом в пользу устойчивости и крепости либеральных идей в американском обществе в момент прихода Б. Обамы к власти и их ослабления к концу президентского срока.

[40] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 441–442.

К началу президентства Б. Обамы это означало обеспечение сильных позиций исполнительной власти в борьбе с законодательной за счёт либеральных идей. В то же время осуществлённое У. Клинтоном сокращение бюрократического аппарата с целью не только укрепить его позиции в системе разделения властей, но и централизовать его внутренне, создавало предпосылки для его очередного количественного роста и децентрализации. На внешнеполитическом поприще эта тенденция затронула, прежде всего, тихоокеанское направление, на котором, как это будет показано далее, сформировались два конкурирующих центра принятия решений (администрация президента и Госдепартамент), внешнеполитическое ведомство пошло по пути создания новых должностей для обслуживания политики [41] . Благоприятным тому контекстом стала слабая психологическая готовность Б. Обамы к президентским полномочиям: очевидцы отмечали, что на практике ему было тяжело реализовать свои идеи, да и к конкретным мерам он относился как к менее приоритетным в сравнении с идеями[42], что также открывало пространство для роста бюрократии и укрепления либеральных идей в государственном аппарате, тем более что и Х. Клинтон, и силы, стоявшие за Б. Обамой, были их приверженцами.

Присутствовало «эхо прошлого» и в американской внешней политике. Несмотря на то что после окончания холодной войны, как замечал Дж. Мэтлок, в американской политической элите было широко распространено мнение, что экономический и политический либерализм обеспечит глобальное доминирование США[43], в 1990-е гг., как подчёркивал Т. Дж. Кристенсен, именно представители либеральных политических кругов, оказывавших ключевое воздействие на принятие решений представителями Демократической партии, во главе с Дж. Наем сформировали предпосылки отношения к Китаю как к американскому оппоненту, подобному Советскому Союзу в недавнем прошлом[44]. К началу президентства Б. Обамы это, по замечанию Г. Киссинджера, сформировало прочную основу

[41] Campbell K.M. Op. cit. P. 16.
[42] Шитов А.К. Ук. соч. С. 131.
[43] Мэтлок Дж. Ф. Ук. соч. С. С. 192 – 227.
[44] Christensen T.J. Op. cit. P. 188–189.

отношения к КНР, копировавшую оценочные и мыслительные лекала отношения к СССР в период холодной войны, в то время как доминирующими по своему значению были экономические проблемы, порождённые либеральным временем, которое сменило эпоху холодной войны[45].

В целом, феномен «эха прошлого» показывает, что, несмотря на то что президентство Б. Обамы пришлось на неолиберальный исторический цикл, в течение которого идеи либерализма господствовали во внутренней и внешней политике, сохранилось сильное очаговое влияние, характерное для предыдущего времени американкой истории, что выразилось в несоответствии понимания внешнеторгового дефицита и неолиберальной структуры американской экономики, видения организации государственного аппарата и необходимости реализовывать политику на практике, доминирования либеральных внешнеэкономических проблем и шаблонов мышления времён биполярного противостояния.

Однако, было бы упрощением сводить эволюцию американского общества и качественную динамику развития только к длительным циклам. Политическая жизнь Соединённых Штатов характеризуется и более частыми переменами, которые строго локализованы пространственными и хронологическими рамками. Под ним здесь понимаются сроки должностных полномочий. В нашем случае наибольший интерес представляют комбинации сроков замещения должностей конгрессменами, сенаторами и президентом. Для Б. Обамы первый такой срок на федеральном уровне начался в 2006 г. с избранием его сенатором. По оценкам Н.М. Травкиной, победа в том случае была обеспечена обращением кандидата к рабочим, которые стали жертвами деиндустриализации[46]. Однако, в 2008 г. на фоне идейного кризиса республиканцев президентские выборы Б. Обама выиграл за счёт обращения к традиционным продемократическим слоям населения: молодёжи, лицам с высшим образованием, расовым меньшинствами[47].

---

[45] Kissinger H.A. Op. cit.
[46] Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков…
[47] Брагин М.Ю. Ук. соч.

В этом контексте интерес представляют материалы Конгресса. В целом, без внимания обеих партий оказывались письма представителей лёгкой промышленности[48] и наиболее высокотехнологичного машиностроения[49], которые выступали против выноса производств. Это указывает, что до 2012 г. в Вашингтоне существовал консенсус между партиями и ветвями власти в поддержку либеральной модели экономики.

Несмотря на наличие видимого единства первое изменение произошло в 2010 г. Единственной сферой, где консенсус отсутствовал, оставалось финансирование науки. Б. Обама выступал за её усиленное государственное финансирование. Оппозиция же настаивала, что должны доминировать силы самоорганизации, а избыточное государственное финансирование приведёт к росту бюджетного дефицита. Это принципиальное расхождение в позициях, по оценкам Э.В. Кириченко, стало отправной точкой консолидации Республиканской партии[50]. Её результатом в 2011 г. стал переход Палаты Представителей под республиканский контроль и увеличение числа мест, занятых оппозицией в Сенате[51].

Следующим событийным маркером стоит считать 2013 г., когда, с одной стороны, сохранился прежний межпартийный расклад в Капитолии, но, с другой стороны, была запущена серия слушаний, посвящённых азиатско-тихоокеанской политике Б. Обамы, которая завершилась только в 2016 г. Показательным здесь стало то, что и правящая, и оппозиционная партии в равной степени выступали за всестороннее, системное её изучение [52] . Иными словами, в Конгрессе сформировался межпартийный консенсус, который свидетельствовал о противопоставлении законодательной власти исполнительной.

Последним рубежом в этой череде стал 2014 г., когда состоялись промежуточные выборы, победу на которых одержала Республиканская партия и

---

[48] Congressional Record. Proceedings and Debates of 112ths Congress, 1st Session. October 12, 2011. Vol. 157. No. 152. URL: https://www.conress.gov/112/crec/2011/10/12/CREC-2011-10-12.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
[49] Congressional Record. Proceedings and Debates of 112ths Congress, 1st Session. November 17, 2011. Vol. 157. No. 176. URL: https://www.conress.gov/112/crec/2011/11/17/CREC-2011-11-17.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
[50] Криченко Э.В. США: проблемы государственного долга и бюджетного дефицита… С. 249–250.
[51] См.: Davidson R.H., Oleszek W.J., Lee F.E., Schickler E., Curry J.M. Congress and Its Members. Thousand Oaks – London: CQ Press – Sage Publications, 2022.
[52] Rebalance to Asia: What Does it Meen for Democracy, Good Governance and Human Rights?...

смогла взять под контроль обе палаты Конгресса, который свидетельствовал об ослаблении позиций правительства и Демократической партии.

В целом, реконструированная динамика отношений законодательной и исполнительной ветвей власти позволяет сделать вывод, что доминирующим, формирующим фактором выступала позиция Конгресса и выборы в него, в то время как президентский срок здесь был второстепенным. Сама же она предстаёт комбинацией следующих временных отрезков. В 2006–2008 гг. была предпринята первая попытка подвергнуть сомнению господствовавшую либеральную парадигму развития, которая закончилась неудачей. В 2008–2010 гг. межпартийный либеральный консенсус господствовал безоговорочно, Демократическая партия ориентировалась на свой традиционный электорат. В целом, Б. Обама сохранил приверженность ему на протяжении всего президентского срока. В 2010–2012 гг. в ходе обсуждений антикризисных мер был обозначен кризис межпартийного либерального консенсуса. В 2013 г. законодательная власть противопоставила себя исполнительной в контексте внешнеполитических вопросов. Это противопоставление было характерно для Конгресса и 113-го созыва (2013–2015), и 114-го созыва (2015–2017). В 2014 г. победа республиканской оппозиции на выборах в Конгресс ознаменовала период разделённого правления в 2015–2016 гг.

В то же время всеобщие выборы имели ещё и специфическое влияние на внешнюю политику Б. Обамы. Анализ гласных документов Белого дома позволяет констатировать, что оба срока характеризовались одинаковой динамикой: в течение первого года президент вникал в дела, в течение второго его публичная внешнеполитическая активность усиливалась, на третьем году она достигала пика, о чём свидетельствовало максимальное число делегацией на высшем и высоком уровне, принятых Б. Обамой, а также статус их визитов, в течение четвёртого года основное внимание уделялось предвыборным проблемам. На такую динамику вовлечённости президента во внешнеполитические вопросы указывал и помощник советника по национальной безопасности Б. Родс, отвечая на вопрос журналистов, что в течение второго президентского срока именно на 2015 г. (3 год срока)

пришлось наибольшее число встреч и визитов с высоким дипломатическим статусом[53].

Наконец, развитие американских политических партий характеризуется нерегулярной динамикой, которая обусловлена сроками доминирования определённых политических идей, реакций, концептуальных рамок.[54]. Для периода исторического цикла 1978/1985–2014/2021 гг. были характерны следующие из них. Республиканская партия прошла «рейгановскую» волну конца 1970-х – 1980-х гг., волну, вызванную неприятием курса У. Клинтона в 1994–1998 гг., волну «сострадательного консерватизма» Дж. Буша-мл. (2000–2008) и спонтанный ответ на избрание Б. Обамы, который консолидировал наиболее консервативные силы[55] и способствовал приходу Д. Трампа в Белый дом в 2017 г. В Демократической партии после затяжного кризиса, вызванного поражением Дж. Картера на президентских выборах 1980 г., идейная жизнь оживилась в 1992 г., когда вокруг У. Клинтона сформировалась группа «новых демократов», чьи идеи были доминирующими до 2000 г.[56]. Более того, они повлияли на идейные платформы будущих демократических волн: в 2006–2014 партия опиралась на их прогрессивное наследие, а в 2015 г. обозначился поворот к наиболее радикальной части повестки.

При У. Клинтоне партийное развитие во многом определялось его политикой, нацеленной на преодоление бюджетного дефицита и обеспечение экономического роста, конверсией НИОКР и либерализацией мировой торговли, которая, по представлениям демократов 1990-х гг. должна была обеспечить доступ американским производителям к зарубежным рынкам. В то же время значительная ставка делалась на более рациональную организацию федерального бюрократического аппарата, сохранение прежних достижений социальной политики[57]. Однако, во время выборов 2000 г. республиканцы перехватили

[53] On the Record Conference Call on the Upcoming State Visit of Prime Minister Abe of Japan. April 24, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/24/record-conference-call-upcoming-state-visit-prime-minister-abe-japan (дата обращения: 04.11.2016).
[54] Печатнов В.О. Ук. соч.; Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны…
[55] Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны…
[56] Печатнов В.О. Ук соч. С. 414–462.
[57] Там же. С. 439–446.

идейную инициативу демократов, подобно тому, как У. Клинтон применил республиканские рецепты при решении проблемы экономического роста за счёт налоговых сокращений. Как следствие Демократическая партия оказалась в идейном кризисе.

По замечанию В.О. Печатнова, поворот к прогрессивному наследию клинтоновской эры обозначился в 2006 г., когда стали формироваться контуры предвыборных программ Х. Клинтон и Б. Обамы, двух главных претендентов на пост президента от Демократической партии. В целом, они сводились к расширению программ вспомоществования, акцент на экономической справедливости, более строгая корпоративная дисциплина во внутренней политике и к контролю за процессами глобализации, многостороннему сотрудничеству, формированию справедливого миропорядка во внешней политике[58]. При этом внешнеполитическая часть программы противопоставлялась агрессивному курсу Дж. Буша-мл., вовлекшего США в войны на Ближнем Востоке. Кроме того, в ходе прогрессивной волны среди демократов складывалось новое отношение к информационной среде, возможностям использования интернета при распространении демократии, о чём свидетельствовали и книга А. Гора[59], и концепция «умной силы» Дж. Ная[60], и расширившееся применение электронных средств распространения информации Госдепартаментом после того, как его возглавила Х. Клинтон в 2009 г.[61].

В целом, во внешнеполитической части программы и партийных взглядах значительное место занимало идеалистическое понимание мира. Его же придерживался и Б. Обама, о чём свидетельствует изданная им в 2006 г. книга «Дерзость надежды»[62]. В тоже время оно уравновешивалось совершенно практическим взглядом, для которого было характерно сетевое понимание процессов. Соответственно, успех партии зависел от того, кто сможет уловить эти новые веяния.

---

[58] Там же. С. 461–462.
[59] Гор А. Атака на разум. СПб.: Амфора, 2008. С. 414.
[60] Nye J.S. Jr., Smart power…
[61] Карасев П.А. Ук. соч.
[62] Обама Б. Ук. соч.

В 2008 г. в США сложилась непростая электоральная картина. Первая линия размежевания прошла между партиями, при этом президентская кампания того года стала первой в которой отказался принимать участие вице-президент уходящей администрации, что настораживало избирателя и снижало выборный потенциал Республиканской партии. Вторая линия размежевания прошла внутри Демократической партии, внутри которой выделялись Х. Клинтон, опиравшаяся на партийное руководство и приближённых к нему функционеров[63], и Б. Обама, на которого ориентировались избиратели, говоря словами сенатора Ч. Шумера, «искавшие чего-то отличного» от традиционных выборных программ[64].

Х. Клинтон последовала традиционному способу ведения предвыборной программы, который предполагал масштабные митинги, общие выступления и поддержку суперделегатов партийного съезда, которых делегирует Национальный комитет напрямую, не учитывая результатов праймериз и кокусов. Стратегия Б. Обамы была принципиально иной: во-первых, он адаптировал агитацию для каждого штата с учётом интереса потенциальных избирателей, во-вторых, он предпочитал встречи с малыми группами, в которых можно легче и подробнее донести свою программу до простого избирателя[65], в-третьих, в каждом значимом городе он активно себя рекламировал через местные СМИ, которые играют важную роль в формировании взглядов населения в удалённых от столицы и ведущих центров страны местах, создавал этим собственное агитационное поле, которое позднее конвертировалось в надёжную поддержку избирателей. Это, по оценке группы Т. Осборн, позволило Б. Обаме избежать попадания в зависимость от каких-либо групп интересов и позиционировать себя как независимого кандидата[66].

Результатом этой стратегии, в основе которой было сетевое понимание общества, стала победа и в партийных праймериз, и в президентской гонке. В то же время победа Б. Обамы спровоцировала волну непринятия результатов выборов среди наиболее правой части республиканских сторонников, результатом которой

[63] Maske T., Shokhey A.E. Op. Cit.
[64] Приводится по: Obama B. Op. cit. P. 67.
[65] Ibidem. P. 82, 111.
[66] Osborn T., McClurg S.D., Knoll B. Op. cit.

стало возникновение Чайной партии, спонтанно появившегося низового движения, популяризировавшего консервативные идеи. Фактически на поверхность стала проявляться прежде подспудная тенденция, которая по замечанию В.О. Печатнова впервые проявила себя в середине 1990-х гг.: идейная повестка Республиканской партии стала приобретать всё больший фундаменталистский оттенок, а ключевым электоратом становилось англо-саксонское пуританское ядро американского общества, в то время как Демократическая партия становилась всё более секулярной и всё больше агрегирующей интересы гендерных и цветных меньшинств[67].

Вследствие самоустранения от активной политической борьбы умеренной группы Республиканской партии, которую представляло правительство Дж. Буша-мл., поражения на всеобщих выборах 2008г. и возникновения крайне правого низового, аморфного движения партия оказалась в кризисе. А. Кларк выделил три её внутренних фракции: центристы-прагматики, которые были ближе всего к консервативным демократам, преданные консерваторы, чьи взгляды были характерны для рейгановской эры, и Движение чаепития, которое отражало чаяния наиболее радикальной части правого политического спектра[68].

По-видимому, такое положение Б. Обама расценил удачным для построения двухпартийного консенсуса в ходе дебатов о финансировании науки, но просчитался и запустил процесс консолидации Республиканской партии на консервативной основе. Результаты исследования А. Кларка позволяют глубже понять эту ситуацию. Для Демократической партии, которая является традиционным «агрегатором» массовых протестов в американском обществе, характерно большее число фракций, которые охватывают более широкий политический спектр, при этом каждая из них влиятельна только в пределах ограниченной части этого спектра. В Республиканской партии фракций было меньше, они охватывали меньший политический спектр, но преданные консерваторы и ультраконсерваторы находили поддержку на всём

[67] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 438.
[68] Clarke A.J. Op. cit.

республиканском фланге, хотя не на всех его сегментах равную и сопоставимую[69]. Это предопределило, что консолидация Республиканской партии возможна не на умеренных, а на консервативных основах, более правых, чем во время восхождения Р. Рейгана на федеральный уровень политики.

Если период правления Б. Обамы был для оппозиции временем обновления и пересмотра политической программы, то для правящей партии он был временем пика прогрессистской волны, которая совпала со вторым пиком доминирования «новых демократов»[70], внутрипартийной группы, опиравшейся на повестку, сформированную в тот период, когда политика У. Клинтона была наиболее популярна на федеральном уровне. В течение срока 44-го президента были расширены программы вспомоществования, в 2015 г. было подписано Соглашение о ТТП, активно шли переговоры о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве, что свидетельствовало о достижении ключевых целевых параметров партийной волны. В то же время рост доходов богатых слоёв населения, медленное восстановление социально-экономических показателей после кризиса 2008 г. указывало на неудачи этой части либеральной повестки, которая вызвала разочарование у части традиционного партийного электората. Для Демократической партии проблема усугублялась и неудачной попыткой Б. Обамы вернуться в 2012 г. к предвыборной повестке, ориентированной на рабочих, исследователей, инновационный бизнес и обрабатывающую промышленность, поскольку соответствующую повестку сначала блокировала, а позднее перехватила республиканская оппозиция. Вследствие этого в 2015 г. Демократическая партия оказалась в идейном тупике.

Из него было два выхода. Первый был связан с наиболее левым крылом партии, которое представлял Б. Сандерс, и занимало на демократическом фланге зеркальное положение относительно республиканских ультраконсерваторов, что в перспективе могло лишить политическую систему даже аморфного центра. Второй касался поворота к наиболее радикальной части клинтоновского наследия, которая

[69] Ibidem.
[70] Ibidem.

предполагала обращение к проблемам женщин, цветного населения и иных групп американского общества, чьи интересы соответствовали проблемам социокультурного модернизма[71]. Эту повестку, как перспективную, видел и сам Б. Обама в течение своего президентского срока[72]. В пользу этого сценария складывались системные условия. Клан Клинтонов оставался влиятельным в Демократической партии, при этом Х. Клинтон, намеревавшаяся баллотироваться на пост президента в 2016 г. сделала в этом направлении последовательные шаги ещё на посту госсекретаря, сначала подняв проблему женщин в рамках американо-китайских отношений[73], а потом и создав женский диалог в рамках СЭД[74]. Стремление подчеркнуть значимость радикальной повестки за счёт внешнеполитического поля к концу президентского срока Б. Обамы вновь усилилась. В частности, во время визита в Монголию, в развитии отношений с которой большую роль играли американские фонды, преследовавшие распространение американской культуры, на встрече с молодёжью госсекретарь Дж. Керри обозначил обращение к повестке американского социкультурного модернизма в качестве ключевой для культурных и научных связей США и Монголии[75].

В случае же обращения к внутренней аудитории в контексте волн развития Демократической партии наиболее показательна информационная справка об обеспечении прав человека в мире, изданная администрацией Б. Обамы[76]. В ней наиболее важной проблемой обозначено обеспечение прав женщин. Далее по степени снижения важности были перечислены защита гражданского общества, прозрачность правительства, свобода интернета, борьба с рабством, национальный и международный контроль за соблюдением прав человека, предотвращение

---

[71] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 424.
[72] Obama B. Op. cit. P. 609–613.
[73] Toward Deeper and Broader Relationship With China. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Remarks with Chinese Foreign Minister Yang Jiechi, Beijing, China. February 21, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119432.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[74] U.S. – China CPE Cooperation on Women's Issues. April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160630.htm (дата обращения: 01.10.2016).
[75] Conversation With Young Leaders. Remarks, John Kerry, Secretary of State, Shangri La Hotel, Ulaanbaatar, Mongolia, June 5, 2016...
[76] Fact Sheet: Obama Administration Leadership on International Human Rights. December 4, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/04/fact-sheet-obama-administration-leadership-international-human-rights (дата обращения: 05.11.2016).

массовых чисток, свобода вероисповедания и собраний, права инвалидов, уважение прав человека посредством соблюдения законов.

Однако, это не позволило Демократической партии поставить изменения в социальной стратификации на службу своим интересам, шёл рост влияния групп, связанных с реиндустриализацией, который нехотя породил сам Б. Обама, разочарование среди отдельных представителей традиционного демократического электората. Это стало одним из маркеров идейного кризиса партии. Вторым его маркером была предвыборная стратегия Х. Клинтон в 2016 г., которая повторяла стратегию 2008 г., закончившуюся неудачей. Этой ситуацией воспользовалась Республиканская партия и Д. Трамп, которые смогли предложить более эффективную агитационную альтернативу и победить на всеобщих выборах 2016 г.

Таким образом, политика Б. Обамы формировалась под влиянием наследия У. Клинтона, что предопределило её либеральный характер во внутреннем и внешнем измерениях. Сравнительно быстрое исчерпание положительных внутри- и внешнеполитических достижений в рамках прогрессивной волны, поставили 44-го президента и партию перед началом электорального цикла перед дилеммой, какую новую повестку избрать. Выбор сделан был в пользу радикальной части клинтоновского наследия, идеи которого давно циркулировали внутри партии, но ещё не превращались в официальную повестку. На фоне консолидации Республиканской партии на право-консервативной основе, перехвате ею повестки новых групп общества и отдельных групп демократического электората, обращение к радикальной повестке свидетельствовало, что ещё до конца 2015 г. Демократическая партия оказалась в состоянии идейного кризиса.

Качественная динамика американской истории определила следующие рамки для президентства Б. Обамы, имевшие непосредственное влияние на внешнюю политику. Доминирование либеральных идей в экономической сфере способствовало тому, что 44-й президент осуществлял внешнеэкономический курс, основанный на свободной торговле, который в числе прочего служил антикризисным инструментом. На ранних порах президентства вера в либеральные

начала не была поколеблена. В то же время, несмотря на предпринятую в 2012–2014 гг. попытку, Б. Обама упустил укрепление сторонников реиндустриализации, которые стали ведущей экономической группой американского общества. В их интересах было ограничить вынос производств за пределы США. Как следствие прежняя внешнеэкономическая программа и новая социально-экономическая реальность внутри страны вступили в противоречие, которое правительство и администрация были не в силах преодолеть. Исполнительная власть оказалась в состоянии стратегической фрустрации. В этих условиях отдельные министерства, как министерство обороны, стали предпринимать самостоятельные усилия, чтобы укрепиться в контексте новых тенденций экономического развития.

Таким образом, в 2009–2014 гг. Б. Обаме удавалось поддерживать определённое единство в рядах исполнительной власти, а ключевым внешним вектором позиционировался экономический. Вследствие противоречий политики и развития естественных социальных процессов в 2014 г. единство исчезает, а с 2015 г. внешнеполитическое планирование становится децентрализованным, оказывается в зависимости от силы и влияния отдельных ведомств.

Сопоставление ключевых характеристик сроков полномочий президента и Конгресса позволило говорить, что несмотря на отдельные межпартийные трения, в целом в 2009–2012 гг. существовал консенсус между партиями и ветвями власти о либерализме как идейной основе политики. В 2013 г. обозначилось размежевание между Конгрессом и Белым домом по внешнеполитическим вопросам, поскольку законодательная власть приступила к изучению ключевых её направлений, а по результатам выборов 2014 г. законодательная власть полностью перешла под контроль оппозиции. Описанное положение указывало на то, что до 2012 г. Б. Обама мог сравнительно свободно проводить внешнюю политику. С 2013 г. он был вынужден действовать с оглядкой на Конгресс, а с 2015 г. быть ещё более чутким, поскольку водораздел между ветвями власти приобрёл также и партийный оттенок.

Партийное развитие также благоприятствовало либеральной повестке президентства Б. Обамы. Трансформации внутри Демократической партии привели к тому, что возник симбиоз идеализма и сетевого прагматизма. Предвыборная

стратегия 44-го президента указывала, что он будет выступать прагматиком, тем более сетевой характер касался образа мышления и реализации идейной повестки, а не её самой. Это позволяет говорить, что изначально Б. Обама был нацелен на достижение практической цели, а не на продвижении идеи как таковой. Однако исчерпание к 2015 г. повестки, с которой он возглавил страну, и президентские амбиции Х. Клинтон вынудили президента обратиться к наиболее радикальной части партийной платформы. Одним из следствий этого стало влияние внутрипартийной повестки на внешнюю политику.

В то же время феномен «эха прошлого» формировал основу для противоречий в политике 44-го президента, поскольку общие доминировавшие неолиберальные идеи сдерживались прежним пониманием внешнеторгового дефицита, при политической ориентации либерализма на поиск партнёров крепко укоренившимися были взгляды времён холодной войны, ориентированные на поиск оппонента. С учётом подавляющего господства либеральных экономических начал из числа внутренних факторов, феномен «эха прошлого» создавал в этой картине трещины, удобные для оппонентов главы государства, чтобы предлагать повестку, отличную от доминирующей.

Таким образом, несмотря на различия собственной динамики каждого из векторов, чётко выделяется эволюция президентства Б. Обамы: 2009–2012 гг. – период реализации либеральной внешней политики, вера в её эффективность, 2013–2014 гг. – её кризис, о чём свидетельствовала попытка президента проводить курс в интересах новых групп общества, 2015–2016 гг. – стратегическая фрустрация исполнительной власти, которая характеризовалась спешной адаптацией прежней политики, поиском альтернатив ей, фрагментацией правительства.

2.2 Северо-Восточная Азия: региональные трансформации, место и роль США в них

Современная наука, чьи положения зиждутся на историческом фундаменте или признают принцип историзма, ориентирует на следующее понимание международного региона. Исторический подход М. Бисона[77] предполагает на поиск особенностей межгосударственного взаимодействия, сложившихся в определённом регионе естественным эволюционным путём. Системный подход В.А. Геловани[78] ориентирует на поиск функциональных подсистем, которые являются наиболее важными в построении региональной архитектуры, но их положение также является следствием эволюционного развития. Системный подход В.И. Гантмана и Е.М. Примакова[79] подразумевает поиск международных форматов, международных проблем и анализ системы и структуры двусторонних отношений, которые определяют картину регионального взаимодействия.

М. Бисон исходит из того, что в Восточной Азии, до того как она была вовлечена европейскими странами в мировую систему отношений, построенную на вестфальских идеалистических принципах, в соответствии с которыми декларировалось равенство всех государств, но на практике из-за различий потенциала, господствовало их неравенство, существовали свои системы региональных отношений, отличные от европейских. В СВА из-за ограниченного количества субъектов и доминирующего положения Китая сложилась конфуцианская система, которая характеризовалась декларируемым неравенством государств и главенства Поднебесной империи, в то время как на практике стороны рассматривались как неформально равные. В ЮВА сформировалась своя версия многосторонней системы, которая характеризовалась персонализированной властью, неясностью и нестабильностью границ, выражением лояльности более сильному государственному лидеру[80].

---

[77] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1… P. 3–21.
[78] Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. Ук. соч.
[79] Основы теории международных отношений… С. 221–225.
[80] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1… P. 7–8.

Российские востоковеды вносят важные уточнения в эту характеристику восточноазиатских подсистем. Так В.Я. Белокреницкий указывает, что торговля для Китая всегда была средством налаживания и поддержания отношений не только с соседями, но и со всем миром[81]. Однако более серьёзное уточнение делает исследовательский коллектив под руководством Л.Б. Алаева. Им подчёркивается, что страны конфуцианской системы (СВА) на практике руководствовались формальными юридическими нормами, в то время как в ЮВА за практикой закреплялся примат над писанной нормой[82].

С позиций международного права это означало, что в ЮВА основой системы международных отношений был правовой обычай, который сложился в силу повторяемости действий и проявлялся на практике скорее в определённом образе поведения, чем в сформулированной норме. Для таких систем отношений характерны постоянные противоречия, а устойчивость неписанной нормы зависит от длительности её применения и признания участниками отношений. В то же время конфуцианская система международных отношений характеризовалась более равновесным положением писанного и обычного права. Хотя здесь был свой нюанс: из писанных норм большее значение для внешней политики и международных отношений занимали национальные, а не международные документы. Как следствие международные отношения в регионе регулировались обычаем, в то время как во внешней политике государства опирались на писанные национальные нормы, которые занимали второстепенное по отношению к обычаю положение. Европейская же система международных отношений основывалась на писанном международном праве[83].

Таким образом, в основе разделения регионов СВА и ЮВА лежали разные системы международных отношений. При этом правовая культура первой имела одну общую черту с европейской системой международного права, что и стало

---

[81] Белокреницкий В.Я. 2010. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Институт востоковедения РАН. 320 с. С. 68.

[82] История Востока. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в. Кн. 1. / Под ред Л.Б. Алаева. М.: Восточная Литература, 2004. С. 207.

[83] Дипломатический словарь. Т. 1. / Под ред. А.А. Громыко. М.: Наука, 1985. С. 419; Словарь международного права / Под ред. С.А. Егорова. М.: Статут, 2014. С. 262.

лазейкой, позволившей в последствии странам европейской культуры воздействовать на региональную архитектуру в своих интересах и добиваться нужного для себя результата, в то время как в ЮВА соответствующие предпосылки отсутствовали.

В период биполярной системы международных отношений страны СВА были сильно вовлечены в международные процессы. Этому способствовали такие её характеристики, как отсутствие писанного, договорного фундамента, поддержание стабильности за счёт двусторонних отношений сверхдержав, договоров между ними и между каждой из сверхдержав со своими союзниками, большая роль идеологии, иными словами, идеалистической стороны, в противостоянии капиталистической и социалистической системы[84]. Это, с одной стороны, облегчало для Москвы и Вашингтона проникновение в дела СВА, с другой стороны, предполагало слом конфуцианской системы международных отношений в регионе. Как следствие в последующие годы в регионе сформировался симбиоз двух систем при главенстве европейской культуры международных отношений.

На практике это выразилось в следующих особенностях, которые приобрела биполярная система в СВА. Во-первых, в отличии от Европы в здесь не возникло устойчивых многосторонних организаций по образцу НАТО и ОВД. Вместо них из-за того, что писанное право в СВА регулировало внешнюю политику конкретного государства, у каждой из сверхдержав возникла сеть двусторонних, реже (если брать во внимание всю Восточную Азию и Тихий океан) трёхсторонних военно-политических альянсов, основанных на договорном праве, или время от времени возникали координируемые отношения между союзниками в рамках «треугольников» по образцу отношений США, РК и Японии.

Во-вторых, в СВА граница социалистической и капиталистической систем проходила, главным образом, через морское, а не сухопутное пространство. Единственным исключением стал Корейский полуостров, где демилитаризованная

[84] Системная история международных отношений в двух томах. Т.2. События 1945–2003 годов / Под ред. А.Д. Богатурова.. М.: Культурная революция, 2006. С. 20–22.

зона выполняла не только функцию границы между КНДР и РК, но и разделительной линии между блоками. При этом Корея в Азии, как и Германия в Европе, оказалась нацией, разделённой на сферы влияния державами-победителями в процессе устройства послевоенного мира. При этом, как в Германии на западе, так и в Корее на востоке в течение 1950-х – начала 1960-х гг. возникали наиболее острые военно-политические кризисы. Ещё одной особенностью стало то, что в Европе военно-политические организации в географическом плане непосредственно соприкасались друг с другом на трёх отрезках, а сдерживающим фактором выступали не только морские пространства, но и «прослойка» из нейтральных и неприсоединившихся стран. В СВА такого странового «буфера» между оппонирующими военно-политическими союзами не было, а близость соперничавших блоков уравновешивалась морской границей, которая выступала сдерживающим фактором. Сухопутная же линия соприкосновения на Корейском полуострове служила противопоставлением, увеличивавшем риски столкновения. При этом в отличии от Германии, где эти риски вытекали из послевоенного политического устройства мира и биполярного противостояния, в целом, на Корейском полуострове они были связаны, в первую очередь, с межкорейским противостоянием, ставшим последствием не столько разделения Кореи в процессе послевоенного мироустройства, сколько Корейской войны, гражданской по своей сути. Это выражалось в виде диверсионных разведывательных операций Севера и стремлениях Юга обрести ядерный статус[85].

В-третьих, блоковая система в Восточной Азии в отличии от Европы обладала большей изменчивостью, нестабильностью, подверженностью политическим кризисам. Наибольшее значение для региональной архитектуры имели два из них. Первый касался самой СВА и представал разрывом советско-китайских союзнических отношений на практике при сохранении писанного

[85] Кроме того, исследование И. А. Толстокулакова позволяет говорить, что корейское общество обладало сильными идеалистическими началами, что одновременно служило отклонением от восточноазиатской нормы, связанной с ориентацией на практический интерес, и сближением с европейской нормой. Это превращало Корейский полуостров в особенно сильную точку притяжения в регион для внерегиональных государств, относившихся к европейской международной культуре, которая позволяла им наиболее прочно интегрироваться в региональную архитектуру. Подробнее о культурно-цивилизационных основаниях корейского общества см.: Толстокулаков И.А. История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.

советско-китайского союзного договора. Только после истечения его срока действия китайская сторона пошла на практическое военно-политическое взаимодействие с США по отдельным вопросам[86].

В ЮВА из-за неурегулированных пограничных споров, чьё решение сообразно исторически сложившейся международной культуре взаимодействия в регионе должно было основываться на практике и обычае, начался кризис и последовавший распад СЕАТО, единственной многосторонней организацией на Тихом океане, основанной на европейских принципах писанного права[87].

Как следствие, попытки СССР и США внедрить европейскую культуру в отношения со странами Восточной Азии привела к тому, что обе сверхдержавы встроились в отношения со странами СВА, при этом спровоцировав политически мотивированное разделение региона на несколько сегментов. Этому в немалой степени способствовали базовые характеристики биполярной системы, а также имеющиеся правовые лазейки конфуцианской системы межгосударственных отношений, а также политическая культура отдельных стран региона. В то же время в ЮВА соответствующая попытка Соединённых Штатов вступила в противоречие с региональной правовой культурой и потерпела неудачу.

В-четвёртых, региональная архитектура в СВА отягощалась наследием внутреннего конфликта в Китае: по результатам гражданской войны в материковой части утвердилось коммунистическое правительство, изначально ориентировавшееся на СССР, но впоследствии практически, а позднее и формально от него дистанцировавшееся, а на Тайване власть сохранила партия Гоминьдан, чьё правительство ориентировалось на США.

Таким образом, к концу 1960-х гг. в СВА проходили три разделительные линии: между социалистической и капиталистической системами, что обеспечивалось договорной основой, между Советским Союзом и Китаем, которая стала следствием международной практики, и между КНР и Тайванем как

---

[86] Подробнее см.: Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск: Авест, 1995

[87] Дубинин Ю.А. СЕАТО – феномен военно-политического союза на периферии холодной войны // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / Под ред. Н.И. Егоровой. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2012. С. 149–156.

последствие внутреннего конфликта. Ей противопоставлялась ЮВА, в которой с конца 1960-х гг. стало развиваться региональное сотрудничество, выразившееся в создании АСЕАН, что в интеграционном аспекте делало ЮВА сильнее, а СВА слабее.

В то же время, если рассматривать региональное положение с позиций системного анализа, нельзя не заметить, что в северной части Тихого океана сложилась интересная конфигурация. Здесь присутствовали четыре из пяти экономических центров мира: СССР, США, Китай и Япония[88]. Правда, нужно понимать, что все они имели разное значение для организации системы региональных отношений. Основной потенциал советской экономики располагался в европейской части страны, политический конфликт с Китаем негативно сказался и на экономических отношениях двух стран, вследствие чего экономическое присутствие СССР в регионе было ограниченным. Американское экономическое присутствие в регионе обеспечивалось посредством торгового и инвестиционного вовлечения стран региона в орбиту Соединённых Штатов. В то же время Вашингтон сдерживал политическую самостоятельность государств СВА, что оставляло им пространство для укрепления позиций только в экономической сфере[89]. Китай, обладавший самым большим экономическим потенциалом, оставался слабо развитым из-за внутренних политических конфликтов и поисков модели развития. Япония, наоборот, накопила достаточно ресурсов, чтобы занять место экономического лидера и тем самым размыть политическую по своему смыслу биполярную систему экономической многополярностью.

По оценкам отечественных и зарубежных экономистов, японская модель складывалась за счёт экспорта качественной сложной продукции машиностроения, уникальных технических товаров, создании сборочных производств, локализации производств узлов и запчастей, инвестиций в машиностроительные производства стран ЮВА, и Китая после визита Р. Никсона в Пекин[90]. В странах ЮВА

[88] Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. Ук. соч.
[89] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 2. Geoeconomics and Development / Ed. by M. Beeson. Singapore: World Scientific, 2019. P. 14-15
[90] Лавринович Л.Л. Электротехнические монополии Японии на внешних рынках // Япония 1978. Ежегодник / Под ред. И.И. Коваленко. М,: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. С. 170–183; Ковригин

инвестиции распределялись в отрасли бытовой радио- и электротехники, фармацевтику, производство подшипников [91], в Китае – в химическую, металлургическую, судостроительную и электроэнергетическую отрасли. [92] В целом, это свидетельствовало, что вследствие активных действий Японии в Восточной Азии складывалась новая система региональных отношений, основанная на практике и взаимном интересе, локализованная в экономической сфере, подразумевавшая поиск взаимного интереса сторон, связывающая в единое восточноазиатское пространство ЮВА и СВА, предполагающая преодоление исторически сложившихся и политически мотивированных разделительных линий в регионе.

Параллельно по мере освоения тех или иных международных регионов биполярное противостояние распространялось на новые пространства. Так в 1960-х гг., по замечанию М.Г. Носова, военно-политическое противостояние Соединённых Штатов и Советского Союза стало проецироваться из пространства Тихого океана на пространство Индийского океана, превращая их тем самым в единое [93]. Как следствие возникли предпосылки для возникновения ИТР на политической, но не на экономической основе, ввиду слабого уровня развития стран Южной Азии, а также сложных политических отношений СССР со странами СВА, что ограничивало его океанские транспортные пути рамками грузопотоков между европейской частью и Дальним Востоком, не позволяло ему использовать потенциал морской торговли для создания альтернативы политическому фундаменту ИТР.

Однако уже в конце 1970-х гг. Соединённые Штаты в своём внешнеполитическом планировании на индо-тихоокеанском пространстве вновь стали оперировать «классическими» меньшими регионами – Ближним Востоком,

---

Е.Б. Новая роль экспорта капитала в экономике Японии // Япония 1979. Ежегодник / Под ред. И.И. Коваленко. М,: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 176–194; Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Под ред. Д. В. Петрова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 113; Globalization and the ‘New’ Semi-Peripheries / Ed. by O. Worth, Ph. Moore. Houndmills – New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 89.

[91] Ковригин Е.Б. Ук. соч. С. 189.

[92] Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 113

[93] Советско-американские отношения в современном мире / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1987. С. 208–233.

Средним Востоком, Персидским заливом, Южной Азией – в определении целей и задач ведомств[94]. Более того, если принять во внимание книгу П. Швейцера[95], в которой доказывается тезис, что рост американского военно-политического присутствия в перечисленных регионах был обусловлен глобальной антисоветской стратегией, то можно утверждать, что в американском военно-политическом планировании в Азии, в целом, возобладала континентальная составляющая в ущерб морской.

Таким образом, широкий региональный контекст позволяет заключить, что к началу 1980-х гг. окончательно сформировались две оппонирующих друг другу тенденции регионального развития, которые также претендовали на то, чтобы быть поведенческими моделями правительств, стоявших за каждой из тенденций или принимавших их. Американское правительство делало ставку на политическое и военно-политическое вовлечение в дела региона, которое вытекало из противостояния другому сопоставимому с ними полюсу, (на данном историческом этапе – Советскому Союзу). Ей противопоставлялась инициированная Японией попытка построить региональные отношения на основе совпадения экономических интересов, обеспечения тем самым равенства государств на практике, которая ставилась во главу угла модифицированной региональной культуры межгосударственного взаимодействия.

В 1980-х гг. в США это противоречие впервые и достаточно рельефно проступило в американо-китайских отношениях. Основой их укрепления стало политическое, разведывательное и иное противодействие Советскому Союзу. Иными словами, сто точки зрения Вашингтона, Пекин оказался вовлечён во взаимодействие в соответствии с американской моделью, основанной на политических началах. В то же время открытие в Шанхае в 1984 г. завода электроники, созданного на американские частные инвестиции[96], соответствовало

[94] Приводится по: Там же. С. 208–233.
[95] Швейцер П. Ук. соч.
[96] Немаловажной деталью здесь будет и то, что этот факт в публичном выступлении Р. Рейган преподносил как историю успеха американской политики в отношении Китая, а также двусторонних отношений. Remarks at the Shanghai Foxboro Company, Ltd., in Shanghai, China. April 30, 1984. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/43084c.htm (дата обращения: 26.08.2011).

новой экономической международной практике СВА. Иными словами, такое поведение США можно было трактовать как принятие региональных правил игры. Как следствие возникло противоречие между политическим и экономическим началом, между американской и восточноазиатской моделью развития региональных отношений. В 1987 г и 1989 г. эти противоречия проступили вновь: сначала в виде призыва к Китаю соблюдать права человека в Тибете[97], а после и в виде санкций за подавление демонстраций на площади Тяньаньмэнь [98] . Это указывало, что наметилась тенденция, между какими двумя странами в будущем может возникнуть борьба за построение архитектуры СВА: между политически мотивированными Соединёнными Штатами и экономически мотивированным Китаем.

Параллельно под влиянием неолиберального цикла внутреннего развития во внешней политике США с конца 1980-х гг. стали обращаться к соответствующим идеям, в частности, отказываясь от опоры на мышление «игры с нулевой суммой» в пользу «игры с всеобщим выигрышем» в отношениях с восточноазиатскими странами[99], которые совпали с ослаблением американо-советского противостояния и распадом биполярной системы международных отношений, которые привели к либеральной эйфории американского истэблишмента, представители которого были уверены, что либеральные экономические и политические идеи сформируют выгодный для американских интересов порядок.

На деле же в регионе СВА Соединённые Штаты сталкивались с иным положением дел, развившемся в последующие десятилетия по нескольким траекториям. На волне казавшегося триумфа экономического неолиберализма, правительство Х. Клинтона сделало ставку на укрепление связей с АТЭС, индигенным форматом, созданным по инициативе Японии и Австралии и поддержанным иными восточноазиатскими странами. По оценкам В.О. Печатнова, в США 1990-х гг. на волне экономического роста этот шаг воспринимался как один

---

[97] American Foreign Policy. Current Documents. 1987. Washington: Department of State, 1988. P. 540–543.

[98] The President’s News Conference. 1989-06-05. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php. (дата обращения: 31.08.2011); Зиновьев, Г. В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949 – 1991). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2010. С. 297.

[99] American Foreign Policy. Current Documents. 1987... P. 512.

из элементов стратегии по созданию связанных воедино нескольких либеральных многосторонних экономических объединений в разных частях мира[100], а роль единственного их узла в Вашингтоне отводили Соединённым Штатам[101]. Иными словами, формат АТЭС изначально воспринимался как неолиберальный по своей сути, способный привести к созданию обширной зоны свободной торговли на Тихом океане.

Однако, практика последовавших лет показала, что ожидания клинтоновского времени были далеки от реальности. К середине 2000-х гг. в регионе сложилась специфическая конфигурация торгово-экономических взаимодействий. Во-первых, к этому времени за АТЭС как многосторонней площадкой закрепилась дискуссионная и переговорная функция, ею поддерживалась жизнеспособность идей свободной торговли и экономического либерализма. Во-вторых, в регионе формировалась сеть ССТ[102], которые обладали разными параметрами для каждого двустороннего случая, но при этом имели юридическую силу. Например, ключевой особенностью американо-австралийского ССТ стала оговорка об ограничении поставок австралийского сахара в США как доминантной экспортной статьи, а в случае соглашения Соединённых Штатов и Перу последние брали на себя обязательства о защите авторских прав, прежде всего разработчиков и изобретателей, в соответствии с практикой применения «специальной 301» Торгового закона США 1974 г. Иными словами, Лима согласилась добровольно вводить экспортные ограничения в отношении собственных производителей в том случае, если американские компании могли доказать первенство в разработке аналогичного продукта[103].

Как видно, идеалистические представления о постбиполярном экономическом устройстве при республиканском правительстве уступили сугубо практическим шагам, результатом которых стало заключение двусторонних

[100] К ним в Вашингтоне относили АТЭС, НАФТА и ЕЭС.
[101] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 446.
[102] Кроме заключённых и вступивших в силу к инаугурации Б. Обамы ССТ Соединённые Штаты вели переговоры о таком соглашении с Республикой Корея. Завершение переговоров и ратификация соглашения пришлись уже на период президентства Б. Обамы.
[103] Цит. по: Fergusson I.F., Vaughn B. Op. cit.; The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress....

соглашений в ущерб многосторонним, отдельные положения которых, по своей природе, были чужды неолиберальной идеологии, но предполагали протекционистские меры.

Именно эти два противоречия между американскими представлениями и практикой стали одной из причин того, что в 2006 г. Дж. Буш-мл. на саммите АТЭС выступил с инициативой развить развивать широчайшую торгово-экономическую кооперацию со странами региона [104] . Впоследствии при реализации этой внешнеполитической инициативы Вашингтон поступил также, как и в отношении АТЭС в 1990-е г. В ноябре 2008 г. уже после президентских выборов Дж. Буш-мл. принял решение о присоединении США к инициативе ТТП, с которой изначально в 2003 г. выступили Чили, Новая Зеландия и Сингапур, несколько позднее к ней присоединился Бруней, а в 2008 г. – Австралия, Вьетнам, Малайзия, Перу. Однако, подключение последних четырёх государств к формату указывало, что им ТТП по-настоящему будет интересно только в том случае, если к переговорам о нём присоединятся США. Формально это произошло в том же году, однако из-за политического транзита и необходимости преодолеть наиболее острые последствия кризиса 2008 г. на практике переговоры начались только в 2010 г. С этого момента соглашение о потенциальной организации стали трактовать как правовой стандарт XXI в., регламентирующий множество аспектов экономического взаимодействия[105]. Впоследствии к переговорам присоединились Канада и Мексика, входившие в НАФТА, а также Япония, которая из опыта прежних десятилетий была ключом к архитектуре экономических отношений в Восточной Азии. Как следствие США при Б. Обаме приблизились к реализации клинтоновской идеи «скрепы экономических центров мира»[106] на Тихом океане,

[104] Liu Fu-Kuo. Op. cit.

[105] Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP12%20Summary%20of%20the%20Agreement.pdf (accessed: 24.10.2015); Trans-Pacific Partnership Agreement Full Text. https://ustr.gov/sites/default/files/ttp (дата обращения: 01.06.2016).

[106] Правда, здесь нужно принять во внимание и тот факт, что эта идея возникла в период экономического роста США и наличия в стране ещё сравнительно прочного производственного потенциала, однако к моменту присоединения США к ТТП деиндустриализация страны значительно усилилась, а клинтоновская идея «скрепы экономических центров» на волне начавшегося в 2006 г. доминирования клинтоновских прогрессистов уступила место идее американского контроля за процессами глобализации. Это позволяет нам сделать вывод, что идея У. Клинтона в данном случае превратилась в мыслительный конструкт, который на практике был наполнен более новыми идеями.

однако на практике это ещё больше осложнило планирование и реализацию хозяйственного курса в отношении СВА, которая в экономическом и производственном плане оставалась центром Восточной Азии: в отношении Японии политика реализовывалась в рамках ТТП, в отношении РК – в рамках двустороннего ССТ, а в отношении Китая, как одного из глобальных экономических центров, который в 2000-е гг. свой потенциал стал переводить практическое хозяйственное присутствие, как замечает Т. Дж. Кристенсен, вплоть до 2009 г. американское правительство предпочитало не замечать, что кроме политических вопросов в отношениях присутствуют ещё и экономические[107].

В целом, такая вовлечённость США в восточноазиатские и тихоокеанские экономические дела свидетельствовала, что американские либеральные элиты слишком уверовали в силу доминировавших в Америке идей, считая, их универсальными, общепризнанными. В то же время американское стремление вовлекаться в многосторонние объединения, которые были инициированы без их участия, указывало на их организационную слабость, зависимость от соответствующих региональных тенденций. А они были таковы.

На фоне доминирования в США идеалистического начала над практическим, что было чуждо странам СВА и ЮВА, последние приступили к формированию собственной системы региональных отношений, в которых экономическая составляющая приобретала значение стержневой, а фундаментом для этой системы стали традиционные для восточноазиатской системы (как северо-восточной, так и юго-восточной) элементы международно-политической культуры, а также опыт взаимодействия Японии со странами ЮВА и Китаем в 1960-е – 1970-е гг.

В целом, состояние новой восточноазиатской системы межгосударственных отношений, сложившейся к середине 1990-х гг. охарактеризовал постоянный политический секретарь МИД Сингапура К. Махбубани: обеспечение мирного развития региона, отказ от примата политических проблем при выстраивании отношений, признание предпочтительной той формы правления, какая лучшим

[107] Christensen T.J. Op. cit. P. 216–222.

образом соотносится с политическими традициями конкретной страны, отказ от факторов межгосударственных балансов на основе экономических теорий в пользу анализа текущего состояния экономических дел сообразно реальному положению сторон относительно друг друга[108], обеспечение взаимозависимости сторон за счёт торговли, инвестиций и производственной кооперации, обеспечение взаимозависимости сторон (обществ) за счёт повседневного взаимодействия между представителями бизнеса, вовлечённых в реализацию конкретных проектов[109].

Таким образом, ещё до азиатского экономического кризиса 1997 г. на исторически сложившемся фундаменте в регионе возникли новые нормы взаимодействия, отличные от американских, как следствие региональные процессы в Восточной Азии признавали вовлечённость американской экономики, но указывали на то, что они могли реализоваться без политического участия США.

Кризис 1997 г., как утверждают экономисты и историки, способствовал тому, что изложенные выше постулаты стали конвертироваться в практику. Во-первых, была сделана ставка на снижение торговых тарифов, что в условиях высокой производственно-сбытовой кооперации и роста практической взаимозависимости бизнеса в странах региона оказалось необходимостью для поддержания национальных экономик и сохранения налаженных партнёрских каналов[110]. Во-вторых, страны региона пошли на более широкую либерализацию всего спектра экономических отношений и усилили свою открытость внешнему миру, поскольку их хозяйства оставались ориентированными на экспорт[111]. В-третьих, ядром интеграционным ядром восточноазиатской подсистемы выступили страны ЮВА, поскольку многосторонний формат АСЕАН к этому времени доказал свою стабильность и жизнеспособность. В-четвёртых, при сохранении за Японией роли регионального экономического и технологического лидера, ещё одним реальным экономическим центром Восточной Азии становился Китай, существенно возросла

[108] Здесь К. Махбубани недвусмысленно делает отсылку к прочному для американского экономического мышления взгляду на роль внешнеторгового дефицита, который воспринимался ключевой характеристикой двусторонней торговли.
[109] Mahbubani K. An Asia-Pacific Consensus // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76. – №5. – P. 149–158.
[110] Globalization and the ‘New’ Semi-Peripheries… P. 94, 98.
[111] Gezmis H. From Neoliberalism to Neo-developmentalism? The Political Economy of Post-crisis Argentina (2002–2015) // New Political Economy. – 2018. – Vol. 23. – №3. – P. 66–87.

роль Южной Кореи в региональных хозяйственных процессах[112]. На практике эти действия привели к возникновению формата АСЕАН+3, который на ранних порах были призван регулировать экономические отношения между восточноазиатскими странами.

Интерес в этом контексте представляют и шестисторонние переговоры, запущенные в 2003 г. и посвящённые урегулированию ядерного кризиса и денуклеаризации Кореи. Они стали первой многосторонней площадкой, объединивших все страны СВА, несмотря на сохранявшиеся между ними политически мотивированные разделительные линии. Как следствие уже к 2005 г., как заметил Р.П. Пардо [113], стала проявляться их многоролевая функция. В частности, Китай использовал их как площадку для переговоров, предполагавших построение региональной архитектуры, которая должна была иметь отнюдь не только политическое основание. Так китайская сторона, принимая во внимание взаимный экономический интерес Пекина, Токио и Сеула, в рамках шестисторонних переговоров смогла снизить уровень политических опасений Японии и Республики Корея, чем способствовал запуску трёхсторонних японо-китайско-южнокорейских торгово-экономических переговоров[114].

По оценкам Чан Минхуа[115], заключённое по их результатам трёхстороннее ССТ позволило сторонам более эффективно распределить региональные хозяйственные ниши: Япония выступала в качестве технологического лидера, Китай стал играть роль основного производителя, Республика Корея стала основным потребителем, сохранив вместе с тем и роль производственного лидера в ряде отраслей химической и машиностроительной промышленности.

Наконец, Р.П. Пардо обращал внимание, что шестисторонние переговоры позволили закрепить и возникшую в конце холодной войны тенденцию американо-китайских отношений, которые определялись именно двусторонней динамикой, а

---

[112] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 2… P. 12–13.
[113] Pardo R.P. Op. cit..
[114] Тем не менее, здесь нужно иметь в виду, что координация экономических усилия КНР, РК и Японии началась ещё в 1998 г. в рамках формата АСЕАН+3, и только в 2005 г. она приобрела не только восточноазиатский контекст, но и контекст СВА.
[115] Chiang Min-Hua. Op. cit.

позднее и двусторонним форматом[116], и только сами стороны могли способствовать доминированию политической или экономической повестки в них в конкретный момент времени.

В условиях, когда восточноазиатские страны приступили к формированию экономической архитектуры региона, которая стала ответом на кризис, США оставались в стороне, ограничивая свою вовлечённость заключением отдельных двусторонних ССТ. Однако, кризис 2008 г. вынудил Вашингтон следовать восточноазиатской модели: сначала в 2009 г. усилиями Х. Клинтон в американо-китайских отношениях на первое место выходят вопросы экономического взаимодействия, а в 2010 г. запускаются полноценные переговоры о ТТП. Таким образом, повторяя общую логику присоединения к АТЭС и считаясь с необходимостью преодолеть последствия экономического кризиса 2008 г., США с отставанием в 11–12 лет решили повторить восточноазиатский опыт, хотя и перенесённый с восточноазиатского фундамента культуры межгосударственных отношений на привычный для Соединённых Штатов европейский.

Кроме того, сделанный американской стороной акцент на идейное присутствие в экономической сфере, в то время как в Восточной Азии экономическая практика была стержнем для построения системы межгосударственных отношений, позволил хозяйственным центам СВА предложить собственные стратегии по экономическому конструированию региона.

Первой страной, которая предприняла усилия по конструированию совей версии региона, была Япония. Этому были объективные предпосылки: пространство Восточной Азии было освоено и на уровне практических шагов бизнеса, и в интеграционном плане, поскольку заложенный японскими корпорациями фундамент технического, производственного и инвестиционного взаимодействия способствовал возникновению формата АСЕАН+3. Как следствие, Японии необходимо было освоить новое пространство. В этом контексте отправной точкой стало выступление Ё Мори, который в 2000 г. указал на

[116] Pardo R.P. Op. cit.

необходимость глобального партнёрства Японии и Индии[117]. В дальнейшем, С Абэ в течение первого срока на посту председателя правительства конкретизировал идею предшественника, обозначив сотрудничество Токио и Нью-Дели стратегическим и глобальным, использовав в официальных заявлениях термин «Индо-Пацифика», предложив концепцию сопряжения двух океанов. Она предполагала тесное сотрудничество Японии и Индии, совместное построение более широкой Азии с привлечением США и Австралии[118], заключение с Нью-Дели Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве, вовлечение восточноафриканских стран в индо-тихоокеанское пространство[119].

Немаловажной основой для будущей индо-тихоокеанской политики Японии стала идея «Дуги свободы», выдвинутая министром иностранных дел Т. Асо. Она предполагала приверженность демократии, правам человека, рыночной экономике, верховенству закона[120].

В целом, совокупность идей Токио свидетельствовала, что для него построение индо-тихоокеанского пространства возможно в экономической, политической, гуманитарной и правовой плоскостях, что в целом отвечало конфуцианской традиции межгосударственных отношений.

Японская практика позволяет выделить три ключевых субпространства на сопряжённых просторах Тихого и Индийского океанов. Первым из них стала Восточная Азия и Тихий океан, где на прочном фундаменте осуществлялись многосторонние торгово-экономические инициативы с участием Японии и вследствие её экономической деятельности. Второе субпространство представлено Индией, которая важна как торгово-экономический партнёр, в котором можно создать производственную базу, ориентированную на импорт японской

---

[117] Приводится по: Mukherjee R. Japan’s strategic outreach to India and the prospects of Japan – India Alliance // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №. 4. – P. 835–859.

[118] Borah R. The Strategic Relations Between India? The United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three is not a Crowd. Singapore: World Scientific, 2022. P. 3–4.

[119] Daimon-Sato T. Sino-Japan Aid War and India’s Role: Possibilities for ‘Win–Win–Win’ // China Report. – 2021. – Vol. 57. – №. 3. – P. 289–308.

[120] Приводится по: Масуо Т. Глобальная дипломатия Японии как ответ на китайскую инициативу «Один пояс – один путь» // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь мир, 2019. С. 187–208.

продукции[121], и как транспортно-логистический узел[122]. Третье субпространство было представлено Восточной Африкой, в которой Токио планировал сформировать внутреннюю производственную базу, для чего выступал за повышение уровня образования, инвестиции, сотрудничество по реализации экономических проектов, интенсификацию межчеловеческих контактов[123].

Таким образом, Япония предприняла попытку экспансии своей региональной политики за пределы Восточной Азии, проецирования своего опыта внешнеэкономического и межгосударственного взаимодействия, уходящего корнями в культуру отношений и внешней политики стран СВА. Кроме того, в условиях отстранённости Вашингтона Токио повторил его опыт периода холодной войны, но с восточноазиатской спецификой. Так, в условиях биполярного противостояния США распространили политическое и военно-политическое противоборство с СССР из Восточной Азии на пространство Индийского океана, однако впоследствии пересмотрели свою стратегию. После холодной войны Япония стала распространять экономическое взаимодействие, основанное на взаимном совпадении хозяйственных интересов за пределы Восточной Азии на пространство Индийского океана. Этот процесс начался в то время, когда США делали лишь эпизодические шаги по практическому освоению тихоокеанского пространства на основе двусторонних ССТ.

В 2013 г. свою национальную инициативу, ориентированную не только на регион Восточной Азии, но и за его пределы, предложил Китай. Текст «Видения и действий по совместному построению пояса и пути» позволяет говорить о следующих элементах Инициативы пояса и пути (ИПП), сравнительно гибких, высоко адаптивных, нечётких по своим формулировкам, способных менять своё практическое содержание в зависимости от конкретного случая:

---

[121] Barai M.K., Kar R.N., Bhasin N. Understanding the Indo-Japan Relations in the Asia-Pacific century. // Global Business Review. – 2015. – Vol. 16. – №. 6. – P. 1061–1081.

[122] Borah R. Op. cit. P. 50, 114; Wallace C. Op. cit.; Choudhury S.R. India–Japan Relations: Economic Cooperation Enabling Strategic Partnership // International Studies. – 2018. – Vol. 54. – №. 1–4. – P. 106–126.

[123] Das K. Ch. International Connectivity Initiatives by China and India for the developing Countries // South Asian Survey. – 2018. – Vol. 24. – № 2 – P. 101–116.

- многовекторность и многоуровневость сетевого сотрудничества между странами;

- гуманитарная составляющая, в основе которой лежат международные обмены, направленные повышение знаний о культурах друг друга;

- интеграция сухопутного и морского измерений;

- развитие инфраструктуры;

- устранение барьеров для инвестиций, привлечение иностранных инвестиций;

- свобода передвижения капитала;

- развитие отраслевого сотрудничества, в особенности в сферах сельского хозяйства и пищевой промышленности, лесного хозяйства, фармакологии, электроэнергетики, добычи полезных ископаемых;

- оптимизация международных производственных и сбытовых цепочек;

- вовлечение существующих международных многосторонних механизмов в реализацию приоритетов инициативы, которые подразделяются на две группы: привычные многосторонние механизмы, и новые, организованные по принципу страна (здесь – Китай) – группа заинтересованных стран;

- доступ к внешним рынкам за счёт транспортных путей;

- создание точек роста в разных регионах страны[124].

Перечисленные приоритеты свидетельствуют, что для Китая наибольший приоритет занимали экономические проблемы, традиционная основа для взаимодействия стран СВА с другими регионами с 1970-х гг. В то же время, как подчёркивает С.К. Песцов, это экономическое взаимодействие предполагало не только привычные для стран региона торговые и производственно-кооперационные связи, но и финансовые, которые подкреплялись разнообразием финансовых институтов, созданных Китаем и привлечённых к обслуживанию ИПП. Кроме того, обращает внимание на себя формальная сторона ИПП, которая

[124] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шёлкового пути и морского шёлкового пути XXI в. // Россия и АТР. – №3. – 2015. – С. 255–270.

представлена большой совокупностью двусторонних соглашений со странами и международными организациями[125].

Таким образом, предпринимая собственную попытку освоения нового для себя международного пространства, Китай, с одной стороны, строго следовал основаниям классической конфуцианской системы международных отношений, для которой характерна высокая роль практических шагов в отношениях между странами [126] и распространение договорного права на двусторонние, а не многосторонние отношения. С другой стороны, развитие торговых отношений с внешним миром предполагало восстановление в новых условиях функций торговли как традиционного для доколониальной внешней политики Китая способа установления и поддержания двусторонних отношений. Таким образом, подобно более ранней попытки Японии, Китай при освоении новых пространств предпочитал строить отношения с другими странами на основе норм, принятых в конфуцианской системе международных отношений, но при этом в отличии от Японии предпочёл не адаптировать и перерабатывать американскую стратегическую модель, а переосмыслить в соответствии с современными условиями традиционную китайскую модель, уходящую корнями в национальную историю.

В то же время обращает на себя внимание парадокс, подмеченный С.Е. Лобелом и Дж. Эрнстсеном[127], что Китай в рамках ИПП, опираясь на традиционный внешнеполитический фундамент, тем не менее не намерен отказываться от преимуществ неолиберального торгово-экономического порядка, который был построен при непосредственном американском участии. Иными словами, обе восточноазиатских стратегии (японская и китайская) экономического освоения нового пространства, несмотря на прочные индигенные исторические корни, оказались под американским влиянием: в первом случае адаптировался и переосмысливался прошлый опыт Соединённых Штатов, во втором случае

[125] Великий китайский почин: к десятилетию Инициативы «Пояса и пути» / Под ред. В.Л. Ларина. М.–СПб.: Русь, 2024. С. 18–25.
[126] С 1970-х гг. в США практические шаги стали прочно связывать с экономическим взаимодействием.
[127] Lobell S.E., Ernstsen J. Op. cit.

присутствовала зависимость от системных экономических условий, сформированных американской стороной.

Но даже с учётом такого влияния на внешнеполитические стратегии Японии и КНР в контексте поочерёдного заключения Соединёнными Штатами ряда ССТ и их последующего присоединения к ТТП эти инициативы экономических центров СВА означали, что американская сторона запаздывала в реализации собственной обширной экономической инициативы и фактически осваивала тихоокеанское и восточноазиатское пространство, которое и Япония и Китай считали для себя уже освоенным, вследствие чего пошли за его пределы. Таким образом, отставание США от стран СВА в построении архитектуры региональных экономических отношений было налицо.

Единственной сферой в СВА, где присутствие Соединённых Штатов после окончания холодной войны оставалось сильным, было политическое и военно-политическое взаимодействие. Более того в регионе сохранялись и разделительные линии, возникшие в период биполярного противостояния, и локальные споры, которые облегчали таковое американское присутствие в регионе.

В целом, сфера безопасности в постбиполярный период характеризовалась следующими изменениями. Ш. Хамейри и К. Джайасурия указывали, что в СВА как субрегионе Восточной Азии присутствовали три дихотомии процессов: секьюритизация нетрадиционных проблем и доминирование традиционных проблем «жёсткой» безопасности, противопоставление интересов одной страны интересам группы стран, противопоставление интересов двух стран друг другу. Следствием этого положения стал постоянный поиск новых форматов взаимодействия в регионе[128].

Во многом это положение, как замечают Сунь Жу[129], Т. Сатаке и Дж. Хеммингс[130] стало следствием эволюции системы американских альянсов после распада биполярной системы. В 1990-е гг. были законсервированы дву- и

[128] Hameiri Sh., Jayasuriya K. Op. cit.
[129] Sun Ru. Op. cit.
[130] Satake T., Hemmings J. Op. cit.

трёхсторонние форматы периода холодной войны. Этому способствовал ряд факторов. Из-за подавляющего военно-политического доминирования США в АТР другие страны были вынуждены действовать с оглядкой на них. Американские союзники опасались, что при возникновении многостороннего альянса они попадут во внутриальянсовую «ловушку угрозы», при которой необходимо реализовать союзнические обязательства в отношении другого участника альянса при возникновении угрозы, которая не имеет прямого отношения к данной стране, но опасна для союзника. Наконец, они оценивали военно-политический курс США в отношении АТР как подверженный одновременно диверсификации и сегментации взаимодействия в зависимости от региональной и международной конъюнктуры. Результатом этой трансформации стало возникновение неустойчивой сети американских трёхсторонних квазиальянсов. Её слабость, по оценкам А. Сакаки и Ю. Нисино, заключалась в том, что американские союзники придерживались разных пониманий международных ситуаций, средств и целей политики с ними связанных[131]. Её сильной стороной, по оценкам Сунь Жу, была организация: в состав каждого из «треугольников» кроме США входила Япония, что делало её ключевым американским союзником в Восточной Азии[132], что формально превращало США не только в экономический, но и военно-политический центр Восточной Азии.

Однако обеспокоенность восточноазиатских стран касательно военно-политического присутствия США в регионе отнюдь не ограничивалась постоянной изменчивостью американской внешней политики. Не менее важной была память о том, что в годы противостояния с Советским Союзом, который был привержен коммунистической идеологии, Соединённые Штаты вовлеклись в регион и предприняли попытку его расширения, прежде всего, на политическом фундаменте. К. Махбубани отмечал, что ко второй половине 1990-х гг. возникли все необходимые условия для политического сдерживания Соединёнными Штатами Китая, внешне разделяющего коммунистические идеи, по подобию

[131] Sakaki A., Nishino Ju. Op. cit.
[132] Sun Ru. Op. cit.

политики сдерживания в отношении СССР. Проявлением этого К. Махбубани называл антикитайскую резолюцию о соблюдении прав человека в КНР 1997 г.[133]. Однако, представляется, что в 1990-е гг. это была лишь вершина американских попыток адаптировать прежние внешнеполитические модели к постбиполярным условиям, чтобы идеологически удерживать союзников. Т. Дж. Кристенсен замечает, что поначалу, правительство У. Клинтона на эту роль выбрало КНДР, однако угрозы, исходившие от неё в первой половине 1990-х гг. были столь несущественными, что не позволяли эффективно использовать старые образы для укрепления связей с союзниками. Однако, были и объективные причины, почему администрация У. Клинтона отказалась от использования образа «северокорейской угрозы». Главной из них стала активная двусторонняя дипломатия в отношении КНДР, в т.ч. на высшем и высоком уровне, которая была нацелена не только на стабилизацию политической обстановки на Корейском полуострове, но и на минимизацию последствий после выхода Пхеньяна из Договора о нераспространении ядерного оружия[134]. Как следствие по результатам доклада Дж. Ная в 1994 г. на эту роль была выбрана КНР, а тактической мишенью критики стали права человека[135], тем более что по вопросу о соблюдении прав человека уже происходили кризисные явления в отношениях двух стран, когда возник вопрос о правах тибетского национального меньшинства в 1987 г., и была подавлена демонстрация на площади Тянанэмэнь в 1989 г., причём последний эпизод повлёк политически мотивированные санкции со стороны США.

В последствии под давлением крупного бизнеса, вследствие концентрации внимания на проблемах безопасности Ближнего и Среднего Востока, эта тенденция американской внешней политики стала подспудной. Более того, запуск шестисторонних переговоров, которые оказались первой многосторонней площадкой в СВА, несмотря на сохранявшиеся со времён холодной войны разделительные линии, мог создать иллюзию, что США начинают играть

[133] Mahbubani K. Op. cit.. P. 150.
[134] Cha V. The Impossible State. North Korea, Past and Future. London: The Bodley Head, 2012. P. 285–290.
[135] Christensen T.J. Op. cit. P. 187–189.

позитивную политическую роль в регионе. Тем не менее, прежняя попытка сдерживать Китай политически, а также наличие по периметру его морских границ акваториальных споров [136], в отношении которых политика Пекина в регионе воспринималась крайне негативно [137] и дополнялась развитием ВМС НОАК, создавали предпосылки и условия, что курс на политическое сдерживание КНР вернётся, как только США обратят вновь достаточно внимания к делам региона.

Таким образом, несмотря на имевшую место быть эволюцию военно-политической сферы и обеспечения безопасности в СВА и Восточной Азии, связанную, прежде всего, с секьюритизацией проблем «нежёсткой» безопасности, США сохранили все элементы своего присутствия, сформировавшиеся в период холодной войны: не были расторгнуты военно-политические договоры с Японией и Республикой Корея, более того запуск шестисторонних переговоров можно расценить как вторую после создания СЕАТО американскую попытку внедрить в Восточной Азии (на сей раз в СВА) многосторонний формат обеспечения безопасности, была укреплена позиция Японии как ключевого военно-политического союзника Соединённых Штатов на Тихом океане, была предпринята попытка перенести и адаптировать модель противостояния Советскому Союзу в отношении Китая. Более того, секьюритизация тех проблем, которые прежде не связывались с обеспечением безопасности, создавала

[136] В целом, в мировой историографии утвердилась точка зрения, что в случае конфликта в Восточно-Китайском море (ВКМ) превалируют экономические предпосылки над политическими, в то время как в ЮКМ ситуация обратная. Как отмечают исследователи ключевая проблема разграничения в ВКМ связана с нахождением газоносного шельфа в границах спорных акваторий, соответственно жёсткая политика стран в этом вопросе трактуется как следствие интересов газовых компаний Японии и КНР. Нерешённость этого спора соответствует интересам США: с одной стороны, появляется дополнительный повод для создания образа «китайской угрозы», с другой стороны, невозможность разрабатывать залежи углеводородов из-за политических причин, делали экономические центры СВА зависимыми от внешних поставщиков газа, к числу которых, в первую очередь, относились Соединённые Штаты и Россия. Конкуренция с последней в период относительной стабильности мира также отвечала интересам американских корпораций: в случае ухудшения геополитической обстановки в мире возникал потенциал для создания образа «российской угрозы» с целью обеспечить политическую поддержку своим экономическим интересам. Подробнее о природе акваториального спора в ВКМ см.: Семин А.В. Токио – Пекин: конфликтный потенциал сохраняется…; Гордеева И. В. Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао)..; Стрельцов Д.В. Япония: новая парадигма безопасности…; Liao J. X. Op. cit.; Au Kung Wing. Op. cit.; Itoh S. Op. cit.

[137] Сингапурские исследователи Ян Фан и Ли Минцзян характеризовали политику Китая в отношении спорных островов и акваторий как наступательную, как стремление Пекина пересмотреть сложившийся статус-кво в свою пользу. Отличительной её чертой они называли игру юридическими положениями и терминологией, которую вела китайская сторона, обосновывая свои претензии. См.: Yang Fang, Li Mingjiang. Op. cit.

предпосылки, позволявшие США расширить повестку военно-политического взаимодействия и тем самым углубить своё вовлечение в дела региона.

Ещё одним элементом, который характеризовал состояние международных отношений в СВА были американо-китайские отношения. В заключительное десятилетие холодной войны чётко высветилось их ключевое противоречие: политическое сотрудничество в Вашингтоне рассматривалось как принятие не только европейских норм межгосударственного взаимодействия, но и американских общественно-политических стандартов, экономическое сотрудничество в Пекине, в свою очередь, воспринималось как принятие норм взаимодействия, характерных для конфуцианской системы международных отношений.

При Дж. Буше, несмотря на возражения высокопоставленных сотрудников Госдепартамента, считавших примат политического начала ущербным, были отработаны первые механизмы воздействия на правительство КНР, если его действия во внутриполитической плоскости не соответствовали американским «стандартам». В 1989 г. в ответ на подавление демонстраций на площади Тяньаньмэнь были введены санкции, которые, правда, уже через полгода под давлением национального бизнеса Вашингтон был вынужден смягчить[138], а в 1992 г. в ответ на приобретение военных самолётов у России не без влияния соответствующих групп интересов были одобрены поставки самолётов F-16 Тайваню [139] . Если первый шаг чётко укладывался в логику двусторонних противоречий, то второй шаг вовсе отсылал к мыслительным конструкциям начала холодной войны.

С приходом У. Клинтона санкции в отношении КНР были отменены, однако правительство США продолжало делать ставку на воздействие на китайскую сторону политическими методами. Во-первых, предоставление режима наибольшего благоприятствования (МФН-статуса) в 1993 г. было оговорено

[138] The President’s News Conference. 1989-06-05…; Statement by Press Secretary Fitzwater on Trade with China. 1989-12-19. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php. (дата обращения: 31.08.2011).
[139] EAP Press Guidance. September 2, 1992. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/china/1999-0182-F.php (дата обращения: 20.09.2011).

необходимостью для Китая решать проблему прав человека. А в ходе визита в Пекин в марте 1994 г. госсекретарь У. Кристофер пригрозил, что МФН-статус не будет продлён в случае отсутствия прогресса в сфере прав человека[140]. Т. Дж. Кристенсен, находившийся в это время в Китае на стажировке, сделал несколько ценных полевых наблюдений. Первое, в данном случае правительство У. Клинтона относилось к Китаю как к постколониальной стране и не понимало, что правительство КНР не приемлет мегафонную дипломатию. Это создавало дополнительный тупик в двусторонних отношениях. Второе, замечание касается беседы Т. Дж Кристенсена с китайскими преподавателями, которые в удивлении спрашивали о действиях американской стороны: «Что же они делают?»[141] Это указывало на глубокое непонимание политическим руководством США того, как следует развивать отношения с Китаем, принимая во внимание не только американские интересы, но и озабоченности Китая.

Во-вторых, после неудачной попытки скрепить военно-политические альянсы идеологически на основе северокорейской угрозы и выхода доклада Дж. Ная в 1995 г., основной акцент здесь был сделан на противостоянии китайским дипломатическим и иным невоенным попыткам изменить положение дел в регионе. Во-третьих, исходя из неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры, включавшей вывод контингента из Сомали, отказ вводить силы в Руанду, уступки Японии при решении экономических споров, которые сохранились ещё с периода президентства Дж. Буша, и с учётом присутствия сильного тайваньского лобби в Конгрессе американское правительство в 1995 г. санкционировало прибытие в США действующего президента Тайваня Ли Тэн Хуэя. Этим шагом была нарушена неписанная норма не разрешать целевые визиты глав Тайваня в США, которая действовала с 1979 г.[142].

---

[140] В течение заключительного десятилетия холодной войны Соединённые Штаты регулярно прибегали к практике политически мотивированного предоставления МФН-статуса Венгрии и Румынии (на тот момент советских союзников). При этом свой шаг Соединённые Штаты мотивировали не только степенью автономии этих стран от СССР, но и решением вопросов в области прав человека.

[141] Christensen T.J. Op. cit. P. 180–181.

[142] Ibidem. P. 188–191.

Представляется, что именно эти действия американского правительства, которые в странах Восточной Азии в принципе считаются неприемлемыми, стали причиной их опасений, что политика в отношении Китая будет строиться по подобию политики в отношении Советского Союза [143] , тем более что администрация У. Клинтона повторила модель нагнетания напряжённости в отношениях с КНР, которую применил Дж. Буш на финишном отрезке холодной войны и дополнила её отдельными элементами, которые были характерны для политического противостояния со странами ОВД.

В дальнейшем, как отмечает Т. Дж. Кристенсен, на волне выноса производств, запущенной американским неолиберализмом, Китай превратился не только в ключевое звено международной производственно-сбытовой кооперации, но и занял место ведущего торгового партнёра Японии и Южной Кореи, потеснив США с первой строчки. С присоединением Китая к ВТО не только вырос китайский экспорт в США, но многократно увеличились и американские поставки в КНР. Бизнес подтвердил роль ведущей силы, благоприятствующей налаживанию отношений двух стран на практике, однако правительство Дж. Буша-мл. предпочитало обсуждение политических аспектов взаимодействия, включая глобальные вопросы, участие Китая в международных форматах, инициированных США, политически мотивированные вопросы экономической повестки (соблюдение интеллектуальных прав, курс юаня)[144].

В целом, общая динамика американо-китайских отношений, начиная с самого конца холодной войны, характеризовалась следующими особенностями. Во-первых, у политического руководства США сформировалось устойчивое предпочтение политических вопросов экономическим. Как следствие оно в ходе контактов с китайской стороной и в ходе односторонних действий затрагивало проблемы, разделяющие, а не сближающие стороны. Более того, при Дж. Буше была апробирована, а при У. Клинтоне воспроизведена модель нагнетания напряжённости в отношениях с Китаем, при которой на первой фазе в том или ином

[143] Mahbubani K. Op. cit.
[144] Christensen T.J. Op. cit. P. 43–45, 218–222.

контексте поднимался вопрос соблюдения прав человека в КНР, а на второй фазе усиливалось влияние тайваньского вопроса вследствие американских внутриполитических или внутриэкономических причин. Во-вторых, оппозиционно был настроен американский бизнес, который был заинтересован в развитии контактов двух сторон на практике. В отличии от правительственного подхода, который противоречил культуре межгосударственных отношений в СВА, подход бизнеса полностью соответствовал и традиционным нормам конфуцианской системы межгосударственных отношений, и её модификации под влиянием экономического роста в последней трети XX в. В-третьих, 1989 г. показал, что оппозиционные настроения по отношению к безусловному господству политической линии могут проявиться и в рядах Госдепартамента, а в том случае, если правительство даст его сотрудникам поле для манёвра, акцент в отношениях с Китаем будет сделан на иных вопросах, представляющих взаимный интерес сторон.

Таким образом, СВА к концу 2000-х гг. представлялась для внешней политики Соединённых Штатов чужим полем. Во-первых, с последней трети XX в. сильнее стали влиять на региональные процессы начала, проистекавшие из традиций конфуцианской и юго-восточной азиатской систем международных отношений. В этих условиях элементы европейской системы привнесённые и закреплённые в регионе после Второй Мировой войны оказывались чужеродными, дезинтегрирующими регион. Во-вторых, учитывая общие каркасы поведения США в регионе в прошлом, а также используя преимущества созданной ими международной системы, но опираясь на свои международные и внешнеполитические традиции, страны СВА предложили свои инициативы по созданию региональных пространств, географически выходящих далеко за пределы СВА и Восточной Азии. В этих условиях стремление США превратить ТТП в интеграционный стандарт на Тихом океане выглядело отставанием американской политики от региональных процессов, возникших без её участия. В-третьих, единственным элементом региональной системы, который обеспечивал крепкие позиции Соединённых Штатов, были их военно-политические союзы,

сформировавшиеся в период холодной войны, а секьюритизация невоенных проблем, возникшая необходимость решать вопрос денуклеаризации Корейского полуострова способствовали более глубокому проникновению США в сферу безопасности региона.

Также к концу 2000-х гг. были отработаны несколько моделей американского поведения в регионе, что можно обозначить их региональным внешнеполитическим опытом. Первая модель связана с географическим расширением американского военного и военно-политического присутствия, необходимыми условиями для неё было противостояние с другой сильной державой, а также внесение соответствующих формулировок в политический лексикон. Вторая модель касалась обеспечения идеологической связанности союзников: в условиях вакуума явных больших «угроз» американское правительство стремится сначала сформировать образ сравнительно небольшой «угрозы», а по мере осознания её неэффективности переходит к образам больших «угроз». Третья модель касалась взаимодействия со странами СВА, в целом. Под давлением бизнеса развитие отношений основывалось на практике взаимодействия, которое в юридическом смысле приобретало двустороннее измерение, что отвечало восточноазиатским нормам взаимодействия. В то же время под влиянием интересов правительства акцент делался на политической стороне двусторонних отношений или на идеалистическом понимании многосторонних форматов, что было чуждо для стран Восточной Азии. Четвёртая модель касалась отношений с Китаем: на первом этапе акцент делался на практическом экономическом взаимодействии, что отвечало традиционным китайским взглядам на межгосударственные отношения, уступая им таким образом, однако позднее делало ставку на политически мотивированные вопросы, связанные с правами человека и положением Тайваня, провоцируя этим рост противоречий в отношениях с КНР.

В целом, объективные условия следующим образом определили вектор эволюции американской политики в отношении СВА в период президентства Б. Обамы. Прохождение пика исторического цикла способствовало тому, что

исполнительная власть придерживалась старых методов по восстановлению хозяйства, которые постепенно вступали в противоречие с социально-экономической реальностью, касавшейся как отношений внутри страны, так и с внешним миром, поскольку неолиберальная модель хозяйственного развития постепенно уступала место реиндустриализации, которая с 2014 г. стала доминирующей моделью в производственном секторе. Выход обрабатывающих отраслей на новую траекторию развития обострил борьбу между ветвями власти за то, какая политическая (правительство вместе с президентской администрацией или Конгресс) и партийная (демократы или республиканцы) сила возьмёт под контроль новые процессы, обострила противостояние. Модель развития была не единственным полем, где возникали диссонансы. Не меньшее, если не большее влияние оказывала идейная согласованность. С одной стороны, повестка развития Демократической партии, идеалистическая по своей природе, шла по пути углубления внешнеэкономического либерализма, что соответствовало тенденции на интернационализацию производственных и сбытовых цепочек, с другой стороны, исчерпав ресурсы социальной политики, она обратилась к радикальной части либеральной мысли, поддержке различных меньшинств и привнесла соответствующие акценты во внешнюю политику. С другой стороны, её представители не могли отказаться от мыслительных конструкций, которые сформировались в донеолиберальный период развития США и которые контрастировали с его идеями. В частности, по-прежнему силу национальной экономики оценивали через привычную со времён Ф.Д. Рузвельта призму торгового баланса, демонтируя социально-экономическое наследие 32-го президента, демократы продолжали воспринимать его в качестве идейного якоря, декларируя, а в экономической сфере и демонстрируя приверженность неолиберализму, они не отказывались от мыслительных конструкций периода холодной войны. Это создавало дополнительные благоприятные условия для укрепления внутриполитических позиций республиканцев, чьи внешнеполитические взгляды всегда были реалистическими, основанными на понимании баланса сил.

В политике в отношении СВА также наличествовало противоречие. С одной стороны, демократическое правительство, придерживаясь своей традиционной идеалистической линии, стремилось внедрить неолиберальные идеи как за счёт их привлекательность, так и с помощью внедрения соответствующей повестки в многосторонние форматы. В то же время американские инициативы по построению экономического пространства на Тихом океане и в Восточной Азии запаздывали в сравнении с инициативами, исходившими от стран СВА. С другой стороны, единственным прочным инструментом, обеспечивавшим постоянное американское присутствие в регионе и потенциал для более глубокого проникновения Соединённых Штатов в его дела, оставались военно-политические союзы периода холодной войны.

Таким образом, и внутренняя и внешняя динамика определила, что политика США в отношении СВА в период президентства Б. Обамы характеризовалась двумя парами противоречий. Первая пара касалась оппозиции экономического либерализма, который предполагал вынос производств и интернационализацию производственно-сбытовых цепочек, и реиндустриализации, которая предполагала повышение роли обрабатывающих производств в экономике и введение торговых ограничений. Вторая пара относилась к противостоянию неолибиеральной идеи наследию холодной войны во внешней политике, вследствие чего большее значение придавалось экономической политике, внедрению либеральных идей в регионе, в то время как реальное и эффективное присутствие Соединённых Штатов в СВА обеспечивалось за счёт военно-политических альянсов.

Глава 3. Структура социальных взаимодействий власти и политика США в отношении стран СВА

Роли и места социальных структур во внешней политике США мы уже касались во введении. В противоположность формальной стороне процесса принятия решений, где в центре исследовательского внимания оказываются ведомства, облечённые конкретными полномочиями, существует неформальная сторона. В нашем случае вслед за Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесным[1], М. Гальперином и П. Клэпп[2] она представлена не должностями, ведомствами и полномочиями, а конкретными людьми, которые могут занимать определённые должности (конгрессменов, сенаторов, министров, чиновников, независимых исследователей и др.), которые могут объединяться в группы интересов или ситуативные коалиции. В то же время для принятия конкретных внешнеполитических решений всем (формальным и неформальным) участникам процесса приходится между собой взаимодействовать как в рамках полномочий, так и обычая, а подчас и придавая неформальную окраску свои формальным действиям. Именно такие взаимодействия, иногда длительные, иногда прерывистые, порой стратегического, а порой и тактического характера определяют конечное внешнеполитическое решение, т.е. процесс принятия решений занимает нишу среднего уровня, вбирая в себя многочисленные интересы, запуская их по формальным и неформальным бюрократическим каналам, а в случае успешного их прохождения эти интересы принимают форму внешнеполитического решения.

Приступив к исполнению президентских обязанностей, Б. Обама предпринял попытку ограничить доступ групп интересов к рядовым клеркам, нанятым федеральными министерствами и ведомствами, а также Конгрессом. В этой ситуации, как отметил Т.Т. Холайоук, лоббисты были вынуждены сделать ставку на взаимодействие с влиятельными членами обеих партий, подобно тайваньскому

[1] Механизм формирования внешней политики США…
[2] Halperin M., Clapp P. Op. cit.

лобби, акцентировать внимание на долгосрочных усилиях, ориентированных на конкретные институты власти, активно взаимодействовать с депутатами Конгресса[3].

Вследствие созданных Б. Обамой социальных рамок для процесса принятия решений для американской политики в отношении СВА было характерно влияние следующих традиционных для США социальных конфигураций. Первая, хотя пространство для неё было сужено, представлена связями исполнительной власти и групп интересов. Вторая касается связей групп интересов и членов Конгресса. В ряде случаев они могут принимать трёхзвенный вид, включая обе ветви власти и группы интересов в их многообразии. Третья связка формируется в Конгрессе и среди групп интересов по принципу «поддержка президента – оппозиция президенту». Правда в данном случае к трём традиционным конфигурациям добавляется четвёртая, не являющаяся привычной и традиционной для США. Она касается оппозиции внутри исполнительной власти. В немалой степени это было связано с назначением Х. Клинтон на пост госсекретаря, которая прежде в администрации своего мужа возглавляла специальный орган, отвечавшей за контакты с лоббистами[4]. Теперь же в условиях вводимых ограничений и с учётом её влияния в партии она получала возможность замкнуть на пост госсекретаря социальные каналы влияния на исполнительную власть и контролировать их.

Изучение последней связки, которая обозначает соратников и противников президента внутри федеральных министерств и ведомств, вынуждает сделать больший акцент на неформальной стороне взаимодействия в контексте курса Б. Обамы в отношении СВА. В то же время изучение остальных связок понимается как анализ формальной стороны поведения вкупе с выявлением неформальных его значений.

---

[3] Holyoke, T.T. Interest Groups and Lobbying. Pursuing Political Interests in America. Boulder: Westview Press, 2014. P.159–173.

[4] Nownes, A.J. Interest Groups in American Politics: Pressure and Power. New York – London: Routledge, 2013. P. 105.

3.1 Структура социального взаимодействия внутри исполнительной власти и политика США в отношении СВА

Чтобы понять расклад политических сил, которые влияли на внешнюю политику США в 2009–2016 гг. в целом, и на политику в отношении СВА, в частности, необходимо обратиться к избирательной кампании 2008 г. и положению внутри Демократической партии. Оно характеризовалось следующими тенденциями. Во-первых, предшествовавший электоральный цикл промежуточных выборов 2006 г. показал, что в промышленных районах усилился запрос избирателей на поддержку реиндустриализации[5]. Именно их голоса позволили Б. Обаме занять кресло сенатора. Во-вторых, ввиду набиравшей силу прогрессивной клинтоновской волны большим влиянием внутри партии пользовался клан Клинтонов, а потому Х. Клинтон виделась предпочтительным кандидатом для подавляющего числа партийных функционеров. В этих условиях, стратегическая ставка на электорат, заинтересованный в укреплении промышленной базы, превращалась для оппонентов Х. Клинтон в отдалённую перспективу, которая не способна обеспечить успех на коротком отрезке времени. Как следствие они были вынуждены обратить внимание на массового избирателя, «искавшего чего-то отличного» от привычных избирательных программ[6]. В этих условиях независимо от того, кто бы из кандидатов ни выиграл праймериз, Демократическая партия оказывалась бы на грани раскола между боссами и массой сторонников, что всё равно вынудило бы демократического кандидата в случае победы на президентских выборах формировать компромиссное по составу правительство.

Эти условия и избрание Б. Обамы на пост президента означали, что новая исполнительная власть будет характеризоваться формальным компромиссом, который скрывает глубокие разногласия, и большой ролью назначенцев. Эта команда, не имея внешнеполитического опыта, будет ориентироваться на опыт ведения нестандартной предвыборной кампании. С учётом осознания роли

[5] Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков…
[6] Приводится по: Obama B. Op. cit. P. 67.

электронной среды в политике изменится характер её применения на внешнеполитическом поприще.

Как эти характеристики проявили себя на деле?

Начнём с влияния назначенцев на внешнеполитический курс. Под ними понимаются лица, получившие посты в министерствах и ведомствах, не имея никакого необходимого профессионального опыта в сфере, относящейся к этим министерствам и ведомствам. По наблюдениям А. Пайрс в американской политической культуре эту группу политиков и функционеров отличает стремление претворить в жизнь своё видение чего бы то ни было: политики, понимания ситуации, краткосрочных и долгосрочных целей и т.д. Тот факт, что только во внешнеполитической команде Б. Обамы было 8 назначенцев, это повышало конфликтный потенциал исполнительной власти[7], а сам конфликт приобретал форму борьбы видений и нарративов.

В то же время характеристика, данная А. Пайрс, позволяет выделить ещё одну особенность внешнеполитического планирования при 44-м президенте – сильную зависимость курса от персональных восприятий идей, концепций, действительности.

Прежде чем переходить к уровню министров, их заместителей и советников главы государства, необходимо подчеркнуть, что и сам Б. Обама во многом попадал под данное здесь определение назначенца, поскольку у него не было необходимого опыта во внешней политике, а его представления о ней были исключительно идеалистическими, о чём свидетельствует его книга[8]. По замечанию Д. Чоллета, такое общее отношение к ней привело к том, что, несмотря на то что вновь избранный президент стремился продемонстрировать силу и решительность, он очень тяжело вписывался во внешнеполитическую среду Вашингтона[9].

[7] Pierce A.R. Op. cit. P. 45.
[8] Обама Б. Ук. соч.
[9] Chollet D. P. 43.

В то же время за плечами нового главы правительства была успешная избирательная кампания, в ходе проведения которой он апробировал нестандартные инструменты, которые поспособствовали формированию тактики отказа от широкого пути[10]. Её отличали адаптация избирательной программы для каждого штата, предпочтение вести общение с малыми группами, [11] в каждом значимом городе информация доносилась через местные СМИ. Она, по оценке группы Т. Осборн, позволила Б. Обаме избежать попадания в зависимость от каких-либо групп интересов и позиционировать себя как независимого кандидата[12]

Поскольку на первых порах одним из ключевых вопросов как внутри-, так и внешнеполитической повестки было восстановление национальной экономики, США уже присоединились к инициативе ТТП, а ведение торговых переговоров является прерогативой президентской администрации, то Б. Обама решил использовать недавний успешный опыт для ведения обширных торговых переговоров, которые мыслились одним из инструментов для восстановления экономики.

В июне 2010 г. США принимали один из первых раундов переговоров о ТТП, что давало возможность организовать переговоры таким образом, чтобы задать общий тон их последующим раундам. Здесь локальная стратегия Б. Обамы и торгового представителя Р. Крика заключалась в следующем. Находясь ещё под влиянием собственной выборной истории успеха, президент сделал ставку на адаптацию отдельных элементов электоральной стратегии к переговорам, тем более что принимающая сторона была свободна в определении конкретного их формата. Организация раунда в Сан-Франциско свидетельствует, что всего Б. Обама адаптировал два соответствующих элемента. Во-первых, он исходил из того, что переговоры были «широким путём», в то время как совокупность поднимавшихся проблем казалась мозаикой, в связи с чем общие переговоры были дополнены встречами в малых группах, что соответствовало отказу от широкого

[10] Obama B.H. Op. cit. P. 82.
[11] Ibidem. P. 82, 111.
[12] Osborn T., McClurg S.D., Knoll B. Op. cit.

пути, который, по электоральному, опыту зарекомендовал себя эффективным в плане разработки более обширной стратегии [13] . В ходе переговоров были организованы малые конференции, на которых были представлены профсоюзные лидеры, участники фармацевтической отрасли, сельского хозяйства. Это позволило каждой из этих групп открыто заявить о своих надеждах, интересах, найти себе партнёров или полезных попутчиков, донести свою точку зрения до правительства.

Во-вторых, с учётом поштатного характера предвыборной стратегии Б. Обамы, которая позволила лучше донести программные идеи до избирателя в каждом конкретном штате и стала одним из залогов электорального успеха[14], в рамках переговорного раунда были проведены презентации штатов, для которых АТР являлся важным экспортным рынком. (Приложение 2) К этим штатам относились Вашингтон, Вермонт, Массачусетс Мичиган, Южная Каролина[15]. Это давало возможность найти сторонников участия США в ТТП в разных частях страны, создавало дополнительные возможности для групп интересов, чтобы заявить о своих намерениях, найти себе партнёров, пролоббировать выгодные для себя решения.

В целом, стратегия участия в переговорах, построенная на принципе максимального вовлечения неправительстенных участников, способствовала тому, что в финальном тексте соглашения и в приложениях к нему были зафиксированы следующие положения.

В интересах молочного лобби, которое первым подняло эту проблему, в соглашение о ТТП был включён пункт, предписывавший участникам воздержаться от финансовой поддержки производств, кредитных гарантий, экспортного субсидирования и ограничения импорта. В интересах производителей молока это положение было направлено, главным образом, против молочной отрасли Новой Зеландии, которая благодаря большой роли государства в экономике была конкурентоспособнее американской на внутреннем рынке США. Виду

[13] Obama B. Op. cit. P. 82
[14] Ibidem. P. 152.
[15] Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco. June, 2010. URL: http://www.ustr.gov/ttp (дата обращения: 20.05.2012).

удалённости Новой Зеландии от основных рынков сбыта ей разрешалось сохранить только транспортные субсидии[16].

В интересах профсоюзов соглашение было дополнено рядом двусторонних соглашений с Вьетнамом, Брунеем, и Малайзией о регулировании трудовой деятельности, нацеленной на снижение использования экстенсивного труда, а также на постепенный отказ от повышения конкурентоспособности продукции их лёгкой отрасли на зарубежных рынках за счёт низких заработных плат и внеурочных работ[17].

В интересах американской фармацевтической отрасли в текст соглашения о ТТП были включены положения о защите интеллектуальной собственности, которые в отдельных случаях были ещё более жёсткими, чем писанные условия применения «специальной 301», которая для фармкомпаний из США была ключевым защитным инструментом. Так, кроме наказания за несогласованное использование производственных и патентных прав, теперь участникам рынка необходимо было доказывать оригинальность своей продукции для выхода на зарубежные отраслевые рынки[18]. Это давало американским производителям лекарств, как одним из мировых лидеров своей отрасли, двойное преимущество: с одной стороны, они могли продвигать свои разработки на зарубежных рынках, сдерживая развитие иностранных конкурентов, с другой стороны, существенно закрывался обширный американский рынок за счёт более сложных процедур входа для зарубежных производителей.

В то же время такая организация переговорного процесса позволила президентской администрации избежать попадания под влияние определённой группы интересов, но при этом максимально внедрить интересы разных групп

---

[16] TPP Full Text…; Annex I. Schedule for New Zealand. https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Annex-I-Non-Conforming-Measures-New-Zealand.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

[17] Brunei Darussalam – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-BN-Labour-Consistency-Plan.pdf (дата обращения: 01.06.2016); Malaysia – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-MY-Labour-Consistency-Plan.pdf (дата обращения: 01.06.2016); Vietnam – United States Plan for the Enhancement of Trade and Labour Relations. 4 February 2016. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-VN-Plan-for-Enhancement-of-Trade-and-Labour-Relations.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

[18] Trans-Pacific Partnership. Intellectual Property...

американского бизнеса в документы, подписанные по итогам переговоров. Тем самым, процесс переговоров о ТТП Б. Обама и его советники использовали для построения сети групп интересов, ориентированных на администрацию.

Другой яркий пример здесь представляла Х. Клинтон. Если верить её мемуарам, то после получения предложения возглавить Государственный департамент она стала размышлять над тем, как покончить с устаревшей парадигмой, которая разделяла внешнеполитические инструменты на относящиеся или к жёсткой силе, или к мягкой силе. Контекстом для этих размышлений выступали не только привычные мероприятия Госдепартамента, но и новая внешнеполитическая повестка, касавшаяся энергетических, экологических и климатических вопросов, а также стремление Х. Клинтон активнее использовать цифровые инструменты для мобилизации американского массового сторонника за рубежом. В результате них она пришла к заключению, что необходимо на практике применять концепцию умной силы Дж. Ная[19]. При этом госсекретарь оговаривала, что каждый, с кем обсуждалась эта концепция, вкладывал в термин собственный смысл. В её понимании умная сила это правильное сочетание методов для каждой отдельно взятой ситуации, использование традиционных внешнеполитических методов и новых, реализуемых в сферах государственно-частного партнёрства, энергетики, экономики[20].

В то же время в статье 2010 г. Х. Клинтон утверждала, что умная сила акцентирует внимание на балансе между гражданской и военной силой, а сам этот метод применим, главным образом, к политике развития[21]. После ухода с поста госсекретаря Х. Клинтон представила третью интерпретацию термина, в соответствии с которым умная сила предполагала использование любого возможного инструмента, взаимодействия с любым возможным партнёром для

[19] Здесь нельзя не учесть особенность, подмеченную Т. Дж. Кристенсеном. Ещё в годы первой администрации У. Клинтона (1993–1996) Дж. Най зарекомендовал себя как влиятельный внешнеполитический советник, способный не просто предложить масштабные идеи на перспективу, но и эффективно внедрить их в мышление политиков-демократов с помощью аналитических публикаций. Подготовив почву к восприятию КНР как оппонирующего США другого в первой половине 1990-х гг., о чём пишет Т. Дж. Кристенсен, Дж. Най, как мы здесь видим, повторил этот опыт применительно к концепции умной силы во второй половине 2000-х гг. См.: Christensen T.J. Op. cit. P. 188.
[20] Клинтон Х. Ук. соч. С 53–54.
[21] Clinton H.R. Leading Through Civilian Power…

продвижения мира и безопасности, не оставив в стороне никого, демонстрируя уважение даже к американским противникам, принятие их точки зрения и понимания будущего[22].

Это указывает на то, что Х. Клинтон на посту госсекретаря придерживалась, скорее некоего образа, который применялся к любым ситуациям, нежели чёткого понимания адаптивного инструментария. В целом, на ситуативность умной силы указывает то, что ей были даны разные интерпретации, с ней связывались разные инструменты, она могла применяться в политике в отношении любых стран.

В то же время нельзя не признать, что при всём непостоянстве понимания умной силы госсекретарём, она сыграла важную роль в развитии отношений с КНР. Во-первых, она широко применялась для развития отношений на штатно-провинциальном и муниципальном уровнях в вопросах сохранения окружающей среды и внедрения «зелёных» технологий. Во-вторых, она позволила запустить стабильную программу студенческого и научного обмена между странами. В совокупности эти достижения в период пребывания Х. Клинтон на посту госсекретаря позволили сконцентрироваться на вопросах взаимного практического интереса сторон, а не разногласий, содействовать формированию разветвлённой сети контактов в разных сферах и общественных группах, которую можно было рассматривать как прочный фундамент для дальнейшего развития отношений.

Однако непостоянство понимания как характеристика и факт внешнеполитического планирования открывало возможности для использования других лексических конструкций. Некоторые из них использовались на протяжении сравнительно длительного периода времени, как «кардинальный поворот», другие упоминались ситуативно, как дипломатия передового базирования (ДПБ). Если «кардинальный поворот» представлял собой концепцию региональной политики, о чём речь пойдёт ниже, то ДПБ можно рассматривать не только методом внешней политики в АТР, но и вариантом умной силы, адаптированным к нуждам регионального курса. Так под ней понималось

[22] Приводится по: Pierce A.R. Op. Cit. P. 50.

расширение американского присутствия в регионе посредством человеческих контактов, программ взаимодействия, вовлечения на высшем и высоком уровнях, обновления отношений с союзниками, расширения американской вовлечённости в многосторонние институты региона [23]. В таком контексте, распространение союзнических отношений с Японией на сферы космоса, кибернетики и технологий, интеграция общеправительственного подхода и формата «2+2» стали первым из результатов ДПБ. Ко второму результату стоит отнести программы образовательных обменов со странами СВА. Третьим результатом стала интенсификация встреч на высшем и высоком уровнях с Японией, РК и Китаем, которые в период пребывания Х. Клинтон на посту госсекретаря носили как самостоятельный характер, так и были институционализированы в виде специфических двусторонних форматов «2+2» и СЭД. Четвёртым результатом стало участие США в многочисленных многосторонних форматах. Они могли быть общерегиональными, как АТЭС или ТТП, субрегиональными, как форматы, организованные по принципу «АСЕАН+», они могли приобретать гибкую сетевую форму и касаться исключительно одной международной ситуации, как произошло с «шестисторонними переговорами», после прекращения очных встреч сторон за одним столом.

Это указывает, что и с помощью умной силы, и с помощью ДПБ можно описать почти весь спектр проблем политики США в отношении СВА. Иными словами, эти формулировки представляли собой описательные речевые клише, с помощью которых объяснялась внешняя политика, связанные с ней новации, чем лица, использовавшие их, стремились обозначить своё поле практики и освоить его в понятных им терминах, в соответствии с их представлениями. Это же, по сути, произошло и с отказом от широкого пути с тем только отличием, что Б. Обама на практике не использовал речевое клише, однако применял инструменты, им описываемые, перенеся избирательный опыт на поле внешней политики.

[23] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at the Opening Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. May 9, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/05/162881.htm (дата обращения: 01.10.2016).

Однако проблема назначенцев была намного глубже, и касалась она не только высшего звена исполнительной власти. Как характеризовал кадровую ситуацию в различных ведомствах К. Кэмпбелл, почти десятилетний период войн в Афганистане и Ираке породил поколение дипломатов, военных и иных специалистов, хорошо разбирающихся в вопросах Ближнего Востока, в то время как профессионалы, глубоко погружённые в проблематику Восточной Азии и Тихого океана, были немногочисленными[24]. Вследствие этого правительство и администрация Б. Обамы оказались в следующем положении. Во-первых, они попали под влияние сразу нескольких, порой противоречащих друг другу, аналитических школ политической науки. Так К. Кэмпбелл описал эту ситуацию на примере политики в отношении КНР. Всего на момент вступления Б. Обамы в должность шла дискуссия между представителями трёх школ. Представители школы «Китай прежде всего» высказывались в пользу построения порядка, основанного на прочном взаимодействии США и КНР во множестве сфер. Сторонники школы «двусторонних альянсов» исходили из предпосылки, что развитие базовых принципов региональных отношений со странами, для которых Китай является значимым партнёром, или которые Китай рассматривает в качестве таковых, сформирует условия, способные в будущем привести к изменениям в поведении Китая таким образом, что от этого выиграют США. Школа «китайской угрозы» исходила из того, что Китай является соперником Соединённых Штатов. Её представители концентрировали внимание на трениях между сторонами, призывали решить проблему непомерно огромного экономического потенциала КНР, готовиться к военному столкновению с ней, а также обратить вспять китайскую гегемонию в Восточной Азии[25].

В течение первого срока Б. Обамы Вашингтон придерживался наработок первых двух школ, о чём свидетельствовали запуск СЭД и постепенная диверсификация отношений в его рамках, активное участие в переговорах о ТТП,

[24] Campbell K.M., Ratner E. Op. cit.
[25] Cambell K.M. Op. cit. P. 147–149.

углубление взаимодействия с Японией и Республикой Корея, развитие отношений с Монголией.

В то же время нехватка специалистов стала одной из причин того, что расширение китайской опознавательной зоны ПВО в конце 2013 г. стало для Вашингтона внезапным, а единственной реакцией стал тон заявлений, который означал, что китайский ревизионизм не совместим со стабильными американо-китайскими отношениями[26]. Эта ситуация, по-видимому, стала удобным поводом для приверженцев школы «китайской угрозы», чтобы усилить своё влияние на внешнюю политику США, тем более что Х. Клинтон и К. Кэмпбелл[27], которые были сторонниками постулатов первых двух школ и были способны составить влиятельную внутреннюю оппозицию, к тому времени в Госдепартаменте уже не работали. О росте влияния школы «китайской угрозы» свидетельствовало то, что вторая администрация Б. Обамы на встречах в рамках СЭД поднимала в большей степени вопросы, вызывавшие разногласия, чем вопросы, представлявшие взаимный интерес. Другим маркером возросшего влияния стал более частый акцент на акваториальных спорах в ЮКМ, в контексте которых риторика в отношении Китая носила негативный характер. Ещё на один маркер внимание обратил Дж. Браун[28]. Так отношения Токио с Москвой после воссоединения Крыма с Россией после паузы были возобновлены и, по его оценкам, носили в той геополитической ситуации сравнительно глубокий характер, что позволяло правительству С. Абэ использовать Россию как элемент сдерживания Китая. В целом, такая политика отвечала американским интересам в том смысле, насколько они перекликались с позицией школы «китайской угрозы».

В целом, сложившаяся ситуация с ролью назначенцев в исполнительной власти в период президентства Б. Обамы характеризовалась следующими

---

[26] Приводится по: Campbell K.M, Ratner E. Op cit.

[27] Правда, здесь обращает на себя внимание пассаж речи Х. Клинтон, произнесённой в Институте мира в марте 2012 г., о необходимости Китаю принять порядок, основанный на правилах, ибо принятие отдельных правил показывало, что порядок не работает. Это указывало, что влияние представителей школы китайской угрозы возрастало ещё при Х. Клинтон, и их мнение приходилось учитывать. См.: Remarks by Hillary R. Clinton, Secretary of State, at the U.S. Institute of Peace China Conference. March 7, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/03/185402.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[28] Brown J.D. Op. cit.

тенденциями. Во-первых, применительно к региону СВА доминирование назначенцев было нормой на протяжении всех восьми лет. Во-вторых, назначенцы в высших эшелонах власти использовали различные лексические клише для того, чтобы обозначить собственное профессиональное пространство или переносили жизненный опыт из других областей на ниву внешней политики. В-третьих, значительное влияние назначенцев на низовых уровнях при непредвиденных обстоятельствах открывало возможность для влияния отдельных аналитических школ, способных нанести ущерб достижениям предыдущего периода. Временами это приводило к парадоксальной ситуации, когда ответственные сотрудники высокого уровня сдерживали низовую бюрократию от принятия поспешных решений, способных навредить внешней политике.

Тот факт, что Б. Обама имел достаточно слабые связи с вашингтонским истэблишментом, его представления о внешней политике были самыми общими и идеалистическими, перед ним стояла задача преодолеть внутрипартийный раскол, указывал на то, что его администрации и правительству вряд ли удалось бы избежать высокого конфликтного потенциала. Эта ситуация на восточноазиатском направлении отягощалась описанной выше нехваткой кадров с необходимой подготовкой или опытом работы.

При назначении на посты в органах исполнительной власти Б. Обама придерживался двух стратегий. Первая была традиционной для любого недавно избранного президента, который предлагал занять должности сообразно его представлениям об организации процесса принятия решений, с учётом деловых знакомств и заслуг в ходе избирательной кампании. В целом, по личностным и психологическим качествам Б. Обама стремился набирать в команду людей, которых описывал словами исполнитель, посредник, организатор, командный лидер, усилитель, примиритель, ловец огня, человек, способный решать проблемы [29] . Поиск людей, способных играть эти роли в правительстве и администрации, указывал на то, что 44-й президент изначально понимал и

[29] Obama B. Op. cit. P. 208.

принимал высокую степень межведомственной конфликтности. Если обращаться к персональным качествам, то объяснением служит стиль принятия решений Б. Обамой: для него было характерно выслушать различные, подчас взаимоисключающие, подходы к решению конкретных проблем, при этом он предпочитал замалчивать сложности, которые являлись прямыми следствиями сложившегося положения, а итоговое решение становилось результатом применения типичного для президента аналитического клише[30]. На персональные особенности 44-го президента обратил внимание и А. Шитов: его стиль состоял в том, что глава правительства мог, скорее, убедить других в том, что он понимает проблему, нежели принять эффективно решение[31].

Следствий такого настроя избранного главы государства было несколько. Первым из них стало то, что большую роль в процессе взаимодействия между ведомствами стал играть личностно-профессиональный фактор. По критерию служебного пути выделялись следующие группы. К первой можно отнести профессионалов, из числа которых выделялись советник Дж. Бадер, глава казначейства Т. Гайтнер, заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Кэмпбелл, которые имели образование и опыт работы, необходимые для ведения политики в отношении Восточной Азии. В этой группе выделялась фигура Т. Гайтнера, который имел не только специальное страноведческо-экономическое образование, но и обладал опытом работы в консультативном бюро Г. Киссинджера[32], а значит прекрасно владел ситуацией и понимал ведение внешнеэкономической политики в отношении стран СВА, которые по своей хозяйственной мощи и значению для американской экономики являлись ядром Тихоокеанского региона. Кроме того, профессионалами, пришедшими в политику из науки и экспертной среды, было укомплектовано эколого-климатическое направление[33].

---

[30] Chollet D. Op. cit. P. 29–30.
[31] Шитов А.К. Ук. соч. С. 131.
[32] Obama B. Op. cit. P. 212.
[33] Ibidem. P. 490–491.

Вторым следствием президентского настроя, а также с учётом того, что он был чужд вашингтонскому обществу, стало то, что на ключевые посты были назначены лица, имевшие длительный опыт работы на разных должностях в столице, поддержавшие в своё время вторжения в Афганистан и Ирак, но признавшие впоследствии катастрофичность этих решений и пересмотревшие свою позицию, однако по-прежнему не дававшие себе ответа на вопрос, изменили ли эти решения основы национальной безопасности США фундаментально[34]. Эта характеристика, данная самим Б. Обамой, указывала, что в основном вакансии в правительстве и администрации были заняты истэблишментом, представители которого были ориентированы на то, чтобы остаться во власти, находиться в доминирующей идейной волне, но обладали при этом необходимыми знаниями и навыками управления.

Третье следствие касалось назначений, основанных на личных связях. Их оказалось немного. Из этого числа выделялись давняя подруга президента С. Пауэр, получившая пост постпреда в ООН, и помощник по национальной безопасности Д. Макдоноу, который был одним из ключевых помощников Б. Обамы во время избирательной кампании[35].

Четвёртое следствие касалось разделения в процессе принятия решений всех советников и сотрудников администрации на две категории. Одну категорию представляли публичные люди, которые касались проблематики в целом и выполняли, главным образом, управленческие функции. Их отличала способность донести различные идеи простым понятным языком, не вдаваясь в детали. Другие же выполняли, главным образом, аналитические функции, исследуя информацию, относящуюся к тому или иному вопросу, настолько подробно насколько позволяли источники, прежде чем предложить проект решения[36].

Это создавало ситуацию, что и в администрации, и в правительстве лица, занимавшие ключевые посты, делились на две категории, хотя принципы их

---

[34] Ibidem. P. 311.
[35] Ibidem. P. 307, 311.
[36] Bader J.A. Op. cit. P. ix–xi.

деления не совпадали. В правительстве выделялась группа глав ведомств в лице госсекретаря, министра обороны и главы казначейства, имевшие прямой доступ к президенту, в то время как остальные чиновники, соответствовавшие рангу министра, должны были бороться за доступ к главе государства[37], преодолевая различные рутинные процедуры, из которых складывается бюрократическая повседневность. Сотрудники администрации же были разделены на категории аналитиков и публичных лиц.

С учётом стиля принятия решений Б. Обамой, сложившееся разделение формировало следующие контуры взаимодействия. Выделялась группа наиболее влиятельных министров, которые в контексте принятия решений становились ключевыми его участниками от правительства, от них зависел характер внешнеполитических решений. Формально центром процесса становилась администрация, а её мозгом аналитическая группа советников. В то же время характерное для мышления Б. Обамы сочетание большого количества проектов решений со стремлением президента избегать сложностей и действовать сообразно типичным клише фактически обнуляло усилия аналитиков. В этих условиях возвышались публичные лица, осуществлявшие коммуникацию, они уподоблялись нервам процесса. Необходимые с учётом их контекста навыки просто и доступно объяснять информацию больше подходило к манере президента облекать решение в универсальные формулировки, снабжать их типичными аргументами.

Анализируя внешнеполитическую стратегию Б. Обамы, Д. Чоллет указывал, что ядром его политики, в особенности в АТР, послужили либеральные внешнеполитические идеи. В соответствии с ними президентская команда воспринимала мир согласно формуле «мы и они», в соответствии с которой страны связаны друг с другом и им приходится работать вместе, чтобы справиться с общими проблемами. Эта формула описывается и другой фразой: «Что хорошо для мира, то хорошо и для Америки». Эти формулировки противопоставлялись консервативным максимам «мы против них» и «что хорошо для Америки, то

[37] Obama B. Op. cit. P. 534.

хорошо и для мира»[38]. Б. Обама, характеризуя свою команду, также указывал, что и среди «ястребов», и среди «голубей» существовало понимание, что одними «жёсткими» мерами проводить внешнюю политику и поднимать престиж Соединённых Штатов было невозможно, требовались «мягкие» методы, включавшие, по крайней мере, публичную дипломатию, помощь, обмены. Но, как следует из характеристики, данной президентом, если «голуби» считали «мягкие» методы более приоритетными, то «ястребы» выступали за сбалансированное использование методов обеих групп[39].

Последнее указывает, что команда Б. Обамы не была исключительно либеральной, как её характеризовал Д. Чоллет. Более того, 44-й президент в своих мемуарах указывал, что отдельные посты заняли сотрудники, пришедшие во властные структуры на пике холодной войны[40], именно это время сформировало их политические взгляды и отношение к миру. Этот факт объясняет дуализм внешнеполитического мышления США при 44-м президенте в отношении СВА и АТР, на который обратил внимание Г. Киссинджер. Региональная политика сочетала принцип всеобщего выигрыша, который в американскую внешнеполитическую практику ввёл Дж. Шульц на закате холодной войны[41] и который стал нормальным для последующего периода, с принципом нулевой суммы, который был характерен для периода биполярного противостояния, который на рубеже 2000–2010-х гг. всё чаще стали применять в отношении поднимавшегося Китая[42].

Таким образом, первая стратегия формирования команды не позволила сделать администрацию и правительство едиными. Этому способствовали как персональные качества президента как управленца, вследствие которых произошла сегментация исполнительной власти на основе неформальных практик бюрократического взаимодействия, так и влияние идей: либерализм не стал доминирующим, поднималось влияние эха холодной войны, а внутри команды

[38] Chollet D. Op. cit. P. 41–42.
[39] Obama B. Op. cit. P. 310–311.
[40] Ibidem. P. 311.
[41] American Foreign Policy. Current Documents. 1987... P. 512.
[42] Kissinger H. Op. cit.

образовалась группа, стремившаяся примирить жёсткий подход, более характерный для консерваторов, и мягкий подход, более характерный для либералов, при том, что они представляли антагонистические подходы к внешнему миру.

В то же время говорить о неудаче первой стратегии формирования исполнительной власти, замыкаясь исключительно в её анализе, было бы непростительным упрощением, тем более что присутствовала и вторая стратегия, возникшая вследствие внутрипартийного раскола между сторонниками четы Клинтонов и той группой демократов, которые «искали чего-то нового». Это во многом также предопределило конфликтный потенциал исполнительной власти.

Ввиду поражения на демократических праймериз Х. Клинтон поначалу намеревалась сохранить за собой пост сенатора от штата Нью-Йорк[43]. В этих условиях, как замечает Дж. Манн, Б. Обаме пришлось пойти на тот шаг, чтобы предложить ей пост госсекретаря, поскольку в противном случае она могла превратиться в независимый от президента центр Демократической партии и обладать свободой в критике его администрации[44]. В этом контексте избранному президенту пришлось выбрать примирительный тон в отношении Клинтонов и их сторонников. Вследствие этого в администрации и правительстве ряд ключевых должностей получили люди, связанные с ними, а также имевшие опыт работы в администрации и правительстве У. Клинтона. Кроме самой Х. Клинтон в их число входили приближённый к чете 42-го президента Л. Панетта, директор ЦРУ и позднее министр обороны, К. Кэмпбелл, заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана, чью кандидатуру предложила госсекретарь второго правительства У. Клинтона М. Олбрайт, советники Б. Обамы Дж. Стейнберг и Т. Донилон имели опыт работы советников У. Клинтона и руководителя аппарата Госдепартамента при У. Кристофере, Э. Блинкен, также вошедший в состав исполнительной власти, был ведущим советником Х. Клинтон в сенате. В большинстве своём это были люди, которые сформировались как

[43] Клинтон Х. Ук. соч. С. 28.
[44] Mann J. Op. cit. P. 5–6.

политики демократы в 1990-е гг., когда доминировала концепция «демократического расширения», которая предполагала расширить мировое свободное сообщество рыночных демократий. Но этой же группе было присуще понимание того, что силу можно применять в случае необходимости, хотя и иными способами и для иных целей, чем республиканцы[45].

Всё это говорило, что в контексте внутрипартийного раскола состав исполнительной власти обладал компромиссным характером, при этом компромисс подчас носил характер односторонних уступок со стороны Б. Обамы в пользу Х. Клинтон. Это выразилось в том, что ряд назначений в администрацию получили люди, связанные с ней и её мужем, что создавало условия для бывшей первой леди реализовывать свои стремления играть роль серого кардинала, создать свою сеть социальных связей, которая оппонировала бы президентской сети[46]. Это стало следствием слабых связей 44-го президента в среде политического истэблишмента. Впрочем, такой состав команды объясняет тот факт, что Б. Обама во внешней политике следовал не только линии, которую ему искусно сформировал Дж. Буш-мл. своими решениями в последние годы и даже месяцы своего правления, но и наработкам и опыту администрации У. Клинтона. Последнее также способствовало тому, что в случае необходимости то или иное ведомство было способно выступить с жёстких позиций по отношению к другой стране.

Это вынуждало людей президента действовать на упреждение, тем более что его ближайшие советники не испытывали симпатий в отношении Х. Клинтон: С. Пауэр открыто называла её чудовищем, а Дж. Бадер, ключевой советник Б. Обамы в ходе предвыборной гонки по вопросам политики в Восточной Азии и на Тихом океане, испытывал моральный дискомфорт от присутствия с ней в одной команде[47]. Собственно Дж. Бадер и предпринял первый упреждающий в отношении нового госсекретаря шаг, предложив концепцию перебалансирования[48]. Её изначальное

[45] Ibidem. P. 2, 37, 57.
[46] Ibidem. P. 4–6.
[47] Ibidem. P. 5.
[48] Нужно оговориться, что этот упреждающий удар был таковым исключительно в концептуальной сфере, т.к. первый ход на азиатском направлении сделали Х. Клинтон и Дж. Стейнберг, стремясь осуществить на практике

понимание включало следующие пункты: укрепление отношений с КНР, поддержание баланса сил с опорой на союзников, построение экономического лидерства, обеспечение денуклеаризации и нераспространения на Корейском полуострове, поддержание сильного присутствия США во всех сферах региональных отношений, участие и лидерство в ключевых региональных организациях, продвижение прав человека. Одновременно в этой концепции прорисовывалась стратегическая линия президентской администрации в отношении Китая. Дж. Бадер исходил из того, что Китай уже при жизни текущего поколения превратится во вторую по силе державу мира. В этой связи он считал необходимым обеспечить роль китайского подъёма как мирной и стабилизирующей силы, но не равновесной или угрожающей. Этого можно было достичь по трём направлениям: приветствуя подъём и рост китайского влияния, закрепить эту возросшую роль с помощью правовых инструментов; обеспечить соответствие китайского возвышения действующим нормам международного права; предпринять усилия по формированию азиатско-тихоокеанского окружения таким образом, чтобы оно гарантировало скорее стабилизирующий, чем подрывной рост КНР[49].

При этом Б. Обама был против того, чтобы любое другое ведомство имело свою региональную концепцию и использовало свою лексику для её обозначения[50]. Так президент добивался идейного конформизма других ведомств, в процессе принятия решений, создав лабораторию по воспитанию своих сторонников. Тот факт, что это слово прочно вошло в политический лексикон в период правления 44-го президента, указывает, что эта языковая лаборатория работала эффективно, а значит несла для Х. Клинтон риск снизить её влияние.

В этих условиях госсекретарь, несмотря на предложенную ей стратегическую идею укреплять отношения со странами Восточной Азии, была вынуждена вести

стратегию по интенсификации контактов с правительствами региона. К ключевым его государствам были отнесены Китай, Республика Корея, Япония, Австралия, страны АСЕАН (особенно Х. Клинтон подчёркивала значение Индонезии), и Индия. В этих условиях администрация и советники президента были вынуждены поддержать госсекретаря. В этом контексте концептуализация, предложенная Дж. Бадером выводила межведомственную борьбу на новый уровень, позиционировала внешнеполитические прерогативы президента. Клинтон Х. Ук. соч. С. 62–85.

[49] Bader J. A. Op. cit. P. 6–8.

[50] Campbell K.M. Op. Cit. P. 11, 29–30.

себя реактивно. Поскольку Китай был поставлен в центр стратегии, она выбрала китайское направление основным поприщем для формирования собственного видения политики, правда, при том условии, что Дж. Бадер был профессиональным китаеведом и выступал советником Б. Обамы на протяжении сравнительно длительного времени (более двух лет). Госсекретарю-назначенцу пришлось предлагать свою альтернативу спустя месяц после вступления в должность. На первой встрече с Ян Цзечи она выбрала кооперационный настрой, ориентированный на поиск совместных путей для решения проблем, которые беспокоили более всего, построения позитивных партнёрских отношений между США и КНР. Кроме восстановления после экономического кризиса, за которое с американской стороны отвечал Т. Гайтнер, Х. Клинтон включила в повестку совокупность климатических, энергетических и связанных с ними технологических проблем[51].

Этим шагом госсекретарь, во-первых, перехватывала «зелёную» повестку у экологической команды президента, в которую входили профессионалы, занимавшиеся прежде исследованием данной проблематики. Во-вторых, благодаря ранней встрече с главой МИД КНР она делала свою партнёрскую тактику приоритетной для политики Вашингтона в отношении Пекина. (Впоследствии много усилий по настраиванию отношений на основе проблем, общих для обеих сторон, позволяющих развить сотрудничество, прикладывал помощник по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Кэмпбелл[52]). Здесь Х. Клинтон также оппонировала президентской администрации, которая при подготовке переговоров на высшем уровне придерживалась более жёсткой тактики, сопоставимой с установлением безусловных рамок для сотрудничества. В частности, в январе 2011 г. на совместной с Ху Цзиньтао пресс-конференции Б. Обама подчеркнул, что невиданный рост Китая стал возможен только благодаря десятилетиям стабильности в Азии, которые были обеспечены присутствием американских

[51] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Toward a Deeper and Broader Relationship With China. February 21, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119432.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[52] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Launch of the 100,000 Strong Foundation. January 24, 2013. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/01/203250.htm (дата обращения: 04.10.2016).

вооружённых сил в регионе, торговле стран региона с США и посредством открытой мировой экономической системы, возглавляемой США[53]. А в феврале 2012 г. в ходе встречи с вице-председателем КНР Си Цзиньпином вице-президент Дж. Байден указывал, что для сотрудничества с Китаем необходимо, чтобы последний принял правила честной игры, защитив авторские права и торговые секреты, введя рыночное регулирование ставки рефинансирования, отказавшись от условия передачи технологий при заключении контрактов с иностранными компаниями[54].

В то же время в течение первого президентского срока Б. Обама и его администрация, как правило воздерживались от подобных заявлений, они, скорее, являлись редким исключением. Причина состояла в том, что помощник Х. Клинтон Дж. Стейнберг и советник Б. Обамы Т. Донилон сходились во мнении, что политика в отношении Китая, основанная на дипломатии, не должна была противопоставлять его Соединённым Штатам. Вследствие этого все, кто выступал в отношении Китая с позиций более твёрдых, чем Госдепартамент, вызывали недоверие, как в правительстве, так и в администрации[55].

Хотя эти шаги главы внешнеполитического ведомства были значимы и позволили построить свою сеть контактов в ведомствах исполнительной власти, чтобы проводить соответствующую её интересам линию, позволили сделать Госдепартамент приоритетным ведомством при определении тактики в отношении КНР, они носили ситуативный, реактивный и тактический характер, в то время как президентская администрация сделала первой стратегический ход, на который требовалось дать сопоставимый ответ.

Им стала концепция кардинального поворота, которую госсекретарь представила, не использовав бюрократические каналы, а презентовав её в широком публичном пространстве. Всего таких презентаций было две. Первая состоялась в

---

[53] Press Conference with President Obama and President Hu of the Peoples Republic of China. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/press-conference-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china (дата обращения: 02.11.2016).

[54] Remarks by Vice President Biden and Chinese Vice President Xi at the State Department Luncheon. February 14, 2012. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/02/14/remarks-vice-president-biden-and-chinese-vice-president-xi-state-department (дата обращения: 03.10.2016).

[55] Mann J. Op. cit. 243–244.

январе 2010 года во время выступления в Гонолулу. Тогда были выделены следующие приоритеты:

- опора на действующие военно-политические союзы;

- взаимодействие со странами АТР в рамках существующих региональных институтов;

- достижение принятия региональными институтами эффективных и прагматичных решений;

- поддержание и усиление гибкости американкой линии;

- необходимость для США как азиатско-тихоокеанской державы решить, какие институты будут определяющими в регионе[56].

Во второй раз концепция была презентована на страницах журнала «Форин Полиси» в октябре 2011 г. В статье Х. Клинтон уже по-другому расставила приоритеты, по-другому их сформулировала, предложила новые. В ней она исходила из того, что после окончания войн на Ближнем и Среднем Востоке внешняя политика США оказалась в поворотной точке. При этом поворот должен быть осуществлён в сторону усиливающейся Азии, и иметь следующее содержание: укрепление двусторонних военно-политических союзов, укрепление отношений с усиливающимися державами, вовлечение в региональные институты, расширение торгово-инвестиционного сотрудничества, широкое военное присутствие, продвижение демократии и прав человека, обеспечение свободы мореплавания[57].

Этот ход уравнивал в межведомственной борьбе Белый дом и Государственный департамент, более того, публичные презентации Х. Клинтон создавали условия для более широкой поддержки именно концепции кардинального поворота, а не перебалансирования, поскольку последняя начла распространяться посредством рутинных бюрократических каналов. Одновременно закреплялась разделительная линия между президентской

[56] Remarks Hillary R. Clinton, Secretary of State on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. January 12, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm (дата обращения: 20.05.2012).
[57] Clinton H.R. America’s Pacific Century…

администрацией и внешнеполитическим ведомством по вопросу политики в отношении Восточной Азии и Китая.

В то же время справедливым будет спросить, какую именно смысловую нагрузку несли на себе обе концепции? То, что они выполняли функцию языковых лабораторий и маркеров «освоенческого пространства» разных ведомств вполне ясно, но, ведь концепции создаются не только для этого. Во-первых, как заметил Д. Чоллет, они отражали общее понимание истэблишментом внешнеполитических дисбалансов в пользу внешней политики за счёт внутренней и в пользу военных методов за счёт невоенных[58]. Именно это понимание следует считать причиной столь высокого внимания Б. Обамы к внутренним экономическим проблемам в контексте переговоров о СТТ. С этим пониманием согласуется и концепция умной силы, на которую решила опереться Х. Клинтон, возглавив Госдепартамент. Во-вторых, как свидетельствуют мемуары К. Кэмпбелла, концепции выступали фундаментом для внешнеполитического планирования в географическом и функциональном смыслах, а также для организации процесса принятия решений в отношении стран Восточной Азии и Тихого океана[59]. Иными словами, несмотря на межведомственную борьбу, концепции сохранили свою традиционную мировоззренческую функцию.

Правда, тот факт, что Х. Клинтон презентовала концепцию кардинального поворота дважды, позволяет усомниться, что концепции могли выступать прочным фундаментом. Скорее, это указывает на то, что концепции служили, своего рода, устойчивыми лексемами, которыми обозначалась политика, но при этом за легко узнаваемой вывеской скрывалась изменчивая интерпретация.

На примере кардинального поворота, это выяснить несколько проблематично, из-за того что публично было представлено только две трактовки, а в январе 2013 г. Х. Клинтон и активный сторонник концепции К. Кэмпбелл покинули Государственный департамент. Его новым руководителем стал Дж. Керри, который после победы Б. Обамы на выборах 2008 г. не скрывал своих

[58] Chollet D. Op. cit. P. 52.
[59] Campbell K.M. Op. cit. P. 197–202.

амбиций возглавить внешнеполитическое ведомство, который, по оценкам экспертов, также мыслился наиболее подходящей для этого кандидатурой[60]. Это позволило 44-му президенту преодолеть раскол во внешнеполитической команде, который касался ключевого направления курса. Концепция перебалансирования, несмотря на эпизодические упоминания кардинального поворота[61] из логики почтительного реверанса в адрес кандидата на пост президента на выборах 2016 г., стала для азиатско-тихоокеанской политики единой.

Однако с 2013 г. с этой концепцией и начинают происходить интересные метаморфозы. Во время визита в Японию Д. Рассел, ставший при Дж. Керри помощником по делам Азии и Тихого океана, объяснял перебалансирование как американский стратегический приоритет, составными элементами которого является опора на дружественные и союзные страны, как акцент на экономическом, энергетическом развитии и межчеловеческом обмене[62].

В Республике Корея в 2014 г. Дж. Керри пояснял, что под перебалансированием понимается большее направление в АТР дипломатических, экономических и военных ресурсов США[63].

Для американской аудитории Дж. Керри в том же 2014 г. выделил три столпа перебалансирования: ТТП, как объединение, способное связать страны АТР воедино, укрепление климатических и энергетических институтов, развитие институтов, формирующих регион, основанный на правилах[64].

В 2015 г. заместитель госсекретаря Э. Блинкен в Японии говорил, что концепция состоит из пяти разделов: американо-японский альянс, прочие альянсы

---

[60] Mann J. Op. cit. P. 1–2.

[61] Remarks by President Obama and President Xi Jinping in Joint Press-Conference. November 12, 2014. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office-/2014/11/12/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-joint-press-conference (дата обращения: 02.11.2016).

[62] Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable at U.S. Embassy Tokyo. September 9, 2013. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/09/212696.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[63] Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se. February 13, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221640.htm (дата обращения: 27.09.2016).

[64] Remarks by John Kerry, Secretary of State, on U.S.-China Relations. November 4, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/11/233705.htm (дата обращения: 06.10.2016).

и партнёрства США в регионе, проблемы, исходящие от КНР, экономика вкупе с построением торговли, основанной на правилах, в рамках ТТП, права человека[65].

В Китае накануне выборов 2016 г. Э. Блинкен называл три основы перебалансирования: отношения с союзниками, участие в многосторонних институтах, взаимодействие с Китаем[66].

Столь частая смена трактовок базовой концепции региональной политики как во времени, так и в зависимости от места выступления, подтверждает гипотезу, что слова «кардинальный поворот» и «перебалансирование» выступали удобными вывесками, которыми обозначалась политика, а её содержание менялось в зависимости от конъюнктуры.

Таким образом, конкуренция между Государственным департаментом и президентской администрацией привели к быстрой концептуализации азиатско-тихоокеанской политики Вашингтона. При этом межведомственная борьба способствовала большей инструментальной устойчивости этих концепций, вплетению их в общие представления политической элиты об американской внешней политики, обеспечивала концептуальный характер внешнеполитического планирования. Всё это делало политику в отношении АТР и СВА более стабильной, а усилия Х. Клинтон по построению сетей своего влияния ставили Государственный департамент в её центр. Смена администрации, прекращение межведомственной конкуренции, сохранение единой для всех ведомств концепции перебалансирования способствовали её постепенному внутреннему вырождению, что свидетельствовало о приобретении политикой США в отношении СВА в 2013–2016 гг. черт конъюнктурности, что стало одной из причин её низкой эффективности.

Ещё одна линия раскола исполнительной власти носила межведомственный характер. В целом, приход Б. Обамы к власти на волне антивоенных протестов, а

---

[65] Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State on U.S. Economic Policy in East Asia and the Pacific. February 13, 2015. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/237511.htm (дата обращения: 24.09.2016).

[66] Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State and Ambassador David Shear, Acting Principal Deputy Under Secretary of Defense for Policy. October 29, 2016. https://www.state.gov/s/d/2016d/263897.htm (дата обращения: 03.01.2017).

также крен в азиатско-тихоокеанском направлении, который был задан действиями Дж. Буша-мл. в последние годы его правления, предопределили больший акцент на невоенных методах внешней политики. В этих условиях у министерства обороны сокращения военного бюджета вызывали обеспокоенность, что выделяемых средств будет недостаточно для модернизации вооружённых сил. О проблемах финансирования военного ведомства Р. Гейтс заявлял публично, как с помощью заявлений[67], что является рутинной формой донесения позиции, так и в виде статьи, опубликованной в журнале[68]. В первом случае министр обороны декларативно указывал о существовании проблемы и о снижении тех или иных способностей армии и флота вследствие недостаточного финансирования. Во втором случае он чётко обозначил, что увеличение средств, выделяемых Государственному департаменту и агентству по международному развитию, не отменяет необходимости поддерживать безопасность и стабильность военными средствами. Таким образом, на самом раннем этапе работы правительства министерство обороны обозначило ещё одну конфликтную линию – между военным и внешнеполитическим ведомствами. Более того, отсылка к росту финансовых трат на международную помощь означала и оппонирование концепции умной силы, которую Х. Клинтон предложила в качестве основы для переосмысления деятельности Госдепартамента. Вследствие этого конфликт приобретал и межведомственное и персональное измерения.

Кроме того, момент выхода статьи (первый номер журнала за 2009 г.) косвенно указывает на то, что министр обороны, единственный республиканец, которого Б. Обама включил в правительство, таким образом предостерегал только что вступившего в должность президента от шагов, которые, по мнению военных, могли негативно сказаться на их интересах. На практике это предостережение было реализовано следующим образом. Во-первых, военные перестали полноценно делиться информацией с аппаратом Белого дома, организовывали

[67] Submitted Statement Senate Armed Services Committee (Budget Request). As Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates. February 02, 2010. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1418 (дата обращения: 03.12.2016).
[68] Гейтс Р. Ук. соч.

межведомственные утечки информации, опираясь на персональные связи между сотрудниками Пентагона и политических ведомств, вовлекая в процесс неформальные сети внутриведомтсвенных контактов последних[69].

Здесь также нужно принимать в расчёт то, что несмотря на столь острую конкуренцию, всем трём ведомствам необходимо было сотрудничать в рамках процесса принятия решений. Вследствие этого их сотрудничество обрастало некоторыми неформальными практиками. Во-первых, организаторы межведомственных утечек увольнялись, а недовольные обструктивной позицией Р. Гейтса из числа военных, занимавших высшие посты, выступали консультантами президентской администрации[70]. Во-вторых, министру обороны и госсекретарю пришлось делать словесные «реверансы вежливости» в отношении ведомств. С одной стороны, Р. Гейтсу «пришлось изменить отношение к признанию критической роли, какую играет Государственный департамент», что ему «необходимо играть лидирующую роль»[71]. С другой стороны Х. Клинтон из чувства вежливости к военным использовала их терминологию для характеристики американской дипломатии в АТР, которую он назвала дипломатией передового базирования. Она включала в себя расширение в присутствии людей, реализуемых программ, проводимых встреч на высоком уровне, обновление союзнических отношений, более активное вовлечение в работы многосторонних институтов[72], направление правительственных экспертов в регион, создание новых стратегических коалиций с партнёрами[73].

Иными словами, в публичном, а тем более, международном пространстве военным и дипломатам приходилось в виде взаимной вежливости скрывать реально существовавшую конкуренцию.

Кроме межведомственной неприязни существовали и объективные причины для конфликта: Р. Гейтс стремился поднять вопрос о политике в отношении Китая

---

[69] Obama B. Op. cit. P. 438.
[70] Ibidem.
[71] Приводится по: Clinton H.R. Leading Through Civilian Power…
[72] Remarks by Hillary Rodham Clinton at the Opening Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. May 9, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/05/162881.htm (дата обращения: 01.10.2016).
[73] Клинтон Х. Ук. соч. С. 67.

в нужном для министерства ключе, используя бюрократические каналы. Позиция сводилась к тому, что необходимо усилить сдерживание КНР, привлекая не только союзников, но и партнёров, оказывая последним военную помощь, включая поставки вооружений. Наиболее перспективным партнёром министерству обороны виделся Вьетнам. Однако, это противоречило консенсусу в отношении Китая, который был принят в Госдепартаменте и президентской администрации, которым удалось нейтрализовать влияние военных на политику в отношении Китая[74].

Эта борьба стала одной из причин увольнения Р. Гейтса с поста министра обороны в 2011 г. Следом эту должность занял Л. Панетта, приближённый к Х. Клинтон, что по задумке президента должно было способствовать прекращению борьбы между военной и внешнеполитической частями исполнительной власти. В то же время это могло создать дополнительные риски для углубления раскола между президентской администрацией и Госдепартаментом, поскольку Л. Панетта теоретически мог выступить союзником Х. Клинтон в ходе межведомственной борьбы.

Однако ни один из этих гипотетических рисков не реализовался. В ноябре 2011 г., выступая перед рабочими Коннектикутской верфи, выпускающей ударные подлодки, Л. Панетта назвал Китай и Индию растущими державами, от которых исходит угроза США. Последним необходимо было убедить эти державы, что Соединённые Штаты располагают значительными силами для обеспечения защиты в АТР, и эти силы никуда не уйдут[75]. Это указывало на то, что ведомственная логика противоборства здесь возобладала над персональной, поскольку новый министр обороны оппонировал консенсусу, что политика в отношении Китая не должна была противопоставлять его Соединённым Штатам, которого придерживались и Белый дом, и Госдепартамент. Смена руководителя на расстановку сил и характер отношений не повлияла.

---

[74] Mann J. Op. cit. 243–244.

[75] E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls India, China ‘threats’…

Для Л. Панетты, который был близок к чете Клинтонов, эта ситуация несла существенные риски. Во-первых, позволяя кадровым военным внушить свою позицию, он противопоставлял себя наиболее влиятельной группе внутри Демократической партии. Во-вторых, с учётом противостояния Пентагона и Белого дома он противопоставлял себя верховному главнокомандующему. Это ставило его в непростое положение.

Следствием его стала активизация министерства обороны в деле формирования концепций, объясняющих тихоокеанскую политику США. Во-первых, в публичном выступлении, ориентированном на членов Конгресса, заместитель министра обороны Э. Картер в качестве приоритетного направления повестки после вывода войск из Ирака обозначил перебалансирование в направлении АТР, подтвердил намерение американских военных играть поворотную *(pivotal)* роль в Восточной Азии и на Тихом океане.[76]

Параллельно, выступая на международном форуме Шангри-Ла в Сингапуре Л. Панетта впервые употребил термин «перебалансирование» перед международной аудиторией, вложив в него тот смысл, что это ключевой элемент новой военной стратегии США, который предполагает перевод 60% боевых судов в Тихий океан на постоянное базирование, а также развитие новых технологий[77].

Однако, употребив это слово на форуме единожды, министр обороны использовал его четыре раза, выступая перед внутренней аудиторией 14 июня 2012 г. по возвращении из зарубежной поездки, назвал перебалансирование ключевым элементом новой оборонительной стратегии. Она, по заявлению Л. Панетты, включала развитие военных партнёрств, поддержание постоянного военного присутствия, обеспечение способности распространить американскую военную мощь в регионе[78].

---

[76] Budget Priorities for 21st Century Defense: A Conversation with Deputy Secretary of Defense Ashton Carter. *As* Delivered by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter. May 30, 2012. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1680 (дата обращения: 03.12.2016).

[77] Statement at Shangri-La Security Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta. June 02, 2012. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1681 (дата обращения: 03.12.2016).

[78] Trip Message: Hawaii, Singapore, Vietnam, India, Afghanistan. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta June 14, 2012. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1707 (дата обращения: 03.12.2016).

Изменился и контекст использования слова «перебалансирование». При Р. Гейтсе оно употреблялось исключительно в военном смысле, который касался такой концентрации сил, которая позволяла подготовить вооружённые силы к ответам на перспективные угрозы безопасности[79]. При Л. Панетте его стали использовать для обозначения стратегии министерства обороны в АТР, которая имела функциональный и страновой разделы. В первый, кроме увеличения присутствия ВМС на Тихом океане и сокращения его в иных регионах, входили обеспечение свободы общих пространств моря, воздуха, космоса и киберпространства, мирное решение споров без принуждения и использования силы, развитие контактов между военными разных стран с целью обсуждения вызовов, прояснения обстоятельств и ситуаций, предотвращения ошибочных решений. Во втором разделе были перечислены страны и соответствующие приоритетные направления сотрудничества. Так Япония позиционировалась партнёром в наиболее технологичных сферах космоса и киберпространства, РК была важна для противодействия «северокорейской угрозе», в отношении Филиппин основами мыслились контртеррористическое взаимодействие, патрулирование морских акваторий и формат «2+2», Таиланд воспринимался союзником в контексте учений, Сингапур был важен как пункт базирования литоральных судов, Вьетнам и Новая Зеландия воспринимались как партнёры в области морской безопасности, спасения, миротворчества, Индонезия и Малайзия – в области патрулирования морских вод и оказания помощи при стихийных бедствиях, Индия воспринималась технологическим и производственным партнёром[80]. Это видение было близко или совпадало с видением Госдепартамента, также здесь признавалась полезность опыта союзнических отношений с Японией для развития аналогичных отношений со странами ЮВА.

---

[79] Submitted Statement on DoD Challenges to the Senate Armed Services Committee. As Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates. January 27, 2009. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1337 (дата обращения: 03.12.2016).

[80] Statement at Shangri-La Security Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta. June 02, 2012… ; The Rise of Asia and New Geopolitics in the Asia-Pacific Region. As Prepared for Delivery by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter. March 20, 2013. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1761 (дата обращения: 03.12.2016).

Характер использования лексики в 2012 – начале 2013 гг. свидетельствует о следующих тенденциях. Во-первых, частота использования слова «перебалансирование» в июне 2012 г., целевая аудитория выступлений, а также вложенный смысл, его соотношение с высказываниями перед рабочими верфи указывали, что публичным транскриптом министр обороны внешне продемонстрировал свою лояльность президенту. Во-вторых, Л. Панетта использовал понятное, привычное для военных слово, тем самым продемонстрировал лояльность той группе общества, интересы которой выражало, возглавлявшееся им министерство. В-третьих, предложение региональной концепции, которая включала функциональное и страновое измерение, было ориентировано на внешнеполитическое ведомство и свидетельствовало о настрое на сотрудничество во имя общих для всех ведомств национальных интересов. В-четвёртых, упоминание «поворотной роли» военных во время выступления в Конгрессе, где большинство в 2012 г. принадлежало Демократической партии, должно было продемонстрировать примирительный настрой всего военного ведомства по отношению к Х. Клинтон. В-пятых, эти публичные выступления служили для того, чтобы снизить внимание сторонних наблюдателей к ведомственному приоритету проводить политику сдерживания Китая.

Таким образом, в середине 2012 – начале 2013 гг., в целом, межведомственная борьба была преодолена. Возобладала точка зрения внешнеполитической части команды, но в то же время военное ведомство сохранило диссонировавшее с общей позицией намерение сдерживать Китай и сокрыло его с помощью выступлений перед национальной и международной аудиторией.

Впоследствии это определило два элемента отношений между президентской администрацией и Госдепартаментом, с одной стороны, и министерством обороны, с другой. Первый элемент означал сохранение противоборства интерпретаций. Частое упоминание перебалансирования в 2013–2016 гг. как стратегии военного ведомства в АТР объясняется частой сменой его руководителей, вследствие чего им было необходимо обозначать преемственность ведомственной линии. В то же

время все соответствующие выступления характеризуются наличием общих тезисов: необходимость модернизировать вооружённые силы США, внедрив самые передовые технологии, укрепить американское военно-политическое присутствие в регионе за счёт модернизации международных форматов периода холодной войны и тем самым обеспечить сдерживание Китая, являющегося ключевым источником угроз для безопасности США[81]. Как следствие, могло создаться ощущение внутри страны и на международной арене, что перебалансирование является сугубо военной стратегией, направленной на сдерживание КНР. Поскольку приоритет введения в политический лексикон этого слова принадлежало команде Б. Обамы, которая с 2013 г. контролировала и президентскую администрацию и госдепартамент, было важно показать, что концепция перебалансирования не является антикитайской, не предполагает военно-политического сдерживания, а ориентирована на сотрудничество. На практике это предстало постоянным упоминанием концепции членами президентской команды, которое выглядело как многочисленные попытки убеждения различных целевых аудиторий внутри страны и за её пределами. Правда, с учётом рамочного характера термина содержание перебалансирования менялось от выступления к выступлению. Это свидетельствовало, что военные смогли заимствовать слово из президентского вокабуляра и вложить в него собственный смысл, в то время как президентская команда после ухода Х. Клинтон из правительства оказалась не в состоянии поддерживать стабильные интерпретации и предложить адекватный ответ военным.

Конечно, внешне использование одного и того же слова создавало видимость межведомственного единства. В этом контексте для снижения накала конкуренции в 2014 г. Э. Картер использовал публичные каналы только для обозначения рутинных интересов и выражения поддержки президентским приоритетам[82].

---

[81] IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. May 31, 2014… ; Remarks on the Next Phase of the U.S. Rebalance to the Asia-Pacific (McCain Institute, Arizona State University)… ; Remarks to Seattle-area Technology, Business, Community, and Military Leaders. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter. March 3, 2016. http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/685701/remarks-to-seattle-area-technology-business-community-and-military-leaders (дата обращения: 03.12.2016).

[82] Carter A.B. Op. cit.

Описанное выше положение в пределах исполнительной власти породило специфические неформализованные практики, направленные, с одной стороны, на обеспечение её единства, с другой стороны, на поддержание стабильности «ведомственных полей». Первой такой практикой стоит считать взаимный неформальный контроль, который осуществлялся во время зарубежных визитов, когда в состав делегаций включали сотрудников конкурирующих ведомств: например, министерства обороны и Госдепартамента [83], Госдепартамента и президентской администрации[84]. Второй практикой стало взаимное использование ведомственной лексики или поддержка позиций в рамках традиционного для Вашингтона «хождения вовне», под которым понимается публичное изложение позиции ведомства в ходе межведомтсвенной борьбы. Особенно ярко она проявилась после включения в неё министерства обороны. Чтобы сгладить накал, не только военные использовали лексику внешнеполитического ведомства, но и Госдепартамент обращался к терминологии министерства обороны[85]. Также в 2012 г. Х. Клинтон демонстрировала и свою лояльность президенту, заявляя о полезности отношений с КНР, основанных на принципе всеобщего выигрыша, хотя прежде идею баланса сил она озвучивала в качестве более приоритетной [86]. Причина здесь, вероятнее всего, крылась в том, что в 2011 г. президентскую администрацию покинул Дж. Бадер, наиболее последовательный оппонент госсекретаря и специалист по Китаю, следом Госдепартамент презентовал китайскую стратегию правительству, чем формально вывел себя здесь на первое место в межведомственной борьбе. В этом контексте Х. Клинтон было необходимо

---

[83] Media Note. Deputy Secretary Steinberg to Travel to Singapore and Japan. May 28, 2009. http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/124013.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[84] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Strategic Track Discussion Session II. July 28, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126551.htm (дата обращения: 29.09.2016); Media Note. Deputy Press Secretary Steinberg's Upcoming Travel to Asia. February 28, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/02/137417.htm (дата обращения: 12.09.2016); Media Note. Travel of the Delegation Led by Special Representative Davies to Seoul, Beijing, and Tokyo. January 16, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/01/202952.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[85] Background Briefing on the U.S. Military Realignment in Japan. April 26, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/04/188587.htm (дата обращения: 14.09.2016); Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Foreign Minister Yang Jiechi Before their Meeting. September 4, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197312.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[86] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Remarks at U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Opening Session. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189213.htm (дата обращения: 03.10.2016).

продемонстрировать лояльность главе государства и показать внешнее единство власти.

В период второй администрации Б. Обамы распространение получили ещё две специфических практики. Одну из них можно описать как соотносимое замещение, которое было использовано при назначении Д. Рассела на пост помощника госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана, который прежде в Совете национальной безопасности курировал японское и корейское направления [87] . Таким образом, оставшийся без конкурентов президент, обеспечивал единство исполнительной власти как целого. Другую практику можно характеризовать как внешний неформальный контроль. Она получила весьма ограниченное распространение и была связана с сохранением в администрации президента и Госдепартаменте на некоторое относительно продолжительное время (до 2 лет) постов за приближёнными Х. Клинтон[88], что позволяло на рутинном уровне влиять на проработку решений, а также обеспечивало конкурирующему центру в рядах Демократической партии (внешнему по отношению к правительству) определённый доступ к информации о непосредственных процессах внутри исполнительной власти.

Описанная выше межведомственная расстановка сил свидетельствовала о наличии трёх центров в процессе принятия решений, касавшихся политики в отношении АТР и СВА: президентской администрации, Государственного департамента и министерства обороны. В зависимости от пути к должности, системного контекста, в котором существовало ведомство, долгосрочных и конъюнктурных целей и задач внутри- и внешнеполитического характера, каждый из этих центров ориентировался на собственную базу групп интересов, при этом для последних являлось нормой ориентироваться на разные центры силы среди исполнительной власти и привлекать иных сторонников и попутчиков.

---

[87] Remarks by Daniel R. Russel Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable at U.S. Embassy Tokyo. September 9, 2013. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/09/212696.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[88] Remarks by Todd D. Stern, Special Envoy for Climate Change, at the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 9, 2014. URL: http://www.state.gov/e/oes/rls/remarks/2014/228913.htm (дата обращения: 06.10.2016).

Для президентской администрации были характерны три тактики отношений с группами интересов. Первая была прямо связана с путём, который привёл Б. Обаму к президентству. В 2006 г. он избирался от в сенат от штата Мичиган, где сильны позиции автомобилестроительной отрасли, к проблемам которой апеллировал кандидат на пост сенатора[89]. Победа на президентских выборах пришлась на тот момент, когда в условиях кризиса автомобилестроение выступило как единая группа интересов, включавшая в себя профсоюзы, управляющих, корпоративных руководителей, сторонников среди членов конгресса. Причиной столь мощной консолидации стало подписание ССТ с Южной Кореей, открывавшее американский рынок для южнокорейских автомобилей. Усилия отрасли привели к тому, что соглашение не было ратифицировано, наоборот, его отправили на дополнительное согласование сторонами для учёта интересов американского автопрома[90]. Этот результат запускал два механизма воздействия на президента. Первый происходил из юридических принципов взаимодействия законодательной и исполнительной власти: президент не мог не исполнить решение Конгресса, поскольку оно означало для исполнительной власти обязательное условие, без исполнения которого ССТ не могло быть ратифицировано. С учётом доминирования либерального мышления, которое реализовывалось во внешнеэкономической политике с помощью ССТ, такое решение создавало дополнительные риски для репутации Б. Обамы, которого таким ходом Конгресс ставил перед альтернативой: подчиниться его решению и продемонстрировать приверженность господствовавшим либеральным принципам или отказаться от ратификации и тем самым противопоставить себя доминировавшей тогда парадигме мышления. Второй механизм был сугубо электоральным: отказ Б. Обамы от дополнительных переговоров мог подорвать его авторитет в штате, чья поддержка открыла ему политический путь в столицу, и который являлся важной выборной базой для Демократической партии. В этих условиях президент и его администрация были вынуждены учесть интересы

[89] Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков?...
[90] Choi Young Mi. Op. cit.

автомобилестроения. На практике они были обеспечены положениями обновлённого ССТ, в соответствии с которыми на десять лет откладывалось открытие американского рынка для южнокорейских производителей, правительство США оставляло за собой право вводить защитный тариф, а в случае достижения южнокорейскими производителями объёмов продаж, угрожавших американским производителям, Сеул соглашался с введением высокого заградительного тарифа в отношении своих легковых автомобилей[91].

Вторая тактика взаимодействия с группами интересов заключалась в проведении политики с учётом их позиций. Наиболее полно она проявилась в рамках отношений с КНР. В целом, с 2009 г. ключевой группой здесь стало обширное, сложное по составу «зелёное» лобби. В немалой степени этому способствовало включение в число ближайших советников президента К. Браунера и С. Чу, отвечавших за климатическую и экологическую повестку, которую сам президент сравнивал со спутниковой программой[92]. В своей первоначальной версии это сотрудничество касалось совместного производства электромобилей, развития энергетики, основанной на ВИЭ, производство промышленных фильтров и газоуловителей, а также средств производства. Развитие всех аспектов сотрудничества предполагало разработку необходимых стандартов, которые регулировали производство, меняли потребительские привычки. Ранее других компаний интерес к сотрудничеству с Китаем в рамках «зелёной» повестки проявили «Дженерал электрик» и АЕС[93]. К 2011 г., когда пул компаний, заинтересованных в сотрудничестве с КНР и ориентировавшихся на президентскую администрацию, в целом, сформировался, 17 из 25 компаний в той или иной мере были связаны с «зелёной» повесткой (производили электромобили,

[91] Increasing U.S. Auto Exports…
[92] Obama B. Op. cit. P. 490–492.
[93] Fact Sheet: U.S. – China Electric Vehicles Initiative. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Electric-Vehicles.pdf (дата обращения: 06.11.2016); Fact Sheet: U.S – China Energy Efficiency Action Plan. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Efficiency-Action-Plan.pdf (дата обращения: 06.11.2016); Fact Sheet: U.S. – China Cooperation on 21st Century Coal. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Coal.pdf (дата обращения: 06.11.2016); U.S. – China Clean Energy Announcements. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2009/11/17/us-china-clean-energy-announcements (дата обращения: 06.11.2016).

промышленные фильтры, литиевые аккумуляторы, были связаны с энергетикой, основанной на ВИЭ)[94].

Оставшиеся компании были заняты в прочих видах электроэнергетики, металлургии, автомобиле- и авиастроении. В последующем этот перечень компаний пополнился в 2011 г. производителями программного обеспечения, в 2013 г. добытчиками сланцевых углеводородов, а в 2015 г. сформировалась ещё одна обширная прокитайская группа интересов, представленная компаниями из сферы развлечений[95].

Поскольку основу составляло «зелёное» лобби, которое выражало интересы нового производственного направления, охватывавшего широкий спектр отраслей, политика президента здесь свелась к оказанию косвенной поддержи посредством выделения дополнительного финансирования проектов, создания территориальных (штатных и городских) проектов, чья реализация требовала участия большого числа компаний, правового регулирования НИОКР.

В отличии от Китая, в случае с Южной Кореей основной интерес президентской администрации был связан не с формированием доминирующего перспективного поля сотрудничества между компаниями, а с привлечением иностранных инвестиций. В связи с этим здесь группы интересов формировались по штатному и муниципальному принципам, а президентская администрация участвовала в их поддержке косвенно, создавая обширные переговорные площадки как место встречи заинтересованных представителей американской и корейской сторон[96].

Третья тактика реализовывалась в рамках переговоров о ТТП, о которой мы писали выше. Она заключалась в том, чтобы сформировать малые переговорные группы на основе отраслевых групп интересов, провести презентации штатов и тем

---

[94] Fact Sheet: U.S. – China Commercial Relations. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/fact-sheet-us-china-commercial-relations (дата обращения: 05.11.2016).

[95] Fact Sheet: U.S. – China Economic Issues. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/fact-sheet-us-china-economic-issues (дата обращения: 05.11.2016); Joint Fact Sheet on Strengthening U.S. – China Economic Relations. December 05, 2013 URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/05/joint-fact-sheet-strengthening-us-china-economic-relations (дата обращения: 05.11.2016); Expected Attendees at Tonight's China State Dinner. September 25, 2015...

[96] President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment In United States. April 25, 2014…

самым продемонстрировать приверженность Белого дома поддерживать их в рамках курса по либерализации торгово-экономических отношений на Тихом океане[97].

Подобной тактики с осени 2013 г. американское правительство стало придерживаться и в ходе переговоров о торгово-инвестиционном соглашении с Тайванем. Их повестка была разделена на два отраслевых блока. В первый вошли вопросы, касавшиеся полупроводниковой и телекоммуникационной отрасли. Принимая в расчёт мировое лидерство Тайваня в них, правительство США было заинтересовано обеспечить более тесное вплетение тайваньских компаний в международные кооперационно-сбытовые цепочки, соответствовавшие интересам американских производителей и потребителей. Более того в интересах электронных производств администрация Б. Обамы продвигала идею либерализовать процедуры, чтобы облегчить приток тайваньских инвестиций в наиболее технологичные отрасли американской экономики[98]. Во второй блок вошли отрасли хозяйства США, для представителей которых были важны не только экспортные рынки, но и распространение за пределы Соединённых Штатов норм регулирования, основанных на законах и правовых обычаях США. К ним относятся сельское хозяйство и фармацевтика[99].

Эти три тактики высветили, что независимо от каждой из них, ключевые интересы взаимодействия президентской администрации имели внутреннее измерение, которое можно описать следующими словами: содействие модернизации и предоставление преимуществ отстающим отраслям и территориям, поддержка экспортной ориентации производств, формирование нового, технологически развитого производственного комплекса, который будет иметь стабильных партнёров и рынки сбыта внутри страны и за рубежом, но чьё

[97] Trans-Pacific Partnership. Round 2…

[98] Remarks by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Trends in U.S. – Taiwan Relationship. October 3, 2013. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/10/213756.htm (дата обращения: 26.01.2025).

[99] Testimony by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Written Statement before the House Foreign Affairs Committee. March 14, 2014. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/03/223461.htm (дата обращения: 26.01.2025).

региональное производственное, технологическое и корпоративное ядро будет расположено на территории США.

Взаимодействие с группами интересов у президентской администрации имело и партийно-политическое измерение. Анализ географической структуры групп интересов, с одной стороны, не позволяет выделить приоритетный регион, поскольку контакты с ними были распределены относительно равномерно, с другой стороны, она имеет чётко выраженную партийную аффилиацию. Так количество контактов с компаниями из продемократических штатов равнялось 12, из прореспубликанских штатов – 6, из колеблющихся штатов – 4[100]. Кроме того, нельзя не заметить взрывной рост в 2015 г. связей с группами интересов с тихоокеанского побережья США[101], где Демократическая партия с 2008 г. получает стабильную поддержку на выборах. Это указывает, что, взаимодействуя с группами интересов, президентская администрация стремилась укрепить электоральную базу в традиционных демократических штатах, повысить уровень поддержки партии в колеблющихся штатах, а также сформировать продемократические группы в республиканских штатах.

Это позволяет сделать вывод, что взаимодействие Белого дома с группами интересов, зависевших от внешней политики США в отношении стран СВА, независимо от тактики было подчинено внутренним экономическим и партийно-политическим проблемам.

Иными мотивами диктовались действия Госдепартамента. С учётом межведомственной конкуренции и стремления Х. Клинтон чётко очертить своё пространство ей пришлось параллельно выстраивать свои сети связей, при этом не выходя за рамки функций внешнеполитического ведомства. С учётом того, что свободным от большого количества предварительных условий был формат СЭД в отношениях с Китаем, именно китайское направление стало доминирующим во взаимодействии Х. Клинтон с группами интересов.

---

[100] Рассчитано по: Fact Sheet: U.S. – China Commercial Relations. January 19, 2011…
[101] Expected Attendees at Tonight’s China State Dinner. September 25, 2015…

Ещё в ходе первого визита в Китай в феврале 2009 г., который предшествовал СЭД, госсекретарь сделала ставку на развитие американо-китайского партнёрства в области чистой энергии. Главным заинтересованным лицом здесь выступала корпорации «Дженерал электрик», имевшая ряд производств в Китае[102]. В другом публичном выступлении Х. Клинтон указывала, что Демократическая партия и правительство приступили к формированию нового обширного «зелёного» лобби, которое противопоставлялось нефтяному, тесно связанному с Республиканской партией [103] . Для подтверждения соответствующей линии и демонстрации приверженности интересам этой группы независимо от формата СЭД в Китай на переговоры по климатическим и энергетическим вопросам была отправлена межведомтсвенная делегация во главе с Х. Клинтон, куда также входили представители президентской администрации, министерства энергетики и казначейства[104].

Предприняв первоочередные усилия по формированию нового ядра групп интересов для партии, Госдепартамента и правительства, глава внешнеполитического ведомства пошла по пути расширения сети контактов. Этому благоприятствовала Всемирная выставка в Шанхае. В создании американского павильона на ней, который впоследствии Государственный департамент активно использовал как площадку для широчайшего продвижения интересов США, участвовали компании, представлявшие пищевую, фармацевтическую, химическую, машиностроительную и даже нефтегазовую отрасли [105] . Это позволяло создать своего рода «каталог взаимодействия», из которого впоследствии можно было выбрать перспективных участников, способных поддерживать демократов и их политику.

---

[102] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Special Envoy for Climate Change Todd Stern And President of GE Energy China Jack Wen on Dialogue on U.S.-China Partnership on Clean Energy. February 21, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119433.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[103] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, on The U.S. and China Working Toward Clean Energy. February 22, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119435.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[104] Remarks by Todd Stern, Special Envoy for Climate Change, Bureau of Public Affairs, on the U.S. Delegation's June 7-10 Trip to China to Discuss Climate and Energy Issues. June 12, 2009. URL: http://www.state.gov/e/oes/rls/remarks/2009/124705.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[105] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at USA Pavilion at Shanghai Expo. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/11/131957.htm (дата обращения: 29.09.2016).

Наладив контакты с группами интересов, Госдепартамент приступил к их институционализации. В мае 2010 г. в рамках десятилетней основы для сотрудничества в области энергетики и окружающей среды были выделены государственно-частные партнёрства по осуществлению экологических проектов[106]. В 2011 г. она была дополнена губернаторским форумом, который объединял руководства штатов, провинций и муниципалитетов для налаживания низового, наиболее прочного сотрудничества в области экологии и энергетики[107]. В том же году Северная Каролина и провинция Хэбэй стали сотрудничать в области повышения энергоэффективности коммунального хозяйства[108]. В 2012 г. был запущен проект между г. Хэфэй и штатом Огайо, который был нацелен на нормализацию речных и пойменных экосистем, страдавших от сельскохозяйственных и промышленных стоков, а также ГЭС[109]. На этом фоне стали укрепляться связи Госдепартамента с представителями газовой и атомной энергетики[110].

Тот факт, что после смены правительства государственно-частные «зелёные» партнёрства получили широкое распространение, вовлекли в сотрудничество с американской стороны Джорджию, Колорадо, Нью-Йорк, Вермонт, Округ Колумбия и Пекин, Шэцзян, Гуйчжоу, Шанхай с китайской стороны[111], показывал, что созданная Х. Клинтон платформа для укрепления связей с «зелёным» лобби оказалась жизнеспособной.

В свою очередь включение в итоговый документ СЭД 2013 г. положений о сотрудничестве в области сланцевого газа и атомной энергетики[112] указывало, что в период нахождения на посту госсекретаря Х. Клинтон смогла создать стабильную совокупность групп интересов на китайском направлении, которая включала

---

[106] Media Note. U.S.-China Ten-Year Framework for Cooperation on Energy and Environment. May 13, 2010. http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/141822.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[107] Fact Sheet. Strengthening U.S.-China Sub-national Cooperation: The U.S.-China Governors Forum. January 19, 2011…
[108] Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. January 19, 2011…
[109] Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. February 15, 2012…
[110] Media Note. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue 2010 Outcomes of the Strategic Track. May 25, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142180.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[111] Fact Sheet. The U.S.-China EcoPartnerships Program. July 10, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211792.htm (дата обращения: 04.10.2016).
[112] Media Note. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. July 12, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm (дата обращения: 04.10.2016).

разные уровни взаимодействия и разные отрасли экономики. Более того, в рамках китайского направления политики Государственному департаменту удалось создать обширную сеть контактов среди представителей американского топливно-энергетического комплекса.

В то же время факт упоминания газовой и атомной отраслей в заключительных документах и материалах раунда СЭД, состоявшегося в 2013 г., свидетельствовал о начале перестройки связей в энергетических группах интересов. При новом госсекретаре правительство было заинтересовано диверсифицировать свои контакты в энергетическом секторе. Эти процессы затронули также производителей и поставщиков топлива, как на внутренний, так и на внешний рынок. Так газовики проявляли интерес к поставкам сжиженного газа в Японию[113], а производители биотоплива, которые входили в состав обширного зелёного лобби, при условии снижения интереса демократов к их отрасли приступили к пересмотру своей политической ориентации[114]. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с влиянием на курс в отношении Китая тенденции, общей для отношений отрасли, политических партий и правительства.

При этом группы интересов почти не повлияли на политику в отношении других стран СВА в рамках ответственности Госдепартамента. Исключение составляют только три вектора в отношении РК, два из которых (второй и третий) имели прямое отношение к вопросам обеспечения военной безопасности, а значит были лишены влияния внутриполитической американской конъюнктуры. Первый

[113] Strengthening U.S. Alliances in Northeast Asia… Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. March 4, 2014. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. P. 25, 34–35.

[114] Thomaz L.F., Oliveira M.F. de. International Agricultural Trade Policy: Interests, Institutions and Information in the Corn Supply // Brazilian Political Science Review. – 2016. – Vol. 10. – № 1. URL: https://brazilianpoliticalsciencereview.org/wp-content/uploads/articles_xml/1981-3821-bpsr-10-1-1981-38212016-000100005/1981-3821-bpsr-10-1-1981-38212016000100005.x70117.pdf (дата обращения: 24.03.2022).

был связан с продвижением интересов «зелёного» лобби[115], второй с интересами электронной отрасли[116], третий с интересами атомной отрасли, в целом[117].

Таким образом, с учётом внутрипартийного компромисса, связанного с назначением Х. Клинтон, и конкуренции ведомств, взаимодействие Госдепартамента и групп интересов носило ярко выраженный партийный характер. В течение 2009–2012 гг. госсекретарю удалось выстроить устойчивую сеть новых контактов Демократической партии, центральное положение в ней заняло широчайшее по своему составу «зелёное» лобби, которое было дополнено связями в энергетической отрасли. С учётом того, что интересы этой группы были тесно вплетены в контекст внутренней политики, внешней политики и американо-китайских отношений, она превращалась во влиятельного сторонника демократов, к мнению которого необходимо было прислушиваться на выборах. Участие в электоральной кампании 2016 г. Х. Клинтон также позволяет охарактеризовать её усилия на посту госсекретаря как участие в длительной предвыборной гонке, формирование группы обеспеченных сторонников.

Третью стратегию взаимодействия с группами интересов предложил Пентагон. На начальном этапе президентства Б. Обамы, когда происходил вывод американских войск из Ирака, а министр обороны Р. Гейтс публично выражал опасения, что роль военного ведомства во внешней политике США снизится[118], министерство ограничивалось обозначением ключевых направлений модернизации вооружённых сил, связанных с кибернетическим и космическим пространством. Упоминание других конкурентов в области военных технологий – России и Китая – лишь указывало на недопустимость отставания США в новой технологической гонке вооружений[119].

---

[115] Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation. January 23, 2012. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm (дата обращения: 26.09.2016).

[116] Joint Statement on the United States-Republic of Korea Information and Communication Technology (ICT) Policy Forum. November 13, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/11/217540.htm (дата обращения: 27.09.2016).

[117] Fact Sheet. U.S.-Republic of Korea (R.O.K.) Agreement for Peaceful Nuclear Cooperation. June 16, 2015. URL: http://www.state.gov/t/isn/rls/fs/2015/243872.htm (дата обращения: 28.09.2016).

[118] Гейтс Р. Ук. соч.

[119] Submitted Statement on DoD Challenges to the Senate Armed Services Committee. As Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates. January 27, 2009...

С 2011 г. тактика министерства обороны начинает претерпевать изменения: впервые с 2009 г. Китай публично упоминается как угроза [120]. Хотя эта характеристика прозвучала в выступлении перед традиционной военной группой интересов, судостроителями, этот факт указывал на то, что министерство обороны намерено для обеспечения своих интересов использовать в отношениях с лобби и заинтересованными группами тактику периода холодной войны, во время которой его запросы объяснялись необходимостью противодействовать «угрозе», исходящей от Советского Союза как противостоящего полюса. В дальнейшем эту тенденцию подтвердили уже упомянутые выступления глав военного ведомства, посвящённые тихоокеанской политике, где Китай характеризовался источником угроз.

Однако, с учётом межведомственной борьбы до начала 2013 г., остаточного влияния Х. Клинтон на процесс принятия решений во втором правительстве Б. Обамы, существовавшего до инцидента с нарушением границ опознавательной зоны ПВО консенсуса в рядах исполнительной власти не раздражать своими действиями Китай министерство обороны было вынуждено прибегнуть к очень осторожной, хотя и привычной линии поведения с долгосрочной целью внедрить антикитайские представления в мышление исполнительной власти. Упомянутые выше публичные выступления, скорее, были самыми общими свидетельствами о контурах главной внешнеполитической линии военных. Практические их шаги были связаны с тайваньским лобби, которое с самого начала постбиполярной эпохи тесно блокировалось с военными и поддерживало антикитайские настроения.

В период правления Б. Обамы основную функцию по повседневному продвижению интересов тайваньского лобби на себя взяли Американо-тайваньский деловой совет (АТДС), за сотрудничество с которым отвечало Бюро военно-политических отношений Государственного департамента, [121] и

[120] E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls India, China ‘threats’…

[121] Bureau of Political-Military Affairs Official to Keynote U.S. – Taiwan Business Council Defense Industry Conference. Media Note. October 6, 2014. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/10/232611.htm (дата обращения: 26.01.2025).

вооружённые силы США[122]. В обоих случаях целью тайваньского лобби был рост поставок американских вооружений на остров, хотя средства достижения существенно разнились. В первом случае ставка делалась на кулуарные деловые беседы, проходившие на полях целевых публичных мероприятий, организованных министерством обороны США и американским ВПК, во втором случае вовлечённость американских инструкторов в повседневную подготовку солдат и офицеров тайваньской армии способствовали тому, что последние овладевали необходимыми профессиональными навыками. Причём, после смены правительств и администраций США в январе 2013 г. повседневные контакты военных почти удвоились[123]. Т.Е. условия для роста американского экспорта на Тайвань создавали параллельно с помощью дипломатических шагов и поддержания необходимой армейской рутины. Результатом этих действий стало не только решение Б. Обамы поставить Тайваню оборудование и запчасти для поддержания технической годности имеющейся на острове американской техники и боеготовности сил на сумму 12 млрд долл. США[124], но и начало формирования антикитайского консенсуса среди исполнительной власти, который пришёл на смену «клинтоновскому» консенсусу, в соответствии с которым предпочтительным было воздерживаться от действий, способных раздражать Китай. В свою очередь мероприятия, организованные при участии военного ведомства и ВПК, превращались в инструмент, с помощью которого военные внедряли новое понимание Китая в мышление американских чиновников, а сотрудничество с ними превращалось для чиновников в «антикитайскую лабораторию».

Кроме того, резко в положительную сторону для военных ситуация изменилась в 2014 г., когда была объявлена программа третьей компенсации. С учётом того, что Конгресс не позволил президенту создать всеобъемлющее централизованное управление инновациями в национальном масштабе, военная сфера оставалась единственной, где президентский подход можно было

[122] Remarks by Susan Thornton, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Brookings Institution. Taiwan: A Vital Partner in East Asia. May 21, 2015. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/05/242705.htm (дата обращения: 26.01.2025).
[123] Ibidem.
[124] Ibidem.

осуществить. Это сблизило президентскую администрацию и министерство обороны. Более того, для последнего это представляло шанс укрепить отношения с группами интересов, следуя модели взаимодействия с ними в период холодной войны, когда развитие вооружений обосновывалось необходимостью противостоять Советскому Союзу[125], а начавшееся формирование антикитайского консенсуса среди федеральных министерств делало наиболее предпочтительным выбор КНР в качестве ключевого, если не аналогичного, то по смыслу близкого СССР американского противника. Более того, совпадение разных по своей сути интересов президента и военных сделало их взаимно благоприятными попутчиками, а для последних открыло широкое пространство для внедрения своего видения угроз в СВА.

В этих условиях за счёт оборонного заказа были укреплены отношения с разработчиками программного обеспечения, электронной и космической отраслями, приступить к разработке более точных ракет, беспилотных систем, к внедрению человеко-машинных сетей и экосистем[126].

Иными словами, взаимодействие военного ведомства с группами интересов в период президентства Б. Обамы было нацелено на построение перспективной сети связей. В её основе лежала привычная и выгодная для военных модель взаимодействия, которая превращала бы министерство обороны в одного из ведомственных лидеров технологической гонки в США, а также позволяла бы внедрить своё мировидение во внешнюю политику.

Таким образом, в 2009–2016 гг. исполнительная власть придерживалась трёх стратегий взаимодействия с группами интересов. Первая, характерная для президентской администрации, предполагала обеспечение электоральной поддержки партии и формирование сторонников экономической политики Белого дома. Второй придерживался Госдепартамент в период его руководства Х. Клинтон, чья стратегия касалась развития партии и формирования новой обширной

[125] Remarks to Seattle-area Technology, Business, Community, and Military Leaders…
[126] Remarks on “The Path to an Innovative Future for Defense”…

группы, поддерживающей демократов. Третья характеризовала шаги министерства обороны, нацеленные на перспективное укрепление ведомственного влияния.

В целом, структура взаимодействий сотрудников исполнительной власти в период правления Б. Обамы характеризовалась наличием трёх проблем и трёх жизненных стратегий. В качестве проблем выступали большое количество постов, занятых теми, кого в широком смысле слова характеризуют назначенцами, т.е. теми, кто не имеет необходимых знаний или профессионального опыта, высокий межведомственный конфликтный потенциал, различие стратегий взаимодействия с группами интересов между ведомствами.

Это привело к тому, что американская политика в отношении СВА характеризовалась борьбой трёх жизненных ведомственных стратегий. Первая, характерная для президента и его команды, была нацелена на поддержание жизнеспособности президентской внешнеполитической стратегии, которая учитывала внутренние, прежде всего социально-экономические, потребности. Вторая, была характерна для Госдепартамента и предполагала обозначение позиций, места и роли ведомства и его руководителей в контексте текущего и краткосрочного расклада политических сил в США. Третьей придерживалось министерство обороны, которое стремилось обезопасить своё «жизненное пространство» от посягательств других ведомств в текущих условиях и сформировать условия для укрепления своих политических позиций на перспективу.

Проблемы и жизненные стратегии ведомств породили ряд общих неформальных практик, характеризовавших политику США в отношении АТР и СВА. Первой такой практикой стало создание концепций, за счёт которых руководителям, их заместителям и помощникам, имевшим необходимый политический или профессиональный опыт, удавалось придавать внешней политике определённую стройность и последовательность, компенсируя тем самым большое количество назначенцев на всех этажах управления. В то же время снижение градуса межведомственной борьбы сделало региональную политику более нестабильной. Второй практикой стало частое использование

концептуальной терминологии в публичных выступлениях с целью скрыть межведомственные разногласия и продемонстрировать единство. Это указывало на отсутствие единого центра принятия решений в отношении стран СВА. Третьей практикой стало формирование парных межведомственных (иногда межакторных) связей для взаимной поддержки или взаимного неформального контроля, что указывало на стремление ведомств занять ведущее место в процессе принятия решений и реализации политики, а также на большое влияние групп интересов и внутрипартийных групп на отдельные направления политики в отношении стран СВА.

3.2. Отношения законодательной и исполнительной власти и политика США в отношении СВА

Отношения между ведомствами исполнительной власти, их взаимодействия с группами интересов создали существенный каркас социальных связей, которые влияли на американскую политику в отношении стран СВА. В то же время картина будет не полной, если не изучить влияние законодательной власти на неё.

Прежде мы уже касались динамики отношений Конгресса и Б. Обамы и выделили четыре временных отрезка, чьи хронологические границы совпадают со сроками выборов в законодательный орган. Среди них выделяются две пары, а составляющие их отрезки отличаются лишь незначительными тактическими нюансами. Объединим их в два продолжительных этапа. В 2009–2012 гг. конгрессмены и сенаторы поддерживали или скорее поддерживали президента, а в 2013–2016 гг. они выступали с оппонирующих позиций. Это позволяет предположить, что всеобщие выборы 2012 г. стали рубежом, который изменил роль Конгресса в американской политике в отношении СВА, а значит и изменил характер взаимодействия в треугольнике «законодательная власть – исполнительная власть – группы интересов» в её контексте.

Период 111-го Конгресса был временем, когда из-за экономического кризиса доминировали внутренние вопросы. Однако, именно тогда были обозначены некоторые тенденции, которые потенциально могли определять повестку

законодательной власти в последующие годы. В проекции по отношению к странам СВА таких тенденций было три. Во-первых, под влиянием экономического кризиса, который знаменовал собой завершение пика либерального цикла, и набиравшей политическое влияние, прежде всего, на законодателей волны реиндустриализации и оппозиции в отношении выноса производств, обозначилось противостояние сторонников оффшоринга и решоринга. В контексте политики в отношении стран СВА ключевым вопросом повестки стояла ратификация американо-южнокорейского соглашения о свободной торговле. В Конгрессе доминировали голоса в его поддержку. В частности, приводились следующие аргументы: конгрессмен от Индианы Д. Бёртон указывал, что Республика Корея является 7-м по значимости экспортным рынком для США и 5-м для американского сельского хозяйства, в особенности для производителей говядины. Кроме того, по его мнению, соглашение КОРУС могло быть полезным для наращивания экспорта в РК машин, оборудования, продукции химической промышленности, самолётов, а также не названных выше отраслей сельского хозяйства[127]. Р. Фрелингхайсен, представлявший штат Нью-Джерси, в экономике которого важную роль играет транспортная отрасль, выражая мнение своё и представителей штата Нью-Йорк, приводил следующие аргументы. В случае незаключения соглашения с РК Соединённые Штаты рисковали потерять 345 тысяч рабочих мест, а штаты с экспорториентированной моделью экономики рисковали усугубить социальную нестабильность в условиях кризиса, ослабить позиции сфер транспорта, услуг и отдельных обрабатывающих производств. При негативном сценарии только в Нью-Джерси под удар были бы поставлены 130 500 рабочих мест, в т.ч. 50 500 в обрабатывающих отраслях. С учётом своей специализации представители штатов Нью-Джерси и Нью-Йорк поддерживали вступление соглашения КОРУС в силу[128].

В то же время на федеральном уровне стала прослеживаться и другая тенденция, пусть и очень слабая. Со второй половины 2000-х гг. ВПК стал искать

[127] Congressional Record. May 5, 2009. P. E1067. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//05/05/CREC-2009-05-05-pt1-PgE1066-3.pdf (дата обращения: 16.09.2017).
[128] Congressional Record. December 17, 2009. P. E3058. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//12/17/CREC-2009-12-17-pt1-PgE3058-2.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

способы для дополнительной загрузки своих мощностей. При этом основной акцент был сделан на зарубежные поставки, которые обеспечивались с помощью кредитов для зарубежных продаж (ФМС-кредитов). Эта схема является традиционной для поддержки американской промышленности и ВПК с конца 1970-х гг. В данном случае внешне парадоксальным выглядит то, что меру по поддержке национальных производств лоббировал уже упомянутый Д. Бёртон, выступавший за свободную торговлю[129].

Однако, если рассмотреть электоральный и политический расклад в США на вторую половину 2000-х гг., легко увидеть, что конгрессмены и сенаторы оказывались зажаты между избирательными тисками сторонников поддержки производства и сторонников его выноса. Такая ситуация была характерна не только для Д. Бёртона, но и для Б. Обамы, который выиграл выборы в Сенат, опираясь на поддержку промышленного сектора, а президентскую кампанию – за счёт поддержки либеральной части общества. Иными словами, законодатели оказались вынужденными действовать в рамках двух стратегий: либо выбирать одну из групп сторонников, поступаясь интересами другой, как это сделал выигравший президентские выборы их коллега, либо, подобно Д. Бёртону стараться учитывать интересы обеих групп.

Во-вторых, в Палате Представителей чётко обозначилось противоборство двух ключевых парадигм внешнеполитического мышления. Так, уже не раз упомянутый Д. Бёртон придерживался парадигмы всеобщего выигрыша *(win-win game)*, которую в 1987 г. первым на официальном уровне обозначил госсекретарь Дж. Шульц, увязав со свободной торговлей[130]. Фактически этим самым был обозначен фундамент для внешнеполитической практики США на постбиполярный период. В связи с этим употребление конгрессменом термина *“win-win”* как характеристики выгод соглашения КОРУС[131] явилось следованием

[129] Congressional Record. May 5, 2009. P. E1067…
[130] American Foreign Policy: Current Documents. 1987… P. 512
[131] Congressional Record. May 5, 2009. P. E1067…

нормальному, типичному для своего времени образу внешнеполитического мышления.

Однако, при обсуждении резолюции по случаю 50-летней годовщины американо-японского военного союза, проступила иная тенденция. В частности, члены Палаты Представителей, указывая на Японию, говорили, что «США и их союзники сражались в первых горячих боях холодной войны на Корейском полуострове, трения в Тайваньском проливе были сильны, а Вьетнамская война явственно вставала на горизонте. Спустя полвека Восточная Азия всё ещё процветающий торговый узел мира, который по-прежнему опасен… Ввиду торпедирования южнокорейского военного судна безрассудной Северной Кореей необходимо признать, что АТР ещё не стал по-настоящему мирным регионом».[132] Построенная здесь явственная, конкретная параллель между Корейской войной и противостоянием РК и КНДР, которая сохранилась как геополитический элемент периода холодной войны, указывала, что либеральные внешнеполитические идеи, касавшиеся торгово-экономических отношений, стали наталкиваться на возрождавшееся мышление времён холодной войны. Его основой было противостояние, которое в зависимости от контекста приобретало разные измерения. Иными словами, здесь мы сталкиваемся с феноменом «эха прошлого», влияющего на образ политической мысли. Впоследствии на северокорейском направлении эта логика постоянно подпитывалась осуждениями различных шагов Пхеньяна и действительности КНДР, а также обсуждением санкционных законов. Всего за период президентства Б. Обамы Конгресс к этим вопросам обращался 13 раз, в т.ч. 5 раз (38% случаев) в течение срока полномочий 111-го Конгресса, при этом во всех случаях это были заявления конгрессменов и сенаторов[133]. Это

[132] Congressional Record. June 23, 2010. P H4710. URL: https://www.congress.gov/crec/2010//06/23/CREC-2010-06-23-pt1-PgH4709.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

[133] Congressional Record. June 4, 2009. P. S6155–S6156. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//06/04/CREC-2009-06-04-pt1-PgS6155.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Congressional Record. June 15, 2009. P. H6752–H6756. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//06/15/CREC-2009-06-15-pt1-PgSH6752.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Congressional Record. June 17, 2009. P. E1477. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//06/17/CREC-2009-06-17-pt1-PgSE1477-3.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Congressional Record. July 22, 2009. E1876–E1878. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//07/22/CREC-2009-07-22-pt1-PgE1876.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Congressional Record. November 30, 2010. P. H7721–H7723. URL: https://www.congress.gov/crec/2010//11/30/CREC-2010-11-30-pt1-PgH7721.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

указывает на то, что сторонники основанного на противостоянии мышления формировали необходимую для себя атмосферу на Капитолийском холме.

В-третьих, в 2009 г. проявилась ещё одна тенденция. В целом, её можно справедливо обозначить ещё одним проявлением «эха прошлого», но в отличии от описанного выше положения, впоследствии она имела более системное, глубокое и стабильное влияние на американскую политику, да и связанный с ней феномен «китайской угрозы» лучше охарактеризовать агрегирующим, вбирающим в себя разные, слабо связанные или вовсе не связанные между собой проблемы, если бы не опасения в отношении КНР. Материалы бюллетеней Конгресса позволяют выделить следующие направления, по которым шло развитие политического образа, какие ниши в политических дискуссиях занимала «китайская проблема».

Раньше других в центре внимания оказалась экономическая повестка. При этом она сама не была единой и разделялась на три части. Первая из них выражалась опасениями, что действия американского правительства по преодолению кризиса недостаточны, а чрезмерная продажа долговых обязательств Китаю является ошибочной, поскольку в таком случае экономика США рисковала попасть в финансовую и долговую зависимость от Китая. В этой связи Д. Бёртон предлагал найти другие пути для оживления национальной экономики деньгами, которые не зависели бы от КНР[134]. Вторая экономическая проблема, которой коснулись на Капитолийском холме, была связана с «зелёной» повесткой. Сенаторы призывали стороны приступить к переговорам о сотрудничестве в области чистой энергетики, что, по их мнению, в случае успеха позволит добиться от Китая снижения вредных выбросов в атмосферу, а также обеспечит в США развитие связанных технологий и производств, чья продукция будет поставляться на китайский рынок, который мыслился товарно и технологически зависимым от американской стороны[135]. И третий аспект экономической повестки, который озвучил сенатор Браун от штата Огайо, высвечивал усиливающуюся борьбу между

[134] Congressional Record. February 11, 2009. P. H1202. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//02/11/CREC-2009-02-11-pt1-PgH1202.pdf (дата обращения: 14.09.2017).
[135] Congressional Record. March 18, 2009. P. S3377. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//03/18/CREC-2009-03-18-pt1-PgS3377-2.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

сторонниками выноса производств и их сохранения и локализации в США. В частности, он подверг критике правительство за то, что оно намерено предоставить режим нормальных торговых отношений КНР, который будет отвечать исключительно интересам корпораций, поскольку освобождение от пошлин сделает размещение производств в Китае более выгодным, нежели их сохранение в Соединённых Штатах. Это, по его мнению, должно было привести к закрытию заводов на Среднем Западе и замещению американских товаров дешёвым китайским импортом на рынке США. В этом выступлении выделяется замечание, что сторонники роста американского экспорта и производства есть не только среди бизнеса, но и среди членов обеих партий[136].

Такое положение указывало, что в финансово-экономическом плане «китайская угроза» виделась и сторонникам, и противникам свободной торговли, представителям правящей партии и оппозиции, а значит неприятие Китая как самостоятельной державы, способной принимать решения, которые влияли бы на американскую политику, было очень глубоким, более глубоким, чем межпартийный консенсус.

Вторым вопросом повестки стало соблюдение прав человека в КНР. Этот вопрос был поднят в рамках оппонирования правительству: с точки зрения конгрессменов, выражавших интересы правозащитных групп интересов, было ошибочным, что госсекретарь Х. Клинтон во время своего первого визита в Китай не включила проблему прав человека в число приоритетных [137] . Чтобы стимулировать администрацию обратить на неё внимание, сенаторы стали делать выступления, посвящённые примерам нарушения прав человека в отношении отдельных китайских общественных деятелей[138].

Третий аспект «китайской угрозы» был привязан к проблемам безопасности, а именно, количественному и качественному росту вооружений КНР, в первую

[136] Congressional Record. September 22, 2010. P. S7313. URL: https://www.congress.gov/crec/2010//09/22/CREC-2010-09-22-pt1-PgS7313.pdf (дата обращения: 14.09.2017).
[137] Congressional Record. February 23, 2009. P. H1637–H1638. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//02/23/CREC-2009-02-23-pt1-PgH1637-4.pdf (дата обращения: 14.09.2017).
[138] Congressional Record. April 23, 2009. P. S4658–S4660. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//04/23/CREC-2009-04-23-pt1-PgS4658-4.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

очередь морских и ракетных, а также к обеспечению информационной безопасности, предотвращению утечек, которые позволяют китайской стороне модернизировать продукцию своего ВПК[139].

Четвёртый подход к обозначению «китайской угрозы» продемонстрировал конгрессмен от Республиканской партии Д. Рорабахер. Этот подход можно характеризовать как комплексный. В своём выступлении Д. Рорабахер фактически обрисовал страх перед возвышением Китая независимо от какой-либо сферы. Опасения, связанные с выносом производством, или критика, касающаяся соблюдения прав человека, выступают его вторичным проявлением. Сам же этот страх имел фундаментом глубинные культурно-цивилизационные основания, связанные с существованием США как общества и государства, его экономическими устоями. Об этом свидетельствует пассаж: «Мы теряем не только рабочие места, делая Китай более могучим, но также … мы теряем … наше процветание, нашу свободу, наше будущее». Кроме того, Д. Рорабахер сравнивал Китай с предвоенной Японией, называл драконом, страшным как ад, которому противостоят американцы с Богом дарованными правами[140]. Здесь негативный образ КНР чётко увязывался с образом враждебной евразийской силы, которую в постбиполярную эпоху связывали с фашистской Германией и осью Рим – Берлин – Токио, а также с Советским Союзом и мировой системой социализма[141]. Кроме того, бинарное сравнение США и Китая как рая и ада может интерпретироваться как аллюзия на характеристику Советского Союза как «империи зла», которая возникла на волне роста влияния протестантских фундаменталистов на внешнюю политику Соединённых Штатов, чьей поддержкой с 1980-х гг. неизменно пользовались республиканские политики.

Таким образом, «китайская угроза» представала не сиюминутной речевой формулой для оправдания экономических и политических интересов, а указывала на формирующийся глубинный антикитайский консенсус в американском

---

[139] Congressional Record. March 25, 2009. P. H4001–4002. URL: https://www.congress.gov/crec/2009//03/25/CREC-2009-03-25-pt1-PgH4001-6.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

[140] Congressional Record. November 18, 2010. P. H7594 – H7600. URL: https://www.congress.gov/crec/2010//11/18/CREC-2010-11-18-pt1-PgH7594.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

[141] Ibidem.

обществе, который будет иметь военное, технологическое, экономическое и гражданское (в связи с соблюдением прав человека) измерения, которого будут придерживаться представители обеих партий, хотя в разных ситуациях будут акцентировать внимание на разных сторонах образа и приводить различную аргументацию. В контексте возрождавшегося мышления, характерного для времён холодной войны, Китай становился удобным для формирования образа «угрозы», противостоящего полюса. Иными словами, КНР превратилась в неотъемлемый фактор политического существования оппонирующих политических сил, поскольку именно китайская проблематика стала первым интегрированным полем, в котором демократическому правительству оппонировала не только республиканская фракция, но и Конгресс в целом.

Таким образом, по итогам работы 111-го Конгресса было обозначено три направления, в рамках которых законодатели намеревались влиять на внешнюю политику Б. Обамы. Первая линия касалась борьбы сторонников либерализма и реиндустриализации. Вторая была появилась вследствие возрождения образа мышления времён холодной войны, который, как и реиндустриализация, оппонировал либеральным тенденциям. Третья линия связывалась с ужесточением политики в отношении Китая. Также необходимо подчеркнуть, что эти три вектора в зависимости от конкретного случая предполагали возникновение разделительных линий между партиями, или между ветвями власти, или их комбинацию.

Характеризуя работу 112-го Конгресса, Э.В. Кириченко обратила внимание, что отличительной её чертой стало превращение одного из вопросов внутренней повестки в арену активного противостояния правящей и оппозиционной партий. В качестве таковой были выбраны финансирование и организация прикладных научных исследований, которые исполнительная власть рассматривала одним из инструментов по выводу американской экономики из кризиса[142].

Нечто подобное присутствовало и во внешнеполитической сфере, где конгрессмены и сенаторы также выбрали для критики правительства вопрос,

[142] Кириченко Э.В. США: проблемы государственного долга…

касавшийся преодоления последствий кризиса. Им стало соглашение КОРУС, которое в числе прочих соглашений о свободной торговле мыслилось сторонниками экономического либерализма как инструмент хозяйственного развития.

Стенограммы обсуждений в Палате Представителей [143] и Сенате [144] свидетельствовали о следующем положении дел. Во-первых, нельзя провести чёткое разделение между правящей партией и оппозицией по результатам голосования: и представители продемократических и прореспубликанских штатов выступали в поддержку ратификации и против неё. Более того, сенаторы от традиционных штатов «красного пояса» активно высказывались в пользу соглашения. В то же время, если сопоставить мнение представителей Огайо, Северной Каролины, которые были против, с тенденцией поправения электората в 2012–2016 гг. и с результатами всеобщих выборов 2016 г., на которых в этих штатах победу одержали республиканцы, нельзя не заметить, что этой тенденцией оппозиция воспользовалась. Однако, если разделение по партийной линии было отложенным, то наличие среди сторонников и противников представителей обеих партий указывало, что на текущем этапе наиболее вероятны разделительные линии по проблемному признаку.

Во-вторых, ход прений был сопоставлен с последовавшей волной штатных программ по поддержке решоринга и реиндустриализации. В Палате Представителей из 14 конгрессменов, высказавшихся в пользу соглашения, 10 были избраны от тех штатов, где такие программы были запущены, против же соглашения выступили 14 представителей подобных штатов при общем числе противников 17. В Сенате же при подавляющем числе сторонников соглашения (87) слово держали 17 человек, из которых только 7 были избраны от штатов, где была организована поддержка промышленных предприятий. Это указывает на то,

[143] Congressional Record. October 12, 2011. P. H6812–H6832. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgH6812.pdf (дата обращения: 16.09.2017).
[144] Congressional Record. October 12, 2011. P. S6399–S6418. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgS6399-2.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Congressional Record. October 12, 2011. P. S6418–S6452. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgS6418-2.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

что в стране стали формироваться условия для реиндустриализации, а обращение республиканцев к этой проблеме в будущем позволило им перехватить инициативу у демократов.

В то же время описанное положение свидетельствовало, что ни межпартийная борьба, ни столкновение тенденций либерализма и реиндустриализации, ни какие-либо другие серьёзные проблемы не смогли воспрепятствовать введению Соглашения КОРУС в силу. Это указывает, что депутаты обеих палат конгресса или выражали интересы отдельных отраслей, или придерживались ограниченных по времени электоральных стратегий.

Однозначно можно говорить, что соглашение полностью отвечало интересам сельскохозяйственного сектора, т.к. соответствующие упоминания содержались в выступлениях конгрессменов и сенаторов от 11 штатов, также оно соответствовало интересам автомобилестроения и транспортного машиностроения, о чём свидетельствовали выступления 4 депутатов, химической и транспортной отрасли – по 3 депутата, аэрокосмической отрасли – 2 представителя. В остальном же звучали общие аргументы о необходимости обеспечить рост занятости, сохранить рабочие места и отраслевые рынки производственной специализации, увеличить объём экспорта, поддержать иностранные инвестиции в экономики штатов, от которых они зависимы.

Против соглашения выступили представители штатов, где были сильны позиции текстильщиков, металлургов, металлоёмких отраслей и производств, главным образом, верфей, штамповочных предприятий, производителей котлов, автомобильных запчастей, строительных конструкций. Кроме того, противники выдвигали следующие аргументы. Первый из них был привычен для старых отраслей с конца 1970-х гг.: южнокорейские компании могут демпинговать на американском рынке. Второй касался беспокойств, что соглашение не регулирует финансовую сферу, что создаёт для Сеула пространство снижать цены на товары за счёт финансовой политики. Третий аргумент связывался с иностранными инвестициями. Высказывалось опасение, что южнокорейские инвесторы предпочтут выстраивать кооперационные цепочки с минимальным участием

американских производителей. Четвёртый аргумент относился к «правилу 35%», в соответствии с которым южнокорейскими / американскими товарами признавались те, в которых содержалось 35% компонентов, выпущенных в этих странах. Это положение оценивалось как законная лазейка для размещения южнокорейскими корпорациями заказов в странах с низким уровнем оплаты труда, что делало их товары более конкурентоспособными в сравнении с американскими. Пятый аргумент касался того, что соглашение не регулировало деятельность профсоюзов, что потенциально давало южнокорейским работодателям возможность манипулировать трудовыми отношениями ради извлечения прибыли. Шестой аргумент был зеркальным отражением мнения пропонентов: заключение ССТ с РК способно снизить занятость в американской промышленности.

Вместе с тем незначительное число конгрессменов и сенаторов заняли особую позицию. Они были готовы поддержать соглашение, если в его текст включат положения о защите авторских прав, будет осуществляться контроль за используемыми узлами, чем поддерживалась позиция противников «правила 35%», будет найден баланс между интересами обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Средин них выделился сенатор-демократ от Делавэра Т. Карпер. Он сообщал, что готов проголосовать за соглашение КОРУС только при условии, что будут обеспечены особые условия для американской автомобильной отрасли, чья продукция выступает одним из важнейшим грузов для делавэрских портов[145]. Здесь нужно принять во внимание, что Б. Обама столкнулся с жёсткой внутрипартийной оппозицией, поскольку вице-президент Дж. Байден прежде был избран в Сенат от Делавэра. Это указывает также на то, что автомобильная отрасль решила не только использовать различные форматы взаимодействия с правительством и конгрессменами для донесения своей позиции по линии корпораций и профсоюзов, но и персонально воздействовать на политиков в верхних эшелонах власти, ставя под угрозу их репутацию в избирательных округах, где они начинали карьеру, чтобы с большей вероятностью её интересы были

[145] Congressional Record. October 12, 2011. P. S6401. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//10/12/CREC-2011-10-12-pt1-PgS6399-2.pdf (дата обращения: 16.09.2017).

учтены. Такая стратегия оказалась успешной, поскольку именно в отношении автомобильной промышленности защитные меры, включённые в текст соглашения, оказались наиболее проработанными. Так на десять лет откладывалось открытие американского рынка для южнокорейских производителей, правительство США получило право вводить защитный тариф, а в случае достижения южнокорейскими производителями объёмов продаж в США, угрожавших американским производителям, Сеул соглашался с введением высокого заградительного тарифа в отношении своих легковых автомобилей[146]

В целом, ситуация с ратификацией Соглашения КОРУС показала следующее. Несмотря на то, что экономический либерализм во внутренней и внешней политике ещё широко не ставился под сомнение, она высветила начинавшуюся консолидацию его противников, которая, тем не менее, на том этапе не представляла для американского правительства какой-либо угрозы. Куда опаснее было то, что конгрессмены и сенаторы могли объединиться, не взирая на различную партийную принадлежность, и встать в оппозицию исполнительной власти в контексте определённого внешнеполитического вопроса. Более того, они были в состоянии привлечь на свою сторону влиятельные группы интересов для целенаправленного воздействия на ключевых членов правительства.

Вторым направлением, на котором прослеживалась активность Конгресса, было китайское. Здесь конгрессмен Ф. Вольф выражал опасения, что сотрудничество двух стран в космической сфере обеспечит доступ Китая к технологиям, которые впоследствии он может использовать в военных целях, в т.ч. для слежения за американскими войсками и флотом[147]. Это свидетельствовало, что настраивались отношения между законодательной властью и военным лобби. Кроме того, и Ф. Вольф и Дж. Питтс критиковали Китай за нарушение прав человека, а именно, за приведение в исполнение смертных приговоров, поощрение людоедства, проведение медицинских опытов на заключённых, притеснение

[146] Increasing U.S. Auto Exports…
[147] Congressional Record. November 17, 2011. P. E2087–E2089. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//11/17/CREC-2011-11-17-pt1-PgE2087.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

национальных меньшинств [148] . Тем самым была продолжена линия по формированию негативного образа Китая, но при этом основной акцент был сделан на проблеме прав человека, чувствительной для либеральной части общества, чья поддержка была необходима Б. Обаме, а Конгресс делал ставку на её перехват у исполнительной власти. Чтобы этого не допустить исполнительная власть предприняла следующий шаг. Со 2 по 4 мая 2012 года представители правительства и администрации США в публичных выступлениях 12 раз затронули проблему прав человека в Китае, выставив диссидента Чэн Гуанчена, страдающим за то, что боролся ради их соблюдения[149].

Действия правительства и в случае с учётом интересов автомобильной промышленности, и в случае с соблюдением прав человека в Китае свидетельствовали, что оно оказалось вынужденным реагировать на мнение Конгресса и демонстрировать соответствующим группам интересов, что беспокоящие их вопросы, исполнительной властью учитываются. Это также подтверждало, что появление разделительной линии было более вероятным по проблемному принципу между ветвями власти, а не между партиями. Наконец, начавшие меняться, хотя и точечно, отношения между исполнительной и

---

[148] Ibidem; Congressional Record. December 8, 2011. P. H8299–H8302. URL: https://www.congress.gov/crec/2011//12/08/CREC-2011-12-08-pt1-PgH8299-3.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

[149] Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Chen Guangcheng. May 2, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189090.htm (дата обращения: 03.10.2016); Press Statement by Victoria Nuland, Department Spokesperson. Chen Guangcheng. May 4, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189290.htm (дата обращения: 03.10.2016); Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Victoria Nuland, Department Spokesperson, Secretary of the Treasury Timothy Geithner at the Strategic and Economic Dialogue U.S. Press Conference. May 4, 2012. URL. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189315.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Ian Williams of NBC. Mat 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189259.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Karson Yiu of ABC News. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189248.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Marsha Cooke of CBS. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189261.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Stan Grant of CNN. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189252.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Michele Kelemen of NPR. May 2, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189175.htm (дата обращения: 03.10.2016); Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Jill Dougherty of CNN. May 2, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189169.htm (дата обращения: 03.10.2016); Background Briefing by Senior State Department Official. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189215.htm (дата обращения: 03.10.2016); Background Briefing With Senior State Department Officials on Chen Guangcheng. May 2, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/182850.htm (дата обращения: 03.10.2016); Backgrounder with Senior State Department of Officials. May 4, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189327.htm (дата обращения: 03.10.2016); Special Briefing by Gary Locke, Ambassador to China, Victoria Nuland, Department Spokesperson. May 3, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189214.htm ((дата обращения: 03.10.2016).

законодательной ветвями власти, указывали что в рамках курса в отношении стран СВА и АТР последняя стала отказываться от реактивной позиции, которой придерживалась в 2009–2010 гг. в пользу активной позиции, заставляя правительство и администрацию реагировать. Этому также есть и источниковое доказательство: если в течение срока 111-го Конгресса его члены упоминали страны СВА 17 раз в выступлениях, которые можно оценить как выражение мнения, то в период 112-го конгресса этих упоминаний стало 7, касались они четырёх поводов (ратификация Соглашения КОРУС, соблюдение прав человека в Китае, КНДР и Японии), при этом в двух из них правительство было вынуждено учитывать позицию конгрессменов, что позволяет сравнить их действия с нанесением точечных ударов.

В период работы 113-го и 114-го Конгресса ситуация изменилась кардинально. Во-первых, реализовался сценарий проблемного оппонирования. Об этом свидетельствовала запущенная по инициативе представителей обеих партий серия слушаний, посвящённых азиатско-тихоокеанской политике Б. Обамы, которая завершилась только в 2016 г. Показательным здесь стало то, что и правящая, и оппозиционная партии в равной степени выступали за всесторонне, системное её изучение. Более того, Б. Кардин, будучи избранным от Демократической партии, подчеркнул, что слушания направлены на проверку действий администрации [150], которые среди органов исполнительной власти является безусловной прерогативой президента и не могут контролироваться Конгрессом в рамках конституционных полномочий. Всего до всеобщих выборов 2016 г. состоялось 13 слушаний, при этом на срок полномочий 113-го конгресса пришлось 8 из них, в то время как на срок 114-го конгресса – только 5. Также отличительной особенностью слушаний было и то, что в 2013–2014 гг., когда Палата Представителей находилась под контролем республиканцев, а Сенат – под контролем демократов, обе палаты в равной мере участвовали в их организации, а в 2015 – 2016 гг., когда законодательная власть оказалась под контролем

[150] Rebalance to Asia: What Does it Meen for Democracy… P. 1.

Республиканской партии, организатором в подавляющем большинстве случаев выступила нижняя палата. Это является внешним свидетельством, что слушаниям придавался существенный неформальный смысл.

Во-вторых, начало серии слушаний, посвящённой конкретной проблеме, указывало на то, что законодатели на данном направлении полностью отказались от реактивной позиции в пользу активной. Об этом явно свидетельствовали и слова Б. Кардина на её открытии, что целью серии является исследование разных элементов «перебалансированной азиатской политики» администрации[151].

В ходе первых слушаний чётко обозначилась близость позиций представителей обеих партий. Так, открывавший их Б. Кардин главными проблемами, которые должно подвергнуть анализу, назвал экономические отношения, безопасность, а именно ядерную проблему Корейского полуострова и акваториальные споры, защиту прав человека, включая права женщин и детей. Ему виделось, что стабильную, отвечающую американским интересам архитектуру в АТР можно обеспечить, адаптировав опыт Хельсинского Заключительного Акта, и тем самым способствовать демократизации региона[152]. Республиканец М. Рубио уточнял, что необходимо чётко обозначить, что будет отличать США от авторитарных конкурентов в лице Китая, КНДР, Вьетнама и Мьянмы. Эти отличия виделись в обеспечении прав человека и укреплении экономики, которое, несмотря на пример КНР, по-прежнему виделось М. Рубио предтечей демократического развития[153]. В ходе этих слушаний выступали не только сенаторы и приглашённые ими официальные лица Госдепартамента, но и представители групп интересов. В частности, правозащитники критиковали Б. Обаму, что политика перебалансирования не может быть эффективной, если не адресовать Китаю проблему прав человека, поскольку тот представляет иную, отличающуюся от американской систему, которую можно изменить только через диалог[154]. Параллельно эта позиция правозащитников проводилась также и на общих

[151] Ibidem.
[152] Ibidem. P. 2–4.
[153] Ibidem. P. 4–5.
[154] Ibidem. P. 36.

заседаниях Палаты Представителей. Выступления её депутатов касались ситуаций с отдельными китайскими диссидентами[155].

Нижняя палата, которая включилась в процесс слушаний на четыре месяца позднее Сената предпочла сконцентрировать свои усилия на сравнительно узком вопросе: является ли Китай партнёром или, по крайней мере, благоприятным попутчиком США в Азии?[156] В целом, формальный список организаций, которые представляли приглашённые эксперты, говорил о том, что конгрессмены намеревались выслушать разные мнения[157], однако ход слушаний показал обратное. Во-первых, они приобрели антикитайский тон. КНР обозначили основным источником конфликтов и причиной гонки вооружений в Азии ввиду модернизации НОАК. В этой связи предлагались две линии поведения: сделать ставку на дипломатические усилия, чтобы не допустить горячего конфликта в регионе или воспользоваться ситуацией, которая превращала АТР в привлекательный рынок вооружений, что помогло бы нарастить военные заказы на американских предприятиях и сдержать усилия восточноазиатских союзников самостоятельно развивать собственный ВПК[158]. Во-вторых, в контексте сдерживания Китая прозвучал призыв сделать в политике региональный акцент на ЮВА, относиться к пространствам Тихого и Индийского океана как к единому, теснее вовлекать Индию в русло антикитайской политики США[159]. В-третьих, эксперты высказались в пользу роста американского оборонного бюджета[160].

Справедливости ради нужно отметить, что в Сенате слушания по проблемам безопасности и обороны в АТР высветили, если не аналогичную, то очень близкую

---

[155] Congressional Record. April 12, 2013. P. E438–E440. URL: https://www.congress.gov/crec/2013/04/12/CREC-2013-04-12-pt1-PgE438-5.pdf (дата обращения: 14.09.2017); Congressional Record. July 30, 2013. P. E1162–E21164 URL: https://www.congress.gov/crec/2013//07/30/CREC-2013-07-30-pt1-Pg1162-3.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

[156] Rebalancing to the Asia-Pacific Region and Implications for U.S. National Security. Hearing before Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteen Congress. July 24, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. P. 2.

[157] Были приглашены представитель консервативного Американского предпринимательского института, либерального, близкого к чете Клинтонов и их окружению Центра новой американской безопасности, отставной адмирал ВМС США и лектор Принстонского университета как представитель академического сообщества, которое в США считается сравнительно независимым, чьи представители способны дать наиболее сбалансированные оценки. См.: Ibidem.

[158] Ibidem. P. 5, 13-17.

[159] Ibidem. P. 7-8.

[160] Ibidem P. 30–36.

позицию его членов. Китай был обозначен в числе ключевых источников угроз в АТР ввиду его поведения в киберпространстве, в ВКМ и ЮКМ в контексте авкваториальных споров. В то же время, сенаторы избежали алармистского крена: с одной стороны, они чётко указывали исполнительной власти, что пришла пора укреплять отношения с азиатско-тихоокеанскими союзниками, с другой стороны, подчёркивалась продуктивность дипломатических мер и постоянных контактов по военной линии[161].

В течение 2013 г. проблема военной безопасности была поднята ещё раз в Палате представителей в контексте обострения противоречий в ЮКМ и касалась модернизации военного флота КНР. Приглашённые на них военные эксперты проводили ту мысль, что Китай не будет действовать по общим правилам, и потому его поведение необходимо понять, что он стремится к выдавливанию США из Восточной Азии, модернизация вооружений ключевой инструмент Пекина для оказания давления на соседей, а наибольшую опасность для США таят предлагаемые Китаем глобальные форматы сотрудничества. В целом, это позволило экспертам сформировать у конгрессменов, в т.ч. представляющих правящую партию, что у демократического правительства обнаружился недостаток стратегии на китайском направлении[162].

В июле 2013 г. повестка слушаний в верхней палате была расширена за счёт вопросов экологии и продовольственной безопасности. В целом, несмотря на инициативы, которые были предприняты американской стороной в рамках СЭД, несмотря на ориентированные на снижение вредных выбросов и сбережении природных систем меры и проекты, Китай был обозначен угрозой экологическому благополучию АТР по трём пунктам, а именно ввиду строительства ГЭС на трансграничных реках, вылова рыбы в больших объёмах в спорных водах мирового

[161] Rebalance to Asia II: Security and Defense; Cooperation and Challenges. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. April 25, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014.

[162] U.S. Asia-Pacific Strategic Considerations Related to People's Liberation Army Naval Forces Modernization. Hearing before the Subcommittee on Seapower and Projection Forces of the Committee on Armed Services House of Representatives. One Hundred thirteen Congress. December 11, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014.

океана и в больших количествах выбросов в атмосферу [163]. В контексте противостояния двух ветвей власти интересен не сам упомянутый факт воздействия КНР на экологию, а то, что его коснулись в присутствии помощников госсекретаря. Это указывало, что упоминание стало завуалированной критикой политики в отношении КНР в контексте «зелёной» повестки.

В декабре 2013 г. в Сенате обсуждалась торгово-экономическая политика Б. Обамы в АТР. В целом, её повестка нашла поддержку среди представителей обеих партий, её цели разделялись экспертным сообществом. Единство мнений было обеспечено за счёт двух интерпретаций. Первая заключалась в том, что соглашения о свободной торговле подписывались в интересах поддержания либерального порядка и роста американской экономики. Вторая сводилась к тому, что ТТП является альтернативой ВРЭП и теме самым предстаёт элементом экономического сдерживания Китая и его вовлечения в торгово-экономическую архитектуру АТР, выстроенную в интересах США[164].

Поскольку в течение 2013 г. прошли 6 из 13 слушаний, посвящённых тихоокеанской политике Б. Обамы, необходимо подвести итоги. Главным из них, стоит считать, что к концу года чётко обозначилась центральная для законодателей проблема: как правительство США намерено отвечать на рост Китая в военной, технологической, экономической и иных плоскостях? При этом, несмотря на отдельные выпады оппозиционных депутатов [165], законодательная власть демонстрировала, скорее, кооперационный настрой. Об этом свидетельствует, что несмотря на завуалированную критику военной и экологической политики, сенаторы выразили поддержку экономической политике Б. Обамы. Правда, в последнем случае стоит помнить, что прежде, чем продемонстрировать готовность к сотрудничеству в торгово-экономической сфере, сенаторы последовательно

[163] Rebalance to Asia III: Protecting the Environment and Ensuring Food and Water Security in East Asia and the Pacific. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. July 24, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014.
[164] Rebalance to Asia IV: Economic Engagement in the Asia-Pacific Region. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. December 18, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014.
[165] Так М. Рубио, сенатор от Республиканской партии, характеризовал тихоокеанскую политику Б. Обамы «так называемым перебалансированием». См.: Rebalance to Asia II… P. 17.

добивались от правительства уступок, в т.ч. ставя под угрозу политическую карьеру лиц, занимавших в нём высшие посты.

Параллельно взаимодействие с группами интересов характеризовалось следующими тенденциями. Для приводимых здесь случаев ключевым фактором стал контекст «китайской угрозы», чей образ в ходе слушаний значительно усложнился. В первом случае продолжилось укрепление связей с правозащитными группами, что в большей мере отвечало интересам Конгресса, т.к. позволяло выставлять демократическое правительство менее приверженным своей повестке, считавшейся для него традиционной с президентства Дж. Картера. Во втором случае акцент на проблемах безопасности в ходе слушаний позволил военным укрепить контакты с законодателями, которые стремились выступить оппозиционно по отношению к администрации и Б. Обаме. С учётом противостояния министерства обороны и президента это стало важным приобретением в контексте межведомственной борьбы. В третьем случае, на волне роста антикитайских настроений в Конгрессе, антиобамовских взглядов среди республиканских политиков, активизации военного лобби в Капитолии, начинают включаться в лоббирование своих интересов наиболее технологичные сектора экономики, требуя ввести для китайской стороны дополнительные ограничения при партнёрстве в наиболее передовых сферах производства[166].

В этих условиях, чтобы предотвратить давление законодателей, со стороны правительства и правящей Демократической партии последовала следующая реакция. Во-первых, конгрессвумэн К. Ханабуса предприняла неудачную попытку внести Закон «О приоритете АТР», поскольку на аргументацию проекта ей отвели всего лишь минуту[167]. Во-вторых, в ходе выступления перед обеими палатами Конгресса Б. Обама запросил у законодателей поддержку инициативе ТТП, однако, по оценкам самих законодателей, переговорщики не предприняли никаких

[166] Congressional Record. October 10, 2013. P. E1478–E1480. URL: https://www.congress.gov/crec/2013/10/10/CREC-2013-10-10-pt1-PgE1478-3.pdf (дата обращения: 14.09.2017).
[167] Congressional Record. April 29, 2014. P. H. 3252. URL: https://www.congress.gov/crec/2014//04/29/CREC-2014-04-29-pt1-PgH3952-6.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

эффективных шагов, чтобы приблизить заключение соглашения[168]. Это указывало, что в отношениях между ветвями власти наступил кризис.

В течение 2014 г. в Капитолии слушания, посвящённые тихоокеанской политике Б. Обамы проходили только дважды, но они также подтверждали развитие отмеченных кризисных тенденций. Так при обсуждении политики в отношении военно-политических союзов с Японией и Республикой Корея, которые председательствовавший сенатор от Демократической партии Б. Кардин назвал краеугольными, из числа экспертов слово было дано представителю консервативного Американского предпринимательского института, который критиковал администрацию за то, что она не разъясняла, в чём в действительности состоят цели её политики в Азии, что она не смогла предложить эффективную политику в отношении КНДР [169] . Более того, эксперты выразили опасения относительно правильности политики США в СВА в контексте украинского кризиса и начавшегося процесса воссоединения Крыма с Россией. Так утверждалось, что сотрудничество Китая с РФ в этом случае подрывает международную стабильность, в то время как Вашингтон стремится укрепить отношения с Пекином. Кроме того, Япония вынуждена закупать у России газ, поскольку Соединённые Штаты не были способными обеспечить должные объёмы экспорта газа в Японию[170].

Последнее указывало, что группы интересов сочли украинский кризис 2014 г. и реакцию России удобным фактором для воздействия на правительство. То, что на консервативном фланге произошло совмещение «китайской» и «российской угрозы» в единый образ, указывало на потенциал для более активного давления на исполнительную власть со стороны военного лобби. Озвучивание «газовой российской угрозы» Японии свидетельствовало, что газовые компании более не считают проблему разграничения акватории Чукотского моря [171] приоритетным

---

[168] Приводится по: A New Era of U.S. – China Relations? Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Thirteen Congress. September 17, 2014. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. P. 29.

[169] Strengthening U.S. Alliances in Northeast Asia… P. 28, 31.

[170] Ibidem. P. 25, 34–35.

[171] В среде газовых корпораций со второй половины 2000-х гг. утвердилось мнение, что при проведении морской границы между США и СССР в 1990 г. последний получил большие площади газового шельфа, чем Соединённые

поводом для лоббирования внешнеэкономических интересов и создания образа «угрожающей России», «несправедливо» владеющей участком газового шельфа. Теперь они были заинтересованы исключительно в коммерческих поставках газа в Японию. Правительство это также лишало возможности вовлечь Токио в разработку арктических месторождений газа, что означало неудачу предпринятой в 2011 г. попытки расширить географические границы СВА за счёт арктической повестки отношения с Японией[172]. Для Конгресса это перестроение означало крайний сигнал, что пора переходить к более решительным действиям в отношении исполнительной власти, поскольку последняя в случае сближения с газовиками в контексте проблем СВА получала один из рычагов контроля над динамикой акваториального спора в ВКМ, интенсивность которого, по замечанию С. Ито[173], зависела от обеспеченности Китая и Японии газом за счёт внешних поставок. В контексте того, что политическая повестка Конгресса в отношении СВА во многом определялась «китайской угрозой», вероятность более тесного блокирования газовой отрасли и правительства на восточноазиатской основе позволяла исполнительной власти на практике регулировать один из факторов, которым можно было бы обосновывать или опровергать существование этой «угрозы».

Ещё рельефнее кризис проявился на слушаниях в Палате представителей в сентябре 2014 г. В ходе них тихоокеанская политика получила следующие характеристики: «поворот запинается», «когда касаешься АТР, беседа переключается только на Китай», «Соединённые Штаты поворачиваются как противовес», «люди заслуживают большего, чем поворот», «поворот – всего лишь риторика»[174]. Одной из ключевых мишеней в ходе дискуссии стал Китай. В частности, конгрессмены указывали, что правительство оказалось неспособным обеспечить должный доступ американским товарам на его рынок и преодолеть технические ограничения, проистекающие из китайского законодательства,

---

Штаты. Как следствие представители газового бизнеса Аляски выступали за проведение между РФ и США в Арктике равноудалённой границы.

[172] Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee. June 21, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166597.htm (дата обращения 14.09.2016).

[173] Itoh S. Op. cit.

[174] A New Era of U.S. – China Relations?...P. 1, 3, 29.

снизить степень китайской военной угрозы, повлиять на поведение Си Цзиньпина в регионе ЮВА и ЮКМ. Критиковался тот факт, что политика в отношении Пекина проводилась, главным образом, в рамках СЭД, от которого, по мнению законодателей, после смены правительства КНР в 2012 г., выгоды стала получать только китайская сторона, а американская политика перестала быть эффективной. Впервые также прозвучала критика курса, коснувшаяся дисбаланса в пользу выноса производств из США, а не их сохранения[175].

Таким образом, сложившееся в 2014 г. положение характеризовалось следующим. Опасаясь давления со стороны законодателей, правительство и правящая партия предприняли попытку перехватить инициативу, однако просчитались. Конгресс в свою очередь сделал ответный ход сравнительно легко, используя ставшую традиционной критику Китая и раздувавшийся образ «китайской угрозы», он освоил волну риторического наступления на КНР, сочетая её с жёсткой критикой правительства. Последнее во внешней политике в 2013–2014 гг. также сделало ставку на критику Пекина, а теперь оказалось в своей стране в положении критикуемого за неправильную критику. Это вынуждало Б. Обаму искать другие формы ведения дел на китайском направлении при том, что критиковавшие взяли курс на то, чтобы лишить исполнительную власть практических инструментов, позволяющих регулировать градус напряжённости в отношениях с Китаем.

Это указывало, что с сентября 2014 г. активная позиция на азиатско-тихоокеанском направлении принадлежала Конгрессу, в то время как реактивной позиции теперь было вынуждено придерживаться правительство. Это стало благоприятным моментом для перегруппировки групп интересов, главным образом, связанных с вооружёнными силами, космосом и обрабатывающей промышленностью: они получили поддержку со стороны законодателей и, используя благоприятную международную конъюнктуру, могли лоббировать правительство. Укрепление позиций лоббистов, связанных с передовыми

[175] Ibidem. P. 2–31.

обрабатывающими производствами, означало также и укрепление позиций Республиканской партии, на которую те ориентировались с начала десятилетия. Результаты промежуточных выборов 2014 г. только подтвердили эту тенденцию, законодательная власть перешла под контроль оппозиции, а разделительная линия между ветвями власти слилась с партийной.

Таким образом, к началу 2015 г. Конгресс и Республиканская партия получили возможность реализовывать самостоятельную линию на азиатско-тихоокеанском направлении, сдерживать при этом президента и нужным образом трактовать происходящее. Для Б. Обамы это означало внутренний кризис его внешнеполитической стратегии, выбранной на второй президентский срок. Ему теперь требовалось предпринять попытки, сохранявшие лицо, не позволить группам интересов чрезмерно полагаться на законодателей, сделать шаги, укрепляющие позиции Демократической партии среди электората в преддверии всеобщих выборов 2016 г. Этот расклад определил шаги двух ветвей власти в отношении друг друга в контексте азиатско-тихоокеанского курса на период полномочий 114-го Конгресса. В этих условиях значение неформальной стороны слушаний стало возрастать.

Первые из них были посвящены тихоокеанской политике и состоялись в феврале 2015 г. в Палате Представителей под председательством М. Сэлмона, представителя Республиканской партии от Аризоны. На заключительных слушаниях Конгресса предыдущего созыва он риторически выразил сомнение: «А был ли поворот в действительности?»[176] Также он честно сознавался, что всегда выступал ястребом в отношении торгово-экономических вопросов, но был голубем по отношению к интересам американских военных[177]. Кроме того, за 2013–2014 гг. конгрессмены, представлявшие западные штаты смогли снискать себе имидж знатоков тихоокеанских политических и экономических вопросов, что придавало им вес в политической борьбе в данном контексте. Сложившаяся обстановка благоприятствовала тому, чтобы оппозиция задала необходимый для себя тон

[176] Ibidem. P. 29
[177] Across the Other Pond: U.S. Opportunities and Challenges in the Asia Pacific...

дискуссии. Для этого был использован образ «китайской угрозы», из-за которой выросли милитаристские настроения среди американских союзников в Восточной Азии и на Тихом океане, которая в торговом отношении сулила Соединённым Штатам рост торгового дефицита[178]. Следовательно все слушания проходили, главным образом, в политическом и стратегическом ключе, не только военные, но и торгово-экономические вопросы рассматривались с точки зрения сдерживания Китая, противостояния Китаю, формирования региональной архитектуры, которая будет вынуждать Китай отказываться от собственных правил[179]. Одновременно ход дискуссии выявил, что экспертное сообщество, к услугам которого традиционно прибегали члены Конгресса, находились в состоянии растерянности, когда речь шла о ТТП. Один из приглашённых экспертов прямо заявил, что все экономические оценки ТТП даны на основе результатов ранее заключённых ССТ[180], которые, нужно заметить, носили преимущественно двусторонний, а не многосторонний характер.

В этой связи следующие слушания были посвящены ТТП. Их особенностью стало, что они были проведены до того, как на переговорах был согласован и подписан текст Соглашения о ТТП. В ходе этих слушаний явственнее проступили точки зрения разных групп американского общества. Политическая группа подходила к проблеме с соответствующих позиций и выступала в поддержку инициативы, поскольку она является альтернативой ВРЭП и позволяет сдерживать Китай, взаимодействуя с восточноазиатскими рынками. Предприятия, ориентированные на экспорт, и штаты, в которых они сконцентрированы, указывали на необходимость и полезность этого соглашения. Законодатели в свою очередь выражали обеспокоенность, что президент может прибегнуть к процедуре ускоренной ратификации Соглашения о ТТП, которая не позволяет Конгрессу вносить поправки в его текст, что в контексте противостояния законодательной и исполнительной власти расценивалось как попытка последней покуситься на

[178] Ibidem. P. 2–3.
[179] Ibidem. P. 20–84.
[180] Ibidem P. 72.

прерогативы первой, нарушив тем самым систему сдержек и противовесов. Американские производители, ориентированные как на экспорт, так и на внутренний рынок, негативно оценивали проект соглашения, поскольку в его текст не были включены положения, предотвращающие манипулирование валютным курсом, к которому могли прибегнуть конкуренты США, чтобы повысить ценовую привлекательность своих товаров в сравнении с американскими. Отрицательно отозвались о соглашении и профсоюзы. Ими были выдвинуты два ключевых аргумента. Первый состоял в том, что ни одно из ССТ, заключённых Соединёнными Штатами со времён НАФТА, не привело к улучшению условий труда американских рабочих. Второй касался того, что трудовое законодательство сразу четырёх стран, подписавших Соглашение о ТТП, – Мексики, Малайзии, Вьетнама и Брунея – не соответствовало американским стандартам, что позволяло повышать конкурентоспособность товаров за счёт дешёвого, сверхурочного труда, ставя в невыгодное положение американские предприятия даже на их национальном рынке[181]. Собственно, впоследствии две из них, Вьетнам и Бруней, отказались брать на себя конкретные обязательства по улучшению положения трудящихся таким образом, чтобы они уравнивали их трудовые стандарты с американскими, или, по крайней мере, учитывали обеспокоенность американских рабочих[182].

Ход этих слушаний позволяет заключить, что конгрессмены готовились к ключевой политической баталии с правительством, которая должна была развернуться вокруг Соглашения о ТТП, но при этом взявшая под контроль весь Конгресс Республиканская партия продолжала формировать группу своих сторонников за счёт образа военной, политической и экономической китайской угрозы и учёта мнений сторонников реиндустриализации.

С критических позиций по отношению к правительству были организованы и слушания в Сенате, посвящённые военно-морской безопасности в АТР. На это

---

[181] The Trans-Pacific Partnership: Prospects for Greater U.S. Trade. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. March 4, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015.

[182] Brunei Darussalam – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016…; Vietnam – United States Plan for the Enhancement of Trade and Labour Relations. 4 February 2016…

указывает неформальная сторона их организации. На них были приглашены представитель Министерства обороны и глава тихоокеанского командования ВС США, однако не было внешних экспертов. На них председательствовал пользовавшийся высоким авторитетом среди военных и политиков Дж. Маккейн. Он признавал, что США допустили стратегическую ошибку в оценках развития Китая, что теперь развитие НОАК имеет антиамериканскую направленность, а квинтэссенцией наступательной политики Пекина является позиция о территориальных водах в ЮКМ и ВКМ. При этом он критиковал правительство, что оно не только не предпринимало усилий, чтобы сдерживать Китай, но и де-факто признало акваториальные претензии КНР, запретив американским судам приближаться менее, чем на 12 миль к берегам спорных островов. В условиях такой подачи проблемы официальные лица не только выступили с заявлениями, но и отвечали на вопросы сенаторов[183].

Фактически это свидетельствовало, что слушания были организованы в форме отчёта исполнительной власти перед законодательной, при этом последняя, противопоставляя свою точку зрения решениям правительства, подчёркивала, что именно она является подлинной защитницей национальных интересов, которые в данном случае отстаивают военные в рамках повседневной рутины.

Такой подход организации слушаний стал следствием следующих тенденций. В 2014 г. подтвердились прочные связи военного лобби и Конгресса. В том же году была принята программа третьей компенсации, а с 2015 г. она стала наполняться практическими шагами по технической и технологической модернизации ВС США. Тем самым военные получили поддержку правительства. В этих условиях законодателям необходимо было как минимум сохранить уровень контактов с военным лобби, а при удобном случае ослабить его связи с правительством.

Близкую форму для слушаний избрала и Палата Представителей в 2016 г., которые проходили в изменившемся политическом контексте. Во-первых, когда

[183] Maritime Security Strategy in the Asia-Pacific Region. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. One Hundred Fourteen Congress. September 17, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015.

Конгресс сделал «антикитайскую волну» своей, Б. Обама, невольно запустивший её своей политикой в 2013–2014 гг., попытался от неё откреститься, предприняв две неуклюжих попытки осуществить широкую секьюритизацию отношений с КНР, подобно отношениям с союзными Японией и Республикой Корея[184]. Во-вторых, после подписания Соглашения о ТТП в октябре 2015 г. Белый дом уклонился от активного убеждения законодателей и общественности в том, что его необходимо ратифицировать. Более того, в ходе одного из выступлений характеризуя его выгоды Б. Обама пытался пользоваться речевыми клише Д. Трампа[185], к тому времени популярного претендента на пост президента от оппозиционной партии. Неформально это выглядело победой Палаты Представителей, которую контролировали республиканцы. В этой связи слушания уже приобретали не просто форму отчёта правительства перед законодательной властью, а критики исполнительной власти конгрессменами. На это указывали следующие особенности их организации. Во-первых, на них был приглашён только Э. Блинкен, заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана. Во-вторых, председательствовавший на слушаниях Э. Ройс во вступительном слове сконцентрировался на взрывоопасных точках Азии, а именно Северной Корее ввиду ядерных и ракетных испытаний, действиях Китая в ЮКМ, соблюдении прав человека во Вьетнаме. После выступления Э. Блинкена, конгрессмены стали задавать ему вопросы, критикуя при этом правительство по ряду чувствительных для него вопросов. Правительству ставили в вину, что оно не смогло заключить такое соглашение о ТТП, которое позволяло бы сбалансировать американскую торговлю и учесть интересы американских экспортёров, что оно, представляя демократическую страну, сближается с китайскими коммунистами, которые угрожают Тайваню, могут заблокировать проход через ЮКМ, позволяют КНДР обходить санкции, скупают слоновую кость в Африке, нанося тем самым

[184] U.S. Fact Sheet for President Obama’s Bilateral Meeting with President Xi Jinping. September 03, 2016. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/03/us-fact-sheet-president-obamas-bilateral-meeting-president-xi-jinping (дата обращения: 03.11.2016)

[185] Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership. February 3, 2016. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership (дата обращения: 05.11.2016).

вред природе [186]. Это позволяет заключить, что слушания стали элементом республиканской предвыборной агитации и пропаганды, подчёркивавшей неэффективность внешней политики правительства.

Тон следующих слушаний, которые состоялись в Палате Представителей в сентябре 2016 г., уже был иным, хотя внешне они обладали той же самой формой[187]. Они были посвящены перспективам военно-политических союзов с Японией и РК. В целом, их краеугольная роль в обеспечении американской военной архитектуры на Тихом океане под сомнение не ставилась, основная дискуссия развернулась вокруг перспектив их адаптации к менявшимся условиям, среди которых были интенсификация испытаний в Северной Корее, морская деятельность Китая в ЮКМ, связанная с рыболовством и размещение военно-морских баз на искусственных островах, а также акваториальные претензии Пекина, его стремление воссоединиться с Тайванем. Существенными ограничениями назывались невозможность для Сеула и Токио увеличить военные траты, ограниченность оборонного бюджета США и удалённость ЮКМ от СВА. В этих условиях конгрессмены предлагали углубить координацию совместных с Австралией трёхсторонних форматов [188]. Неформальная форма слушаний и преобладавший на них тон свидетельствовали, что оппозиция была уверена в своём успехе на всеобщих выборах, из-за чего сами слушания напоминали неформальную передачу дел от правительства оппозиции по интересовавшему её вопросу.

При этом усилиям законодателей исполнительная власть оказалась не в состоянии противопоставить действенную альтернативу на внешнеполитическом поприще. Кроме неудачных попыток секьюритизировать отношения с Китаем она, представляя Демократическую партию, которая испытывала к тому моменту идейный кризис, в преддверии выборов обратилась к радикальному наследию У.

---

[186] America as a Pacific Power: Challenges and Opportunities in Asia. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. April 28, 2016. Washington D.C.: Government Printing Office, 2016.

[187] Кроме конгрессменов на них был приглашён только помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого Океана Д.Р. Рассел.

[188] The U.S. – Republic of Korea – Japan Trilateral Relationship: Promoting Mutual Interests in Asia. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. September 27, 2016. Washington D.C.: Government Printing Office, 2016.

Клинтона, из-за чего во внутрипартийная демократическая повестка проникла во внешнеполитическую. Таким образом, правительство приняло общие рамки игры, которые предложил ему оппозиционный Конгресс, а на первое место в 2015–2016 гг. в отношениях ветвей власти постепенно вышли межпартийные разногласия.

В целом, эволюция вовлечённости Конгресса в политику США в отношении стран СВА в 2009–2016 гг. прошла следующие стадии эволюции. В 2009–2010 гг. законодатели определяли для себя ключевые проблемные поля, по которым было возможно вести полемику с правительством. Обозначилось противостояние сторонников и противников реиндустриализации, сторонников игры с всеобщим выигрышем и сторонников нулевой суммы, началась реконструкция многомерного образа «китайской угрозы». В 2011–2012 гг. Конгрессу удалось заставить правительство реагировать на свою позицию, что проявилось во включении особых условий для автомобильной промышленности в Соглашение КОРУС и вспышке интенсивной критики Китая за проблему с правами человека. В дальнейшем отношения двух ветвей власти проходили через более дробные периоды. 2013 г. стал временем перехода Конгресса к активной позиции, тщательного изучения политики Б. Обамы. В 2014 г. конгрессмены укрепили контакты с группами интересов, а главное, обозначили критическое отношение к тихоокеанской политике Б. Обамы. В 2015 г. раскол по линии между ветвями власти дополнился межпартийным расколом. Ввиду стремления Б. Обамы изменить расстановку между законодателями, правительством и группами интересов в свою пользу, члены Конгресса, прежде всего, представлявшие оппозицию, укрепляли связи с влиятельными группами интересов, отражавших изменение социально-экономического расклада внутри США. С конца 2015 г. сенаторы и конгрессмены перешли к открытой критике правительства, что стало элементом долгосрочной предвыборной кампании.

В целом, структура социальных взаимодействий власти, касавшихся политики в отношении СВА, характеризовалось следующими особенностями. Во-первых, наряду с законодательной властью, для которой единство является, скорее, исключением, им не обладала и исполнительная власть. При этом отсутствие

единства выражалось не в виде привычной борьбы мнений в ходе рутинных дискуссий в процессе принятия решений, а в виде противостояния ведомств между собой. На практике оно приобрело форму постоянной борьбы нарративов, которая выразилась в появлении концепций и новаторских терминов для объяснения текущего курса, форму противопоставления активной позиции президента и реактивной позиции Государственного департамента друг другу, форму борьбы сторонников всеобщего выигрыша со сторонниками игры с нулевой суммой, форму противостояния партийных и государственных сил между собой.

Во-вторых, и исполнительная, и законодательная власть в процессе привлечения на свою сторону групп интересов и в ходе борьбы между собой активно использовали риторику, чтобы обозначить тот или иной аспект политики в отношении СВА своим приоритетом.

В-третьих, отсутствие единства внутри обеих ветвей власти и постоянная борьба между ними были весьма благоприятны для разветвлённого взаимодействия групп интересов. Сразу восемь из них смогли выстроить свои отношения в Вашингтоне таким образом, что могли опираться на разные ведомства и органы власти, страховать одну стратегию и тактику лоббирования за счёт другой, и тем самым добиваться достижения своих интересов. Фармацевтическая отрасль, наиболее заинтересованная в открытии зарубежных рынков с признанием американских правовых норм, ориентировалась, прежде всего, на президента, но и поддерживала контакты с Госдепартаментом. В целом, это обеспечивало учёт её интересов в рамках переговоров о ТТП, но также оставляло возможность запустить механизм взаимодействия, способный подстраховать основную линию лоббирования. Сельскохозяйственное лобби поддерживало тесный контакт с президентом и Конгрессом, чтобы обеспечить заключение и ратификацию выгодных для него ССТ. Профсоюзы поддерживали контакты с этими же акторами. Если до президентской администрации они доносили свою позицию с целью повлиять на повестку торговых переговоров, то взаимодействие с Конгрессом было нацелено на то, чтобы поставить исполнительную власть перед выбором учесть мнение рабочих или отказаться от прежних внешнеторговых инициатив.

Аналогичного подхода придерживались автомобилестроители, поскольку и корпорации, и профсоюзы выступали в процессе лоббирования выступали как единое целое. Экологические группы, которые вобрали в себя всех, чьи интересы были связаны с «зелёной» повесткой изначально ориентировались на президентскую администрацию, но почти сразу после избрания Б. Обамы, как только эту повестку начал активно продвигать Госдепартамент в рамках СЭД, стали взаимодействовать и с внешнеполитическим ведомством. После смены его руководства начался двусторонний процесс перегруппировки контактов между различными сегментами «зелёного» лобби и политическими силами. Химическая отрасль имела тесные контакты с Госдепартаментом и Конгрессом, чтобы обеспечить рост своего производства и экспорта за счёт ССТ и иных выгодных соглашений. Нефтегазовая отрасль ориентировалась и на внешнеполитическое ведомство, стремясь получить от Китая контракты на добычу сланцевого газа, и на Конгресс, чтобы на волне политической конъюнктуры убедить его членов в необходимости роста добычи газа в США и увеличении его поставок в страны СВА. ВПК традиционно придерживался связей с министерством обороны, но также активно участвовал в слушаниях в Конгрессе, чтобы добиться если не повышения ассигнований, то распределения их в пользу наиболее технологичных проектов. В той или иной мере эти группы смогли реализовать свои интересы: фармацевты добились включения интересовавших их положений в проект Соглашения ТТП, их интересы учитывались на запущенных в 2013 г. торговых переговорах с Тайванем, аграрии и представители химической отрасли – ратификации Соглашения КОРУС, профсоюзы – отказа от ратификации Соглашения ТТП, автомобилестроители – особых условий в рамках Соглашения КОРУС, которые ставили их в более благоприятное положение в сравнении с южнокорейскими конкурентами, экологическое лобби – выгодных контрактов по модернизации заводов, рекультивации земель, восстановлению экосистем, реализуемых в США и КНР в рамках СЭД, нефтегазовое лобби заручилось поддержкой политических групп, которые были связаны с внешним и внутренним рынком, что застраховало их от

политических перемен в Вашингтоне, ВПК – реализации своих интересов в рамках программы третьей компенсации и укреплении поддержки в рядах оппозиции.

Параллельно происходила перегруппировка групп интересов, в ходе которой образовались два лагеря: сторонников либеральной политики, заинтересованных в росте экспорта и перемещении производств за рубеж, и сторонников реиндустриализации, связанной с возвращением производств в США. Первый лагерь в поисках поддержки ориентировался, подчас ситуативно, на любые политические силы, что ослабляло его позиции на политической карте Соединённых Штатов. Второй лагерь ориентировался на Конгресс, а позднее на республиканскую оппозицию, что делало его политическое положение более стабильным, а группу сторонников реиндустриализации более сплочённой.

Таким образом, от борьбы между ведомствами и ветвями власти в контексте политики в отношении стран СВА выиграли группы интересов, которые достигли желаемого, и республиканская оппозиция, которая обрела новую партийную платформу, прямо связанную с социально-экономическими процессами нового исторического цикла США.

Наконец, характер борьбы позволяет сделать ещё один, парадоксальный на первый взгляд вывод. Наличие межведомственных расколов внутри исполнительной власти в 2009–2012 гг. делало её внешнюю политику более стабильной, последовательной и менее подверженной конъюнктурным влияниям. Во многом это обеспечивалось за счёт присутствия Х. Клинтон на посту госсекретаря, поскольку предложенные ей манера и формы взаимодействия с КНР если не выводили ключевые двусторонние отношения США в регионе из-под влияния внутриполитической конъюнктуры, то минимизировали его. По крайней мере, концентрация на вопросах взаимодействия, к которым интерес проявляли и Вашингтон, и Пекин позволяла сдерживать попытки Конгресса занять активную антикитайскую позицию. Наоборот, сплочение исполнительной власти в течение 2013–2016 гг. привело к тому, что она попала на то поле взаимодействия со странами СВА, которое позволяло Конгрессу критиковать её и даже перехватывать повестку. Это означает, что курс в отношении стран СВА в течение первого

президентского срока характеризовался относительной стабильностью из-за борьбы внутри исполнительной власти, но почти отсутствия таковой между правительством и Конгрессом, а в период второго президентского срока он был подвержен постоянным флуктуациям из-за политической борьбы между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Глава 4. Нарративное и цивилизационное измерения политики США в отношении СВА

Поскольку нарратив является многогранным феноменом, который можно классифицировать по форме, проблемным полям, конкретным общественным и политическим целям и задачам[1], из многочисленных контекстов его существования мы обращаемся к двум[2]. Первый контекст связан с представлениями правительства о положении Соединённых Штатов в мире, который предстаёт в двух вариантах: как мягкая, изменчивая совокупность представлений, которая ориентирует людей на действия с целью исправить текущую ситуацию[3], и как субъективная интерпретация объективно, существующей независимо от наблюдателя системы. Первый аспект этого контекста позволяет выявить рассогласованности, противоречия, ключевые стержневые элементы нарратива, которые указывает на аналогичные элементы политического мышления. Второй аспект этого контекста позволяет выявить, как понималась правительством наиболее благоприятная траектория развития Соединённых Штатов. Попутно это позволяет выяснить интересы каких групп оказывались наиболее значимыми для правительства в процессе стратегического планирования, а какие наоборот второстепенными. Это в свою очередь позволяет уточнить приоритетные сферы политики, в т.ч. тех, чьё значение искусственно завышалось или занижалось, в каких случаях правительство оказывалось в растерянности и было вынуждено реактивно следовать тенденциям. Такой подход обеспечивает верификацию национальной стратегии США, которая здесь понимается как совокупность федеральных документов стратегического характера как формальной писанной основы политики в отношении СВА, а также

[1] Идентичность: личность общество политика…

[2] Вариантов нарратива может быть множество, как и служить он может многим долгосрочным и конъюнктурным целям. Те случаи, когда создаваемые политиками тексты и интерпретации были ориентированы на обозначение своего отношения к конкретной проблеме, или для обозначения своего профессионального / политического пространства, или для формирования сети сторонников, или для адаптации к меняющимся социально-политическим условиям будучи тесно связанными с общественным взаимодействием проанализированы в предыдущей главе, поэтому соответствующие аспекты нарративного измерения американской политики в данной главе не исследуются.

[3] Jackson M. Op. cit. P. 415.

уточнить динамику вовлечённости и степень влияния на неё определённых групп интересов.

Второй контекст связан с глубинными, культурно-цивилизационными, субъективными по своей природе, основаниями курса. Это позволяет выявить, насколько политика Б. Обамы в отношении СВА была укоренена в традиционную для США систему ценностных и мировоззренческих координат, с которыми американское общество привыкло сверять своё существование, образ мысли и действий. Внешнеполитические документы содержат образы, речевые клише, которые прочно связаны с культурно-цивилизационными основаниями Соединённых Штатов, а значит и указывают на соотнесение политики в отношении стран СВА с устойчивыми и понятными для американского общества образами прошлого, настоящего и будущего.

Таким образом, нарративное и культурно-цивилизационное измерения политики США в отношении СВА дополняют друг друга: первое больше связано с восприятием объективных процессов, их влиянием на субъективную сторону процесса принятия решений, а второе – с субъективным фундаментом мышления, с которым соотносилась объективная реальность.

4.1 Стратегия безопасности США: политические контуры восприятия СВА

Наиболее подробно особенности изменений стратегического языка Соединённых Штатов, которые он пережил в период после холодной войны, исследовал М. Смит. Он отмечает, что общая направленность американской стратегической мысли независимо от географического вектора её приложения после распада биполярной системы характеризовалась поиском фундаментальных принципов «правильной стратегии». В то же время сами стратегии, по его мнению, делятся на два типа. Первые предполагают принятие решений на основе всестороннего изучения обстановки и прогнозирования вероятных последствий, вторые основываются на примате процесса разработки стратегических установок, при котором учёт общего стратегического контекста отходит на второй план.

Анализируя опыт стратегического планирования США в период неолиберализма, М. Смит приходит к выводу, что при У. Клинтоне стали набирать силу, а при Дж. Буше-мл. стали нормой стратегии второго типа, ориентировавшие политиков на краткосрочные, конъюнктурные шаги, подчас сопровождавшиеся чрезмерной реакцией на внешние события. Такие стратегии обладают пятью признаками: неясностью формулировок, высокой ролью предубеждений, большой самоуверенностью, приматом действия над решением, субъективным восприятием государственных интересов[4].

Первая стратегия национальной безопасности при Б. Обаме была принята лишь в мае 2010 г., иными словами, разработка общего для правительства видения политики растянулась более, чем на 15 месяцев. В немалой степени этому способствовала и межведомственная борьба, которая в данном случае явно служила одной из помех, препятствовавшей разработке целостного видения.

В стратегии выделялись два типа приоритетов: функциональные и географические. В качестве первых перечислены противодействие ядерному распространению, сражение с терроризмом, восстановление экономической мощи, распространение американских ценностей и поддержание выгодного США мирового порядка [5] . Таким образом, чётко выделялась обширная группа универсальных, общемировых приоритетов американской внешней политики, которые мыслились одинаково значимыми для любых регионов мира.

Говоря о географических приоритетах и интерпретациях, нельзя не заметить их противоречивость. В преамбуле стратегии, ссылаясь на свои личные, в т.ч. детские ощущения, Б. Обама декларировал американское присутствие на Тихом океане. Говоря об угрозах в начале основной части документа, он на первое место ставит террористические организации и соответственно регион Ближнего и Среднего Востока[6]. Тем самым была построена связь к президентству Дж. Буша-мл. и его последствиям. В параграфе, в котором ранжированы географические

[4] Smith M. Op. cit.
[5] National Security Strategy. May 2010...
[6] Собственно, это было одной из причин, позволивших Д. Чоллету утверждать, что именно страны Магриба, Ближнего и Среднего Востока были ключевым географическим направлением внешней политики Б. Обамы, а вовсе на Тихий океан и Восточная Азия. См.: Chollet D. Op. cit. P. 68–88.

приоритеты внешней политики, порядок и вовсе свидетельствует об ином. Приоритет отдан Европе, а на второе место поставлена Азия, при этом более точные географические определения не приведены. Более того, отдельно упомянут Китай, как ключевой центр влияния, Индия, Россия и Индонезия, чьё влияние растёт, а также иные растущие страны ЮВА. Таким образом, в понимании президентской администрации не существовало ни Тихоокеанского региона, который упоминался вскользь, ни Восточной Азии, ни СВА, которые вообще не были упомянуты[7].

Дальнейший анализ стратегии позволил выявить, что в стратегическом плане регион СВА воспринимался администрацией Б. Обамы как совокупность стран трёх категорий. В первую входили Япония и Республика Корея как американские союзники, с которыми Соединённые Штаты планировали развивать сетевое взаимодействие на основе опыта холодной войны, поскольку он, по мнению администрации США, был эффективным. Постбиполярный опыт, как свидетельствует текст стратегии, оценивался положительным, позволяющим глубже внедриться в обеспечение безопасности региона благодаря секьюритизации повестки, включению в неё невоенных проблем. Ко второй категории был отнесён Китай, который рассматривался и как влиятельная держава в мире, и как потенциальный импортёр американских технологий, и как привлекательный для американских инвестиций рынок, и как потенциальный игрок, готовый принять американские правила, но и как страна, чью военную программу необходимо было постоянно изучать, выделяя новые тенденции её развития, с чьим правительством необходимо было откровенно обсуждать американскую обеспокоенность соблюдением прав человека. Третья категория была представлена противником Соединённых Штатов, Северной Кореей, перед чьим правительством Вашингтон ставил «чёткий выбор»: или принять международно признанные либеральные политические и экономические нормы или, отказавшись от них, принять на себя последствия этого решения, включая ещё большую изоляцию[8]. Это указывало, что

[7] National Security Strategy. May 2010…
[8] Ibidem.

проблема ядерного распространения на примере КНДР в восприятии контекста безопасности СВА имела куда меньшее значение нежели навязывание странам региона американских политических установок, норм международного поведения и взаимодействия.

Также можно найти меньшие уточнения восприятия стран СВА в разделах стратегии, которые не имеют прямого отношения к региону. В качестве ключевой проблемы внутренней и внешней политики, в целом, администрация Б. Обамы обозначала экономическое восстановление после кризиса 2008 г., который трактовался как самый сильный со времён великой депрессии. Восстановление экономических сил страны виделось безусловным залогом успеха американской внешней политики. В то же время для достижения последнего внешнеэкономический курс Б. Обамы предполагал опору на международные многосторонние институты, в число которых было включено ТТП (с 2013 г. его членом стала Япония), развитие партнёрских отношений с КНР в рамках СЭД на основе взаимного совпадения интересов, а также содействие притоку студентов и квалифицированных кадров из-за рубежа, чтобы сохранить американское технологическое лидерство, поддерживать наиболее технологичные отрасли промышленности не только разработками, но и ростом экспорта их продукции[9].

Такое понимание СВА свидетельствовало о следующем. Во-первых, у президентской администрации, несмотря на попытки Дж. Бадера представить в мемуарах наличие единой региональной стратегии и интерпретации[10], таковой не было, поскольку в тексте не зафиксировано чёткое понимание не только СВА, но и Восточной Азии и Тихоокеанского региона, привычных для американского внешнеполитического планирования. Иными словами, географические границы были неопределёнными, а значит политический контекст того или иного вопроса мог их расширить или сузить. Во-вторых, чётко выделялось политически мотивированное восприятие регионального положения. С одной стороны, строго оговаривалось, что наиболее важными являются отношения с союзниками,

[9] Ibidem.
[10] Bader J.A. Op. Cit. P. 6–8.

которые, несмотря на более поздние новации, будут развиваться на принципах, заложенных в годы холодной войны и для этого обозначался необходимый враг – КНДР. С другой стороны, в регионе присутствовал Китай, который не вписывался в традиционное для периода холодной войны бинарное восприятие, о чём свидетельствует перечисление его характеристик как партнёра США, так и их оппонента. С учётом, избранного деления стран региона на группы последнее указывало, что администрация Б. Обамы к тому моменту ещё не определилась, к какой группе (сторонников или противников) отнести КНР, а законченная региональная картина в привычных для американского сознания бинарных терминах ещё не сформировалась. В-третьих, отсутствовало чёткое понимание того, как развивать экономические отношения. Так, формально наиболее приоритетными выступали ставшие детищем неолиберальной эпохи многосторонние форумы, которые рассматривались наиболее важными институтами, благоприятствовавшими для восстановления американской торговли с опорой на международное взаимодействие. В то же время вопрос обеспечения технологического лидерства восстановление и дальнейшее развитие американской экономики мыслился через привлечение и подготовку соответствующих кадров, что, как правило, в международной практике регулируется двусторонними соглашениями. В-четвёртых, текст стратегии свидетельствовал, что политика в отношении СВА будет характеризоваться глубоким противоречием из-за игнорирования Вашингтоном системных исторических реалий: стремясь развить отношения с КНР на основе общего взаимного интереса, но предполагая продвинуть на китайском направлении элементы американского порядка, администрация Б. Обамы проигнорировала, что развитие отношений на основе взаимного практического интереса в Китае воспринимается как принятие обычаев конфуцианской системы международных отношений. В-пятых, нельзя не заметить определённую рассогласованность общих функциональных установок стратегии и трактовки регионального положения. На первое место, по сути, выходил последний приоритет, поддержание выгодного США порядка, который здесь понимался скорее в военном, нежели экономическом ключе. Вторым по значимости

выступало восстановление экономики, которое декларировалось третьим. Третьим приоритетом выступало продвижение американских ценностей, зашитое в военно-политическое взаимодействие, которое подлинно могло быть осуществлено, с точки зрения демократической администрации, только между демократиями. Отдельно было упомянуто экономическое взаимодействие, которое было основано на международных институтах, поддерживавших американскую экономическую модель, и привлекательности США для талантливых кадров. В то же время первый по формальной значимости приоритет ядерного нераспространения фактически был выведен за скобки в формировании картины региона.

Таким образом, в целом образ СВА в ключевой стратегии администрации Б. Обамы, которая задавала контекст для других ведомственных стратегий, был определён конъюнктурой экономического кризиса и «эха» стратегического мышления периода холодной войны, в нём чётко прослеживается предубеждение о либеральном (политическом и экономическом) порядке как единственно благоприятном, самоуверенность, что КНДР примет демократический порядок. Более того регион часто характеризовался общими формулировками, которые оставляли широкое пространство для их практического наполнения. Это делало восприятие СВА, а соответственно и политику в её отношении, не только противоречивыми, но и неопределёнными, зависимыми от непредвиденных изменений, способных затронуть любую сферу.

В разведывательной стратегии, которая была принята годом ранее, положение в мире, которое выступало контекстом существования США, описывалось с помощью двух измерений: странового и проблемного[11]. Из четырёх стран, которые, по мнению разведывательного сообщества, были способны бросить вызов американским интересам в традиционных и новых сферах обеспечения безопасности, две[12] – КНДР и Китай – находились в СВА[13]. Таким

[11] Важным будет подчеркнуть следующую особенность разведывательной стратегии: в её тексте подавляющим образом доминируют общие приоритеты, которые не привязаны к конкретным странам или проблемам, и соответственно её текст состоит преимущественно из общих формулировок, которые на практике можно применить к конкретной ситуации в зависимости от необходимости.
[12] За исключением Ирана и России.
[13] The National Intelligence Strategy. August 2009…

образом, при том что регион не был прописан прямо, две его страны были обозначены в качестве угроз безопасности Соединённых Штатов при общем количестве таких стран четыре. Это указывало, что СВА воспринималась в американской разведке как географическое средоточие угроз.

Наиболее значимые из них в регионе исходили от КНДР, поскольку та поддерживала свои военные ядерные и ракетные возможности, была вовлечена в распространение ядерных и ракетных технологий, её поведение оценивалось нестабильным, а Корейская народная армия обладала обширным арсеналом обычных вооружений. Китай же рассматривался страной, которая разделяет с Соединёнными Штатами многие интересы, однако ресурсная дипломатия и модернизация вооружённых сил отмечались «в числе факторов, превращающих Китай в комплексный глобальный вызов» для безопасности США[14].

Из функциональных угроз, которые не имели чёткой привязки к стране или негосударственной социальной группе, в стратегии перечислены следующие. По мнению разведывательного сообщества, глобальный экономический кризис в развивающихся странах провоцировал угрозу либеральному политическому и экономическому порядку, создавал благоприятные условия для роста политического и экономического авторитаризма. Несостоявшиеся государства и неуправляемые зоны рассматривались благоприятными для распространения оружия массового поражения. Глобальное потепление виделось причиной потенциальной борьбы за энергоресурсы и территориальных споров. Несмотря на сохранявшееся технологическое лидерство, новая технологическая гонка представлялась вызовом для США. Наконец, Китай подразумевался как территория с потенциальными очагами пандемии[15].

Такая компоновка видения угроз свидетельствует о следующем. Во-первых, с точки зрения разведки Соединённых Штатов, в географическом отношении они должны иметь строгую страновую привязку. В отношении Северной Кореи она была не только строгая, но и формировала чёткий образ угрожающей страны. В

[14] Ibidem.
[15] Ibidem.

отношении Китая подобная чёткость отсутствовала, наоборот, в формулировках присутствовали размытость и недосказанность, оставлявшие место для дальнейшего наполнения. Это указывает на то, что образ «китайской угрозы» в сознании разведывательного сообщества ещё формировался. Во-вторых, функциональные угрозы в таком контексте уподоблялись набору карточек, которые могли быть расставлены в соответствующие разделы, понятные функциональные угрозы наполняли конкретикой образы «страновых угроз». С учётом того, что образ «китайской угрозы» оставался нечётким, а одна из общих угроз связывалась с Китаем (хотя он в функциональном разделе прямо не называется)[16], именно китайское направление выступало наиболее перспективным для конструирования угрожающего образа из числа функциональных угроз.

Приведённые в разведывательной стратегии интерпретации свидетельствуют, что текущая экономическая конъюнктура, хотя и отразилась на их мышлении, повлияла на него незначительно. Куда большее влияние было у «эха» холодной войны: чётко формировались угрожающие образы, активно вёлся поиск новых «угроз», чей образ можно было бы связать, с военным, политическим, экономическим и иными измерениями, подобно опыту создания «советской угрозы». С учётом неопределённости президентской стратегии как в географическом, так и в функциональном плане, данная характеристика разведывательной стратегии предписывала трансформацию стратегического видения СВА как некоего географического пространства, являющегося ключевым средоточием угроз американской безопасности, состоящего из слабо связанных между собой стран, одна из которых, а именно Китай, постепенно превращается в комплексную «угрозу» для безопасности США.

В 2011 г. была принята военная стратегия, которая по своей структуре значительно отличалась от президентской и разведывательной. Первое её существенное отличие заключалось в представлении структурированной картины мира. Он представлялся совокупностью узлов, которые понимались как

[16] Этой угрозой являлся рост политического и экономического авторитаризма.

коалиционные связки стран, ставшие следствием общих интересов. Эти связки основывались на дипломатической, военной и экономической мощи. По мнению министерства обороны, именно эти коалиции составляли основу глобальной архитектуры на рубеже 2000 – 2010-х гг., которым своё место уступили военно-политические блоки, а одним из ключевых пространств, где подобная архитектура получила последовательное развитие, стала Азия[17].

Из числа общемировых проблем, которые имели привязку к СВА, военное ведомство выделяло следующие. Экономическое развитие рассматривалось залогом модернизации вооружённых сил. Наибольшие успехи на этом направлении продемонстрировал Китай, который, по оценкам американских военных, уже в начале 2010-х гг. был способен проецировать свою мощь и отстаивать интересы за пределами восточноазиатского региона. Проблема ядерного распространения связывалась исключительно с Северной Кореей, однако риски его, по мнению министерства обороны, могли возникнуть только в том случае, если передача власти в КНДР будет сопровождаться внутренней социально-политической нестабильностью. Признавалась военными и проблема угроз со стороны негосударственных акторов, которая позволяла США глубже проникать в обеспечение безопасности СВА за счёт секьюритизации нетрадиционных аспектов. Следующей проблемой стала разработка странами региона, главным образом, Китаем вооружений, которые в США описывались с помощью концепции «Ограничения и воспрещения доступа». Соответственно, военное ведомство выступало за разработку вооружений, позволявших преодолевать оборону, соответствующую этой концепции, сохранить за американскими войсками маневренность в случае конфликта. Ещё одной угрозой рассматривалось свобода космического, воздушного, кибернетического пространств, которые обеспечивают передвижение информационных, торговых и транспортных потоков, без чего невозможно перемещение людей, информации, идей, товаров и капиталов как и

[17] The National Military Strategy of the United States of America. 2015…

нормальное функционирование глобальной экономики [18] , основанной на американских неолиберальных идеях.

С позиций географического видения военная стратегия была единственной, в тексте которой упоминался регион СВА. В представлениях министерства обороны для обеспечения безопасности США он был ключевым во всей Восточной Азии, поскольку в ней находились два верных американских союзника: Япония, которая поддерживает американские усилия по всему миру, и Республика Корея, которая обеспечивает региональную стабильность, противостоя северокорейским провокациям.

Особое место в региональной архитектуре отводилось Китаю, который рассматривался как страна, способная взять на себя ответственное лидерство, т.е. принять американские правила. С одной стороны, присутствовал положительный взгляд на него. В частности, военное ведомство было заинтересовано в углублении двусторонних контактов по военной линии, в расширении сотрудничества в сферах, которые вызывали взаимный интерес и были способны принести общую выгоду, улучшении взаимопонимания, предотвращении ложного восприятия шагов друг друга. Вашингтон был также заинтересован в сотрудничестве с Пекином по вопросу ядерного нераспространения, поскольку считал, что только он может повлиять на Пхеньян в этом вопросе.

С другой стороны, в военной стратегии перечислен ряд беспокойств, связанных с Китаем. К ним отнесены развитие вооружённых сил, способное повлиять на баланс сил в Тайваньском проливе, напористое поведение КНР в киберпространстве, в Жёлтом море, ВКМ и ЮКМ. По мнению военного ведомства, такое положение могло вынудить США продемонстрировать волю и готовность противостоять стране, которая подвергает опасности доступ к общим для всего мира пространствам[19].

В целом, военная стратегия в отличии от президентской и разведывательной обладала чётким структурированным видением, в котором представлено строгое

[18] Ibidem.
[19] Ibidem.

географическое и функциональное деление мира, а также выделен регион СВА. Он, по мнению военных, обладал следующими характеристиками. Во-первых, регион был одним из важнейших для обеспечения безопасности Соединённых Штатов, поскольку в нём находились верные американские союзники. Во-вторых, в регионе присутствует проблема ядерных вооружений КНДР, которую необходимо решать сообща и вовлекать в процесс Китай. В-третьих, сам Китай представляет для безопасности США проблему ввиду военного строительства, подходов к регулированию морского и кибернетического пространств.

Несмотря на то что текст стратегии свидетельствует о влиянии мышления периода холодной войны, он также указывает на то, что военное ведомство было открыто новым концептуальным видениям региональной обстановки, а значит обладало аналитической гибкостью, её оценки эмоционально сдержаны и более системны, что свидетельствует о том, что военные придерживались подхода, основанного на всестороннем анализе региональной обстановки, в то время как для президентской и разведывательной стратегий было характерно доминирование стратегических установок в процессе разработки. Однако, несмотря на это существенное отличие, все три стратегии сближало обозначение КНДР в качестве угрозы, связанной с ядерным оружием, и двойственная характеристика КНР как вероятного партнёра и вероятного противника, причём для создания последнего образа каждая из стратегий содержала опорный конспект для будущего сценария.

В целом же, в стратегиях, принятых в начале первого президентского срока Б. Обамы, формировался следующий образ СВА, которым предполагала руководствоваться исполнительная власть. Во-первых, признавалось отсутствие регионального единства, а также потенциально устоявшихся его границ, что было обусловлено политическими и военно-политическими причинами. Во-вторых, именно эти аспекты мыслились ключевыми для политики в отношении СВА. В-третьих, архитектура региона не воспринималась устоявшейся и её трансформация, с позиций американского восприятия, зависела от того, примут ли Китай и Северная Корея американские правила. В-четвёртых, экономические проблемы, несмотря на то что их значимость для мощи США декларировалась во всех

стратегиях, при такой трактовке регионального положения отходили на второй план и, главным образом, связывались с поддержанием функционирующей либеральной экономической системы, соответствующей американским интересам.

В свою очередь такая интерпретация регионального положения как контекста американской политики в его отношении выводит на более глубокие основания внешней политики Соединённых Штатов: мыслительные конструкции периода холодной войны не ушли, а просто оказались за ширмой широко обсуждавшихся экономических, экологических и иных проблем, и оказывали решающее влияние на восприятие СВА с самого начала президентского срока Б. Обамы. Это предопределяло перспективную стратегическую линию развития мышления, которая требовала образ новой, системно оппонирующей США силе, подобной Советскому Союзу в прошлом.

В 2014–2015 гг. в Соединённых Штатах были приняты новые стратегии. Стратегия национальной безопасности 2015 г. по-прежнему оставалась противоречивой, несмотря на то что в ней были чётко прописаны географические приоритеты, а ключевое место среди её положений заняли общие по своему смыслу постулаты, которые не столько определяли цели политики, сколько констатировали позиции, исходные для политического мышления президентской администрации ко второй половине второго срока Б. Обамы.

Сама стратегия начиналась с декларации, что к 2015 г. США стали сильнее и были лучше подготовлены, чтобы использовать возможности нового века себе на благо и защитить национальные интересы от рисков небезопасного мира. Основой американской силы постулировалась экономическая мощь, являвшаяся основой безопасности США и их влияния за рубежом. Также констатировалось, что были обновлены военно-политические альянсы, сотрудничество с Китаем стало беспрецедентным, даже при негативном отношении к модернизации НОАК и непринятии китайского подхода к решению акваториальных споров[20].

[20] National Security Strategy. February 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016)

В соответствии с параметрами стратегического мышления, которые были зафиксированы в 2009–2010 гг. регион СВА воспринимался через призму проблем экономики, политики и безопасности.

В экономической плоскости его считали составной частью другого более обширного и политически мотивированного по своему географическому охвату региона, который в стратегии был обозначен как «Азия и Тихий океан», который по своим границам совпадает с Индо-Тихоокеанским регионом в более поздних стратегиях, изданных при Д. Трампе[21] и Дж. Байдене[22]. Его страны были разделены на две категории: участников ТТП и прочих экономических партнёров. ТТП отводилась роль ключевого, системообразующего для экономической региональной архитектуры объединения, способного определить высокие стандарты для трудового права, торговли, инвестиций, экологии. К этому добавлялись партнёрства с другими странами, в первую очередь с Китаем, поскольку, как считалось в администрации, экономическое сотрудничество приведёт к принятию Пекином американских экономических и политических правил. Более того, к 2015 г. в Вашингтоне сложилось мнение, что либеральное торгово-экономическое взаимодействие, центром которого представлялось ТТП, позволит стабилизировать положение СВА в сфере безопасности, компенсировав негативное воздействие со стороны китайских акваториальных претензий и провокационного поведения КНДР[23].

В политической сфере основной акцент делался на вовлечение Китая в обсуждение глобальных [24] и региональных проблем, чем продолжалась стратегическая линия, запущенная ещё Дж. Бушем-мл. Она заключалась в доминировании выгодной для США политической повестки при игнорировании экономических проблем двустороннего характера.

---

[21] National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf (дата обращения: 28.12.2017).
[22] Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022...
[23] National Security Strategy. February 2015…
[24] Главным достижением здесь позиционировалось подписание Парижского соглашения по климату.

В военно-политической плоскости опорой для обеспечения американского лидерства в регионе оставались «способные партнёры», военно-политические союзники. Ключевыми «угрозами» для США и для них обозначались ракетно-ядерные испытания КНДР, высокий с её стороны риск распространения ядерных материалов и военных технологий, а также китайские претензии не акватории ВКМ и ЮКМ, кибератаки, осуществлявшиеся, как считали в Вашингтоне, под прикрытием китайского правительства, на американские корпорации[25].

Такое видение регионального положения и возможностей Соединённых Штатов указывает на ряд рассогласованностей во второй стратегии национальной безопасности администрации Б. Обамы. Во-первых, она попыталась выставить экономические усилия как ключевые для обеспечения безопасности, в т.ч. и военно-политической, что в корне противоречит положениям ранее принятых стратегий, в которых именно военно-политические элементы позиционировались наиболее важными, в то время как экономические факторы занимали второстепенное положение. Во-вторых, здесь нельзя не заметить и географической рассогласованности: в то время как ТТП за исключением Японии охватывало страны за пределами СВА, оно мыслилось инструментом воздействия на положение в СВА. В-третьих, если принять во внимание тот факт, что с 2014 г. реиндустриализация стала устойчивой долгосрочной тенденцией хозяйственного развития США, которая в числе прочего поддерживалась принятой президентом Программой третьей компенсации, постоянное упоминание механизмов поддержания и развития либеральной экономики вступило в противоречие с американской экономической действительностью. Их включение в стратегию можно объяснить только инерционностью мышления экономической команды президента. В-четвёртых, несмотря на декларировавшееся беспрецедентное взаимодействие с Китаем, оно, по сути, вернулось к прежней политикоориентированной модели, в то время как администрация президента продолжала настаивать на значимости экономики для стабилизации

[25] National Security Strategy. February 2015…

экономического положения в СВА. Наконец, хотя это, скорее, эволюция представлений, а не противоречие, «китайская угроза» прописана в стратегии более комплексно, что свидетельствует, что именно Китаю, а не КНДР, теперь в США отводили роль ключевой «угрожающей» силы в регионе.

В разведывательной стратегии, которая, как и в предыдущем случае, была принята на один год раньше национальной, восприятие положения в СВА существенно не изменилось. По-прежнему две из четырёх страновых «угроз» безопасности США исходили от Китая и Северной Кореи. При этом правда была уточнена и смягчена формулировка в отношении Китая, который, как теперь считалось в разведывательном сообществе, был заинтересован в стабильной Восточной Азии (т.е. понимал стабильность сообразно тому, как её понимали в Соединённых Штатах[26]), несмотря на непрозрачность стратегических намерений и продолжавшееся военное строительство[27]. Это уточнение свидетельствовало, что разведывательное сообщество во время второго президентского срока Б. Обамы оказалось неспособным выявить внешнеполитические намерения Китая, вследствие чего использовались оценочные суждения, близкие по своему характеру к предубеждениям, недоказуемым постулатам, которые предстоит принять на веру. Собственно, это уточнение является единственным, но ключевым противоречием между двумя разведывательными стратегиями. Если в 2009 г. Китай воспринимался и как перспективный партнёр, и как перспективная угроза, содержание образа которой можно наполнить с помощью различных функциональных угроз, то в 2014 г. КНР не позиционировалась, ни как партнёр, ни как угроза, более того её образ стал более расплывчатым и неопределённым. Это вступало в противоречие с позицией президентской администрации, которая в национальной стратегии прописала образ «китайской угрозы» намного чётче[28], более того для этого она использовала подход, обозначенный в разведывательной

[26] Здесь необходимо иметь в виду, что США воспринимают другие страны как alter ego, соответственно все термины, с помощью которых другим государствам приписываются какие-либо характеристики в оценочных суждениях, идентичны тому смыслу, какой в них вкладывается в Соединённых Штатах относительно самих себя.
[27] The National Intelligence Strategy of the United States of America. URL: https://www.ncirc.gov/documents/public/2014_NIS_Publication.pdf (дата обращения: 04.09.2016).
[28] National Security Strategy. February 2015…

стратегии 2009 г.[29] Таким образом, в 2014 – 2015 гг. присутствовали не только противоречия между стратегическими взглядами конкретного ведомства, но и между ведомствами.

О влиянии аналитической растерянности на стратегическое планирование свидетельствовала и военная стратегия 2015 г., поскольку в ней утверждается, что за первую половину 2010-х гг. состояние мира, влияющее на безопасность США, стало ещё более непредсказуемым. Теперь считалось, что угрозы исходили не только от государств, но и различных (государственных и негосударственных) групп, которые использовали преимущества последнего технологического рывка[30].

Изменился и перечень стран-источников угроз, к прежде перечисленным (Иран, Россия, КНДР, Китай) были добавлены ещё пять стран Ближнего Востока, которые трактовались как поле угрожающего воздействия терроризма. Иными словами, страновой набор угроз в СВА, с точки зрения министерства обороны, сохранился прежним. Касательно Северной Кореи, основные угрозы по-прежнему связывались с ракетными испытаниями и развитием ядерных технологий, которые, как считалось, больше всего угрожали Японии и Южной Корее, а северокорейские хакеры также и американским корпорациям. Декларативно американские военные приветствовали возвышение Китая с тем расчётом, что он будет готов принять американские правила в сфере безопасности. В то же время в стратегии отмечалось, что многочисленные акваториальные претензии Пекина идут вразрез с международным правом (европейским по своей исторической сути), что добавляет межгосударственных трений в регионе[31].

О соотношении стратегических деклараций и замаскированной за ними подлинной стратегии в отношении стран СВА в большей мере свидетельствует раздел, посвящённый союзникам. Во-первых, Азиатско-Тихоокеанский регион (именно так) выделен в качестве наиболее приоритетного для развития союзнических и партнёрских отношений. Среди стран, с которыми таковые

[29] The National Intelligence Strategy. August 2009…
[30] The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).
[31] Ibidem.

Соединённые Штаты планировали развивать, перечислены Австралия, Япония, Республика Корея, Филиппины, Таиланд, Индию, Новую Зеландию, Сингапур, Индонезию, Малайзию, Вьетнам и Бангладеш. Как видно, список крайне обширен. Среди же вопросов повестки, сотрудничество по которым США планировали развивать отношения с этими странами, обозначена морская безопасность [32]. Последняя в американских стратегиях регулярно упоминалась исключительно в контексте акваториальных претензий КНР. Столь широкий перечень партнёров, отношения с которыми имели разный уровень, упоминание в повестке отношений с ними проблемы, которая в регионе связывалась именно с Китаем, а также формальное обозначение данного региона приоритетным свидетельствовали, что министерство обороны, несмотря на декларативное одобрение возвышения КНР, сделала перспективную ставку на сплочение американских союзников и партнёров в регионе на основе образа «китайской угрозы».

Во-вторых, упоминание Северной Кореи в числе страновых угроз, в таком широком региональном контексте, свидетельствует о том, что она, в понимании американских военных, превратилась во вполне видимый и осязаемый из-за постоянных испытаний образ угрозы, который позволяет эффективно поддерживать существование военно-политических союзов США в СВА. Близость Японии и РК к очагу «угрозы» позволяло в качестве скрепы использовать не только объективное положение, но и эмоциональную составляющую.

Происшедшие с военной стратегией изменения свидетельствовали, что к 2015 г. начался её пересмотр, с целью поиска перспективных угроз, формирования перспективной американоцентричной архитектуры региональной безопасности, происходила переоценка значения образов «угроз» (одни из них, «китайская», приобретали широкий, стратегический характер, другим, «северокорейской» отводилось место локальных, тактических образов), менялась структура функциональных приоритетов, в связи с чем, в понимании министерства обороны, существенно снижается роль экономической подсистемы в обеспечении

[32] Ibidem.

безопасности и стабильности и резко возрастает соответствующее восприятие технологической и кибернетической сфер. В то же время, текст стратегии свидетельствует, что военное ведомство также не обладало всей полнотой данных, необходимых для реконструкции сравнительного целостного образа Китая как взаимодействующего субъекта международных отношений. В этих условиях было два выхода: продолжить сбор и анализ информации о потенциальном оппоненте, или же объявить его «угрозой». Последнему благоприятствовали и рост ассигнований на перевооружение армии, и негативная для безопасности США международная конъюнктура, которая возвышала роль министерства обороны среди других ведомств в обеспечении безопасности Соединённых Штатов. Соответственно военное ведомство, предпочло вторую стратегию практических действий, вовлекая в её реализацию максимально большое количество стран.

В целом, анализ стратегий как нарратива о состоянии мира, региона СВА и места в них Соединённых Штатов, свидетельствует о внешней непоследовательности, слабой согласованности, большой роли предубеждений и действий в соответствии с привычными поведенческими моделями, к которым прибегали при недостатке информации и непонимания действий другой стороны. В течение 2010–2015 гг. произошли и качественные изменения стратегий: стратегия национальной безопасности стала характеризоваться большей структурированностью, связанностью разделов друг с другом. Это свидетельствовало о том, что к середине своего второго срока Б. Обама стал больше подходить к внешней политике не с привычных для себя и для приверженцев либерализма идеалистических, а с реалистических позиций, более характерных для приверженцев консерватизма[33]. В то же время в разведывательной и военной стратегиях, наоборот, наблюдается рост стратегической неопределённости, которая в обеих стратегиях связана с непониманием перспектив китайского поведения на региональной и международной арене, что стало причиной

[33] Характеризуя идейные ориентации и фундаментальные «мыслительные матрицы» Демократической партии, связанной с либералами, и Республиканской партии, связанной с консерваторами, Н.О. Берри отметил, что во внешней политике демократические правительства в большей степени обращают внимание на идеи, в то время как республиканские правительства руководствуются балансом сил. См.: Берри. Н. О. Ук. соч.

практического внедрения образа «китайской» при декларативном приветствии возвышения Китая. Также отсутствует постоянство в понимании приоритетных для обеспечения безопасности сфер и их взаимосвязей: в одних случаях на первое место выводится военно-политическая, в других – экономическая, при этом степень приоритетности на словах нестабильна: то одна, то другая сфера в восприятии американской исполнительной власти формально выходят на первые места в обеспечении безопасности. За фасадом их значимости то сильнее, то слабее упоминаются иные функциональные сферы, чаще всего, технологическая, кибернетическая, правовая. Однако значимость их упоминаний в контексте СВА также вариативна. В связи с этим тексты стратегий формируют восприятие, что стратегические образы, которыми руководствовались в американском правительстве в 2009–2016 гг. были продолжением образов периода холодной войны, для чего нужны были образы «угроз» для удержания союзных Японии и РК на американской военно-политической орбите, как была нужна и либеральная региональная экономика, которая позволяет США преодолевать последствия экономического кризиса 2008 г. Остальные же функциональные сферы в стратегической интерпретации региона заняли подчинённое им положение. Ещё больше запутанности в понимании стратегического нарратива вносит организационная и внешнеполитическая практика исполнительной власти. Включение в состав СНБ профессионалов в области экологии и большое внимание экологическим вопросам в рамках СЭД, акцент на развитии гуманитарного, образовательного и культурного диалогов с Японией, Китаем, Тайванем [34], тщательное обсуждение производственных и торговых аспектов Соглашения КОРУС в Конгрессе, которые сопровождались частыми отсылками к социальным проблемам Соединённых Штатов, явно не вписываются в стратегический нарратив.

В чём же причина? В отсутствии единой и системной стратегии за ширмой официальных текстов? В чрезмерном внимании к военной и экономическим

[34] Testimony by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of Eastern and Pacific Affairs before the Senate Committee on Foreign Relations Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs. Evaluating U.S. Policy on Taiwan on the 35th Anniversary of the Taiwan Relations Act. April 3, 2014. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/04/224350.htm (дата обращения: 26.01.2025).

сферам? Чтобы точнее ответить на эти вопросы и вскрыть неявные тенденции, которые характеризовали период правления Б. Обамы, но скрывались за официальными интерпретациями действительности, обратимся к модели, в которую включена совокупность интерпретации США как системы, существующей в определённом контексте. Эта модель основана на языке непрямого кодирования (ЯНК). Его смысл состоит в том, чтобы соотнести логически самостоятельные элементы текста стратегий с подсистемами и их компонентами, каждому из которых присвоен соответствующий код или их совокупность. (Образец записи приведён в приложении 6) Таблица кодирования была составлена на основе результатов глобального моделирования [35] , исследования Е.А. Роговского, посвящённого кибернетической безопасности[36], а в случае подсистем, которые нельзя описать с помощью математических формул, сообразно практике Соединённых Штатов. США, как и любая другая страна мира, может пониматься как система, состоящая из шестнадцати подсистем: экономической, демографической, продовольственной, энергетической, ресурсно-сырьевой, природо-климато-экологической, торговой, финансово-кредитной, технологической, социальной, военной, кибернетической, правовой, гражданской, гуманитарной, культурной. Каждая из этих подсистем характеризуется набором компонентов (факторов). (Приложение 7) И подсистемы, и компоненты (факторы) можно описать (в подавляющем большинстве случаев) с помощью математических формул, но политики, как правило, пользуются не ими, а словесными формулировками, которые представляют собой трактовки структурных элементов системы. Из этих формулировок складывается образ, интерпретация системы, который предстаёт в виде официальных документов, ключевое место среди которых занимают стратегии или иные документы исполнительной власти, имеющие стратегический характер, т.е. те, в которых изложены ключевые политические приоритеты. (приложение 8)

[35] Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. Ук. соч.
[36] Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон…

Построенная с помощью ЯНК модель здесь используется только в двух случаях. Во-первых, с её помощью реконструируется субъективное понимание благоприятных условий и вектора развития, которое правительство предписывало объективно существующей системе. Во-вторых, проверяются отдельные тенденции, выявленные при изучении американского исторического развития и структуры социального взаимодействия, влиявшего на внешнюю политику США в отношении СВА. В связи с этим интерес представляют только те элементы анализа, которые позволяют выявить маркеры, указывающие на степень и характер влияния отдельных групп общества и ведомств, на то, какие социальные связи исполнительной власти повлияли на формирование стратегий, и как на планировании отразилась эволюция американского общества, в целом.

Для достижения этих задач были проанализированы Стратегии национальной безопасности 2010 г.[37] и 2015 г.[38], разведывательные стратегии 2009 г.[39] и 2014 г.[40], военные стратегии 2011 г.[41] и 2015 г.[42], кибернетическая стратегия 2015 г.[43], сельскохозяйственная стратегия 2012 г.[44], исполнительный указ 2009 г., касавшийся развития энергетической отрасли[45], исполнительные указы 2010 г.[46] и 2012 г.[47], определяющие основной вектор торговой политики. Их тексты были переведены на ЯНК, сформированы таблицы, в которых записаны краткие формулировки приоритетов и связанные с ними коды подсистем и их компонентов.

---

[37] National Security Strategy. May 2010…
[38] National Security Strategy. February 2015…
[39] The National Intelligence Strategy. August 2009…
[40] The National Intelligence Strategy of the United States of America...
[41] The National Military Strategy of the United States of America. 2011...
[42] The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015…
[43] The Department of Defense Cyber Strategy. April 2015. URL: https://archive.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf (дата обращения: 26.02.2020).
[44] U.S. Department of Agriculture Foreign Agricultural Service Strategic Plan. FY 2012–2016. URL: http://www.fas.usda.gov/sites/development/files/fas_stratplan_2012-2016.pdf (дата обращения: 05.09.2016).
[45] Executive Order 13514. Federal Leadership in Environment, Energy and Economic Performance. October 5, 2009. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2009-10-08/pdf/E9-54518.pdf (дата обращения: 26.02.2020).
[46] Executive Order 13534. National Export Initiative. March 11, 2010. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2010-03-16/pdf/2010-5837.pdf (дата обращения: 26.02.2020).
[47] Executive Order 13630. Establishment of an Interagancy task Force on Commercial Advocacy. December 6, 2012. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2012-12-11/pdf/2012-30060.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

Практическое применение модели предполагало построение таблицы, приведённой в приложении 8. В ней стратегии были охарактеризованы по следующим параметрам. Первый параметр, количества и номера подсистем в стратегии, позволяет выявить и конкретизировать, насколько широкий спектр проблем охватывает стратегия. Второй параметр касается компонентов подсистем, упоминаемых в стратегии, и их количества. Благодаря ему можно определить степень специализации стратегии на конкретной функциональной сфере. Третий параметр фиксирует количество упоминаний компонентов подсистем (приоритетов) в каждой из стратегий, уточняя, сколько всего было упоминаний, сколько из них касались конкретного компонента. С помощью этих данных можно определить, насколько тот или иной компонент подсистемы (т.е. сравнительно узкая проблема) представлялся значимым тому или иному ведомству.

Построение этой таблицы позволило выявить следующие тенденции. Среди упоминаний приоритетов в Национальной стратегии 2010 г. [48] превалирует военная (военно-политическая) составляющая, в то время как экономическая, несмотря на кризис 2008 г. и продекларированную значимость, отходила на второй план. Наконец, то, что ни одна из подсистем не выделялась рельефно в качестве ведущей, свидетельствовало, что президентская администрация к тому времени ещё не сформировала чёткую картину политических приоритетов. Именно это оставляло достаточно свободного пространства для других ведомств продвигать свою внешнеполитическую повестку и практику в отношении стран СВА, чем, как было показано в предыдущей главе, активно пользовался Государственный департамент.

В то же время политика определялась также ведомственными и отраслевыми стратегиями.

Так анализ разведывательной стратегии 2009 г.[49] позволил выявить, что для американского разведывательного сообщества было характерно доминирование мышления не только времён холодной войны, но и периода президентства Дж. Буша-мл. Первое ориентировало на практике на формирование образов «угроз» для

[48] National Security Strategy. May 2010…
[49] The National Intelligence Strategy. August 2009…

укрепления военно-политических союзов, второе вынуждало концентрировать аналитические усилия на регионе Ближнего Востока, что стало одной из причин фрустрированности в оценках роли Китая для США пятью годами позднее, о которой мы писали выше[50]. В то же время модель свидетельствует о высоком внимании к кибернетической сфере, что с учётом мыслительных моделей времён холодной войны создавало благоприятные условия для формирования образов «кибернетических угроз» для укрепления отношений с союзниками в дальнейшем[51].

Анализ приоритетов энергетической стратегии[52], сформулированной в виде исполнительного указа, позволил выявить, что проблемы экологии правительство Б. Обамы связывало исключительно с развитием соответствующей отрасли. Это положение косвенно свидетельствует, что команда президентских советников стремилась продемонстрировать энергетическому сектору, как традиционному, так и новому «зелёному», что именно администрация может выступить эффективным проводником его интересов от лоббирования до практического осуществления и юридического регулирования. Такая структура приоритетов также полностью соотносится и с политикой США в отношении КНР в течение первого президентства Б. Обамы, в рамках которой «зелёные» вопросы были одними из ключевых для развития двусторонних отношений и на уровне правительств, и на уровне регионов, и на уровне компаний, и на уровне университетов.

Близким смысловым значением обладает и торговая стратегия[53], в которой ключевыми оказались экономическая и финансовая подсистемы. Соответственно восстановление американской экономики, которое декларировалось в национальной стратегии, представлялось президентской администрации невозможным без развития свободной торговли и преодоления торгового

---

[50] В этом контексте нельзя не вспомнить приведённое в главе 3 мнение К. Кэмпбелла о том, что для исполнительной власти к концу правления Дж. Буша-мл. был характерен избыток специалистов по Ближнему и Среднему Востоку и их дефицит по странам Восточной Азии. Положения стратегий свидетельствуют, что разведывательное сообщество оказалось неспособным преодолеть этот дефицит.

[51] Иными словами, формирование образа исходящей от Китая кибернетической «угрозы» не было только реакцией на внешние события, оно также имело конкретный американский мыслительный фундамент, не зависящий от внешних обстоятельств.

[52] Executive Order 13514…

[53] Executive Order 13534…; Executive Order 13630…

дефицита, что подтверждалось и политическими декларациями о значимости многосторонних институтов, обеспечивающих свободную торговлю, и практическими действиями в рамках заключения ССТ о введении пошлин в случае угроз американским производителям.

Разительно от всех стратегий, принятых в течение первого президентского срока Б. Обамы, отличается военная стратегия 2011 г., поскольку в ней упоминание приоритетов, связанных с военной подсистемой, кратно превышает упоминания иных функциональных приоритетов. Такая заострённость внимания указывала, что министерство обороны, несмотря на сложную межведомственную борьбу в первой администрации Б. Обамы, оставалось ключевым для продвижения интересов армии и ВПК, а упоминание важности экономического развития, с учётом намерений президента по централизации инновационного планирования, было подчинено интересам оборонной промышленности. Наконец, это вкупе с доминированием военных приоритетов в национальной стратегии свидетельствовало, что за министерством обороны сохранялась позиция наиболее влиятельного ведомства.

В целом, структура приоритетов свидетельствовала о следующих ролях стратегий. Национальная стратегия выступала агрегирующим наиболее важные и устоявшиеся мнения нарративом. Ведущую же роль в интерпретации действительности и связанной с ней практикой играли ведомственные стратегии, которые многограннее излагали видение настоящего и будущего, чётче увязывали курс с позицией групп интересов, содействовали формированию лоббистской сети внутри исполнительной власти, связывали стратегическое планирование с идеями, доминировавшими в конкретных исторических условиях.

2014–2015 гг. оказались переходным моментом, который разделил стратегическое планирование администрации и правительства Б. Обамы на два временных отрезка, поскольку был принят ряд новых стратегий: разведывательная, военная, кибернетическая и национальная. Новая национальная стратегия [54] обладала следующими особенностями. Во-первых, в неё была включена правовая

[54] National Security Strategy. February 2015…

сфера, а её маркером стало служить словосочетание «порядок, основанный на правилах». Во-вторых, несмотря на декларируемую значимость экономики, в качестве ключевой сферы президент обозначил военную, а связанные друг с другом экономическую и торговую сферы поместил только на второе и третье места.

Использование моделирования при исследовании военной стратегии [55] подтвердило, что за военной сферой не только сохранилось ключевое место, но и увеличилась частота её упоминания. Это подтверждает ранее сделанный вывод, что военные воспользовались неблагоприятной для Соединённых Штатов, но благоприятной для интересов армии и ВПК обстановкой в мире, которая была связана с воссоединением Крыма с Россией, обострением акваториальных споров в ВКМ и ЮКМ, ростом военной мощи Китая.

В 2015 г. была принята кибернетическая стратегия [56], которая отражала общую для стратегического нарратива тенденцию, что кибернетическая сфера становится не только пространством для распространения информации, чего на протяжении предшествовавших десяти лет придерживались представители Демократической партии, но и пространством для военных операций, как собственных, так и противников.

В целом, модель стратегий администрации Б. Обамы, представленная в таблице 8, позволила уточнить и выявить следующие тенденции. Во-первых, несмотря на декларации и вопреки тому, что американскую экономику, больше опиравшуюся на внешние связи, а не на внутреннее производство, поразил экономический кризис, ключевой функциональной сферой мыслилась военно-политическая, прочно связанная с идеалистическим пониманием мира, что было чуждо для региональной системы межгосударственных отношений в СВА. Во-вторых, торгово-экономические проблемы, которые составляли основу взаимодействий между странами СВА, в стратегических представлениях правительства и администрации Б. Обамы занимали второстепенное положение. В-

[55] The National Military Strategy of the United States of America. 2015…
[56] The Department of Defense Cyber Strategy…

третьих, происходила политизация новых функциональных пространств, например, кибернетического, что только усиливало влияние идеалистической стороны на курс в отношении США. Это также обозначало связи этих подсистем с военной. В-четвёртых, новаторским направлениям политики, например экологическому, заведомо отводилась локальная и ограниченная ниша.

В целом, построенная с помощью ЯНК модель стратегий администрации и правительства Б. Обамы позволяет ранжировать группы общества и исполнительной власти по степени их влияния на формирование образа настоящего и будущего, которым руководствуется правительство. В качестве наиболее влиятельной выступила военная группа, интересы которой выражает министерство обороны, чья позиция сохраняет высокое значение для целеполагания в Вашингтоне независимо от доминирования других политических идей и интересов. Второй по влиятельности группой оказались либералы. Они в свою очередь делятся на две подгруппы: экономических либералов, заинтересованных в развитии хозяйства на основе свободной торговли, и политических либералов, которые делают акцент на продвижении прав и свобод человека. Первые связаны с торговым, промышленным и аграрным секторами экономики, вторые представляют интеллектуалов Демократической партии и их сторонников. Влияние обеих этих групп, как свидетельствуют тексты национальных стратегий, прочно сохранялось в пределах Демократической партии, но при определении внешней политики к 2015 г. оно начинает ослабевать из-за набиравшей темпы реиндустриализации и роста влияния военных и разведки. Именно последние две группы интерпретировали состояние и развитие кибернетической сферы. Группам интересов, которые были связаны с новаторскими направлениями внешней политики, например экологическим, отводились сравнительно ограниченные пространства, что, тем не менее, за счёт внутренней автономии Государственного департамента в период 2009–2012 гг. открывало дополнительные возможности для реализации их интересов.

В то же время было бы упущением и не обратить внимания на то, как трактовались в стратегиях проблемы, связанные с государствами США, но которые

по своим формулировкам нельзя было чётко отнести к конкретной функциональной сфере.

В тексте национальной стратегии 2010 г.[57] единственный приоритет, который был заключён в общую формулировку и который можно отнести к СВА, касался развития партнёрств и взаимодействий. Как следует из её текста, значительное место в планировании отводилось экономическим проблемам, понимавшимся в рамках развития свободной торговли и либеральной экономики. При этом отсутствие региональной конкретизации указывает, что такое видение Вашингтон распространял на весь мир, а не только на СВА, которая мыслилась составной его частью, живущей по универсальным законам либерализма. Аналогичные мыслительные рамки этот раздел стратегии предписывал также военно-политическим союзам и партнёрствам: в видении президентской администрации они представали единой совокупностью стран, связанных разного рода военно-политическими и военно-техническими обязательствами с Вашингтоном.

Остальные же приоритеты стратегии, заключённые в общие формулировки, содержали ещё меньше конкретики и касались использования международных институтов для продвижения американских интересов, распространения ценностей посредством «мягкой силы», трансформации мирового порядка.

Это указывает на то, что в начале президентского срока Б. Обамы президентская администрация придерживалась восприятия мира как универсального, который можно описать с помощью общих для разных стран и регионов категорий. Соответственно и проблемы настоящего и перспективного развития также воспринимались как общие, лишённые каких-либо локальных акцентов.

В этом контексте от национальной стратегии отличались разведывательная 2009 г.[58] и военная 2011 г.[59] стратегии. С одной стороны, в них признавалась ядерная проблема Корейского полуострова, связанная с развитием ядерного

[57] National Security Strategy. May 2010…
[58] The National Intelligence Strategy. August 2009…
[59] The National Military Strategy of the United States of America. 2011…

оружия в КНДР, с другой стороны, в качестве источника угроз, сложных по своему составу, они выделяли Китай. При этом угрозы виделись, прежде всего, не экономические, а военные, проистекавшие из количественного и качественного роста китайских вооружений, что воспринималось фактором превращения КНР в дестабилизирующую силу в регионе, а подтверждение этому обнаруживалось в росте китайского военного присутствия в спорных районах мирового океана и стремлении провести разграничение морских акваторий на основе собственных юридических подходов, противоречивших западной модели международного права.

Это расхождение в восприятиях во многом объясняет, почему именно военные понимания и подходы заняли место доминирующих в стратегическом нарративе исполнительной власти в 2009–2016 гг. Б. Обама и его команда придерживались идеалистического взгляда на мира, в то время как военно-политическая сфера базировалась на реалистическом фундаменте, на восприятии и интерпретациях угроз, что стало одним из условий роста влияния военных на процесс принятия решений в отношении СВА.

В 2014–2015 гг. международные условия, с точки зрения Вашингтона, в связи с воссоединением Крыма с Россией и ростом противоречий в отношениях с КНР изменились в худшую для США сторону. В это время американская администрация издаёт новую стратегию национальной безопасности [60], презентация которой показала фрустрацию президентской администрации, как и разведывательного сообщества и министерства обороны. Выступление помощника по вопросам национальной безопасности С. Райс [61] свидетельствовало, что исполнительная власть была вынуждена различными пассажами демонстрировать приверженность интересам различных групп общества, в т.ч. тех, чьи взгляды стали менее актуальными к 2015 г. (например, сторонникам либерального экономического порядка, приверженцам «клинтоновского прогрессизма»), ибо иное означало бы

[60] National Security Strategy. February 2015…

[61] Remarks by National Security Advisor Susan Rice on the 2015 National Security Strategy. February 6, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/remarks-national-security-advisor-susan-rice-2015-national-security-strategy (дата обращения: 02.11.2016)

неспособность администрации перестроить систему приоритетов, сохранив при этом видимое политическое единство и правительства, и Демократической партии, и либеральной части общества.

Мировидение, заключённое в национальной стратегии 2015 г., отличалось следующими особенностями. Почти полностью уходят универсалистские по своему характеру приоритеты, остаётся лишь построение миропорядка на выгодных для США правилах. В то же время появляется целый ряд приоритетов, связанных с конкретными странами или международными ситуациями, при этом все они, за исключением одного, связаны со странами СВА. В стратегии зафиксировано наличие комплекса военных угроз, исходящих от северокорейской ядерной программы, которая, с точки зрения Соединённых Штатов, негативно влияла на региональную стабильность, а также несла угрозу агрессии в отношении Соединённых Штатов. Китай виделся источником двух угроз для стабильности в американском её понимании. Первая «китайская угроза» связывалась с необходимостью сдержать китайский подъём, который обладал рядом измерений:

- торгово-экономическим в связи с ростом объёмов производства и занятием большей доли в мировой и двусторонней торговле,

-технологическим в связи с освоением выпуска более сложной гражданской и военной продукции,

-военным ввиду качественного и количественного роста китайских вооружений,

- кибернетическим вследствие американо-китайских хакерских инцидентов в киберпространстве,

- правовым ввиду наличия у китайской стороны собственных юридических аргументов при решении международных споров, которые не соответствовали западному правовому пониманию,

- гражданским из-за разницы в понимании прав человека.

Второй аспект «китайской угрозы» касался акваториальных споров в ВКМ и ЮКМ, что с одной стороны, по мнению администрации лишний раз подчёркивало правовые расхождения между Вашингтоном и Пекином, с другой стороны,

становились благоприятной данностью, позволявшей убедительнее аргументировать необходимость военно-политических союзов США со странами Восточной Азии.

Произошедшая в 2015 г. трансформация общих приоритетов свидетельствует о следующих тенденциях. Во-первых, понимание мира как основанного на универсальных тенденциях, как пространства, которое можно трансформировать, продвигая американские интересы, не выдержало испытание международной реальностью. Соответственно СВА не могла теперь восприниматься сквозь призму идеалистических представлений, распространявшихся на весь мир.

Во-вторых, несмотря на снижение роли универсалистских взглядов, тексты стратегий свидетельствовали, что идеалистическая основа курса в отношении СВА только укрепилась ввиду доминирования военно-политического начала в стратегическом нарративе, усиления восприятия КНР сквозь призму правовой и гражданской подсистем. Это в свою очередь указывало на две взаимосвязанных, но одновременно и противоречивых тенденции: усилилось основанное на интерпретации угроз начало американской политики, что было чуждым для региона, укрепилось влияние военных на внешнеполитическое планирование, которое на практике предполагало опору на реалистическую оценку положения.

В-третьих, к 2015 г. за СВА окончательно закрепилась интерпретация ключевого в мире средоточия угроз американской безопасности, но в то же время границы региона стали трактоваться сравнительно стабильными, мнее подверженными изменениям в контекстах тех или иных функциональных пространств.

Таким образом, в 2009–2014 гг. преобладало либеральное видение мира, с помощью которого исполнительная власть стремилась скрыть межведомственные разногласия. Однако в течение этих лет каждое ведомство в отдельности стремилось дать стройные оценки внешнеполитической и международной действительности. В 2015–2016 гг. межведомственные трения были преодолены за счёт распространения нелиберальных оценок. В то же время в этот период

ослабляется аналитическая стройность стратегий, ведомствам стало сложнее однозначно оценивать международную и региональную обстановку

Если наложить друг на друга анализ текста стратегий и их модели, то можно констатировать, что часто сопровождавшие их противоречия, неясность, несбалансированность оценок, несовпадение подходов к составлению стратегий и аналитическим оценкам компенсировались идеалистической основой американского внешнеполитического мышления, которое в разных формах проявлялось и в национальной, и в ведомственных стратегиях. Это в свою очередь свидетельствует о наличии более глубинного фундамента, на котором стояла политика правительства Б. Обамы в отношении США, но который подобно стратегиям также выражался с помощью текста.

4.2 Внешнеполитический нарратив исполнительной власти: положение в США в системе американских цивилизационных координат

Внешнеполитический нарратив в США, как правило, представлен или в форме стратегий, или в виде комплекса гласных документов Государственного департамента и президентской администрации. В обоих случаях мы имеем дело с ограниченными по времени существования интерпретациями. Однако, если стратегии характеризуются определённой долей системности, что было показано выше, то публичные заявления, на первый взгляд, такой системности лишены. Их форма больше относится к дискурсу, самому простому, лишённому концептуально-теоретических основ уровню нарратива, который, тем не менее, используется правительствами для влияния на другие государства и для достижения своих политических целей[62]. Это, на первый взгляд, формирует представление о нестратегическом внешнеполитическом дискурсе как бессистемном, лишённом основы. Отчасти это справедливо, поскольку он не базируется ни на концепциях, ни на теориях, но у него есть другая основа – культурно-цивилизационная, поскольку внешнеполитический дискурс

[62] Идентичность: личность, общество, политика… С. 12, 421–422.

представляет собой совокупность множества историй, формируемых элитой для обоснования своей политики[63]. Некоторые из этих историй могут обслуживать сравнительно узкие внешнеполитические проблемы, например, права человека, и всё сильнее отрываются от глубинных оснований американской культуры. Доказательством этому служат отсылки к конъюнктурным или историческим событиям, при этом отсылки к культурному фундаменту служат скорее лексическим атрибутом, нежели выражают активную позицию США. Сюда можно отнести и регулярные тиражируемые обращения по случаю различных событий, например, событиям на площади Тянаньмэнь 1989 г.[64] В целом, такие гласные документы стали обязательным атрибутом, который продолжал политическую традицию, заложенную ещё в президентства Р. Рейгана и Дж. Буша.

Иные же истории обретают всё большую культурно-цивилизационную окраску, хотя внешне относятся к обыденным внешнеполитическим вопросам, связанным с миром материального. Это указывает, что именно эти вопросы и направления политики правительство считает приоритетными, краеугольными для формирования такого пространства, в котором оно будет чувствовать себя комфортно не только с позиции текущих интересов, но и с позиции цивилизационного существования Соединённых Штатов.

Рамками для формирования благоприятного пространства выступила игровая внешнеполитическая культура, характерная для англо-саксонских стран. Метафорой игровой стратегии США после холодной войны и выражением либеральных взглядов на неё стала «великая шахматная доска» Зб. Бжезинского. Его видение основывается на постулатах, что Соединённым Штатам необходимо формировать отношения между государствами Евразии в своих интересах, что США нельзя допустить возвышения соперника, господствующего на этом пространстве и бросающего Америке вызов[65].

---

[63] Там же. С. 108–109.
[64] Например, см.: Message by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, on the Twentieth Anniversary of Tiananmen Square…
[65] Бжезинский Зб. Ук. соч. С. 12–13.

После прихода Б. Обамы общая конструкция региональной политики, как она описывается К. Кэмпбеллом, предполагала укрепление отношений с союзниками, установление параметров, определяющих подъём Китая, усиление связей с Тайванем, привлечение к отдельным региональным проблемам европейских союзников США[66].

В период президентства Б. Обамы выделяются два программных мероприятия по презентации культурно-цивилизационных основ американской политики на Тихом океане: презентация павильона США на Всемирной выставке в Шанхае 2010 г., речь о тихоокеанской мечте Дж. Керри в Токио в 2013 г.[67]. С учётом того, что эти мероприятия были организованы при разных правительствах одного президента, на территории разных стран (потенциального оппонента и союзника), со значительной разницей во времени, можно предположить, что формирование культурно-цивилизационных основ политики Б. Обамы в отношении СВА было неоднородным, обладало несколькими векторами и сложной динамикой, предполагало достижение разных целей.

На треке отношений с союзниками ранее всего к культурно-цивилизаионному измерению обратилась Х. Клинтон во время своего первого визита в Японию в феврале 2009 г. Она охарактеризовала американо-японский альянс партнёрством, чьим основанием всегда будет приверженность разделяемой нами безопасности и процветанию[68]. Этот пассаж указывал, что для Вашингтона роль союзника является первостепенной в определении внешнеполитических приоритетов, поскольку именно в контексте военно-политических вопросов госсекретарь использовала адаптируемые для разных ситуаций словесные клише. Уточнение о «разделяемой нами безопасности» указывало, что в США видят Японию надёжным элементом своей военно-политической империи, однако новое правительство ещё не определилось в отношении какой страны должно быть

[66] Campbeii K. Op. cit. P. 198–200.
[67] Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership. April 15, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207487.htm (дата обращения: 23.09.2016).
[68] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, upon arrival in Tokyo, Japan. The U.S. and Japan Collaborating To Address Global Concerns. February 16, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117349.htm (дата обращения: 12.09.2016).

направлено этот сотрудничество. С одной стороны, присутствует упоминание слова «безопасность», что свидетельствует о намерениях Вашингтона следовать традиционной модели её обеспечения через создание угрозы соседнему для себя или для союзника государству. С другой стороны, в выступлении отсутствует страновой контекст, правительство только приступило к работе и не произвело достаточного массива документов, что позволяет говорить об отсутствии конкретной страны, которая могла бы претендовать на место другого в усилиях по укреплению альянса. История XX в. свидетельствует, что в наиболее фундаментальном измерении на него в американских представлениях претендует угрожающая евразийская сила, подобно кайзеровской[69] или фашистской Германии, Советскому Союзу[70], однако в начале XXI в. особенно в условиях подготовки вывода войск из Ирака после череды войн в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также с учётом проблемы передислокации американских военных, расквартированных в Японии, правительство США оказалось фрустрированным, вследствие чего сделало ставку на использование практических культурно-цивилизационных инструментов, а не на создание образов или осуществления системных усилий.

Вторым словом, упомянутым Х. Клинтон, было процветание. Как показывает контекст её интервью газете «Глобал Таймс», процветание прочно связывается с динамичным и инновационным развитием США, обеспечивающим устойчивость и разнообразие, демонстрирующим пример успеха [71] . Исследование И.М. Супоницкой позволяет судить, что успех в цивилизационных координатах США отождествляется с индивидуальным трудовым и предпринимательским вкладом в развитие, посредством которого обеспечивались эффективная рыночная экономика и личная свобода[72]. В.В. Согрин такое понимание успеха связывает с либерально-капиталистическим индивидуализмом, как основополагающим цивилизационным

[69] Курилла И*. Ук. соч. С. 158.
[70] National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 1990. 32 p. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf (дата обращения: 25.03.2024).
[71] Interview by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, to Global Times**.** U.S.-China Achievements Go Beyond Expo. May 21, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142073.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[72] Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М,: РОССПЭН, 2010. С. 247–248.

фактором Соединённых Штатов[73]. Отсюда вытекает другое публичное заключение Х. Клинтон быть оптимистом значит быть свободным, что позволит решить любую проблему, если приступать к делу с верой, мотивацией и усердно трудиться[74]. Это подводит к тому, что второй фундаментальной скрепой Вашингтона и Токио правительство Б. Обамы мыслило либеральную экономику, при этом в отличии от первостепенной, военной скрепы, она обеспечивалась не только за счёт практики, но и за счёт прочных культурно-цивилизационных оснований, что делало её более укоренённой, последовательной, мнее подверженной международной конъюнктуре. Более того, второе заключение госсекретаря указывает на то, что правительство уже в первый месяц своей работы стремилось найти цель для внешнеэкономической политики, чтобы обеспечить динамику курса, чего не наблюдалось в военной сфере.

В то же время принадлежность к единому пространству мыслилась не только в военном и экономическом измерении, она обеспечивалась и экспортом видимой американской культуры. В качестве таковой скрепы Х. Клинтон называла бейсбол, который в 1934 г. нью-йоркская команда «Янки» привезла в Японию, а спустя 75 лет японский бейсболист играл за нью-йоркский клуб[75]. В целом, этот образ имеет связи с образом фронтира, хотя и достаточно слабые, но подтверждает, что, по мысли правительства Б. Обамы, границы неформального американского пространства продвинулись дальше Японии, которая оказалась вовлечённой в него.

В заявлении для прессы по случаю победы Демократической партии Японии (ДПЯ) было обозначено, что американо-японское сотрудничество является ключевым для достижения мира и стабильности в АТР, а стороны будут тесно сотрудничать друг с другом ради достижения безъядерного положения на Корейском полуострове[76], что несло в себе потенциал превращения КНДР в другого, чей образ будет использоваться для укрепления военно-политических

---

[73] Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США…

[74] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Town Hall Meeting at the University of Tokyo. Febryary 17, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117615.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[75] Ibidem.

[76] Press Statement by Ian Kelly, Department Spokesman. Japanese Lower House Election Results. August 30, 2009. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/aug/128445.htm (дата обращения: 12.09.2016).

отношений, что за счёт создания угрозы в отношении неё будет обеспечиваться безопасность США и Японии. В организационном плане это указывало на стремление правительства придать культурно-цивилизационному измерению военной политики системный характер, поскольку практика, соответствующая культуре военно-политического мышления США, была дополнена целью, т.е. обрела динамическое измерение, и велись попытки сконструировать образ другого ради большего укрепления альянса.

В дальнейшем Вашингтон в контексте общности Соединённых Штатов и Японии называл их альянс краеугольным для американского вовлечения в регион и столпом азиатско-тихоокеанской безопасности, поскольку основывается на общей приверженности к демократии, господству права и универсальным правам человека[77]. Этот пассаж также относится к языковым клише, которые являются универсальными для политического языка США, что ещё раз подтверждает, что к началу 2010 г. культурно-цивилизационные элементы, пришедшие из практики, оставались ключевыми для военной политики Соединённых Штатов в отношении Японии.

Однако уже в марте 2010 г. было предложено более структурированное видение американо-японского альянса, который «играет незаменимую роль в обеспечении безопасности и процветания США и Японии, а также мира и стабильности в регионе». По мнению правительства Б. Обамы, этот краеугольный камень стал результатом видения американских политиков в период после Второй Мировой войны, которые осознали важность строительства сильных партнёрств с демократическими, рыночными экономиками, чтобы встретить вызовы второй половины XX в., которые исходили и от бывших американских союзников, и от бывших американских противников. В результате этот военно-политический союз

[77] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State with Japanese Foreign Minister Katsuya Okada After Their Meeting. January 12, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135088.htm (дата обращения: 12.09.2016).

помог не только защитить *(secure)* мир и процветание США и Японии, но и создать условия, приведшие Восточную Азию к процветанию[78].

Иными словами, выступая перед Конгрессом, представитель Дж. Р. Донован воссоздал идеальную картину для существования американо-японского военно-политического союза. Поиск образца для политической конструкции современности в прошлом является нормой для мышления в США[79]. В данном случае образцом для альянса Соединённых Штатов и Японии, который необходимо было достичь в будущем, стал сам альянс Соединённых Штатов и Японии времён холодной войны. Т.Е. необходимым условием для его существования являлся оппонент, за счёт создания военной и экономической угрозы которому можно обеспечить безопасность и хозяйственное развитие США и Японии. КНДР, которую Вашингтон мог выбрать на роль другого для укрепления военно-политического союза с Токио, в полной мере на неё не подходила: нужен был оппонент близкий по свои масштабам к Советскому Союзу, поиск которого должен был проходить среди всех стран АТР. Эта же позиция была подтверждена в ходе мероприятий, посвящённых 50-й годовщине американо-японского союза[80].

Таким образом, на пути формирования программной культурно-цивилизационной интерпретации АТР и места Японии как американского союзника в нём правительство Б. Обамы придерживалось следующих линий. Очень быстро была представлена целостная цивилизационная интерпретация экономической политики США, что указывало на то, что она обеспечивает стабильность отношений двух стран на глубинном уровне. Были определены её элементы, связанные с фундаментальными основаниями, пониманием практики и целью, задающей динамику. А вот про военную политику, которую Вашингтон ставил на первое место, этого сказать нельзя. В первый год большую роль играла

---

[78] Testimony by Joseph R. Donovan, Jr., Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Asia, the Pacific, and the Global Environment. March 17, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/03/138481.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[79] Курилла И.* Ук. соч. С. 39–41; Бейлин Б. Идеологические истоки американской революции. М.: Новое издательство, 2010. С. 30.

[80] Joint Statement of the U.S. – Japan Security Consultative Committee. May 27, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142318.htm (дата обращения: 12.09.2016).

интерпретация практических шагов с помощью адаптируемых языковых клише, в 2010 г. возникло понимание, какой характер должно приобрести системное культурно-цивилизационное видение. Хотя культурно-цивилизационные элементы, связанные с политической практикой, по-прежнему доминировали, сформировались общие контуры образа будущего оппонента, была определена цель, обеспечивавшая динамику развития альянса.

Несколько по-иному формировались цивилизационные основы курса в отношении Республики Корея. Во многом этот процесс облегчало положение на Корейском полуострове, доставшееся в наследство от эпохи холодной войны, в период которой нормальным был дуализм, предлагавший общие клише «хорошие» – «плохие», «чёрное» – «белое». Как отмечает И. Курилла*, квинтэссенция этих представлений пришлась на рейгановскую консервативную волну, которые вобрали религиозные истоки мышления, представления об уникальности американской республики, приверженность верности американской либеральной миссии в мире[81]. В контексте данного исследования необходимо также обратить внимание на то, что именно период президентства Р. Рейгана и идеи с ним связанные стали стартом для исторического периода США, на который пришлось президентство Б. Обамы. Соответственно он не мог избежать влияния этих упрощённых бинарных представлений, тем более что с 1990-х гг. место СССР и его союзников занимают авторитарные в американском понимании режимы, с которыми борются сторонники демократии. Именно это, как указывал И. Курилла*, стало маркером сохранявшейся модели мышления периода биполярного противостояния[82], или, говоря языком настоящей работы, было воплощением «эха прошлого» из времён холодной войны.

Существование КНДР удачно подходило под все перечисленные параметры, а её прежние союзнические отношения с Советским Союзом делали применение к ней этих мыслительных клише ещё более простым. Это предопределило тот факт, что Северная Корея оказалась первой восточноазиатской страной, которую после

[81] Курилла И*. Ук. соч. С. 235, 243.
[82] Там же. С. 266–270.

окончания холодной войны в американском, прежде всего, демократическом истэблишменте стали воспринимать авторитарным оппонентом США, и только позднее, ближе к середине 1990-х гг., ввиду взятого курса на диалог с обоими корейскими государствами и под влиянием циркулировавших среди демократов идей место КНДР занял Китай.[83]

По-видимому, эта модель, сформировавшаяся в 1990-х гг., послужила опорным конспектом для построения угрожающих образов во внешней политике в период президентства Б. Обамы. Об этом свидетельствует текст совместного пресс-брифинга Х. Клинтон и министра иностранных дел РК Ю Мён Хвана в ходе первого визита госсекретаря в Сеул. Она, характеризуя обстановку на Корейском полуострове в контексте шестисторонних переговоров, противопоставила образ Республики Корея, как страны достигнувшей демократии и процветания, тирании и бедности, лежащим к северу от границы [84] . Контекст эксплуатации дуалистических образов во внешней политике и контексте иных выступлений Х. Клинтон, анализированных выше, позволяет заключить следующее. Ею была построена антитеза хорошей демократии и плохой тирании, успеха рыночной экономики и провала иной хозяйственной модели. Тем самым, создавался образ другого для США и Южной Кореи, способный поддержать их союз, т.к. подобные образы были нормой для сверхдержавной внешней политики Соединённых Штатов, а усилия Х. Клинтон укладывались в постоянные поиски нового угрожающего другого, который должен был заместить Советский Союз и социалистический лагерь в американских внешнеполитических представлениях в постбиполярном мире[85]. Примечательным в этом сравнении было то, что в нём не была упомянута КНДР как страна или государство, было обозначено географическое направление, лежащее за границей *(border)* РК. Это свидетельствовало, что правительство Б. Обамы не собиралось воспринимать КНДР как полноценного участника международных отношений, скорее, оно

[83] Christensen T.J. Op. cit. P. 187–188.
[84] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Yu. The U.S. and South Korea Working Together on Regional and Global Issues. February 20, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119412.htm (дата обращения: 25.09.2016).
[85] Подробнее об этих механизмах: Курилла И.* Ук. соч. С. 232–233, 263–264, 275.

воспринимало её территорию как географический вектор приложения внешнеполитических усилий.

В целом, такое положение свидетельствовало, что культурно-цивилизационные координаты внешнего курса на корейском направлении изначально носили более системный характер, чем на японском. Во-первых, была прочерчена связь с имперским мессианизмом, как цивилизационным фактором, о чём свидетельствовал пассаж о достигнутых при американском содействии рыночных и демократических успехах РК, которые были противопоставлены неудаче северокорейского опыта, уходившего корнями в традиционные корейские и восточноазиатские представления, но имевшего внешнюю социалистическую оболочку. Во-вторых, речь Х. Клинтон строго следовала одному из практических клише внешней политики, а именно упрощённому дуальному мышлению. В-третьих, здесь Вашингтон сразу построил образ другого. В-четвёртых, обозначался вектор для приложения усилий.

Также выступление Х. Клинтон свидетельствовало о двух направлениях, в рамках которых будут использоваться цивилизационные внешнеполитические элементы в отношении Республики Корея – экономическое и военно-политическое – причём, как указывает проведённое наложение этих элементов на систему координат, доминирующим было последнее. В то же время следует признать, что разделить их весьма проблематично, т.к. подчас эти направления оказывались прочно связанными в американском мировосприятии.

Следующее обращение к культурно-цивилизационным основаниям имело место в заявлении Госдепартамента в связи с потоплением корвета «Чхонан». В частности, оно содержало пассаж, что «путь, способный привести Северную Корею к безопасности и процветанию, это прекращение провокаций, политики угроз и воинственности в отношении соседей»[86]. С учётом того, что КНДР изначально отводилась роль другого, чей образ укрепляет американо-южнокорейский альянс,

[86] Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Briefing on the Republic of Korea for the traveling press corps. May 24, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142135.htm (дата обращения: 25.09.2016).

безопасность на Корейском полуострове, согласно многовековой практике США, можно было обеспечить только, создав угрозу Северной Корее. Иными словами, использованные здесь адаптируемые речевые клише свидетельствовали, что Вашингтон считал необходимым, чтобы Пхеньян безоговорочно согласился принять американскую позицию в отношении Корейского полуострова. Одновременно таким пассажем демонстрировалась нерушимость военно-политического союза Сеулу.

Этот образ внешнеполитического мышления был подтверждён в ходе визита Х. Клинтон в Сеул в июле 2010 г. Делая заявление для прессы, госсекретарь характеризовала пребывание американских военных в РК и дальнейшее сотрудничество двух стран как шестидесятилетнюю совместную борьбу американского и южнокорейского народа в военное время и ради построения непростого мира *(peace)* посредством демократического транзита и открытого рынка. Этой интерпретации истории противопоставлялась Северная Корея, которая вовлечена в ядерное распространение, прибегает к незаконным действиям в нарушение резолюций Совета безопасности ООН, дестабилизирует обстановку, осуществляет провокации, одной из которых было потопление корвета «Чхонан»[87]. Этим самым прежде абстрактные культурно-цивилизационные образы, понятные для американцев, связывались с исторической и текущей действительностью, осязаемой южнокорейцами, что превращало культурно-цивилизационную составляющую внешней политики не только в фундамент мышления и практики, но и инструмент укрепления союзнических отношений.

Несмотря на логичность действий Вашингтона на южнокорейском направлении, нельзя не заметить, что основным лейтмотивом было, скорее, противопоставление КНДР, а не поиск общности между Соединёнными Штатами и Республикой Корея. Определённые изменения произошли в 2011 г., когда во внешнеполитическую и дипломатическую повестку входит соглашение КОРУС. К. Стефенс, посол США в РК, характеризовала его как приверженность к открытию

[87] Press Availability of Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Korean Foreign Minister Yu Myung-hwan After their Meeting. July 21, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142223.htm (дата обращения: 25.09.2016).

рынков, продвижение свободной торговли таким образом, чтобы от неё выгоду получали все страны, что определённо делает это соглашение частью игры, от которой выигрывают все *(win-win game)*[88].

Чтобы понять смысл заявления посла, обратимся к трансформации, какую пережил фактор подвижного фронтира в консервативном сознании на рубеже 1960-х – 1970-х гг., когда сильно возросла роль внешней торговли для США[89]. С этого времени представители либертарианства, одного из направлений американского консерватизма, считали, что смысл одного из уроков экономического успеха Америки состоит в важности географического пространства, в пределах которого торговля может протекать свободно [90] . Несмотря на разногласия между либертарианцами и неоконсерваторами, которые пришли к власти вместе с Р. Рейганом, и умеренными консерваторами, которых представляли Дж. Буш и его сторонники, эти идеи были восприняты правящими группировками консерваторов. Так, в 1987 г. госсекретарь Дж. Шульц заявил, что интересам США отвечает пространство, в пределах которого действуют нормы и принципы свободной торговли, от которой выигрывают все участники *(win-win game)*[91]. А в конце 1991 г. госсекретарь Дж. Бейкер писал, что в конце XX – начале XXI вв. Тихоокеанский регион для Америки будет аналогом западных земель времён их освоения. Подобно тому как в XIX в. направление экспансии и влияния на Американском Западе было определено телеграфными линиями и железными дорогами, в конце XX в. инфраструктурные связи, которые США прокладывали через Тихий океан, формировали экономический и политический характер региона и американские связи с ним[92].

Таким образом, во внешнеполитическом мировоззрении Вашингтона на Тихом океане в постбиполярную эпоху подвижный фронтир чётко был связан с границей, в пределах которой реализована свободная торговля и действуют

---

[88] Remarks by Kathleen Stephens, U.S. Ambassador to South Korea. U.S.-Korea Free Trade Agreement. April 20, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/161242.htm (дата обращения: 26.09.2016).
[89] Подробнее см.: Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / Под ред. Г.Е. Скорова. М., 1986. С. 342–364.
[90] Боуз Д. Ук. соч. С. 324.
[91] American Foreign Policy. Current Documents. 1987… P. 512.
[92] Baker J.A. Emerging Architecture for a Pacific Community // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. №5. P. 1–18. P. 5.

рыночные экономические силы. В этом контексте ратификация Соглашения КОРУС превращало Республику Корея в составную часть американского пространства, или, говоря обыденным языком, укрепляла общность Вашингтона и Сеула.

В последствии были конкретизированы роли военно-политического альянса и торгового соглашения: последнее создаёт возможности, а первый защищает мир и процветание[93]. Любое упоминание возможностей американцами В.В. Согрин отождествляет с равенством возможностей, которое вытекает из либерально-капиталистического индивидуализма и предполагает, что при наличии свободы и индивидуальной активности (иными словами, заряженности на успех) будут достигнуты неравные результаты. Равенство возможностей предполагало неравенство, подкреплённое экономическим развитием.[94]. С учётом этого, единое пространство на Тихом океане понималось в Вашингтоне как единое, организованное в соответствии с американскими представлениями, где США должны иметь экономическое преимущество. О последнем свидетельствуют невыгодные ограничения, установленные для южнокорейских производителей в рамках Соглашения КОРУС, с которыми Сеул согласился[95].

В дальнейшем перед программным выступлением о тихоокеанской мечте, представители американской исполнительной власти только один раз обращались к культурно-цивилизационному фундаменту США, когда во время визита в РК в марте 2012 г. Б. Обама назвал демилитаризованную зону (ДМЗ) фронтиром свободы [96] . Исследуя феномен свободы во внешнеполитической риторике Соединённых Штатов, И. Курилла* выявил его прочные связи с дуалистическим пониманием мира, уходящим своими корнями в протестантизм [97] , который с приходом Р. Рейгана оказывал одно из решающих влияний на внешнеполитическое мировоззрение и мировосприятие американских политиков. Иными словами,

---

[93] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Kim Sung-Hwan After Their Meeting. June 24, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/167072.htm (дата обращения: 26.09.2016).
[94] Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США… С. 7.
[95] Increasing U.S. Auto Exports…
[96] Remarks by President Obama at Hankuk University. March 26, 2012. URL: https://www.whitehouse.dov/the-press-office/2012/03/26/remarks-president-obama-hankuk-university (дата обращения: 02.11.2016).
[97] Курилла И.* Ук. соч. С. 218.

земли, лежащие к северу от ДМЗ, иначе говоря государство КНДР, воспринимались как пространство, где общественные отношения организованы не по американскому принципу. Если провести здесь параллели с доктриной Трумэна, то эти отношения воспринимались неестественными, искусственно привнесёнными коммунистами извне[98]. Упоминание фронтира, подвижной границы, предполагало, что на северокорейскую территорию необходимо распространить американскую экономическую и политическую организацию общества. Таким образом, Б. Обама пробрасывал мостик не только к традиционному после Второй Мировой войны бинарному делению мира, не только к Т. Рузвельту, который провозгласил Тихий океан зоной активной политики и фактически продолжением американского фронтира, но и к наиболее архаичному представлению американцев о том, как подвижный фронтир можно распространить за пределы США. И. Курилла* обозначил его «цивилизаторской» миссией, которая предполагала, что «туземцев» можно «цивилизовать» не только с помощью Христианства, но и обучив их пользоваться американскими технологиями и техническими новинками. Впервые такие подходы были реализованы в отношении стран СВА в середине – второй половине XIX в.[99] Иными словами, северокорейское пространство рисовалось как населённое безграмотными варварами, которых продвинутые американцы и совершившие при их содействии скачок в собственном развитии южнокорейцы должны были цивилизовать, познакомив с техническими достижениями американского мира, демократической организацией общества, рыночной экономикой.

В остальных же публичных заявлениях, сделанных до программной речи о тихоокеанской мечте, которые касались Корейского полуострова, официальные лица США использовали только адаптивные речевые клише, включавшие слова «мир», «стабильность», «безопасность», «процветание», что с учётом системности и глубины проработки культурно-цивилизационного измерения курса на корейском направлении, можно считать маркерами того, что правительство Б.

[98] О культурно-цивилизационной роли доктрины Трумэна см. Там же. С. 216–220.
[99] Там же. С. 76, 141.

Обамы считало более приоритетным осуществление мировоззренческих идей на практике. На это указывало появление в них пассажей о господстве права и обеспечении прав человека[100].

В целом, культурно-цивилизационное измерение курса Б. Обамы в отношении РК и Корейского полуострова было более системно и более глубоко проработано в сравнении с японским направлением. Об этом свидетельствовало, что в течение 2009–2012 гг. политика была чётка привязана к нескольким культурно-цивилизационным факторам, определявшим политику США на Тихом океане в течение всего исторического периода, на который пришлось президентство Б. Обамы, при этом своими корнями эти факторы уходили в практику, относившуюся не только ко времени начала холодной войны, но и к середине XIX в., что свидетельствует о прочной укоренённости основы курса в ту часть американского внешнеполитического мировидения, которая определяет практику. Для политики был характерен образ другого, а также вектор приложения усилий политики. Иными словами, присутствовали все четыре культурно-цивилизационных измерения внешней политики, что свидетельствует о том, что в 2012 г. политика Б. Обамы в контексте данного аспекта окончательно обрела целостность.

Это резко контрастировало с положением на японском направлении, где курс не обладал культурно-цивилизационной целостностью и проработанностью, что можно считать причиной того, что программная культурно-цивилизационная речь правительства 44-го президента была произнесена именно в контексте политики США в отношении Японии. Композиционно она была несколько необычной, выбивавшейся из общего ряда внешнеполитических выступлений. Сначала госсекретарь Дж. Керри перечислил привычные языковые клише, которые

[100] Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation. January 23, 2012. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm (дата обращения: 26.09.2016); Testimony by James P. Zumwalt, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific. June 6, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/06/191869.htm (дата обращения: 26.09.2016); Joint Statement of the 2012 United States - Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm (дата обращения: 26.09.2016).

многократно повторялись в публичных выступлениях, касавшихся политики в отношении стран СВА. Далее он обозначил цель, к которой необходимо стремиться не только Соединённым Штатам, но и их союзникам и партнёрам, под которой понималось повсеместное распространение американских ценностей. Они в свою очередь по замыслу Вашингтона должны были стать фундаментом новой эры сотрудничества, которое регулируется ясными правилами данного пути[101]. С учётом контекста региональной политики эти слова означали, что конечной целью усилий США вместе с союзниками и партнёрами мыслится взаимодействие между странами и внутри стран на основе американских норм, а правила выступают мерилом, насколько то или иное действие внутри какого-либо государства или на международной арене соответствует американским ценностям. Именно здесь закладывался механизм исключения лишних[102], т.е. наложения ограничений на взаимодействие с теми, кто своим образом жизни и мысли не соответствует американским стандартам. Иными словами, речь шла об объединении не всех стран региона под эгидой американских норм, а только тех из них, которые эти нормы принимали, а это принятие удовлетворяло Вашингтон. Оставшимся отводилась роль другого, чей образ можно было использовать для сплочения участников пространства, выстроенного на американских ценностях. Именно в этом заключалась тихоокеанская мечта Б. Обамы.

Как можно судить по тексту речи, под правилами его правительство понимало не только соответствие американским идеалистическим стандартам, что является элементом взаимодействия с внешним миром на протяжении всей истории США, но и способность реализовать сотрудничество на основе взаимодействия, приносящего выгоду всем его участникам, что подчёркивало приверженность 44-го президента принципам тихоокеанской политики, заложенным правительством Р. Рейгана в первые годы исторического цикла, которому принадлежало и правительство Б. Обамы.

---

[101] Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership. April 15, 2013…
[102] Подробнее о механизме исключения лишних см.: Курилла И*. Ук. соч. С. 142–146.

Практически реализовать тихоокеанскую мечту предполагалось в трёх сферах. Первой из них было укрепление военно-политических союзов на основе образов других. По состоянию на апрель 2013 г., когда была произнесена эта речь, ввиду более системных усилий на корейском направлении единственным таким другим оставалась Северная Корея, чей образ использовался Вашингтоном для сплочения альянсов с участием Японии, РК, Филиппин, Австралии и Таиланда, предпринимались усилия укрепить на этой основе отношения с Китаем. Второй сферой понималась экономика, создававшая процветание честных рынков, т.е. открытых, прозрачных, поддающихся учёту. Именно эти идеи закладывались Вашингтоном в основу ТТП. Третьей сферой выступали гуманитарные обмены, позволявшие жителям стран СВА и АТР лучше понимать американские ценности и образ взаимодействия[103].

Таким образом, второе правительство Б. Обамы намеревалось строить американскую сферу безопасности на основе проверенных механизмов исключения лишних, где ключевой мерой становилась приверженность американским ценностям, образу мышления и действий, а те, кто не соответствовал этим критериям, превращался в реального или потенциального другого, чей негативный образ, выписанный в дуалистических черно-белых тонах, применялся для укрепления альянсов, которые понимались светом, а их оппоненты – тьмой. Экономическое пространство должно было быть построено на основе равенства возможностей и предполагать, что наиболее развитые его участники получат максимальные выгоды, а разрыв между ними и остальными будет увеличиваться. В этом заключался путь к обеспечению экономического доминирования США в АТР и СВА. Гуманитарное пространство прочно связывалось с имперским мессианизмом, только не жёстким, а мягким, предполагавшим просвещение союзников и партнёров через знакомство с американской культурой в широком смысле этого слова, через их приобщение к наиболее передовой, с точки зрения США, цивилизации.

[103] Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership. April 15, 2013…

Здесь же мы впервые сталкиваемся с проявлением английского архетипа американской цивилизации в контексте политики Б. Обамы на Тихом океане. Впервые о наличии такого архетипа у американской цивилизации написал В.В. Согрин, однако видел его связь только с внутренним обустройством США[104]. В свою очередь Е.А. Ларин указал на его внешнее измерение, которое связано с построением неформальной экономической, торговой, финансовой и культурной империи. Главенство в этих измерениях позволяло обеспечить роль неформального, но сильного лидера, который опирался на сеть связей[105]. Подобно тому, как Великобритания построила такую империю в Латинской Америке в XIX в., в 2010- х гг. Соединённые Штаты пытались воспроизвести этот опыт на Тихом океане, сделав ставку на ТТП. Целью было обеспечить доминирующее положение в важнейших процессах АТР и Восточной Азии. Различие заключалось в следующем: Лондон делал ставку исключительно на инструменты (кредиты, договора, проектирование, поставки технологий и оборудования), а Вашингтон дополнил их критерием соответствия правилам, что, как замечал В. Овчинников, является неотъемлемым элементом, организующим повседневную жизнь англичан[106]. Это указывает, что при планировании тихоокеанской политики Б. Обамы английский архетип проявился на уровне культурно-цивилизационных фундамента и практики, вектора приложения усилий.

Однако, здесь нужно сделать оговорку, вспомнить, что США, представляя христианский мир, являются также и одним из самых молодых христианских государств, а значит для их политического сознания характерны наиболее архаичные формы и тесная связь с религией. В этом контексте правила становятся инструментом защиты порядка, восходящего к религиозному фундаменту общества[107]. Таким образом, распространившаяся при Б. Обаме формула «порядок, основанный на правилах» предполагает не только регламентацию взаимодействия, но и её сакрализацию, а отказ от следования этим правилам мог восприниматься в

[104] Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США… С. 8–13.
[105] Великобритания и Латинская Америка (XVI – XXI вв.) / Под ред. Е.А. Ларина. М.: Наука, 2022. С. 7.
[106] Овчинников В.В. Ук. соч. С.277–279.
[107] Аликберов А.К. Ук. соч. С. 356–357, 654.

американской системе координат как вероотступничество. Иными словами, Вашингтон не просто последовал культурной логике материнской для Америки страны, но переосмыслил её сообразно своим цивилизационным координатам: правилам отводилась миссионерская функция просвещения азиатских стран, что соответствовало фактору имперского мессианизма и архетипу града на холме.

Иными словами, культурно-цивилизационное измерение политики второго правительства Б. Обамы в отношении стран СВА как составной части АТР было глубоко проработанным. Во-первых, политика опиралась на ряд фундаментальных архетипов и факторов американской цивилизации, которые обеспечивали им доминирование в регионе. При этом данные основания были не только распределены между сферами курса, но и скреплены между собой. Во-вторых, к ним чётко привязывалась внешнеполитическая практика, описываемая с помощью культурно-цивилизационных образов действия и клише. В-третьих, чётко прописывались критерии для формирования образа другого, которые в зависимости от ситуации в будущем можно было применить к любой стране региона. В-четвёртых, была чётко обозначена цель движения, а также сформулированы критерии, определявшие характер этого движения.

В дальнейшем общий вектор движения был дополнен географическим. Так СВА была обозначена ядром американского регионального пространства безопасности, а Япония – его краеугольным камнем. Опыт взаимодействия с ней США называли условием экстраординарного экономического роста, а сам опыт необходимо было распространить на другие страны Азии, в то время как исключительно для военной сферы перспективным пространством для распространения американо-японского опыта назывались страны Индийского океана [108] . Тем самым высвечивалась цивилизационно мотивированная пространственная организация Тихоокеанского региона в американских представлениях: США – ядро, Япония – ключевой союзник и краеугольный камень

[108] Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Secretary of Defense Chuck Hagel, Japanese Foreign Minister Fumio Kishida and Japanese Defense Minister Itsunori Onodera October 3, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/10/215073.htm (дата обращения: 23.09.2016).

региональной архитектуры за пределами Соединённых Штатов, страны Азии – приоритетное пространство для распространения опыта американо-японского взаимодействия, страны Индийского океана – перспективное пространство для перенесения американо-японского военного взаимодействия. В свою очередь это свидетельствовало, что произошла смычка культурно-цивилизационных основ и ведомственных интересов во внешнеполитическом планировании: стоявшая на экономических позициях администрация президента определяла курс в отношении АТР, военные, оппонировавшие ей, формировали приоритет в отношении союзников и индоокеанского пространства.

Расширение географического пространства, к которому должен был быть приложен цивилизационный вектор, требовало и поиск новых других. На эту роль в 2014 г. американским правительством был выбран Китай. Хотя он прямо не назван в текстах, в одну плоскость поставлены КНДР, которая уже являлась другим, и сила, нарушающая границы и применяющая военную силу при решении акваториальных споров в ВКМ и ЮКМ[109],

Наконец, меняется и понимание роли Японии в тихоокеанской политике. В условиях расширения географических рамок, в пределах которых не только Вашингтон, но и Токио проводил активную политику, которая на тот момент устраивала американскую сторону, правительство Б. Обамы пошло на передачу ряда культурно-цивилизационных функций США своему важнейшему союзнику. Во-первых, за Японией признавалась функция создателя экономических стандартов для всего мира. Во-вторых, за ней признавалась и «цивилизаторская» миссия в самом архаичном смысле американским представлений. В Госдепартаменте считали, что подобно тому, как американцы цивилизовали японцев с помощью технических новшеств в прошлом, японцы смогут цивилизовать иной мир в настоящем[110]. Вероятнее всего именно в этом кроется ключ к пониманию широкой внешнеполитической «автономии» правительства С.

[109] Remarks by William J. Burns, Deputy Secretary of State, at Press Roundtable at Embassy Tokyo. January 24, 2014…
[110] Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. The United States and Japan: Allies, Global Partners, and Friends for the Future. January 13, 2015. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235903.htm (дата обращения: 24.09.2016).

Абэ, о которой писал Дж. Д. Браун[111]. Такое перераспределение цивилизационных функций в контексте активной дипломатии японского премьер-министра в отношении России указывает на то, что Вашингтон решил через союзника продемонстрировать Москве силу рыночного примера[112], более успешного в понимании США, чем пример китайского госкапитализма. Тем самым предпринималась попытка сдерживать нового другого в азиатско-тихоокеанской политике Соединённых Штатов, Китай, с помощью России в АТР, вовлекая её в американскую орбиту не прямо, а через союзника-посредника.

Таким образом, программная речь, адресованная, в первую очередь Японии, позволила придать цивилизационному измерению американской политики на этом направлении большую системность, обозначить вектор цивилизационного движения, а также, чего не встречалось раньше, определить характер этого движения. Впоследствии это позволило не только определить США как лидера тихоокеанского региона, но и обозначить Японию как американского *alter ego*[113]. Это укладывалось в изменившееся понимание географической структуры АТР в культурно-цивилизационном контексте, в которой были выделены пять сегментов сообразно значимости для Соединённых Штатов и их ведомственной вовлечённости (ядро, *alter ego,* прочие союзники, приоритетные и перспективные пространства для распространения американского опыта), а также два других – КНДР и Китай – на противопоставлении которым Вашингтон пытался построить новую архитектуру региональных отношений в СВА.

В отношении Республики Корея в первые месяцы после программной речи, произнесённой в Японии, культурно-цивилизационное измерение внешней политики не претерпело существенных изменений: по-прежнему Вашингтон прибегал к привычным практическим шагам в виде адаптируемых речевых клише, место важнейшего другого в системе образов занимала КНДР. Единственным

---

[111] Brown J.D. Op. cit.

[112] О силе примера в американской практике см.: Курилла И*. Ук. соч. С. 86–87, 125–126.

[113] Здесь нужно понимать, что Япония воспринималась *alter ego*, но не тождественным или аналогичным, а значит существовали области, в которых предстояло её «доцивилизовать» до американских стандартов. Одной из таких областей было японское внешнеполитическое планирование, которое на протяжении 2011–2022 гг. последовательно приводилось в соответствие с американскими стандартами. Подробнее см. раздел 5.1.

новшеством стали памятные практики и связанные с ними пассажи в публичных выступлениях, но они были направлены на поддержание уже сложившейся системы культурно-цивилизационного измерения корейского курса США. Соответствующим примером стало посещение Юн Бён Се, главой МИД РК, Корейского мемориала на Национальном Молле во время визита в Вашингтон[114].

Содержание публичных выступлений меняется в 2015 г., когда помощник госсекретаря Д. Рассел упомянул, что к ключевым сферам, которые определяет будущее американо-южнокорейских отношений, относится совершенствование не только процветания, связанного с развитием рыночных экономических отношений, но и региональной архитектуры, от которой обе страны зависели[115]. Это указывало на то, что в понимании правительства Б. Обамы Республика Корея не только прочно вошла в американское пространство, но и была способна взять на себя функции близкие или соотносимые с теми, какие США делегировали Японии. С учётом изменившегося восприятия последней Республика Корея, в американском понимании, также становилась страной с ограниченной «цивилизаторской» миссией.

Может показаться, что в контексте изменившейся политики в отношении Северной Кореи, которая была связана с обеспечением доступа её жителей к альтернативным источникам информации, «цивилизаторская» миссия предполагала именно либерализацию Северной Кореи. Однако, документы Госдепартамента свидетельствуют, что образ северокорейского другого по-прежнему эффективно использовался Соединёнными Штатами для укрепления военно-политического сотрудничества с РК[116]. Речь шла об ином и касалась изменений повестки в рамках двустороннего альянса. Её расширение заместитель госсекретаря Э. Блинкен характеризовал как новые фронтиры для будущего, где

[114] Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting. January 7, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/01/219446.htm (дата обращения: 27.09.2016).
[115] Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, at Center for Strategic and International Studies "Korea Going Forward" Conference. June 3, 2015. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/06/243120.htm (дата обращения: 28.09.2016).
[116] Preview of the Visit of Republic of Korea President Park Geun-hye. Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Mark Lippert, Ambassador to South Korea. October 14, 2015. URL: http://fpc.state.gov/248192.htm (дата обращения: 28.09.2016).

Соединённые Штаты и Республика Корея работают вместе[117]. В качестве этих фронтиров назывались здравоохранение, киберпространство, климат, энергетика, космос[118]. Именно в этом состояло отличие в перераспределении ролей между США и Японией, США и Южной Кореей. В первом случае «цивилизаторская» миссия приобретала строго фиксированный географический вектор сообразно классическому архетипу фронтира, то в случае Республики Корея вектор был сугубо функциональным, а «цивилизаторская» миссия имела двоякий характер. С одной стороны, предстояло освоить новые пространства, сформировать для них правила, утвердить нормы взаимодействия в них, переместить в эти сферы людей на что указывает упоминание слова «фронтир», который не только можно понимать как способную двигаться в географическом или функциональном смысле границу, но и как состояние разработки правоприменительной практики, перенесения связанного с ней опыта, эксперимента по применению текущего законодательства, создание специфических общественных институтов, подготовку почвы для государственного регулирования[119]. С другой стороны, эти новые сферы позволяли «цивилизовать» с помощью норм и технических новшеств не только отдельный регион, но и весь мир, поскольку в документах Госдепартамента отсутствовало упоминание каких-либо географических пространств в этом контексте.

Внешне наблюдателю может показаться, что тенденции в отношениях США со своими военно-политическими союзниками в СВА приобрели характер «делегирования цивилизационных полномочий», что в корне неверно. Э. Блинкен, характеризуя заслуги Б. Обамы, говорил, что его понимание азиатского подъёма поможет США определить, каким будет новый век. В течение 2009–2016 гг., по словам Э. Блинкена, США усилили в Азии порядок, основанный на правилах,

[117] Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, With First Vice Foreign Minister Cho Tae-yong at ROK Ministry of Foreign Affairs. October 6, 2015. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/248055.htm (дата обращения: 28.09.2016).
[118] Preview of the Visit of Republic of Korea President Park Geun-hye…
[119] Подробнее о правовой функции фронтира см.: Супоницкая И.М. Ук. соч. С. 63–66.

нормах, институтах, углубили связи с союзниками, вкладывая силы в новую геометрию отношений и поощряя сотрудничество[120].

Это заявление свидетельствует, что все предпринимавшиеся действия служили обеспечению бесспорного регионального лидерства Соединённых Штатов, построению в соответствии с английским архетипом разветвлённой неформальной империи, пронизывающей максимально возможное количество функциональных сфер, а «делегирование отдельных цивилизационных функций» наиболее верным союзникам стало необходимой уступкой, позволяющей включить инокультурные общества СВА в единое с Америкой пространство.

Кроме того, исследование О.Г. Лекаренко[121], посвящённое участию США в переговорах о Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, позволяет характеризовать эти уступки и как повторение прошлого внешнеполитического опыта. Именно тогда была апробирована соответствующая схема. Если союзники делают шаг вперёд в некотором вопросе, который имеет политический контекст, или обладают некоторыми преимуществами в подобных вопросах (в нашем случае, лучшее понимание региональной обстановки и технологическое развитие в перспективных сферах), Соединённые Штаты для поддержания с ними крепких отношений будут нуждаться в сдерживании другой силы, близкой по своему уровню США, но при этом сохранят за союзниками свободное пространство для предложений, которые могут быть полезны для будущего американских союзнических отношений.

Иными словами, военно-политический и экономический фундамент отношений США с Японией и Республикой Корея Б. Обама дополнил культурно-цивилизационным, который базировался и на американских цивилизационных основаниях, и на внешнеполитическом опыте США, а последний делал необходимым найти силу, в отношении которой можно было реализовывать

---

[120] Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, at Brookings Institution. U.S.-Japan-R.O.K. Trilateral Relationship. March 29, 2016. URL: http://www.state.gov/s/d/2016d/255277.htm (дата обращения: 24.09.2016).

[121] Лекаренко О.Г. Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54. – №6. – С. 31–47.

политику сдерживания. С учётом сложившейся конфигурации региональных отношений на её роль могла претендовать только КНР.

Собственно, вторая дорожка культурно-цивилизационного измерения курса Б. Обамы в отношении СВА касалась Китая. Она обладала рядом отличий от курса в отношении союзников. Во-первых, программным мероприятием здесь стала презентация американского павильона на Всемирной выставке в Шанхае, которая была одним из первых обращений правительства Б. Обамы к фундаментальным цивилизационным основам США. Ничего подобного мы не наблюдали в отношении Японии и Южной Кореи, где программная речь была произнесена только на пятом году президентства. Кроме того, в этой презентации активно участвовали сотрудники Государственного департамента. Во-вторых, именно на китайском направлении президентская администрация с самого начала обращалась к культурно-цивилизационному измерению политики чаще и глубже, чем в случае Японии и Республики Корея. Предварительно такое положение можно объяснить активной межведомственной борьбой в 2009–2012 гг., но, главным образом, стремлением включить Китай в американское пространство на Тихом океане, который к тому времени виделся американской исполнительной власти неопределившимся игроком, обладающим потенциалом последовать примеру Японии и РК.

Первым обращением к американским культурно-цивилизационным основаниям в контексте политики в отношении КНР стала встреча Б. Обамы со студентами в Шанхае во время визита в Китай в ноябре 2009 г. Советник президента Дж. Бадер вспоминал, что её цель заключалась в том, чтобы продемонстрировать важность американо-китайских отношений молодому поколению китайцев, а также более широкой китайской аудитории, подключившейся к телевизионной трансляции, которая живёт в системе других взглядов на жизнь и мир [122], иначе говоря в другой системе культурно-цивилизационных координат.

[122] Bader J.A. Op. cit. P. 58.

Первый образ, к которому обратился Б. Обама, было судно, которое Дж. Вашингтон отправил в Империю Цин для развития торговли. Попутно 44-й президент интерпретировал действия Дж. Вашингтона, который к тому моменту (1784 г.) ещё не был президентом США, как демонстрацию флага во всём мире и формирование новых связей с другими нациями, такими как Китай. При этом также было упомянуто, что общим, непреложным для всех американцев является желание достигать новых горизонтов, налаживать взаимовыгодные партнёрства[123]. При такой трактовке смешалось несколько цивилизационных образов. Отправку судна Дж. Вашингтоном Б. Обама интерпретировал сообразно речи А. Бевериджа «Поступь флага» 1898 г. В таком контексте этот образ значил, что, если США и не подразумевали необходимость управления китайцами без их согласия, то, по крайней мере, указывали им на необходимость стать верными учениками Соединённых Штатов, подобно кубинцам и филиппинцам после Американо-Испанской войны. Кроме того, этот образ указывал на то, что в Вашингтоне не намерены воспринимать Пекин как равного партнёра, но как участника международной системы, которому необходимо было американское покровительство[124]. Также интересна формулировка о достижении новых горизонтов, которая указывает на то, что подвижный фронтир достиг берегов Китая, и его территория теперь воспринималась как пространство, которое предстояло освоить Соединённым Штатам, внедрив американские практики в различные сферы китайской жизни. Наиболее подходящими из них президенту виделись те, которые сочетаются с понятиями равенство и свобода[125], и соответственно предполагают внедрение личных свобод, уважения прав человека, рыночных условий, в которых выигрывает тот, кто обладает преимуществами, способными обеспечить неравенство в конечных достижениях. Основанием для последнего Б. Обама считал экономические и научно-технические достижения

[123] Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. November 16, 2009…
[124] О культурно-цивилизационном смысле речи «Поступь флага» см.: Курилла И.* Ук. соч. С. 134–135
[125] Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. November 16, 2009…

Китая[126]. В этом действительно была параллель с экономическим развитием Соединённых Штатов, основанном на постоянном внедрении новшеств.

Более того, по мнению хозяина Белого дома, не только американские взгляды на Китай, не только его успехи служили культурно-цивилизационным обоснованием его политики, но и общее прошлое, совместное сражение против угрожавших и доминировавших евразийских сил XX в.: германского фашизма, японского милитаризма, Советского Союза[127]. Борьба с СССР, с американской точки зрения, особенно сближала страны, а значит делала КНР подходящей для внедрения американского опыта.

В этом контексте абсолютно понятной выглядит концепция американского павильона на Всемирной выставке в Шанхае, который был призван сформировать чёткий образ страны в глазах тех, кто никогда не был в США, а главное, дать понять, что делает американцев американцами. По мнению посла Дж. Хатнсмана, история американского духа раскрывается в виде трёх образов и факторов[128]. Первый из них – равенство возможностей, которое обеспечивает развитие рыночной экономики, достижение успеха, который является результатом самостоятельного, интенсивного труда, и измерялся экономическими успехами и личной независимостью каждого.

Второй из них – архетип града на холме, раскрывавшийся через презентационный ролик, в котором девочка горожанка растила цветок, друге горожане, жившие по соседству, ей помогали, а когда город был разрушен бурей, они вместе его восстанавливали[129]. Если расшифровать эти образы, они будут означать следующее. Девочка выступала аллегорией Америки, семя и цветок аллегорией демократии, поскольку, как замечает Б. Бейлин, на заре американского общества, когда и возник образ града на холме, под семенами понимали образ зарождавшихся политических традиций[130]. Город, собственно, и выступал градом

---

[126] Ibidem.
[127] Ibidem.
[128] Special Briefing on Secretary Hillary Clinton's Upcoming Visit to the 2010 Shanghai Expo. May 14, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/05/141870.htm (дата обращения: 29.09.2016).
[129] Ibidem.
[130] Бейлин Б. Ук. соч. С. 58.

на холме, который в представлениях жителей американских колоний XVIII в. обеспечивал благополучное, счастливое и процветающее существование округи. Соседи горожане представлялись переселенцами из других земель (из других стран), нашедшими здесь Землю Обетованную, чистую и совершенную, невиданную со времён апостолов[131]. Восстановление же города должно было укрепить веру пришедших в павильон в вечность демократии, в то, что она является конечной и предопределённой точкой развития человечества, к которому оно придёт, несмотря ни на какие препятствия[132].

Третий культурно-цивилизационный элемент – богоизбранность, исключительность США, которая раскрывалась через название VIP-салона, т.е. салона для избранных, «1776», который указывал на год обретения американскими колониями независимости[133]. Тем самым правительство Б. Обамы позиционировало опыт независимости своей страны как уникальный, которому необходимо следовать, которому необходимо учиться, а последовавшие и обучившиеся попадают в круг избранных. На такое понимание образного места VIP-салона указывает и история восприятия американского опыта в других странах[134], и традиционное самовосприятие Соединённых Штатов в качестве нового Израиля, несущего всем народам ковчег общемировых свобод и демократических ценностей[135], и включение Б. Обамой Японии и Южной Кореи в американское пространство на основе культурно-цивилизационных представлений.

С точки зрения госсекретаря Х. Клинтон, немаловажным для существования Америки было процветание, которое обеспечивает устойчивость и разнообразие[136]. Эти её взгляды мы разбирали в начале раздела, поэтому только обозначим, что процветание отождествлялось с индивидуальным трудом, обеспечивавшим

---

[131] Там же.
[132] Подробнее о культурно-цивилизационной интерпретации временного вектора США см.: Там же. С. 30; Курилла И.* Ук. соч. С. 35–36, 39, 41.
[133] Special Briefing on Secretary Hillary Clinton's Upcoming Visit to the 2010 Shanghai Expo…
[134] Курилла И.* Ук. соч. С. 86–87.
[135] Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США… С. 19.
[136] Interview by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, to Global Times. U.S.-China Achievements Go Beyond Expo. May 21, 2010…

личную свободу и бесперебойное функционирование рыночной экономики, иными словами, с успехом.

Наконец, госсекретарь демонстрировала веру в силу американского примера, которую прежде в Вашингтоне отождествляли исключительно с политической сферой. Здесь же Х. Клинтон прочно связала её с образом американского запада, как залогом успеха, который воплотился в потрясающих Всемирных выставках в Чикаго и Нью-Йорке, которые имели важное историческое значение, а выставка в Шанхае имела важное значение для современного мира. В этом и заключался смысл участия США в ней [137]. Иными словами, Х. Клинтон указывала, что Соединённые Штаты достигнув успеха, доказали себе, что они его достигли, а теперь приехали в Шанхай убеждать остальной мир в силе экономического примера, который основан на свободном движении не только в географическом плане, но и связан с обеспечением свободы взаимодействия, а также открытии новых, ещё не освоенных функциональных сфер. Более того, географическая последовательность в выступлении Х. Клинтон указывала на то, что опыт свободы на периферии страны способен изменить в лучшую сторону её географическую и цивилизационную колыбель.

Выступление Б. Обамы перед студентами в Шанхае и презентация американского павильона на Всемирной выставке в Шанхае были призваны нарисовать для китайской стороны следующий образ. США являются единственным и исключительным лидером мира, как в политической, так и в экономической областях, но при этом обладают силой примера, который привлекателен для других стран. Они же в свою очередь нуждаются в патернализме со стороны Соединённых Штатов. Американская опека является необходимым условием, которое обеспечивает процветание. Последнее невозможно без осуществления на практике американской рыночной модели, без привнесения демократических начал в недемократические общества. Соответствие этим

[137] Remarks Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Meet and Greet with USA Pavilion Student Ambassadors and Employees at USA Pavilion at the Shanghai Expo. May 22, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142125.htm (дата обращения: 29.09.2016).

критериям не только обеспечит поступательное хозяйственное и политическое развитие Китая, но и приблизит его к конечной, с американской точки зрения, цели, к демократическому венцу исторического развития, позволит КНР сначала войти в круг избранных американских партнёров, а впоследствии совместно с США изменить рыночную экономическую и демократическую политическую системы к лучшему, т.е. эффективно влиять на процессы внутри Соединённых Штатов.

Здесь также необходимо понимать, что этот образ не только был направлен в отношении Китая и его правительства, но и служил американскому правительству картой, с которой оно намеревалось сверять культурно-цивилизационное измерение курса в отношении Китая. Этот вовсе не означает, что Б. Обама, его советники и министры были готовы следовать исключительно этим координатам, появление новых было вполне нормальным явлением, но в таком случае созданный в 2010 г. образ выступал для них контекстом.

Столь напористое, ориентированное на крайне широкую аудиторию продвижение культурно-цивилизационного измерения в случае КНР происходило не без влияния тайваньского опыта американского влияния. На протяжении всего президентского срока Б. Обамы правительство США верило, что именно Тайвань, с которым долгое время тесно сотрудничала американская сторона, стал примером того, что Китай может быть не архаичным, а современным *(modern),* а развитие Тайваня трактовалось исключительно как история политического и экономического успеха. Критерием этой современности выступало соответствовавшее американскому образцу демократическое развитие, покоившееся на экономическом успехе и процветании. Этот пример вселял в американское правительство уверенность, что КНР последует тайваньскому примеру и создаст внутриполитическое устройство и экономическую модель, отвечающую американским цивилизационным представлениям [138] . Иными словами, восприняв тайваньский опыт как успешный, правительство Б. Обамы

[138] Speech by David B. Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affair. July 7, 2010. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/07/144363.htm (дата обращения: 26.01.2025); Remarks by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Trends in U.S. – Taiwan Relationship. October 3, 2013…

сочло необходимым перенести его на территорию КНР, тем более что она, в понимании Вашингтона, обладала двумя такими же критериями, что и Тайвань: она была населена китайцами, а сотрудничество с ней в Соединённых Штатах воспринималось ценным. Последнее также подтверждается тезисом о мирном положении в Тайваньском проливе[139], которое, по американским представлениям после окончания холодной войны, было возможно только между демократическими странами[140], т.е. принимающими американскую политическую и экономическую модель.

В 2011 г. внешне политика в отношении КНР укладывалась в рамки обозначенных культурно-цивилизационных координат. По-прежнему, взаимодействие в сфере безопасности мыслилось в соответствии с опытом антисоветской политики Р. Рейгана, кроме того, Китай ставился в один ряд с американскими союзниками, поскольку те выступали против развития отношений в русле мышления нулевой суммы, а характер взаимодействий Пекина и Вашингтона, с точки зрения последнего, не удовлетворял развитию двустороннего сотрудничества[141]. Б. Обама и вовсе называл Китай «членом сообщества наций»[142], чем создавал ощущение принадлежности КНР к западному миру, ведомому Соединёнными Штатами. Произнося на приёме, организованном по случаю государственного визита Ху Цзиньтао в США, тост в честь народа Америки и граждан Китая, американский президент пожелал им расти вместе, процветать вместе в мире *(in peace),* осуществить им мечту о будущем для себя, своих детей и внуков[143].

Тем самым создавалось внешнее ощущение принадлежности Китая американскому пространству, страны, идущей одним путём с Америкой,

---

[139] Speech by David B. Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. July 7, 2010…
[140] National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 1990. 32 p…
[141] Inaugural Richard C. Holbrooke Lecture on a Broad Vision of U.S.-China Relations in the 21st Century by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. January 14, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/154653.htm (дата обращения: 01.10.2016).
[142] Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of China at Official Arrival Ceremony. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china-official-arrival-ceremony (дата обращения: 02.11.2016).
[143] Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of China in an Exchange Toasts at State Dinner. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china-exchange-toasts-state-dinner (дата обращения: 02.11.2016).

принимающей американские модели обеспечения собственной безопасности за счёт безопасности других, экономического развития за счёт внедрения частной инициативы и рыночных сил, а также следующей тому же вектору, что и США, улучшающей себя в соответствии с американскими культурно-цивилизационными образцами. На последнее указывает контекст слова «мечта», которое связано с временным вектором, направленным в будущее, вследствие чего стремление к мечте становится тождественным джефферсоновскому стремлению к счастью, т.е. переустройству страны и самосмоврешенствованию в соответствии с лучшими образцами цивилизации США. В то же время, чёткое отделение Китая от американских союзников в публичных выступлениях, несмотря на пассажи об общих интересах для обеих групп стран, показывало, что все позитивные характеристики даются Пекину авансом, формируют его имидж на будущее, но они не исключали, что Китай может обрести и иную роль в представлениях Вашингтона о региональной архитектуре, при том что сами представители исполнительной власти США убеждали внутреннюю аудиторию, что осталось только доходчиво объяснить китайскому народу, что демократические свободы являются подлинным залогом рыночного развития, и дождаться, когда жители КНР поверят пропаганде Государственного департамента [144], а с помощью СЭД у китайской стороны разовьются необходимые привычки взаимодействия[145].

О том, что среди ведомств администрации и правительства стали возникать противоречия в отношении того, как в соответствии с культурно-цивилизационной системой координат оценивать Китай, свидетельствует выступление вице-президента Дж. Байдена во время визита в Монголию. В числе прочего оно содержало следующую характеристику. «Демократическое путешествие монгольского народа началось с маленькой демонстрации на День прав человека в 1989 г., которая расцвела в движение, вдохновившее монгольский народ. Оно

[144] Testimony by Jennifer Park Stout, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Oversight and Investigations. April 6, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/160055.htm (дата обращения:01.10.2016).
[145] Fact Sheet. The U.S.-China Strategic and Economic Dialogue, Rounds I-IV Strategic Track Outcomes. May 4, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189288.htm (дата обращения: 03.10.2016).

привело страну к первым свободным выборам, которые покончили с однопартийным правлением»[146]. Упоминание 1989 г. как стартовой токи движения к демократии и упоминание Дня прав человека, указывало, что Дж. Байден создал образ Монголии, оппозиционной в культурно-цивилизационном плане Китаю, который в том же году подавил демонстрацию на площади Тяньаньмэнь[147] и не отказался от однопартийной системы, но сблизился с Соединёнными Штатами. Для КНР это означало, что в случае нежелания следовать американским моделям, США могут сделать ставку на формирование в регионе образа другого, враждебного демократии, Америке и странам, разделяющим её политические ценности.

В дальнейшем произошёл ряд значимых изменений в американской внешней политике. Во-первых, уход Х. Клинтон с поста госсекретаря позволил централизовать внешнеполитическое планирование. И хотя на китайском направлении президентская администрация и внешнеполитическое ведомство действовали созвучно, теперь же они становились двумя элементами единого целого. Во-вторых, в 2012 г. в ходе подготовки к саммиту АТЭС в России в Вашингтоне определились с универсальным критерием для определения другого, который мог быть применён к любой стране мира. Им выступило присутствие государственных корпораций, которые, по мнению американского правительства, нарушали свободную конкуренцию из-за преференциального в их отношении регулирования [148] , а с позиций культурно-цивилизационных координат препятствовали существованию либерально-капиталистического индивидуализма, обеспечивавшего успешное развитие.

В 2013 г. эти тенденции сполна проявились на китайском направлении курса Б. Обамы. Объясняя смысл ТТП, Дж. Байден характеризовал эту инициативу

---

[146] Remarks by Vice President Biden and Mongolian Prime Minister Batbold. August 22,2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/08/22/remarks-vice-president-biden-and-mongolian-prime-minister-batbold (дата обращения: 02.11.2016).

[147] Со времён президентства Дж. Буша стало нормой издавать президентской администрацией или Государственным департаментом заявления, в которых осуждалось подавление демонстрации на площади Тяньаньмэнь в таких тонах, чтобы это формировало негативный образ Китая, отрицательно относящегося к демократии, гражданским свободам и правам человека.

[148] State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. March 2, 2012. URL: http://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm (дата обращения: 25.05.2012).

словами «смотреть на запад из Западного полушария»[149]. Последнее в культурно-цивилизационном плане всегда воспринималось как пространство, где успешно реализуется доктрина Монро, приведшая к распространению совершенной американской системы. В ходе этого процесса США объявлялись свободными в выборе средств для увековечивания доктрины в той или иной стране. При этом, как подчёркивали Е.А. Ларин и Н.С. Иванов, с течением времени географический охват доктриной Монро менялся[150]. Тем самым Дж. Байден объявлял Тихий океан и Восточную Азию сферой американского экономического экспансионизма, в ходе которого Вашингтон был готов применять любые допустимые меры в отношении тех стран, чья экономика не соответствовала американским представлениям о правильности и совершенстве. Китай был одной из таких стран, и США были заинтересованы в том, чтобы внести свою лепту в достижении китайской мечты[151], которую они представляли себе согласно изложенным выше взглядам Б. Обамы, которые в свою очередь отсылали к взглядам Т. Джеффорсона. Иными словами, второе правительство Б. Обамы считало, что оно должно научить Китай вести экономические дела в соответствии с правильным пониманием рынка, на котором отсутствуют государственные китайские предприятия, а государственное регулирование не даёт им преференций.

Ещё одним поводом для обращения к наследию Т. Джефферсона, которое оценивается как один из элементов идейного фундамента Соединённых Штатов, глубинных идей, проявляющихся на практике крайне редко, но обладающих протестным характером[152], стали разногласия между Вашингтоном и Пекином в кибернетической сфере, где американская сторона критиковала китайскую за попытки государственного регулирования интернета, стремления подавить в нём свободу и за ряд кибернетических инцидентов. При этом свою позицию о свободе интернета, управлении им многими участниками США обосновывали цитатой Т.

---

[149] Remarks by Vice President Joe Biden on Asia-Pacific Policy. July 19, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/07/19/remarks-vice-president-joe-biden-asia-pacific-policy (дата обращения: 02.11.2016).
[150] Великобритания и Латинская Америка… С. 552–558.
[151] Solo Press Availability in Beijing. John Kerry, Secretary of State. April 13, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207469.htm (дата обращения: 04.10.2016).
[152] Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 34.

Джефферсона, что «воля народа является единственным легитимным основанием любого правительства, и защищать её свободное выражение должно быть нашей первой заботой»[153]. Этим они показывали, что будут твёрдо стоять на том, чтобы Китай строил кибернетическую архитектуру внутри своей страны по американским образцам и принципам.

Обращение правительства Б. Обамы к идейным истокам американской цивилизации и внешней политики США, к архаичным образам на китайском направлении свидетельствовало, что между сторонами наметилось серьёзное расхождение, векторы разнонаправленного дрейфа в экономической и кибернетической сферах, что на практике выражалось в стремлении навязать китайской стороне американские стандарты, которые правительство КНР принять было не готово.

Следствием этой линии стало то, что Дж. Керри в ходе визита в Китай в феврале 2014 г. поставил его правительство перед достаточно жёстким выбором. В ходе выступления он назвал США тихоокеанской державой, какой они являлись на протяжении всей истории в XIX, XX и XXI вв., а сотрудничество с Китаем обозначил критически важным для обеспечения стабильности и процветания[154]. Иными словами, госсекретарь подтвердил, что Китай является важнейшим элементом для построения неформальной американской империи в соответствии с англо-саксонским архетипом на Тихом океане. То, что США были названы тихоокеанской державой на протяжении всей истории, отсылает к образу фронтира с самых ранних, примитивных форм его существования. А.В. Яковенко замечает, что образ фронтира и понимание западного вектора как основного для географического движения американского народа и распространения американской культуры был бы невозможен, если бы в 1803 г. не была приобретена Луизиана[155]. Это определило, что США двигались на Запад, освоив американский

---

[153] Keynote Address: U.S.- China Internet Industry Forum by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. April 9, 2013. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm (дата обращения: 04.10.2016).

[154] Solo Press Availability of John Kerry, Secretary of State, in Beijing, China. February 14, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221658.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[155] Америка против всех… С. 16.

континент, тихоокеанское пространство, и теперь намеревались освоить азиатский континент, т.е. его страны должны были выступить пространством для распространения и внедрения американских политических и экономических норм. Наконец, освоение Тихого океана с конца XIX в. было сопряжено с модернизацией доктрины Монро, аналогичную попытку предпринимало и правительство Б. Обамы, что предполагало безоговорочное признание странами региона за Соединёнными Штатами роли регионального лидера, примера, которому необходимо следовать.

Иными словами, Дж. Керри указывал, что для продолжения взаимовыгодного в американском понимании партнёрства Китаю необходимо было признать американское лидерство, скопировать и перенести на свою территорию весь опыт Соединённых Штатов, встроиться в неформальную глобальную иерархию, ведомую США в их экономических интересах. Только так, по мнению Вашингтона, Пекин был способен обеспечить благополучное экономическое развитие Восточной Азии.

Стабильным же регион понимался посредством обеспечения безопасности американских сторонников через ущемление безопасности другого, в этом случае Северной Кореи, которую необходимо было подвергнуть денуклеаризации, в процессе которой Китаю отводилась роль главного американского помощника[156].

В случае несогласия с этой позицией Китаю предлагалась альтернативная перспектива стать в американском восприятии ещё одним другим, подобно КНДР, нарушающим порядок, основанный на правилах, создаваемых для межгосударственного взаимодействия на Тихом океане, постоянно конфликтующим со своими соседями, провоцирующим их[157].

Последнее свидетельствовало, что Вашингтон окончательно привёл свою политическую линию в отношении Пекина к водоразделу, после которого Китаю было суждено или стать частью неформальной американской тихоокеанской империи, или превратиться в другого, с которым неизбежна конфронтация, чей

[156] Solo Press Availability of John Kerry, Secretary of State, in Beijing, China. February 14, 2014…
[157] Ibidem.

негативный образ будет использоваться для укрепления политических и экономических отношений с другими странами региона. Более того, как выявил в своём исследовании И. Курилла*, дуализм американского внешнеполитического мышления усиливался в переломные для внешнего курса моменты, тем более что в сознании американской элиты по-прежнему была жива бинарность, в соответствии с которой оценивались Советский Союз и социалистический лагерь[158]. В таком контексте, усилия госсекретаря были направлены на поиск нового другого, способного вдохнуть новый смысл во внешнюю политику Соединённых Штатов, а Китай был выбран в качестве потенциальной страны, чей образ был способен занять нишу ключевого оппонента, подобно СССР в начале холодной войны.

В 2015 г. Дж. Керри в интервью Пекинскому телевидению изложил эту позицию ещё более жёстко и лаконично: Китай должен играть по глобальным, а не по собственным правилам[159]. Столь жёсткая оценка ситуации, столь жёсткий призыв к Китаю указывал, что политика, основанная на привычных для Соединённых Штатов культурно-цивилизационных представлениях, эффективно работавшая в отношении индейцев на американском Западе, была сравнительно эффективной в отношении Японии и Южной Кореи, натолкнулась на китайскую реальность, которую не смогла трансформировать в соответствии с американскими взглядами на организацию политической и экономической сфер общества. Фактически длительный курс, который подразумевал построение либеральной рыночной экономики и демократического общества в Китае, вступил в полосу безысходного кризиса, Формулировка Дж. Керри указывала, что политические верхи США готовы воспринимать Китай как «другого Я»[160], т.е. как другую Америку, действующую аналогично американской внешнеполитической логике мышления, но представляющую совершенно другой ориентир для остальных народов. Прежде США сталкивались с подобным только один раз, когда после Октябрьской революции на альтернативу Соединённым Штатам стала

[158] Курилла И.* Ук. соч.
[159] Interview of John Kerry, Secretary of State, With Beijing TV's Yang Lan. September 24, 2015. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/09/247490.htm (дата обращения: 07.10.2016).
[160] Подробнее о феномене «другого Я» см.: Аликберов А.К. Ук. соч. С. 296.

претендовать Советская Россия[161], с которой США находились, то в состоянии «горячей» борьбы в виде интервенции, то в состоянии холодной войны с Советским Союзом. В этом контексте данное замечание Дж. Керри стало предвестником закономерного превращения КНР в другого, враждебного Соединённым Штатам, и в экономике, и в политике, и в сфере вооружений, что и проявилось на практике уже в период первого президентства Д. Трампа, развилось при Дж. Байдене с включением соответствующих оценок КНР в стратегические документы[162].

О кризисе внешнеполитической линии свидетельствовало и непостоянство тональности официальной риторики Вашингтона, а также выбор проблем для оценок. Так, ещё недавно бывший жёстким, излагавший видение отношений в строгом бинарном ключе Дж. Керри в 2016 г. обращался к культурно-цивилизационному измерению, чтобы приветствовать движение Китая на пути к рыночной экономике[163]. Б. Обама же в свою очередь ограничился призывом к Пекину сделать ставку на экономические отношения с Вьетнамом и другими соседями, поскольку пример США показывал, что все страны, с которыми они воевали или находились в состоянии конфронтации, становились впоследствии экономическими партнёрами[164].

Иными словами, Вашингтон пытался представить положение как экономический успех продвижения американского фронтира в Китае, продемонстрировать, что КНР важна для США экономически, а также повлиять на китайское правительство, обращаясь к силе собственного примера, который, как показывала вся история Соединённых Штатов был самым безболезненным и самым эффективным инструментом влияния на другие страны [165] . Это свидетельствовало, что правительство Б. Обамы осознало допущенную ошибку, но

---

[161] Курилла И.* Ук. соч. С. 169.

[162] Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance (дата обращения:04.03.2021); Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022...

[163] Remarks John Kerry, Secretary of State, Secretary of the Treasury Jacob J. Lew, Chinese Vice Premier Wang Yang, and Chinese State Councilor Yang Jiechi. June 7, 2016. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258163.htm (дата обращения: 07.10.2016).

[164] Remarks by President Obama and Prime Minister Abe after Bilateral Meeting. May 25, 2016. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-after-bilateral-meeting (дата обращения: 02.11.2016).

[165] Курилла И.* Ук. соч. С. 86–88.

оказалось не готово отказаться от своего китайского курса. Как следствие кризис сохранился: применяемые инструменты перестали быть эффективными, а Китай так и не был включён в американское пространство на Тихом океане.

Фактически подводилась черта под политикой в отношении Китая, которая в культурно-цивилизационном измерении прошла несколько стадий. Первой была стадия создания в 2009–2010 гг. образа, выступавшего целью, которую правительство США стремилось достичь в отношении КНР, и одновременно картой, с которой правительство 44-го президента сверялось. Вторая стадия предполагала воплощением курса на практике при созвучии усилий администрации и Государственного департамента в 2010–2012 гг. На третьей стадии Соединённые Штаты перешли к прямолинейной реализации этого курса со стремлением поставить Китай перед фактом неизбежной необходимости принять американские правила при межведомственном единоначалии в 2013–2015 гг. Она привела к четвёртой стадии, кризису курса в 2015–2016 гг.

В целом, политика Б. Обамы в отношении стран СВА продемонстрировала три культурно-цивилизационных стратегии. Наиболее фундированной, проработанной, целостной и последовательной выступает та, что реализовывалась в отношении Республики Корея, поскольку она имела в качестве фундамента ряд архетипов и цивилизационных факторов, соотносимые элементы практики, образ другого и определение вектора движения. Впоследствии эта стратегия была адаптирована к новым региональным условиям и собственным достижениям РК, что выразилось в «делегировании» ей части американских культурно-цивилизационных полномочий, чтобы та с пользой для себя и Соединённых Штатов освоила новые функциональные пространства.

В отношении Японии, другого союзника США, отношения с которым обладали культурно-цивилизационным измерением в экономической и политической плоскости, правительство Б. Обамы придерживалось другой стратегии. Причиной этому было ограниченное число элементов фундаментальной, практической и временной составляющих, а также отсутствие образа другого, без которого невозможно было эффективное функционирование

военно-политического альянса. Выходом стала постепенность. Как следствие целостная цивилизационная основа для политики на японском направлении сформировалась только в 2013 г., а прообразом ему служил опыт на южнокорейском направлении, вследствие чего здесь курс имел ту же траекторию развития, предполагавшую «делегирование» части цивилизационных полномочий США с учётом меняющегося регионального положения, корыстной американской заинтересованности и собственных достижений Японии, которые в отличии от южнокорейского случая были связаны не с технологическим развитием, а собственным политическим взглядом на регион, который лучше учитывал баланс между государствами.

Результатом этой политики стало включение Японии и Республики Корея в американское культурно-цивилизационное пространство на правах младших партнёров Соединённых Штатов, участников неформальной американской империи на Тихом океане. Этого удалось добиться, поскольку культурно-цивилизационное измерение строго опиралось на сложившиеся объективные условия, а обе страны были военно-политическими союзниками США, что позволяло более целостно выстроить систему цивилизационных координат для практической политики.

В случае с курсом в отношении Пекина в Вашингтоне придерживались иной культурно-цивилизационной стратегии, которая предполагала создание модели, с которой впоследствии сверяли эффективность политики и соответствие Китая американскому культурно-цивилизационному стандарту. В то же время эта модель не была целостной, а практика в отношении Китая имела в числе прочего и дуалистический характер, что оставляло в политике и двусторонних отношениях пространство для реализации любого сценария. В итоге стремление реализовать на практике идеалистический шаблон и отсутствие целостной системы координат привели к кризису китайского курса Б. Обамы. Хотя и из него американское правительство смогло извлечь для себя выгоды, начав превращение образа Китая в образ враждебного другого, на основе которого намеревалось скрепить в регионе

целое связи не только с союзниками, но и с партнёрами, как своими, так и с партнёрами союзников при их посредничестве.

Фактически результатом культурно-цивилизационного измерения политики Б. Обамы стало начало формирования бинарной системы международных отношений в СВА, которую потом можно было сравнительно легко масштабировать на весь АТР. В её центре стоял образ Китая как враждебного США и демократическому и рыночному миру государства, против которого необходимо взаимодействие других стран. Их лидером мыслились Соединённые Штаты, важнейшими помощниками их союзники, а третью ступень в предлагаемой иерархии должны были занять партнёры США. Построение такой структуры с учётом разветвлённой сети военно-политических альянсов США на Тихом океане и их пониманием СВА как тихоокеанской военно-политической лаборатории к 2015–2016 гг. становилась наиболее вероятным перспективным сценарием американской политики в АТР.

Общее состояние американского официального нарратива, в котором описывалось положение СВА и роль США для региона, и в виде стратегий, где исполнительная власть стремилась представить целостный образ, и в виде публичных документов, в которых она обращалась к культурно-цивилизационным основаниям, позволяет реконструировать следующую эволюцию регионального курса США.

Хронологически его можно разделить на два этапа. На первом, который пришёлся на 2009–2014 гг. доминировало идеалистическое видение мира, соответствовавшее либеральным политическим и экономическим представлениям, которые опирались на ряд американских культурно-цивилизационных оснований. В целом, в течение этого периода американские инициативы и достижения интерпретировалось как реальный или перспективный успех. Будущее понималось как заведомо известный результат внедрения американских экономических и политических норм существования и взаимодействия в других странах региона. При этом стратегическое видение было более целостным, хотя и несбалансированным, а наиболее значимым обозначался политический вектор

курса. В свою очередь публичные документы, в которых зафиксировано обращение к культурно-цивилизационным основаниям, указывает на приоритетность экономического курса, по крайней мере, до 2012 г. Последнее свидетельствует, что интерпретации региона, а также роли и места США в нём в течение первого президентского срока Б. Обамы были противоречивыми. А уменьшение акцента на экономической составляющей указывало, что началось усиление идеалистической картины региона, которая связывалась в первую очередь с политическим измерением курса.

В 2015–2016 гг. эта тенденция только усилилась, и проявилась, как в стратегиях, так и в выступлениях американских политиков. Это выразилось в перенесении модели интерпретации мира, основанной на образе враждебного другого, на экономическую сферу, усиление военно-политических начал в понимании настоящего и будущего СВА вследствие стабильно высокой роли военных в формировании правительственного мировидения, интеграцию в это видение новых адаптируемых речевых клише. Такое положение стало следствием аналитической фрустрации исполнительной власти к 2015 г., из-за чего она оказалась неспособной сформировать целостную картину регионального видения, а противоречия наметились не только между функциональными разделами нарратива, но и в пределах одного суждения, которым, как правило, характеризовался Китай.

Вследствие этого регион СВА приобрёл следующую образную картину. Его центром, играющим положительную роль, обозначались США. Их союзники, Япония и Республика Корея, включались в американское тихоокеанское пространство, они выступали помощниками по распространению американской экономической и политической модели. Тайвань дополнял их как образец. Им противостояли враждебные другие, которые, по американским представлениям, выбирали путь конфронтации, отказа от следования примеру Соединённых Штатов. Место другого прочно занимала Северная Корея, а с 2015 г. его занимает и Китай вследствие того, что идеалистическая политика в его отношении оказалась неэффективной, а для укрепления системы союзов и партнёрств в СВА и АТР

требовался образ более мощной и многомерной угрозы нежели ядерная программа КНДР. Наконец, в регионе находилась Россия, которую в контексте восточноазиатских дел Вашингтон и его союзники относили к неопределившейся. Несмотря на все сложности европейского измерения отношений после воссоединения Крыма, на Тихом океане она воспринималась как дополнительный участник экономического сдерживания Китая за счёт укрепления торговых отношений с американскими союзниками. Подобное восприятие было нацелено и на Монголию, которую на протяжении всего президентства Б. Обамы воспринимали как дополнительного участника политического сдерживания КНР посредством примера эффективной либерализации общества.

Вследствие этого состояние официального американского нарратива в период президенства Б. Обамы свидетельствует о неудачной попытке реализовать либеральные идеалистические устремления на практике и возвратный переход к жёсткому, бинарному чёрно-белому мировидению, характерному для периода холодной войны, который теперь должен был распространиться не только на политическую, но и на экономическую, а также и другие сферы (киберпространство, климат, энергетика, космос), для которых, по американскому мнению, ещё не были написаны правила. Таким образом, Б. Обама, сначала веривший в безусловное воплощение американских идеалов на земле, с 2015 г. стал ориентировать Соединённые Штаты на системное, многомерное, пронизывающее максимально возможное количество сфер жизнедеятельности общества противостояние американского добра и неамериканского, с наибольшей долей вероятности китайского, зла. Географически же ареной противостояния должны были стать восточноазиатское, азиатско-тихоокеанское и индо-тихоокеанское пространства.

Глава 5. Практическая реализация курса США в отношении стран СВА в 2009–2016 гг.

Сложное переплетение социальных процессов внутри Соединённых Штатов, которые были вызваны к жизни курсом прежних правительств, их внешнеполитические наработки и клише, которые превратились в руководство к действию, идейное наследие либерализма 1990-х гг., породившее дошедшую до самоуверенности веру в силу американского примера, изменения в расстановке политических сил, как в США, в целом, так и в масштабах политических партий, отсутствие чёткой и постоянной согласованности между стратегическим нарративом и официальной интерпретацией региональной политики, высокая роль устойчивых образов и бессознательного в определении и интерпретации внешнего курса стали сложным, мозаичным контекстом для внешней политики правительства Б. Обамы, вследствие чего она была обречена предстать в виде совокупности локальных векторов, хронологически ограниченных отрезков времени, множества инструментов.

Предпосылки для политики правительства 44-го президента в отношении СВА проявились в 1990-х гг. Вера в триумф либеральной экономической идеи, которая поспособствует кооперации ведущих центров капиталистической экономики, а США превратит в их связующий узел, не позволила Вашингтону вовремя заметить процессы региональной многосторонней самоорганизации в Восточной Азии, которые в дальнейшем привели к созданию ВРЭП. Как следствие Вашингтон оказался за пределами восточноазиатских интеграционных процессов в тот момент, когда американское правительство признавало экономическое направление ключевым во внутренней и внешней политике. Дуалистическая вовлечённость в дела региона, при которой в политической плоскости, опираясь на военно-политические союзы, Соединённые Штаты придерживались европейской международно-политической культуры, а в экономической – признавали исторически сложившиеся нормы конфуцианской системы, не позволяла выстроить целостную политику на более широком тихоокеанском направлении, составной частью которого являлся курс в отношении СВА. Как следствие в

регионе не сложилось единство экономического и военно-политического полей, которые регулировались едиными или близкими и сопоставимыми договорами, что требовало от руководства США предлагать различные двусторонние новации. В экономической сфере ими стали двусторонние ССТ, учитывавшие особенности каждого случая, а в военно-политической – формат «2+2» в отношениях с Японией. Кроме того, в 1990-х гг. была отработана общая модель для конструирования образа региональных угроз, при которой сначала предпочтение отдавалось КНДР, а после – Китаю.

Такое положение указывало на то, что потенциально в XXI в. Вашингтон сделает ставку на то, чтобы догнать упущенные тенденции региональной интеграции, в то же время его политика в регионе будет вариативной и зависеть от постоянно меняющейся повестки и набора инструментов.

Непосредственной предтечей политики 44-го президента стал курс 2006–2008 гг. В последние годы своего президентства Дж. Буш-мл. фактически сформировал каркас политики в отношении СВА, в котором был вынужден существовать его преемник: в 2006 г. была провозглашена идея тихоокеанской зоны свободной торговли, которая в 2008 г. перешла в практическую плоскость после присоединения США к инициативе ТТП, в 2006 г. был запущен формат «четвёрки», который стал попыткой разнообразить военно-политическую архитектуру военно-политических «треугольников», тогда же были запущен прообраз СЭД в отношениях с Китаем. Кроме того, в институционализации отношений со странами СВА Б. Обама опирался и на разработки администрации Б. Клинтона. В частности, был возрождён формат «2+2» в отношениях с Японией, который был предложен в 1997 г., а в 2014 г. он был запущен в отношениях с Республикой Корея. Иными словами, 44-й президент и его правительство наследовали идеи предшественников, воплощая и развивая их на практике.

С учётом описанных выше пространственно-временных особенностей политика Б. Обамы в отношении СВА носила четырёхчастный характер. Во-первых, стремясь наверстать упущенные тенденции интеграционной самоорганизации региона после азиатского кризиса 1997 г., 44-й президент

повысил в ней роль общерегиональных инициатив. Ключевой такой инициативой было ТТП, которое позиционировалось Вашингтоном как образец для построения экономических отношений на Тихом океане. К ней присоединилась Япония.

Во-вторых, администрация Б. Обамы чётко выделяла регионы ЮВА и СВА, причём в отношениях со странами последней (Китаем, Японией и Республикой Корея) по характеристике официальных представителей Белого дома доминировали именно политические и военные проблемы[1]. Кроме того, в регионе присутствовала общая для всех стран проблема денуклеаризации Корейского полуострова и ракетно-ядерной программы КНДР, которая регулярно поднималась на встречах послов США по особым поручениям с официальными лицами других участников шестисторонних переговоров и в ходе иных дипломатических контактов. Эта проблема представляла для вашингтонской администрации возможность изменить конфуцианскую архитектуру региона, основанную на двусторонних отношениях и совпадении практического интереса, на европейскую, основанную на многостороннем взаимодействии и политическом (т.е. идеалистическом) фундаменте.

В-третьих, в регионе отсутствовали интеграционные многосторонние форматы, общие для всех стран региона. Как следствие большое значение на этом направлении внешней политики приобрело страновое измерение курса, а значит и специфический, вариативный набор инструментов политики, форматов взаимодействия.

В-четвёртых, в угоду ситуативным политическим контекстам и интересам правительство Б. Обамы могло варьировать географические границы региона. По крайней мере, общедоступные источники свидетельствуют о четырёх таких случаях. Наиболее распространённым является регулярное включение России в состав СВА в контексте ситуации на Корейском полуострове, если принять во внимание приведённое выше понимание СВА в Вашингтоне. Вторым примером

[1] Background Press Briefing on Vice President Biden’s Trip to China, Japan and Republic of Korea. November 27, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/27/background-press-briefing-vice-president-biden-trip-china-japan-and-republic-korea (дата обращения6 05.11.2016).

является определение района Берингова моря как части АТР, несмотря на то что в официальных документах США относят его к Арктике[2]. Это произошло в ходе саммита АТЭС 2012 г., в повестку которого в числе прочего входило межрегиональное сотрудничество Дальнего Востока России и тихоокеанских штатов США[3]. Третьим примером стало включение арктической проблематики в отношения с Японией, содействие становлению её арктической программы [4], а также обсуждение арктической проблематики с КНР в 2016 г.[5] Таким образом, Арктика, являясь самостоятельным направлением в планировании, политически и ситуативно вплеталась в ткань курса Б. Обамы в АТР. Четвёртым примером являются эпизодические обращения к Монголии в контексте косвенного воздействия на Китай в области демократии, прав и свобод человека, регулирования экономической деятельности.

Существовали, как будет показано в этой главе, и обратные примеры: проблематика оставалась сугубо региональной, не выходящей за пределы СВА, однако состав стран, которые вовлекались в обсуждение или решение проблем, выходил далеко за её пределы. Такое положение характеризовали модернизацию американской региональной военно-политической архитектуры, а также попытки сформировать многостороннюю коалицию в контексте проблемы соблюдения прав человека в КНДР.

Наконец, нельзя забывать, что страновая архитектура СВА в американском внешнеполитическом планировании была задана не только объективными параметрами, но и во многом культурно-цивилизационным восприятием региона, который таким образом, делился на союзников, КНДР, которой в зависимости от контекстов присваивались разные роли, и Китай, политика в отношении которого выделялась в качестве отдельного направления.

---

[2] См. например: National Strategy for the Arctic Region. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctiv_strategy.pdf (дата обращения: 03.03.2014).

[3] Press Availability in Vladivostok, Russia. Hillay Rodham Clinton, Secretary of State, Consulate General Vladivostok. September 9, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/197534.htm (дата обращения: 10.09.2012).

[4] Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee. June 21, 2011…

[5] U.S. Fact Sheet for President Obama's Bilateral Meeting with President Xi Jinping. September 03, 2016...

Таким образом, общее понимание географической структуры региональной политики, позволяет нам предположить, что политика США в отношении стран СВА определялась двумя парами дихотомических процессов. В первом случае общерегиональная повестка, имея выраженное экономическое измерение, влияла на процессы в СВА, в то время как субрегиональная повестка, имея выраженное измерение в области политики и безопасности, влияла на общерегиональную проблематику. Во втором случае, повестка странового курса могла трансформировать восприятие структуры региона, что указывает на возможность обратного влияния: изменённое восприятие региона меняет содержание политики в отношении конкретной страны. Проанализируем, как эти тенденции воплощались на практике.

5.1 Политика в отношении союзников: региональный контекст и страновое измерение

Вследствие особенностей восточноазиатских систем международных отношений и господства неолиберальной идеи во вннешнеполитическом планировании США в отношении тихоокеанского пространства первоначально доминировала экономическая повестка. В то же время вплоть до 2010 г. администрация Б. Обамы воздерживалась от того, чтобы быть здесь активной, поскольку период до августа 2009 г. характеризовался наиболее острой фазой экономического кризиса [6] , противодействие которому было в центре экономического курса нового правительства. Только к 2010 г. у него сформировалось общее понимание долгосрочной экономической политики, нацеленной не только на преодоление кризисных явлений в национальном хозяйстве, но и на его поступательное интенсивное развитие. Она включала в себя следующие элементы. Первый, рост роли государственного заказа с целью стимулировать рост обрабатывающих производств. Второй, переосмысление роли торгового дефицита и места США в глобальной торговой системе, которая

[6] Экономика США в XXI веке… С. 11.

заключалась в сохранении гибкости и инновационных преимуществ, которые обеспечивали технологическое лидерство, в то время как можно было позволить иным странам производить менее технологичное оборудование, поставляемое в США[7]. Третий, прямая и косвенная поддержка перспективных исследований, с целью совершить технологический рывок. Четвёртый, либерализация внешнеторговых и внешнеэкономических отношений как фактор роста занятости и производства.

На азиатско-тихоокеанском направлении наиболее показательным воплощением экономической политики стало ТТП, которое полностью соотносится с последним пунктом. За счёт участия в нём американское правительство намеревалось создать точки экономического роста в разных регионах США. Выступая на втором раунде переговоров о Соглашении о ТТП, который проходил в Сан-Франциско в 2010 г., торговый представитель США Р. Крик указывал, что наибольшим потенциалом экспорта в страны АТР обладают Вермонт, Мичиган, Вашингтон, Массачусетс и Южная Каролина, в торговле которых доля региона варьируется от 41% до 88%, а основными статьями их поставок были электроника, транспорт, машины и оборудование[8]. (Приложение 2)

Не менее важным для федерального правительства было поддержать отдельные отрасли национальной экономики, экспорт которых был ориентирован на страны, ведшие переговоры о Соглашении о ТТП. В отношении машиностроения планировалось отменить 59% действующих налогов и пошлин, в отношении электронной отрасли – 70%, в отношении информационной отрасли – 35%. Для отраслей сельского хозяйства эта цифра составляла 40% для птицеводства и производства фруктов, 35% для соеводства. Также администрация Б. Обамы была обеспокоена существовавшей диспропорцией участия компаний во внешнеэкономической деятельности. Так количественно в 2014 г. 98% от их числа составляли малые и средние предприятия (МСП) и только 2% корпорации, а по

[7] Conference Call With Reporters to Discuss Vice President Biden Trip to China, Mongolia and Japan. August 15, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/08/15/conference-call-reporters-discuss-vice-president-biden-trip-china-mongolia-and-japan (дата обращения: 02.11.2016).
[8] Trans-Pacific Partnership. Round 2…

объёмам поставок МСП занимали только долю в 5%, в то время как 95% поставок приходилось на крупный бизнес[9].

Этим самым администрация намеревалась решить две социально-экономические проблемы: укрепить рост производства, а также сохранить и увеличить занятость населения. Для обоснования своей позиции оно приводило следующие аргументы: с начала 2-го десятилетия XXI в. на АТР приходился 61% американского экспорта, а его рост на фоне посткризисного восстановления в 2010 г. составил 25,5%, при этом особо подчёркивалось, что 72% сельскохозяйственного экспорта и 37% экспорта услуг приходится на АТР[10]. Подписание Соглашения о ТТП позиционировалось средством защиты рабочих мест в США, поскольку 95% потребителей американских товаров находится за пределами США[11].

Если внутренними причинами американского участия в ТТП были необходимость обеспечить рост производства, предприятия – рынками сбыта, сохранить высокую занятость населения, то внешняя стратегия предполагала достижение следующих целей.

В торговом аспекте, наиболее явном в данном контексте, цели Вашингтона позволяет выявить анализ страновой (приложение 3) и отраслевой (приложение 4) структуры экспорта и импорта. По состоянию на 2014 г., когда группа участников переговоров оформилась и стабилизировалась, выделялись две неравные группы стран. В первую входили Мексика и Канада, являющиеся ведущими торговыми партнёрами США, на которые приходилось 76% экспорта, 78,6% импорта и 74,2% оборота[12]. Поскольку между ними и Соединёнными Штатами с 1994 г. действовало соглашение НАФТА, эти две страны не принимаются во внимание при анализе отраслевой структуры торговли. Более того, нельзя забывать, что Б. Обама

---

[9] Fact Sheet. How the Trans-Pacific Partnership (TTP) Boosts Made in America Exports, Supports Higher-Paying American Jobs, and Protects American Workers. October 05, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/fact-sheet-how-trans-pacific-partnership-tpp-boosts-made-america-exports (дата обращения: 04.11.2016).

[10] Fact Sheet: The United States in the Trans-Pacific Partnership. November 12, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/12/fact-sheet-united-states-trans-pacific-partnership (дата обращения: 05.11.2016).

[11] Statement by President on the Trans-Pacific Partnership. October 05, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership (дата обращения: 04.11.2016).

[12] Рассчитано на основе данных Статистического бюро США. См. приложение 3.

предпринял попытку реализовать на практике идеи по построению мировой либеральной экономической архитектуры, высказывавшиеся при У. Клинтоне. Согласно им США должны были стать связующим звеном между азиатско-тихоокеанским, североамериканским и европейским экономическими центрами[13]. В этом контексте включение Мексики и Канады в ТТП стало первым шагом по воплощению этого американского глобального проекта. В то же время присоединение североамериканских стран чётче высвечивает логику американской стратегии. Поскольку на оставшиеся страны приходится около 25% торговли США с участниками ТТП, а среди них выделяется Япония с долями 9,1% в экспорте, 15,2% в импорте, 12,4% в обороте от общих объёмов, то внешняя стратегия состояла не в простом расширении экспорта или обеспечении производственных объёмов. Общие данные по долям указывают, что Японии отводилось место якорного партнёра Соединённых Штатов в этом объединении. В свою очередь анализ номенклатуры американского экспорта и импорта в страны АТР позволяет говорить, что среди ведущих статей торговли наибольшее количество совпадений в паре «экспорт – импорт» наблюдается по двум статьям: машины и оборудование, электроника. Это указывает на стремление Вашингтона сформировать в регионе экономическую, торговую и технологическую сеть взаимодействия с Соединёнными Штатами в центре. При этом ядром взаимодействия должны были стать именно машиностроительная и электронная отрасли. (Приложение 4).

Ещё чётче цели раскрывают официальные комментарии Новой Зеландии, страны-депозитария Соглашения о ТТП. В целом, они свидетельствуют, что его тридцать глав логически разделены на 9 разделов. Ключевой из них касался открытия рынков и широкой либерализации торговли, которая обеспечивалась за счёт устранения максимального числа тарифных ограничений, в первую очередь, таможенных и налоговых. При этом для каждого отраслевого рынка вводились специфические процедуры и исключения. Единственным общим средством регулирования доступа к национальным рынкам оставалась стандартизация,

[13] Печатнов В.О. Ук. соч. С. 446.

которая касалась норм качества и санитарии [14] . Вместе с товарами либерализовывались и рынки услуг, которые касались разных сфер: медицины, экологии, образования, туризма, послепродажного обслуживания техники. Однако, если для товаров делались минимальные исключения, которые должны были реализовываться с помощью общих процедур, то в случае с услугами правительства могли прямо вводить национальные регуляторные и ограничительные меры в отношении отраслевых рынков услуг. Одновременно данный раздел соглашения упрощал поездки бизнесменов и специалистов [15] . Близкое по своему смыслу регулирование содержалась в главах, касавшихся инвестиций: наряду с введением общих норм регулирования, направленных на защиту инвестиций и унификацию норм в этой сфере, закреплялось право национальных правительств подвергать планы инвесторов в отдельных отраслях дополнительным проверкам на этапе согласования[16]. Другой раздел предписывал государственным предприятиям следовать рыночным правилам, ровно, как и правительствам, которым они принадлежали, следовать рыночным принципам регулирования, не использовать правовые механизмы в качестве средств поддержки государственного сектора [17] . Одновременно широкая либерализация должна была коснуться государственного заказа: страны, подписавшие Соглашение о ТТП, должны были отрыть доступ к своим госзаказам для всех компаний всех его участников [18] . Важное место отводилось защите прав интеллектуальной собственности. При этом особое внимание уделялось фармацевтической отрасли, для которой вводилась пятилетняя защита ноу-хау и вновь разработанных лекарств[19], что давало определённые преимущества наиболее

[14] Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Goods-Market-Access.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
[15] Market Access in Non-Goods Sectors. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Maket-Access-Service-Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
[16] Trans-Pacific Partnership. Investment and ISDS. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
[17] Trans-Pacific Partnership. State-Owned Enterprises and Designated Monopolies. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_SOEs.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
[18] Trans-Pacific Partnership. Government Procurement. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Govt-Procurement.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
[19] Это положение восходит к американскому опыту применению «специальной 301» Торгового закона 1974 г. Этот опыт заключался во введении ограничений в отношении тех национальных отраслевых рынков, чьи представители нарушали интеллектуальные права. В письменной форме подобное положение впервые было зафиксировано в

развитым участникам рынка. Также соглашение было ориентировано на прозрачное решение споров и усиление антикоррупционного законодательства[20]. К числу немаловажных его характеристик относились нормы регулирования электронной торговой, финансовой и инвестиционной среды, а также трудовых отношений с целью снизить применение экстенсивного труда[21].

Таким образом, целями США были максимальная либерализация торговли товарами и услугами, что позволяло им занять центральное место в этих потоках, внедрение экономических, деловых правил и юридических норм, привычных для американского бизнеса, сохранение технологических преимуществ перед иностранными конкурентами на общем для всех региональном рынке. Иными словами, администрация Б. Обамы в рамках мер по посткризисному восстановлению и последующему развитию национальной экономики одну из ставок делала на возможности внешнего, азиатско-тихоокеанского, рынка.

Однако, эта стратегия не была лишена одного существенного изъяна. Так комментарии свидетельствуют, что ряд глав Соглашения о ТТП содержал оговорки для применения национального регулирования, а в Содержании соглашения [22] подчёркивается наличие переходного периода, который мог быть введён в отношении менее развитых стран и в отношении специфических случаев. Предусматривалось и применение особых механизмов, чтобы соответствующая сторона могла адаптироваться к выполнению новых для себя обязательств. Тем самым, администрации Б. Обамы не удалось полностью преодолеть опыт заключения двусторонних ССТ, для которых были характерны зафиксированные на бумаге ограничения и исключения.

В случае с Японией, страной, которая традиционно придерживается политики максимально возможной защиты национального рынка при

американо-перуанском двустороннем ССТ и касалось фармацевтической отрасли. См.: Trans-Pacific Partnership. Intellectual Property. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Intellectual-property.pdf (дата обращения: 24.10.2015); The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress…

[20] Trans-Pacific Partnership. Legal and Institutional. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Legal-and-Institutional.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

[21] Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: https://ustr.gov/tpp (дата обращения: 01.06.2016).

[22] Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP12%20Summary%20of%20the%20Agreement.pdf (accessed: 24.10.2015).

существующих условиях, эта особенность Соглашения о ТТП проявила себя очень ярко, тем более что принятие чётко сформулированных обязательств не предполагало унифицированных механизмов их выполнения. Так для автомобильного рынка Японии был установлен переходный период в 1 год[23]. В области сельского хозяйства Токио получил право регулировать импорт товаров за счёт ограничения объёмов в течение 10–19 лет и с помощью тарифа в течение 8–15 лет в зависимости от конкретной статьи[24]. Импорт древесины и продуктов деревообработки должен был регулироваться в течение 10–15 лет посредством введения квот[25]. Кроме того, Япония намеревалась ограничить упрощённый въезд бизнесменов в страну за исключением случаев, связанных с решением споров[26].

Столь длительный переходный период, который предполагал высокую адаптацию инструментов под номенклатуру импорта, указывал, что американская политика, подразумевавшая обеспечение экономического роста за счёт экспорта, в случае Японии могла иметь ограниченный и отложенный эффект, поскольку тарифные и технические ограничения вводились в отношении двух ориентированных на поставки за рубеж отраслей хозяйства США: сельского хозяйства и автомобилестроения. Кроме того, упор на либерализацию посредством многостороннего соглашения ставил достижение конечной цели в зависимость от согласия всех сторон ратифицировать его.

Другим примером либеральной экономической политики США в отношении стран СВА стало заключение ССТ с Республикой Корея (КОРУС), в которое закладывались практически те же базовые идеи, что и в Соглашение о ТТП. Как и в случае с последним КОРУС было наследием президентского срока Дж. Буша-мл. и было подписано в 2007 г. Однако, его ратификацию пришлось отложить и провести дополнительные переговоры по открытию южнокорейского рынка

[23] Japan to US Letter on Motor Vehicle Distribution Survey. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-JP-to-US-Letter-on-Motor-Vehicle-Distribution-Survey.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
[24] Japan. Appendix-B-1. Agricultural Safeguard Measures. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-1-Agricultural-Safeguard-Measures.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
[25] Japan. Appendix-B-2. Forest Good Safeguard Measure. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-2-Forest-Good-%20Safeguard-Measure.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
[26] US-Japan Letter Exchange Regarding Standards of Fill. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-JP-Letter-Exchange-regarding-Standards-of-Fill.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

автомобилей ввиду единой согласованной позиции автомобильной отрасли США, которой придерживались и бизнес, и профсоюзы. Они были заинтересованы в том, чтобы РК максимально снизила пошлины на ввоз американских машин [27]. Поскольку автомобильная промышленность была сконцентрирована в Мичигане, где находился округ Б. Обамы до его избрания президентом, а политика по поддержке автомобильной промышленности носила для американского правительства в контексте экономического восстановления имиджевый характер, Вашингтон был вынужден провести дополнительные переговоры с Сеулом, по результатам которых было заключено модифицированное ССТ.

Для американской экономики оно имело следующее значение. Во-первых, устанавливались разные регулирующие нормы, в числе которых были экологические стандарты для транспорта, стандарты для автоматических и атоматизированных систем управления на транспорте, снижение таможенных тарифов, регулирование экспорта МСП, обеспечение доступа американских производителей к южнокорейскому государственному заказу [28]. Это позволяло американским производителям транспорта обеспечить техническое регулирование отраслевых рынков за счёт принятых в США стандартов, а также зарезервировать специализированные ниши на некоторых из них, например, на рынке электромобилей[29].

Во-вторых, снижение таможенного тарифа Южной Кореей и выравнивание таким образом их значений позволяло открыть её рынки для следующих отраслей американского производства: аэрокомическая, электронная, электрическое машиностроение, автоматические системы, металлургия, производство исследовательского оборудования, судостроение, автомобилестроение и прочие отрасли транспортного машиностроения, сельское хозяйство. Кроме того,

[27] Choi Young Mi. Op. cit.
[28] The U.S. – South Korea Free Trade Agreement: More American Jobs, Faster Economic Recovery Through Export. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/09272011_wh_overview_fact_sheet_us_korea (дата обращения: 06.11.2016).
[29] Increasing U.S. Auto Exports and Growing U.S. Auto Jobs Through the U.S. – South Korea Trade Agreement. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/fact_sheet_increasing_us_auto_exports_us_korea_free_trade_agreement_2011.pdf (дата обращения: 06.11.2016).

либерализация касалась ряда рынков услуг, включая почтовые, логистические, медицинские, образовательные, телекоммуникационные[30].

В-третьих, предусматривались ограничительные меры, выгодные для американских производителей. Так текстильные предприятия, являвшиеся подрядчиками министерства обороны, получали право на преференциальное заключение контрактов. Однако наиболее проработанные меры касались автомобильной отрасли: правительство США добилось десятилетней отсрочки для открытия своего рынка южнокорейским производителям, получило право вводить защитный тариф, а в случае достижения южнокорейскими производителями объёмов продаж в США, угрожавших американским производителям, Сеул соглашался с введением высокого заградительного тарифа в отношении своих легковых автомобилей[31].

В-четвёртых, соглашение упрощало доступ южнокорейских инвесторов в американскую экономику и поддерживало уже сложившуюся после 2008 г. тенденцию к росту вложений: так к моменту его ратификации в 2013 г. их объём увеличился на 75% за 5 лет, а приоритетными отраслями стали химическая и полупроводниковая[32].

В целом, это соглашение, по оценкам торгового представителя США, должно было увеличить ежегодный экспорт на 10–11 млрд долл. и обеспечить найм как минимум 70 тыс. американцев[33].

В плане стратегии поддерживать национальную экономику за счёт внешних рынков заключение соглашения КОРУС выгодно отличалось от результатов на японском направлении. В целом, администрации Б. Обамы удалось достичь поставленных целей либерализации, привлечь иностранные инвестиции в национальную экономику, зарезервировать за своими производителями сбытовые ниши на перспективных товарных рынках за счёт внедрения стандартов, а также

---

[30] The U.S. – South Korea Free Trade Agreement…
[31] Increasing U.S. Auto Exports…
[32] President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment in United States. April 25, 2014...
[33] Economic Value of the U.S. – South Korea Free Trade Agreement: More American Exports, More American Jobs. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/09272011_wh_economic_value_fact_sheet_us_korea (дата обращения: 06.11.2016).

ввести ограничительные меры, выгодные американским автопромышленникам. Последнее было немаловажным и в политическом плане, т.к. способствовало укреплению позиций демократов в электорально значимом для них Мичигане, а Б. Обаме позволяло продемонстрировать поддержку интересов тех групп, которые голосовали за него на выборах в сенат в 2006 г. и были значимы для него во время президентских кампаний. Кроме того, соглашение создавало благоприятные, хотя и весьма ограниченные, условия и для качественного роста американской экономики за счёт гражданской продукции и без опоры на государственный заказ. Это было редким исключением и локальным успехом правительства в его противостоянии с Конгрессом по вопросу организации инновационного развития хозяйства.

Таким образом, политика свободной торговли в отношении стран СВА как средство поддержки национальной экономики США показала, что при соотносимых базовых параметрах она более эффективна, если реализуется на двусторонней основе, и менее эффективна, если реализуется на многосторонней основе.

Из оставшихся трёх направлений экономической политики на отношения Соединённых Штатов с Японией и Республикой Корея влияли два – увеличение госзаказа и поддержка передовых разработок – которые тесно связаны друг с другом. Правда в полной мере их реализовать не удалось по внутренним причинам. Во-первых, из-за оппозиции республиканцев в Сенате не удалось превратить государственный заказ в широко применяемый стимул технологического развития и подъёма новейших отраслей. Во-вторых, это придало инновационным начинаниям больше черт самоорганизации, которые стали одним из стимулов реиндустриализации, которую активно поддерживали республиканцы, оппонируя демократам. В этой связи единственным надёжным инструментом стал военный заказ, который касался и взаимодействия с союзниками в СВА.

Первые шаги здесь были сделаны ещё до объявления в 2014 г. программы третьей компенсации. Ключевым партнёром по взаимодействию стала Япония, которая в силу конфигурации тихоокеанских альянсов США являлась для них

якорным союзником в регионе. Раньше всего на такие планы в феврале 2010 г. косвенно указал заместитель госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана К. Кэмпбелл, впервые назвав перспективными сферами для усиленных американо-японских консультаций проблемы киберпространства, информации, космоса[34], поскольку все три тогда относились к «новым пространствам» для военно-политического взаимодействия[35] и обладали высоким инновационным потенциалом для экономики, в целом. В рамках реализации этого взаимодействия стороны предприняли следующие шаги. В июне 2011 г. Вашингтон и Токио запустили Диалог по вопросам взаимодействия в области интернет-экономики, который включал сотрудничество по совместной разработке и внедрению новых технологий и стандартов политики в этой сфере[36]. Тогда же на консультациях глав внешнеполитических и военных ведомств в формате «2+2» одним из ключевых вопросов стало технологическое сотрудничество в оборонной сфере. Так стороны обсуждали способы его углубления, а США со своей стороны выразили намерение передать технологии ПРО Японии[37] и нарастить поставки самолётов[38]. Дальнейшие контакты официальных лиц свидетельствовали, что стороны развивали взаимодействие в космической области, запустив двусторонний всеобъемлющий

[34] Remarks at the Japanese Ministry of Foreign Affairs by Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, Assistant Secretary of Defense Wallace Gregson. February 2, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/02/136412.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[35] Впервые термин «новые политические пространства» ввёл А.Д. Богатуров в 2011 г. Под ними понимались неразделённые глобальные пространства, которые теоретически оставались в пользовании всего человечества, но которые представляли интерес для самостоятельного практического освоения отдельными странами. К ним А.Д. Богатуров относил космическое, информационное, кибернетическое и приполярные пространства, а страной, обладающей наибольшим потенциалом для их освоения, называл США. В нашем случае важно, что первые из трёх «новых политических пространств» были обозначены К. Кэмпбеллом перспективными для американо-японского союзного взаимодействия. См.: Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос, приполярные зоны, воздушные и морские пространства, глобальная информационная сфера / Под. Ред А.Д. Богатурова. М.: Ленанд, 2011. С. 4–10.

[36] Joint Press Statement for the U.S. – Japan Policy Cooperation Dialog on Internet Economy. June 11, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/165935.htm (дата обращения: 16.09.2016).

[37] Secretary Clinton and Secretary Gates to Convene the U.S. – Japan Security Consultative Committee Meeting on June 21. June 17, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166485.htm (дата обращения: 14.09.2016); Remarks Hillary Clinton With Secretary of Defense Robert Gates; Japanese Foreign Minister Takeaki Matsumoto; and Japanese Defense Minister Toshimi Kitazawa After their Meeting. Jine 21, 2011. URL: //www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166600.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[38] Japan: Defense Cooperation. February 22, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184588.htm (дата обращения: 14.09.2016).

диалог по проблемам космоса[39], и кибернетической безопасности[40]. В последствии в 2014 г. эти направления взаимодействия были конкретизированы. В космосе основной акцент был сделан на развитии спутников и технологий обработки и передачи спутниковых данных[41], а в киберпространстве на защите информации, противодействии преступлениям и защите критической кибер-инфраструктуры[42]. Тогда же сотрудничество касаемо последнего пункта было налажено с Республикой Корея[43] и тем самым была организована связь между американскими союзниками в регионе за счёт частично совпадавшей повестки сотрудничества. Иными словами, США сформировали платформу для технологической кооперации между ними политическим путём.

Здесь важно заметить, что обозначенные в документах Госдепартамента сферы и отдельные вопросы сотрудничества с союзниками в СВА не только предполагали производство продукции двойного назначения, но и соответствовали трём долгосрочным целям модернизации ВС США, которые были обозначены в первые месяцы президентства Б. Обамы: совершенствование системы ПРО, модернизация спутников, более активное внедрение кибернетических инструментов[44]. Впоследствии они выступили в числе из столпов программы третьей компенсации, которая позволила превратить военную промышленность не только в один из локомотивов развития американского обрабатывающего сектора, но и обеспечила частичную реализацию государствоцентричного подхода Б. Обамы по технологическому перевооружению американской экономики и качественному росту выпускаемых ей товаров, способствовала внедрению в войска передовых научных достижений. Таким образом, программы военно-технического

[39] Joint Statement from the First Meeting of the Japan – U.S. Comprehensive Dialog on Space. March 11, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/03/205939.htm (дата обращения: 23.09.2016).
[40] Joint Press Availability John Kerry, Secretary of State, With Japanese Foreign Minister Kishida After their Meeting. April 14, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207483.htm (дата обращения: 23.09.2016).
[41] Joint Statement from the Second Meeting of the Japan – U.S. Comprehensive Dialogue on Space. May 12, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/05/225990.htm (дата обращения: 23.09.2016).
[42] The Second US–Japan Cyber Dialogue. April 10, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/04/224648.htm (дата обращения: 23.09.2016).
[43] Joint Statement on United States – Republic of Korea Bilateral Cyber Policy Consultations. August 26, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/230869.htm (дата обращения: 27.09.2016).
[44] Submitted Statement on the FY2010 Budget to the House Armed Services Committee. As submitted by Secretary Robert M. Gates. May 13, 2009. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1351 (дата обращения: 03.12.2016).

сотрудничества Соединённых Штатов и их региональных союзников в наиболее перспективных сферах были в числе прочего мерой по развитию наиболее технологичных направлений американского производства, имеющего двойное или военное назначение.

Однако, качественные данные, почерпнутые из опубликованных документов Госдепартамента и министерства обороны, необходимо верифицировать с помощью количественных показателей. Анализ торговой статистики США позволяет говорить о следующих тенденциях. (Также см. приложение 5).

В случае с Республикой Корея данные по американскому экспорту свидетельствуют, что заключение ССТ не привело к росту американских поставок, в целом, скорее, оно способствовало стабилизации общих объёмов, которые были достигнуты по результатам посткризисного восстановления на уровне 41,5 – 44,5 млрд долл. Однако, существенно выросли после 2012 г. поставки вооружений: к 2016 г. рост составил 29,8%, или с 1 072 млн долл. до почти 1 392 млн долл., увеличилась и доля военных товаров в экспорте с 2,5% до 3,2%. Тем не менее, большинство статей были связаны с модернизацией обычных вооружений и не касались прямо наиболее технологичных направлений программы третьей компенсации. Ввиду комплексного характера статей экспорта долю поставок наиболее технологичной продукции ВПК можно приблизительно оценить в 25% от общего объёма военного экспорта[45].

Правда, нужно заметить, что для всех экспортных статей была характерна нестабильность объёмов в стоимостном выражении. Единственной отраслью американского хозяйства, которая выиграла от торгово-экономической политики Б. Обамы и заключения соглашения КОРУС, было автомобилестроение, поступательно и кратно увеличившее поставки с 616 млн долл. в 2012 г., который предшествовал ратификации ССТ, до 1,584 млн долл. в 2016 г. в стоимостном выражении[46]. В то же время общие объёмы импорта из Южной Кореи после 2012

[45] Рассчитано по: U.S. Exports to Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021).
[46] Ibidem.

г. росли на 15,5% – 17,9% ежегодно[47]. Эти тенденции указывают, что заключение ССТ с Южной Кореей положительно отразилось на автомобильной отрасли и в меньшей степени на ВПК, который поддерживался также программой третьей компенсации, ориентированной на качественную модернизацию производимого вооружения. В то же время рост импорта из Республики Корея с сохранением стабильности экспортных поставок свидетельствовали о том, что создание новых рабочих мест и экономический рост администрация Б. Обамы связывала, прежде всего, не с производственным сектором, а с сектором торговли и услуг, ориентированным на дистрибуцию и сбыт товаров, выпущенных за границей.

В случае с Японией, с которой процесс заключения ССТ за годы президентства Б. Обамы не достиг своего логического завершения в виде ратификации, торговая статистика свидетельствует о следующем. Экспорт и импорт развивались по одинаковым траекториям: предкризисный пик, спад вследствие кризиса, компенсация спада, стабилизация торговых объёмов. Так экспорт, достигнув в 2007 г. 61 159 млн долл., в 2009 г. опустился до 51 134 млн долл., в 2012 г. компенсация выразилась в росте объёмов до 65 795 млн долл., а в 2016 г. объём составил 62 236 млн долл. [48] Импорт развивался по схожей траектории: в 2007 г. он составлял 145 463 млн долл., в 2010 г. он упал до 95 803 млн долл., в 2012 г. 146 431 млн долл., а в 2014–2016 гг. стабилизировался в диапазоне 134 504 – 131 382 млн долл. [49] При этом сотрудничество в военной сфере и объявление программы третьей компенсации не оказали влияния на американский экспорт в Японию: с 2013 г., предшествовавшего объявлению программы, к 2016 г. он снизился на 4,1% с 1 463 млн долл. до 1 403 млн долл.[50]

Таким образом, статистика свидетельствует о том, что администрация Б. Обамы не предпринимала никаких усилий по исправлению торговых дисбалансов и ориентировалось на поддержание стабильных объёмов экспорта. Это

---

[47] Рассчитано по: U.S. Imports from Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021).

[48] U.S. Exports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

[49] U.S. Imports from Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

[50] Рассчитано по: U.S. Exports to Japan...

свидетельствует, что в данном случае роль внешнеторгового дефицита была переосмыслена: он перестал восприниматься в данном случае как мультипликатор, свидетельствующий о силе национальной экономики, и стал рассматриваться как индикатор производственной и потребительской ниши США. Соответственно демократическое правительство перестало воспринимать Японию как экономического конкурента и сделало ставку на развитие отношений, основанных на взаимовыгодной, основанной на преимуществах каждой из сторон, кооперации, которая носила не столько хозяйственный, сколько технологический характер.

Таким образом, торговая статистика подтверждает тезис о том, что заключение двустороннего ССТ имело большее положительное влияние на экономику Соединённых Штатов, в то время как ставка на многостороннее соглашение такового эффекта не имела. Также данные подтверждают, что Б. Обама вследствие господствовавших в США идей и борьбы с Конгрессом по вопросу восстановления и технологической модернизации экономики сделал ставку на либеральные инструменты, которые больше благоприятствовали секторам, связанным с внешней торговлей, нежели производством. Торговая статистика свидетельствует, что в целом, фактор торгового дефицита был переосмыслен: вместе со стабилизацией объёмов экспорта была сделана ставка на удержание позиций с учётом существующей специализации в контексте международного разделения труда[51]. Кроме того, данные о торговле военной продукцией выглядят противоречивыми: значимый рост в случае с Южной Кореей контрастировал с некоторым снижением в случае с Японией. Это ставит под сомнение то, что военно-техническое сотрудничество вкупе с союзническими отношениями могли благоприятствовать внешнеэкономической политике, а значит, в этой сфере большее влияние приобретали политические факторы.

В целом, экономическая политика в 2009–2016 гг. в отношении союзников в СВА не была единой. Она предполагала не столько создание общего пространства,

[51] Однако, здесь нужно также иметь в виду, что несмотря на стабилизацию объёмов экспорта в Республику Корея и привлечение южнокорейских инвестиций в американскую экономику, отношение к ней как к конкуренту сохранялось, о чём свидетельствовало введение отдельных сравнительно жёстких ограничительных мер в отношении отдельных отраслей РК.

сколько проведение ещё одной разделительной линии, которая была политически мотивирована. С одной стороны, курс правительства Б. Обамы подчёркивал, что Япония воспринимается полноценным участником экономического пространства, ведомого Соединёнными Штатами, она не представляется для США конкурентом и, наоборот, выступает технологическим партнёром в новых пространствах гражданского и военного секторов экономики, при этом американское правительство отказалось от достижения каких-либо краткосрочных, узкоотраслевых интересов. Иными словами, Вашингтон видел отношения с Токио в стратегическом ключе. С другой стороны, курс в отношении Республики Корея указывал, что она, хотя и воспринимается страной с либеральной экономикой, ей ещё предстоит до конца принять правила хозяйственного либерализма, РК по-прежнему в представлениях бизнеса, Конгресса и правительства США в немалой степени была американским конкурентом, на что указывали и дополнительные переговоры по ССТ, и полемика в Конгрессе, и зафиксированные в тексте соглашения ограничительные меры. В экономическом плане РК виделась американской исполнительной власти достаточно специфическим, в первую очередь, сбытовым партнёром, выгодным рынком для продаж автомобилей и вооружений. Это указывало на то, что здесь превалировали тактические интересы правительства: обеспечить финансовую поддержку своего инновационного курса за счёт поставок оружия за рубеж, умиротворить Конгресс, который был настроен критически в отношении Соглашения КОРУС, поддержать благоприятный имидж Б. Обамы среди широкого круга отраслей как наиболее публичного, хотя и неформального, лидера Демократической партии. Сотрудничество на стратегическую перспективу в случае с Южной Кореей было локализовано исключительно в кибернетической сфере, которое диктовалось в большей степени вопросами не экономики, а безопасности.

Такое положение свидетельствует, что экономическая политика правительства Б. Обамы в отношении американских союзников в СВА предполагала создание дополнительной разделительной линии в регионе, а значит идея связать восточноазиатский хозяйственный центр как единое целое с

Соединёнными Штатами на практике оказалась сомнительной. Сферы, в которых делалась ставка на кооперацию, больше связывались с обеспечением безопасности, нежели развитием экономики. Это предварительно позволяет говорить, что, несмотря на внешние декларативные шаги, экономическое направление в данной региональной стратегии США было второстепенным, и предположить, что военно-политическое направление и обеспечение безопасности были ключевым приоритетом.

С учётом архитектуры обеспечения безопасности, которая сформировалась в годы холодной войны, СВА являлась центральным субрегионом восточноазиатского и тихоокеанского пространства на данном функциональном направлении американской политики.

В целом, положение в этой сфере характеризовалось совмещением наследия межблокового военно-политического противостояния, либерального расширительного понимания безопасности, наличием межстрановых трений, обусловленных историческим прошлым и экономическими интересами, международной ситуацией, связанной с ядерной проблемой Корейского полуострова. В этих условия политика правительства Б. Обамы в сфере безопасности в регионе СВА приобретала три связанных между собой измерения. Первое касалось поддержания и модернизации союзов на Тихом океане, ключевым из которых был союз с Японией. Второе было связано с секьюритизацией постоянно расширявшегося круга проблем. В центре третьего измерения оказывался поиск региональных угроз для сплочения региональной военно-политической архитектуры, центральное место которой занимали бы Соединённые Штаты.

Общие контуры политики по поддержанию военно-политических союзов Х. Клинтон обозначила в феврале 2009 г. во время визита в Токио. В качестве таковых госсекретарь выделяла

- формирование способов взаимодействий и норм поведения в регионе,
- секьюритизацию невоенных проблем посредством формирования норм поведения и сотрудничества,

- поиск в регионе страны, которую можно было бы трактовать в качестве угрозы таким образом, чтобы это позволило построить интегрированную систему взаимодействий на Тихом океане с учётом исторически сложившихся их норм и особенностей организации регионального пространства в сфере безопасности[52].

Ключевую роль в модификации военно-политического союза в соответствии с обозначенными параметрами Соединённые Штаты отвели переговорам «2+2» при участии глав внешнеполитических и военных ведомств. Уже в ходе первой такой встречи стороны обсуждали, как новые проблемы безопасности, связанные с киберпространством, информацией и космосом, так и угрозы, исходящие от КНДР, и возможности взаимодействия с Китаем[53]. В 2011–2013 гг. это позволило запустить отдельные межправительственные диалоги с целью развития сотрудничества в кибернетической и космической областях. Использовались дополнительные консультативные механизмы с целью расширить сферы взаимодействия, не только в функциональном, но и географическом аспекте. Одним из таких направлений предполагалась Арктика, а точнее арктические моря и проблемы их безопасности[54]. С учётом стремления США продвигать принцип свободы морей в циркумполярном пространстве, интереса добытчиков нефти и газа пересмотреть морскую границу с Россией в Чукотском море и изменить отраслевые стандарты[55], это указывает на стремление Вашингтона вовлечь Токио во взаимодействие по вопросам морского права, касающихся экономической деятельности в море.

К 2012– началу 2013 г. в рамках двустороннего альянса это позволило вести срочное, сложно структурированное планирование. Оно выражалось в следующем. Так в 2012 г. стороны чётко разграничили действующие и перспективные сферы

---

[52] North Korea: Engaging in More Bilaterals and the Six-Party Talks. Interview Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Yochi Funabashi and Yoichi Kato of Asahi Shimbun. February 17, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117626.htm (дата обращения: 12.09.2016); ABC Interview: U.S., Japan Work Together for Global Recovery. Interview Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, with Marta Raddatz of ABC. February 17, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117600.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[53] Remarks at the Japanese Ministry of Foreign Affairs by Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, Assistant Secretary of Defense Wallace Gregson…

[54] Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee. June 21, 2011…

[55] См.: Болдырев В.Е. Арктическая политика США…

сотрудничества. Первые были таковыми на протяжении многих лет, формы участия сторон и координация их действий были отработаны. К этим аспектам относились, проблемы права, прав человека, помощь развитию, миротворчество, содействие постконфликтному развитию, противодействие преступности и инфекционным заболеваниям, борьба с наркотрафиком. Перспективными же сферами сотрудничества понимались полярные моря, космос и киберпространство. При этом стороны воспринимали эти сферы новыми, свободными от правового регулирования, что позволяло им создавать новый свод правил поведения[56]. Тем самым, Вашингтон вовлекал Токио на правах младшего партнёра в формирование регламентации повседневных норм и практик международного взаимодействия в перечисленных функциональных сферах в соответствии с американским его пониманием.

Организация функциональных диалогов, кроме того, позволяет идентифицировать более сложную структуру взаимодействия и планирования, возникшую в отношениях между США и Японией. Ввиду повестки переговоров формат «2+2» был ключевым для поддержания отношений, из его недр выходили или к нему присовокуплялись другие функционально окрашенные диалоги (например, кибернетический, космический, консультации, касавшиеся полярных морей). В состав делегаций, принимавших в них участие, входили представители из такого количества министерств и ведомств, какое было необходимо для их функционирования[57].

К концу 2013 г. создание столь сложного и разветвлённого механизма обеспечило следующие результаты. Во-первых, стороны пришли к общему пониманию норм поведения в интернете, что позволило им создать рабочую группу с целью совместного развития кибернетической обороны. Во-вторых, было подписано соглашение об обмене спутниковыми данными, в особенности

[56] United States – Japan Joint Statement: A Shared Vision for the Future. April 30, 2012. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-jffice/2012/04/30/united-states-japan-jointstatement-shared-vision-future (дата обращения: 05.11.2016).
[57] Joint Statement from the First Meeting of the Japan –U.S. Comprehensive Dialog on Space…

касающихся положения на море. В-третьих, по линии спецслужб была создана группа с целью повысить координацию по обмену информацией[58].

Несмотря на то, что перечисленные достижения свидетельствовали о весьма высоком уровне интеграции планирования между Вашингтоном и Токио, стороны рассматривали его недостаточным. Исходя из текста совместного заявления, мы можем заключить, что ключевым изъяном виделось то, что доминировала координация по проблемному, а не ведомственному принципу. Безусловно, в описанной выше модели ведомства присутствовали, но их взаимодействие приобретало сетевой характер, лишённый координирующего единоначалия. Даже каждое отдельно взятое ведомство при таком подходе превращалось в сеть проблемных *ad hoc* групп, что только усиливало межведомственную и внутриведомственную борьбу, к противодействию которой администрация Б. Обамы прилагала существенные усилия. Выход здесь виделся в создании Японией собственного Совета национальной безопасности (СНБ) с целью издания своей стратегии национальной безопасности, который копировал бы опыт централизованного планирования США[59] и позволял бы двум странам ещё теснее планировать политику в области безопасности в регионе и мире, но при этом избегать сложных взаимодействий внутри ведомств и между ними. Тогда же произошло географическое расширение двустороннего альянса: ЮВА была обозначена как перспективный регион для сотрудничества в области гуманитарных и правовых вопросов[60], где прежде союзники параллельно и независимо друг от друга реализовывали собственные региональные инициативы.

Это способствовало развитию следующих тенденций. Постоянные космический и кибернетический диалоги позволили перевести это сотрудничество в военную плоскость[61], совершенствовать технологическую кооперацию, а также

---

[58] Joint Statement of the Security Consultative Committee: Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities. October 3, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm (дата обращения:23.09.2016).

[59] Ibidem.

[60] Background Briefing on the Joint Statement of the Security Consultative Committee. October 3, 2013. URL: http://state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215072.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[61] Interim report on the Revision of the U.S–Japan Guidelines for Defense Cooperation October 8, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/232694.htm (дата обращения: 23.09.2016).

обеспечить тесное взаимодействие между правительствами по сравнительно узким вопросам кибербезопасности и космоса в рамках общеправительственного подхода. Так на примере кибернетического диалога были созданы малые группы, относившиеся к инфраструктуре, информации, военному взаимодействию, противодействию преступности, формированию норм поведения [62].

В течение президентского срока Б. Обамы описанный общеправительственный подход был вершиной кооперации союзников в организационном аспекте. В то же время заложенный на перспективу принцип единоначалия для планирования в области безопасности в совокупности с географическим расширением скоординированного взаимодействия, имел отложенный эффект. Он выразился в принятии Японией стратегии национальной безопасности в декабре 2022 г., в которой она приняла географическую и функциональную трактовку ИТР, которая полностью соотносилась с американской: граница региона ограничивалась Индией, а концептуальной основой стала идея свободной и открытой Индо-Пацифики[63]. Этим самым Япония подтверждала отказ от автономного планирования курса на тихоокеанском пространстве в пользу скоординированного с военно-политическим союзником.

Таким образом, модернизация инструментов взаимодействия в рамках альянса и разработка правил поведения в новых функциональных сферах, способствовали постоянно усиливавшейся координации в области планирования политики. Это позволило США не только укрепить отношения со своим ключевым региональным союзником, но и вынудить его впоследствии отказаться от автономного политического планирования в важном для своих жизненных интересов регионе и признать приоритетность американских интересов. Иными словами, организационный аспект союзного взаимодействия был направлен на сдерживание внешнеполитической самостоятельности Японии.

---

[62] Joint Statement of the Security Consultative Committee: Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment The New Guidelines for US – Japan Defense Cooperation. April 27, 2015. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm (дата обращения: 24.09.2015); The 4th US – Japan Bilateral Cyber Dialogue. July 27, 2016. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/07/260572.htm (дата обращения: 24.09.2016).

[63] National Security Strategy of Japan. December 2022…; Indo-Pacific Strategy of the United States…

Секьюритизация, которую Х. Клинтон обозначила вторым направлением модернизации американо-японского альянса в рамках двусторонних отношений, вне диалогов, связанных с форматом «2+2», не получила развития. Единственным эпизодом была договорённость сторон развивать сотрудничество в области добычи и обработки редкоземельных металлов[64], которые используются в электронной промышленности и при производстве товаров двойного назначения.

Куда более важным направлением американо-японского взаимодействия стала реконструкция региональной архитектуры военно-политических отношений и поиск страновой силы, которую можно было бы интерпретировать как угрозу, позволяющую сплачивать союзников.

К концу 2000-х гг. Япония формально входила в четыре тихоокеанских треугольника США, в которых соответственно третьими сторонами являлись РК, Филиппины, Австралия и Индия. Активизация трёхсторонних взаимодействий началась с 2011 г. Так в случае с австралийским «треугольником» на первое место вышло обсуждение региональных и глобальных проблем, включая тенденции в области безопасности в АТР [65] . Впоследствии это взаимодействие было ориентировано на решение проблем безопасности в ЮВА, где важнейшим партнёром США и Японии выступали Филиппины, с которыми они проводили совместное патрулирование спорных акваторий Южно-Китайского моря (ЮКМ)[66].

В случае сотрудничества с Индией сначала ставка была сделана на развитие совместных военных технологий и производство вооружения[67]. Кроме того, США были заинтересованы в Индии как в партнёре в контексте политики в отношении ЮВА[68]. В 2013 г. в Вашингтоне заговорили о необходимости изучить проблемы

---

[64] Joint Press Availability Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, with Japanese Foreign Minister Seiji Maehara. October 27, 2010. L: http://state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150110.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[65] Deputy Secretary Deputy Secretary Steinberg's Participation in the Trilateral Strategic Dialogue. June 13, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166054.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[66] Joint Statement of the Security Consultative Committee: A Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment The New Guidelines for U.S.-Japan Defense Cooperation. April 27, 2015. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm (дата обращения: 24.09.2016).

[67] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Secretary of Defense Robert Gates; Japanese Foreign Minister Takeaki Matsumoto; and Japanese Defense Minister Toshimi Kitazawa After Their Meeting. June 21, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/166644.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[68] Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before Departing for Japan, South Korea, India, and Singapore. April 14, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/187918.htm (дата обращения: 14.09.2016).

соединимости тихоокеанского и индоокеанского пространств в единый ИТР. Его основой мыслились составляют морские экономические связи, которые не могут развиваться без обеспечения должного уровня безопасности[69]. В 2015 г. это позволило дополнить повестку индийского «треугольника» проблемами морского права, свободы морей, мирного разрешения споров с акцентом на ЮКМ[70].

Более активное вовлечение Японии в проблемы стран ЮВА позволило Вашингтону усилить процессы секьюритизации повестки альянса, дополнить её вопросами морского права, восстановления после природных катастроф, противодействия преступности, каналам взаимодействия нелегального бизнеса и черного оружейного рынка, защитой морских биоресурсов[71].

В случае формата с участием РК поначалу на первое место выходила северокорейская проблематика, хотя присутствовало и обсуждение глобальных и региональных вопросов[72]. С 2013 г. повестка трёхсторонних встреч дополняется гуманитарными аспектами, восстановительными работами в случае природных катастроф и обеспечением безопасности судоходства[73], однако северокорейская проблема продолжала рассматриваться в Вашингтоне важнейшей скрепой трехстороннего сотрудничества с Токио и Сеулом.[74] Это объясняется двумя факторами. Во-первых, Северная Корея ввиду непосредственного соседства на суше и море позволяла нарисовать более убедительный, связанный с реальными ядерными испытаниями и действиями северокорейских военных образ угрозы, из-за которой Республике Корея необходимо сохранять союзнические отношения с США. Это позволяло Вашингтону постоянно содержать на юге Корейского полуострова воинский контингент, проводить повторяющиеся учения и регулярно

---

[69] U.S. – Japan – India Trilateral Meeting. Media Note. May 1, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/05/208819.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[70] Inaugural U.S. – India – Japan Trilateral Ministerial. Media Note. September 29, 2015. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247483.htm (дата обращения: 24.09.2016).

[71] U.S. – Japan Joint Statement: The United States and Japan: Shaping the Future of the Asia-Pacific and Beyond. April 25, 2014. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/us-japan-joint-statement-united-states-and-japan:-shaping-future-asia-pacific-and-beyond (дата обращения: 04.11.2016).

[72] U.S – Japan – Republic of Korea Trilateral. Media Note. January 12, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/01/180515.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[73] Joint Statement of the Security Consultative Committee: Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities. October 3, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm (дата обращения:23.09.2016).

[74] Joint Statement of the Security Consultative Committee: A Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment The New Guidelines for U.S.-Japan Defense Cooperation. April 27, 2015…

поставлять вооружения. Во-вторых, между РК и Японией обострился конфликт вокруг проблемы «женщин для комфорта», который, по признанию американского правительства, препятствовал развитию более тесных отношений в сфере безопасности между тремя союзниками [75] и северокорейская проблематика представляла для США одну из возможностей могла смягчить негативные для их интересов тенденции.

Однако, по мере укрепления сотрудничества Вашингтон предпринял попытку масштабировать опыт военно-политических отношений с Японией на другие страны региона. В первую очередь это касалось Республики Корея. Так в 2012 г. повестка американо-южнокорейского альянса расширилась за счёт космической и кибернетической безопасности[76] по аналогии с первыми шагами по диверсификации повестки военно-политического союза с Японией. В 2014 г. стороны провели первую встречу в формате «2+2», которая послужила отправной точкой для более широкой секьюритизации союза. Наряду с «жёсткой» безопасностью, северокорейской проблемой, космосом и киберпространством, в повестку были включены борьба с изменением климата, кооперация в области энергетики и «зелёной» экономики, науки, инноваций и технологий, содействие развитию [77]. В 2015 г. этот перечень был дополнен проблемами экономики и здравоохранения[78]. В рамках столь обширной повестки, которая характеризовалась широчайшей секьюритизацией, особое внимание было уделено кибернетической сфере. Во-первых, были согласованы правила поведения в киберпространстве, которые можно обозначить как три кибернетических «не»: не поддерживать действия по уничтожению международной киберинфраструктуры, не допускать хакерской активности, не мешая отвечать на иностранные хакерские атаки, не

[75] Background Briefing – Developments on the Relationship between Japan and the Republic of Korea. December 28, 2015. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/12/250881.htm (дата обращения: 24.09.2016).
[76] Joint Statement of the 2012 United States - Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm (дата обращения: 26.09.2016).
[77] Joint Fact Sheet: The United States – Republic of Korea Alliance: A Global Partnership. April 25, 2014. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-global-partnership (дата обращения: 04.11.2016).
[78] Joint Fact Sheet: The United States – Republic of Korea Alliance: Shared Values, New Frontiers. October 16, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/16/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-shared-values-new-frontiers (дата обращения: 04.11.2016).

красть закрытую информацию [79] . Параллельно кибернетическая сфера рассматривалась как ведущий элемент, позволяющий связать воедино различные сегменты экономики. На это указывает то, что сотрудничество должно было затрагивать гражданскую безопасность, углубление взаимодействия между военными, вовлечение кибернетической отрасли в её многообразии, образование и подготовку кадров, разработку новых технологий [80] . Это также позволило превратить кибернетические проблемы в ключевую сферу сотрудничества США, РК и Японии в рамках трёхстороннего сотрудничества[81].

В целом, отношения с РК с 2012 г. стали развиваться по образцу отношений с Японией: в рамках союза была сделана ставка сначала на ограниченную, а позднее и на широкую секьюритизацию отношений, которая позволила построить связи между гражданским производством и военной сферой в кибернетической отрасли, одной из наиболее технологичных в современном хозяйстве, а также вовлечь Сеул в написание новых международных правил поведения [82] . Это позволило найти и новое функциональное основание трёхстороннему сотрудничеству США, Японии и РК. В то же время, Вашингтон воздержался от более широкого вовлечения Сеула в союзнические отношения с другими странами АТР, считая, сдерживание КНДР достаточным аргументом для поддержания тесных военно-политических контактов.

Этими мерами правительство Б. Обамы, с одной стороны, сохранило центральную роль Японии в региональной системе военно-политических союзов и взаимодействий США, с другой стороны, зафиксировало разделительную линию в экономической архитектуре СВА, превратив вопросы обеспечения безопасности и союзнических отношений в ключевые скрепы для отношений в «треугольнике»

---

[79] Remarks by John Kerry, Secretary of State. An Open and Secure Internet: We Must Have Both. May 18, 2015. http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/05/242553.htm (дата обращения: 28.09.2016).
[80] Joint Fact Sheet: The United States – Republic of Korea Alliance: Shared Values, New Frontiers…
[81] Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State. U.S. – R.O.K. – Japan Trilateral Meeting. Press Conference. April 19, 2016. URL: http://www.state.gov/s/d/2016d/256482.htm (дата обращения: 24.09.2016).
[82] На это указывала характеристика киберпространства как обладающего фронтиром, который Южная Корея могла успешно освоить. См.: Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, With First Vice Foreign Minister Cho Tae-yong at ROK Ministry of Foreign Affairs. October 6, 2015…

«США – Япония –Республика Корея» не только в военно-политической, но и экономической областях.

Сама же идея «треугольников» к концу президентского срока Б. Обамы стала шире масштабироваться на Тихом океане. Во-первых, в 2014 г. они с участием Японии стали надёжным каркасом американского военно-политического присутствия в регионе. Кроме того, «японские треугольники» стали дополняться другими: так были восстановлены военные связи с Новой Зеландией, которые теперь касались взаимных визитов, совместных учений и материально-технического обеспечения, что, тем не менее можно оценивать как первый шаг на пути восстановления военно-политических отношений в треугольнике «США – Австралия – Новая Зеландия»[83]. Последнее указывает, что каждый из военно-политических форматов, в который входила Япония, мог быть адаптирован в соответствии с конкретными целями и задачами: при участии РК он носил более глубокий и всеобъемлющий характер, с участием Филиппин касался патрулирования акваторий, в случае с Австралией приобретал больше географическую окраску, участие Индии было локализовано в области технологий, а вовлечение вновь Новой Зеландии в военно-политические форматы США приобрело операционное измерение деятельности флотов. Таким образом, военно-политический союз с Японией позволил США выстроить, с одной стороны, надёжную, с другой стороны, гибкую и масштабируемую систему военно-политических форматов в АТР, которые дополнялись партнёрствами со странами ЮВА, что позволяло Вашингтону ещё гибче реагировать на угрозы и вызовы в регионе.

Во-вторых, «треугольники сотрудничества» превратились в мыслительный образ в американской внешней политике. Так в 2012 г. в Госдепартаменте прорабатывалась идея, которая так и осталась нереализованной, запустить трёхсторонний диалог на уровне исследовательских институтов между США, Индией и Китаем с целью вывести его впоследствии на правительственный

[83] IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. May 31, 2014. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1857 (дата обращения: 03.12.2016).

уровень[84]. Это указывает на то, что масштабирование идеи «треугольников» предполагало и поиск страны, подходящей на роль нового регионального столпа, который дополнял бы Японию. Сначала, как свидетельствует электронная переписка сотрудников Государственного департамента была сделана ставка на Индию, но впоследствии ситуация стала меняться таким образом, что более подходящей на эту роль стали мыслить Австралию.

Наконец, модернизация региональной архитектуры военно-политических отношений, в центре которой находился американо-японский альянс, была невозможна без создания образа общей угрозы.

Поначалу на роль источника нестабильности претендовала Северная Корея: наличие ракетно-ядерной программы, кризис шестисторонних переговоров, инцидент с корветом «Чхонан», ракетные пуски создавали необходимую событийную канву для образа «северокорейской угрозы» во внешней политике Соединённых Штатов. Для его обеспечения Вашингтон использовал следующие инструменты. Во-первых, после того как шестисторонние переговоры вступили в полосу кризиса, правительство Б. Обамы предложило политику стратегического терпения, смысл которой заключался в том, чтобы поддерживать регулярные контакты по северокорейской проблематике среди пяти их участников (за исключением КНДР) при сохранении декларируемой цели денуклеаризации Корейского полуострова[85]. Во-вторых, северокорейская проблематика доминировала в телефонных переговорах с главами правительств Японии и Республики Корея[86]. В-третьих, в рамках формата «2+2» с Японией приоритетное внимание уделялось региону СВА, в котором одной из точек беспокойства была

[84] E-mail from Sullivan, Jacob J. Wednesday, March 28, 2012. Subject: FW: US/India/China/Trialogue – Update. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).
[85] Press Availability, Stephen W. Bosworth, Special Representative for North Korea Policy. Morning walkthrough in Tokyo, Japan. December 13, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/12/133474.htm (дата обращения: 12.09.2016).
[86] Readout of President Obama's Call with President Lee Myung-bak of the Republic of Korea. February 12, 2013…; Readout of President Obama's Call with President Lee of the Republic of Korea. December 19, 2011…; Readout of President Obama's Call with President Park Geun-hye of the Republic of Korea. June 17, 2013…; Readout of President Obama's Call with President-elect Park Geun-hye of the Republic of Korea. December 21, 2012…; Readout of President Obama's Call with Republic of Korea President Lee Myung-Bak. May 25, 2009...; Readout of the President's Call with Japanese Prime Minister Shinzo Abe. February 13, 2013…; Readout of the President's Call with Japanese Prime Minister Taro Aso. May 25, 2009…; Readout of the President's Call with Prime Minister Hatoyama of Japan. May 27, 2010…; Readout of the President's Call with Prime Minister-Designate Kan of Japan. June 5, 2010…; Readout on the President's Call to Prime Minister Aso of Japan. January 29, 2009…

КНДР [87] . Параллельно образ северокорейской угрозы на протяжении президентского срока Б. Обамы был сквозным для обоснования американо-южнокорейского союза. В-четвёртых, северокорейская проблематика была неотъемлемой частью повестки встреч в трёхсторонних форматах. Более того, в 2013 г. после консолидации ведомств исполнительной власти Вашингтон предпринял попытку укрепить формат с участием Японии и Австралии на основе образа «северокорейской угрозы»[88]. В-пятых, с 2013 г. Вашингтон ужесточил риторику в отношении Пхеньяна: если прежде речь шла о денуклеаризации Корейского полуострова, то теперь заявлялось о важности денуклеаризации КНДР. При этом такая позиция нашла полную поддержку у южнокорейской стороны[89]. Всё это могло создать иллюзию, что «северокорейская угроза» была единственной, определяющей и усиливающейся в политике США в отношении восточноазиатских союзников и партнёров, тем более что она стабильно поднималась американской стороной в течение всего президентского срока Б. Обамы.

В то же время формирование тихоокеанской системы военно-политических взаимодействий не могло основываться на сравнительно ограниченной угрозе, в особенности, если учесть, что опасения, связанные с ней, даже союзники США в АТР разделяли не одинаково: наиболее чувствительной была южнокорейская сторона, чувствительность японской стороны возрастала только в качестве реакции на конкретные действия КНДР (например, ядерные испытания, потопление корвета «Чхонан»), остальные же американские союзники и партнёры к ней чувствительны не были[90].

В этой связи с 2010 г. начинается поиск иных «угроз». Этому должна была способствовать секьюритизация отношений со странами ЮВА и Океании, которые

---

[87] Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable in Tokyo, Japan. March 10, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/03/157975.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[88] Media Note. Australian, Japanese, and U.S. Officials Meet for Security and Defense Cooperation Forum. February 13, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/02/204574.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[89] Joint Statement Adopted at the United States-Republic of Korea Foreign Ministers' Meeting. April 13, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/04/207457.htm (дата обращения: 27.09.2016).

[90] Satake T., Hemmings J. Op. cit.

Х. Клинтон рассматривала перспективным географическим направлением [91]. (Некоторые из стран ЮВА имели акваториальные споры с Китаем). Министерство обороны в 2011 г. рассматривало Китай как одну из перспективных угроз безопасности США[92]. Тогда же стала готовиться и почва для внедрения образа китайской военной «угрозы» в повестку отношений с Японией как ключевым союзником. В июле 2010 г. стороны выразили общий интерес внимательно наблюдать за растущей военно-морской мощью КНР[93]. А в мае 2011 г. К. Кэмпбелл в ходе встреч в Токио заметил японской стороне, что США рассматривают её вовлечённой в обеспечение мира и стабильности в Тайваньском проливе [94]. С января 2013 г. на двусторонних встречах на высоком уровне стала подниматься проблема спора вокруг принадлежности островов Сенкаку в ВКМ и публично оглашаться позиция США, что они являются частью Японии и на них распространяется действие американо-японского военно-политического договора[95]. Иными словами, прочным элементом переговорной повестки стали проблемы спорных островов и прилегающих к ним акваторий. Более того, американская сторона определяла их характер таким образом, чтобы не допустить урегулирования спора экономическим и политическим способом, но сохранить политически мотивированную разделительную линию между странами, отвечающую интересам Соединённых Штатов.

В дальнейшем такой акцент в двусторонних отношениях в области безопасности позволил легче сместить основное внимание в пользу региона ЮВА: в январе 2014 г. были подняты проблемы разграничения ВКМ и ЮКМ в контексте

---

[91] E-mail from Sullivan, Jacob J. Friday, November 12, 2010. Subject: RE: 3Ds Forward – Asia Pacific. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

[92] E-mail from Sullivan, Jacob J. Thursday, November 17, 2011. Subject: Fw: SecDef Panetta calls India, China ‘threats’. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

[93] Testimony by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the House Armed Services Committee. U.S.-Japan Relations for the 21st Century. July 27, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/07/145191.htm (дата обращения: 12.09.2016).

[94] Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific, Affairs Media Availability at the Imperial Hotel in Tokyo. May 22, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/05/164070.htm (дата обращения: 16.09.2016).

[95] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Japanese Foreign Minister Fumio Kishida After Their Meeting. January 18, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/01/203050.htm (дата обращения: 23.09.2016).

споров с Китаем как взаимосвязанные[96], а в октябре 2014 – апреле 2015 гг. проблемы морской безопасности ЮВА становятся неотъемлемой частью повестки многосторонних форматов в с участием Японии[97], а министерство обороны США впоследствии начинает активно продвигать идею ИТР[98].

Трансформация образов страновых угроз играла следующую роль в политике США по обеспечению безопасности. Во-первых, акцент на «северокорейской угрозе» позволял эффективно поддерживать отношения с Японией и РК, географически близкими к её источнику. Однако неудача скрепить иные альянсы на основе северокорейской «угрозы» при продолжившемся её упоминании свидетельствует, что с её помощью Вашингтон способствовал выделению СВА в качестве субрегионального направления планирования. Во-вторых, стремление скрепить альянсы на более широком географическом пространстве способствовало превращению Китая в «угрозу» для других стран региона, что с учётом количества акваториальных споров с КНР превращало ЮВА в центр политики в АТР, а СВА в её периферию. Таким образом, аспект политики, связанный с внедрением образов угроз, привёл к трансформации регионального пространства, как оно понималось в Вашингтоне при планировании политики, которая прошла через два этапа. На первом из них в 2009–2013 гг. в центре политики оставался регион СВА, а ключевой «угрозой» регионального масштаба была северокорейская. На втором из них в 2014–2016 гг. центр политики сместился в ЮВА, а доминирующим источником «угроз» стал рассматриваться Китай. СВА на этом этапе превратилась в периферийную зону азиатско-тихоокеанского, а позднее индо-тихоокеанского курса в области безопасности.

В целом, политика правительства Б. Обамы в отношении союзников имела следующее значение. Пожалуй, главным её итогом стало то, что в годы правления

---

[96] Remarks by William J. Burns, Deputy Secretary of State, at Press Roundtable at Embassy Tokyo. January 24, 2014. URL: http://www.state.gov/s/d/former/burns/remarks/2014/220638.htm (дата обращения: 23.09.2016).

[97] Media Note. U.S.-Australia-Japan Security and Defense Cooperation Forum October 22, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/233252.htm (дата обращения: 23.09.2016); Joint Statement of the Security Consultative Committee: Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment…

[98] Remarks on "Asia-Pacific's Principled Security Network" at 2016 IISS Shangri-La Dialogue As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, June 4, 2016. URL: http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/791213/remarks-on-asia-pacifics-principled-security-network-at-2016-iiss-shangri-la-di (дата обращения: 03.12.2016).

44-го президента была проведена политически мотивированная разделительная линия между Японией и Южной Кореей в области экономики. Каждой из стран были предписаны противоположные роли: к Японии относились как к партнёру, а в случае РК к ней относились больше, как к конкуренту. Как следствие скрепой взаимодействия между тремя союзниками стали военно-политические вопросы. Причём они скрепляли не только сотрудничество в области безопасности, но также и права, экономики, технологии. Как следствие, архитектура СВА в американском внешнеполитическом планировании превращалась в политически определённую. Экономика же как фундамент отношений с союзниками, несмотря на внешне декларировавшуюся приверженность неолиберальным хозяйственным принципам и мироустроительным идеям, отходит на второй, менее значимый план.

В военно-политической сфере также происходят трансформации. С одной стороны, регион СВА на протяжении большего периода президентства Б. Обамы оставался центральным в тихоокеанской политике США в сфере безопасности, однако, постепенно его функция сводилась к лаборатории региональной архитектуры, что позволило впоследствии выстроить последнюю в гибком и адаптивном ключе, создать сеть союзных взаимодействий, основанных на частично совпадавшей повестке. Одновременно сохраняется положение Японии как ведущего тихоокеанского союзника Соединённых Штатов. С другой стороны, эффективная региональная военно-политическая архитектура не может держаться только за счёт повестки. Поскольку в американском понимании безопасность может обеспечиваться за счёт ущемления безопасности другого, который объявляется «угрозой», курс характеризовался поиском подходящего «кандидата». Поначалу такой «угрозой» обозначалась Северная Корея, которая на протяжении всего президентства Б. Обамы позволяла сплачивать американских союзников в СВА, преодолевать разногласия между ними, но она оказалась малоэффективной при масштабировании этого регионального опыта на всё тихоокеанское пространство. Вследствие этого происходит постепенная замена «северокорейской угрозы» на «китайскую», связанную, в первую очередь, с акваториальными спорами. Вследствие этого СВА, оставаясь лабораторией региональной

архитектуры, к концу сорока 44-го президента в контексте военно-политической повестки оказывается на периферии американского курса.

5.2 Курс на северокорейском направлении

Политику США на северокорейском направлении в 2009–2016 гг. правомерно рассматривать в двух аспектах: как политику в отношении КНДР и как использование северокорейской (не только ядерной) проблематики в более широкой региональной политике. Причём, как свидетельствует Национальная стратегия 2010 г., именно последний аспект был для Вашингтона более приоритетным, ибо позволял сплотить страны СВА на политической, выгодной для него основе[99].

С одной стороны, этому способствовали трансформации, свершившиеся в СВА после холодной войны: хотя распад прежней глобальной системы не привёл к значительному числу конфликтов, он также и не устранил в регионе самой жёсткой линии прошлого противостояния, которая совпадала с линией разделения Кореи на Северную и Южную. Сохранилась и прежняя организационная структура американских военно-политических союзов, которая отвечала логике конфуцианской системы международных отношений. С другой стороны, такое положение дел было вызвано наследием предшествовавших администраций, которое, по свидетельствам очевидцев, Б. Обама воспринял подобно «рефлекторным клише». Таких клише, было несколько, но наиболее значимыми были опыт двусторонней переписки между США и КНДР на высшем уровне[100] и опыт шестисторонних переговоров, которые оказались первой многосторонней площадкой в СВА, основанной на политическом фундаменте, более близком к европейской (американской) международно-политической культуре. Это позволяло США глубже проникнуть и прочнее интегрироваться в регион. Соответственно Вашингтон изначально делал ставку на шестисторонние

[99] National Security Strategy. May, 2010…
[100] Cha V. Op. cit. P. 296.

переговоры, а не различные аспекты двустороннего взаимодействия [101] . Проведённое в начале апреля 2009 г. ракетное испытание только укрепило американское правительство в стремлении опираться именно на «шестисторонние переговоры» как мыслительную конструкцию, дополненную санкционным давлением. В июне 2009 г., исходя из того, что США являются частью Восточной Азии за счёт военно-политических союзов с Японией и РК[102], правительство Б. Обамы объявило о новой северокорейской политике, которая предполагала тесное региональное взаимодействие и консультации, санкции ООН и США, необходимые оборонительные меры и, если КНДР продемонстрирует серьёзность намерений, вовлечение её в переговоры о денуклеаризации[103]. Это указывало, что Вашингтон вновь предпринял попытку укрепить политическое и военно-политическое взаимодействие в СВА на основе образа «северокорейской угрозы», подобно попытке У. Клинтона в 1993 г.[104]

Тем не менее, опасаясь, что такая стратегия поспособствует утрате контактов с КНДР, 44-й президент предпринял попытку создать персональный канал на высшем уровне с помощью переписки. Здесь он учитывал опыт заочных контактов У. Клинтона и Ким Чен Ира, однако, воспроизводя форму, он не учёл, что письма президента США были публичными, их содержание не было секретным, а сами они служили цели донести до максимально широкой аудитории смысл и цели американо-северокорейских контактов. Б. Обама же сделал ставку на закрытый канал, что вызвало в Пхеньяне настороженность[105]. Как следствие эта попытка нисколько не улучшила стратегии 44-го президента и на тот момент определила выбор в пользу «шестисторонних переговоров» безальтернативным.

---

[101] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, and Special Representative for North Korea Policy Ambassador Stephen Bosworth. Ambassador Bosworth To Lead Efforts on U.S. Engagement With North Korea. February 26, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119861.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[102] Remarks by Stephen W. Bosworth Special Representative for North Korea Policy at The Korea Society Annual Dinner. June 9, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124567.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[103] Testimony by Stephen W. Bosworth, Special Representative for North Korea Policy, Before the Senate Foreign Relations Committee. June 11, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124657.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[104] Christensen T.J. Op. cit. P. 187–188.

[105] Cha V. Op. cit. P. 296.

Уже в июне 2009 г., когда Соединённые Штаты продекларировали свою стратегию в отношении КНДР, они предполагали сформировать многостороннюю архитектуру СВА на основе мыслительного клише «треугольников». В центр новой архитектуры помещались Соединённые Штаты, которые выступали единственным связующим узлом для двух «треугольников»: в первый кроме США помещались Япония и Республика Корея, во второй – Китай и Россия[106]. Таким образом, Вашингтон вознамерился построить за счёт бывших шестисторонних переговоров эксклюзивную региональную американоцентричную архитектуру, основанную на последовательности и сети дипломатических контактов со всеми их участниками за исключением КНДР (её здесь обозначим «шестисторонними переговорами») и предполагавшую превращение Северной Кореи во враждебного другого, чей образ можно было использовать для сплочения стран региона. В то же время при всей многосторонности конструкции, предложенной Вашингтоном, нельзя не заметить, что она не преодолела ограничений конфуцианской системы международных отношений, оставаясь, и в архитектурном, и в практическом плане совокупностью двусторонних контактов.

В течение 2010 г. на первый план на северокорейском направлении вышло создание негативного образа КНДР. Поначалу была сделана ставка на традиционную с президентств Дж. Картера и Р. Рейгана проблематику соблюдения прав человека и построения гражданского общества[107]. Однако потопление южнокорейского корвета «Чхонан» позволило Вашингтону использовать этот инцидент для создания образа «агрессивной Северной Кореи» с целью сплотить вокруг себя остальных участников «шестисторонних переговоров», главным образом, на площадке Совета безопасности ООН. Кроме того, этот образ давал возможность сформировать идеалистическую основу, чьё включение в повестку служило дополнительной конъюнктурной, но вполне явственной скрепой военно-

[106] Remarks by Stephen W. Bosworthб Special Representative for North Korea Policy at The Korea Society Annual Dinner. June 9, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124567.htm (дата обращения: 25.09.2016).
[107] Remarks by Robert R. King, Special Envoy for North Korean Human Rights Issues. Press Walk-out at the Ministry of Foreign Affairs and Trade, Seoul, South Korea. January 11, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/01/134171.htm (дата обращения: 04.09.2016); Press Statement by Robert R. King, Special Envoy for North Korean Human Rights Issues. North Korea Freedom Week. April 26, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/04/140804.htm (дата обращения: 04.09.2016).

политических отношений США и Республики Кореи[108]. Именно, май 2010 г. следует считать началом практической реализации на северокорейском направлении стратегии как последовательности и совокупности двусторонних контактов. Её стабильность Вашингтон поддерживал за счёт регулярного повторения типичной повестки, в которую входили проблемы денуклеаризации, ракетной программы КНДР, соблюдения прав человека, оказания гуманитарной помощи, ограничения финансовых ресурсов Пхеньяна, организации диалога между Севером и Югом. С отдельными участниками сети обсуждались и специфические вопросы, например, проблема похищенных японских граждан[109], поддержание образа «враждебного Севера» в отношениях с южнокорейским правительством, проведение регулярных совместных военных учений в Республике Корея и поставки ей американских вооружений. Институционально это сетевое объединение обеспечивалось регулярными визитами спецпредставителей США в Токио, Сеул, Пекин и Москву для обсуждения комплекса северокорейской повестки, а также внесением проектов резолюций в Совет безопасности ООН и голосования по ним.

Иногда столь компактная архитектура в совокупности с признанием значимой роли ООН способствовали возникновению отклонений от заданной самим Вашингтоном модели. Так, по американской инициативе, вместе с китайской стороной в 2010–2011 гг. велись переговоры об организации канала гуманитарных продовольственных поставок в Северную Корею, осуществляемых под эгидой ООН[110]. Таким образом, в американской региональной архитектуре возникал ещё один *ad hoc* треугольник, включавший США, Китай и КНДР.

Кроме того, на 2011 г. пришёлся пик усилий правительства Б. Обамы построить широкую региональную архитектуру за счёт противодействия «северокорейской угрозе». Вашингтон исходил из того, что мирную и стабильную

---

[108] Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Briefing on the Republic of Korea for the traveling press corps. May 24, 2010…

[109] Remarks by Glyn Davis, Special Representative for North Korea Policy, Upon Arriving at Haneda Airport. December 11, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/12/178585.htm (дата обращения: 14.09.2016).

[110] Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy. December 15, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/12/178875.htm (дата обращения: 01.10.2016).

среду в АТР позволяют сформировать американские военно-политические союзы, партнёрства политического характера и по вопросам безопасности. Ключевыми проблемами, вокруг которых данная архитектура могла быть построена, назывались денуклеаризация Корейского полуострова и сдерживание КНДР. В их контексте создавалась также и архитектура СВА из двух треугольников с США в центре. В то же время каждый из треугольников распадался на совокупность двусторонних отношений. В случае с Японией и РК основой отношений оставались военно-политические союзы, при этом в случае с Японией акцент делался больше на политическом взаимодействии, а в случае с Республикой Корея – больше на военном, т.к. именно Южной Корее Соединённые Штаты отводили роль ключевой региональной силы, сдерживающей Северную Корею. Китай воспринимался как важный политический и экономический партнёр КНДР, способный повлиять на её поведение. Также КНР была важна как канал поставок гуманитарной помощи в Северную Корею. Россия была необходима ввиду её политического влияния на северокорейское правительство. Кроме того, США, РФ и Китай были постоянными членами Совета безопасности ООН, что превращало их взаимодействие в контексте американской стратегии в важный элемент международного политического воздействия на Пхеньян[111].

Однако, к 2011 г. Соединённые Штаты решили не ограничиваться построением архитектуры исключительно в СВА. В контексте проблем Корейского полуострова и КНДР правительство Б. Обамы планировало вовлечь в её структуру и других участников. Наибольшее значение оно придавало странам АСЕАН, которые, как считалось, можно было подключить за счёт американо-южнокорейских программ для стран бассейна Меконга, а также рассматривало Восточноазиатский саммит как потенциальную площадку для создания многосторонней политической архитектуры в регионе на основе ядерной проблемы и «северокорейской угрозы». Индию США стремились вовлечь в рамках двусторонних контактов, поскольку, по мнению Вашингтона, обсуждение

[111] Это свидетельствовало о наличии ещё одного *ad hoc* треугольника в американской архитектуре «шестисторонних переговоров».

северокорейской проблемы индийской стороной и поддержка Нью-Дели Резолюций Совета безопасности ООН были достаточными основаниями для участия Индии в данной региональной конструкции. Подключение Австралии вовсе рассматривалось естественным, поскольку та разделяла американские подходы к обеспечению безопасности в АТР [112]. Таким образом, шаткую конструкцию из двух политических «треугольников», который время от времени дополнялся, гуманитарным и международно-организационным, Вашингтон стремился укрепить за счёт создания многостороннего формата, вовлечения отдельных игроков в существующую архитектуру в логике построения спиц, включения отдельных двусторонних партнёрств США в существующую «треугольную» конструкцию. При этом, несмотря на американское стремление преодолеть региональные архитектурные ограничения, проистекающие из особенностей конфуцианской системы международных отношений, и внедрить свойственный европейской системе многосторонний политический формат, правительство Б. Обамы оставалось вынужденным подстраиваться под восточноазиатскую логику взаимодействия.

Кроме того, здесь можно усмотреть и следующие мотивы действий американского руководства. Поскольку, как было продемонстрировано выше, вплоть до 2014 г. именно СВА была сердцевиной американской архитектуры безопасности на Тихом океане, правительство США стремилось сохранить это ключевое положение субрегиона не только в качестве школы и источника военно-политического опыта, но и географического средоточия конкретных образов «угроз» и точки, в которую направлены связи их союзников и партнёров.

Такая конструкция могла оказаться непрочной перед лицом системных изменений или непредвиденных случайностей, а в случае с политикой на северокорейском направлении США столкнулись и с первыми, и со вторыми. Во-первых, как это было показано ранее, образ «северокорейской угрозы» оказался

[112] Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Senate Foreign Relations Committee. U.S. Policy Toward North Korea. March 1, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/03/157472.htm (дата обращения: 04.09.2016).

малоэффективным для построения общерегиональной военно-политической архитектуры. Уже в момент приведённого выше выступления К. Кэмпбелла США активно искали новую «угрозу» для сплочения союзников и партнёров. Постепенно её место занял Китай, и с 2014 г. именно «китайская угроза» стала важнейшим элементом идеального для укрепления американских военно-политических взаимодействий в АТР, в то время как образ «северокорейской угрозы» в географическом смысле вновь сузился до пределов СВА.

Во-вторых, в декабре 2011 г. ушёл из жизни Ким Чен Ир, и пост руководителя КНДР занял Ким Чен Ын. Для правительства Б. Обамы отсутствовала ясность, как поступать. Перво-наперво она приложила усилия по сохранению сети контактов, возникших на месте шестисторонних переговоров[113]. В дальнейшем Соединённые Штаты наблюдали и внимательно анализировали действия КНДР, оценивая её «по делам, а не словам»[114]. Тем самым, временно они предпочли действовать, ориентируясь на традиции конфуцианской системы международных отношений. Состоявшиеся 21 ноября 2013 г. в Пекине переговоры спецпредставителей США и Северной Кореи полностью укладываются в это русло американской политики. Однако, по их завершению представлявший Соединённые Штаты Г. Дэвис, излагая северокорейскую позицию приверженности параллельному экономическому развитию и укреплению ядерного потенциала (политике *пхёнчжин*), выразил обеспокоенность, что этот курс приведёт к краху КНДР. Это заключение он делал, основываясь на убеждении, что нельзя развить процветание, которым правительство Ким Чен Ына стремилось обеспечить свой народ, и одновременно вкладывать громадные ресурсы в ядерную программу[115]. Упоминание здесь слова «процветание» указывало, что правительство США считало невозможным внедрение американской модели экономического развития в КНДР в тогдашних условиях. В то же время восприятие политики *пхёнчжин* как предвестника краха

[113] Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy upon arrival in Beijing. February 22, 2012. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/02/184318.htm (дата обращения: 03.10.2016).
[114] Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy to Reporters at Four Seasons Hotel, Beijing, China. January 25, 2013. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/01/203282.htm (дата обращения: 04.10.2016).
[115] Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy to Reporters at the Westin Chaoyang Hotel, Beijing, China. November 21, 2013. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/11/215047.htm (дата обращения: 04.10.2016).

Северной Кореи делало дальнейшие переговоры с ней, с американской точки зрения, бессмысленными.

В-третьих, в 2013 г. было сформировано второе правительство Б. Обамы, которое отличалась более жёсткими и в большей степени политически мотивированными подходами к отношениям со странами СВА и региональным проблемам. Это выразилось в том, что из американского лексикона исчезает формулировка «денуклеаризация Корейского полуострова», а её место занимает цель «денуклеаризации КНДР». Обновлённое правительство декларирует свою приоритетную приверженность односторонним национальным санкциям как инструменту, побуждающему северокорейское руководство отказаться от ядерной программы[116]. В совокупности, эти три аспекта политики США в отношении Северной Кореи свидетельствовали, что в последующие годы должен быть разработан новый, существенно отличающийся от прежнего курс.

Общие контуры новой политики на северокорейском направлении достаточно чётко были сформулированы в 2014 г. Во-первых, Соединённые Штаты отказывались от прежних усилий построить сложно организованную региональную архитектуру вокруг ядерной проблемы Корейского полуострова и «северокорейской угрозы» на основе «шестисторонних переговоров». Последние с этого момента, скорее, приобретают роль внешней ширмы для продвижения американских интересов и обеспечения им международной поддержки. Одновременно Государственный департамент обвинил КНДР в срыве полноценных шестисторонних переговоров в течение 2008 – начале 2009 г. Во-вторых, роли ключевых партнёров в северокорейской политике теперь отводились Республике Корея, как ключевой сдерживающей силе, и Китаю, способному, по мнению США, побудить руководство Северной Кореи отказаться от ядерной программы. В-третьих, ключевым инструментом воздействия на КНДР обозначались санкции, как международные, принятые Советом безопасности ООН, так и национальные. Пример либерализации Мьянмы, по мнению американских

[116] Testimony by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy, Before the Senate Committee On Foreign Relations, March 7, 2013. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/03/205691.htm (дата обращения: 04.09.2016).

дипломатов, подчёркивал эффективность данного инструмента в международном и одностороннем измерениях. В-четвёртых, в условиях обвинения официальных северокорейских властей в срыве переговоров Соединённые Штаты сами себе сузили пространство для сотрудничества исключительно с неправительственными организациями, которые взаимодействовали с обычными гражданами КНДР, стремились поддержать их базовые нужды. Соответственно, был чётко обозначен вектор курса, направленный исключительно в отношении самой Северной Кореи, им стали права человека[117].

Исторический опыт конца XX – начала XXI вв. свидетельствовал, что американское правительство не действует в одиночку, когда проводит политику в отношении конкретной страны, которая декларируется как либерализация или демократизация. Коалиции могли быть либо формальными, когда выбор падал на военные методы, либо неформальными, когда предпочтение отдавалось информационным средствам. Выступление госсекретаря Дж. Керри в сентябре 2014 г. указывало, что здесь Соединённые Штаты делали ставку на построение неформальной коалиции союзников, каждый из участников которой вносил в общее дело свою лепту сообразно возможностям и полномочиям тех должностей в международных организациях, которые занимали их представители. В числе вовлечённых были обозначены РК, Япония, Австралия, Евросоюз[118]. Это позволяет оценить данный шаг американского правительства как первую попытку построить широкую коалицию политически близких стран для решения политических проблем тихоокеанского пространства, но расположенных в разных регионах мира. Её формирование продолжилось в 2015 г., а основные надежды США связывали с мыслью, что северокорейское поведение в регионе можно изменить, если сделать

[117] Testimony by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy, Statement before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the House Committee on Foreign Affairs. U.S. Policy Towards North Korea. July 30, 2014. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/07/229936.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[118] Remarks by John Kerry, Secretary of State at Event on Human Rights in the D.P.R.K. September 23, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/09/232014.htm (дата обращения: 04.09.2016).

ставку на обеспечение независимого информационного потока из-за пределов КНДР.[119]

Для практического осуществления данного курса Соединённым Штатам было необходимо обеспечить пропагандистское оформление. Так было заявлено, что американская сторона ищет заслуживающих доверия, аутентичных по своей организации переговоров, чтобы подвести Северную Корею к исполнению их обязательств по денуклеаризации, оставляет для КНДР дверь открытой, но та в противовес американской позиции упорно настаивает на переговорах без предварительных условий, игнорирует американские усилия и осуществляет серию провокаций в виде ракетных пусков и хакерских атак[120]. В глазах политически близких Соединённым Штатам стран, вошедших в неформальных коалицию, это формировало образ искренне настроенных на мирное решение проблемы США и неискренней, не принимающей доброй воли КНДР. Однако, не мнее важным был и повод, которым стало северокорейское испытание в начале января 2016 г. Теперь США переходили к практической реализации курса.

В ответ на это испытание США ввели односторонние санкции в отношении Северной Кореи. Однако, уже в конце марта 2016 г. казначейство США выдало лицензии, обеспечивающие меры по доступу к независимой информации по построению демократии в КНДР, включая принципы господства права, гражданского участия, продвижению универсальных прав и свобод. В числе прочего, они предполагали трансфер финансовых фондов в КНДР с учётом указанных целей, а также поставки пишущих машинок, видеоматериалов, смартфонов, радиоприёмников и иных средств воспроизводства, передачи и хранения информации[121]. С учётом жёсткого контроля со стороны цензуры и правоохранительных органов, ограниченного распространения современных

[119] Remarks by Sung Kim, Special Representative for North Korea Policy, to Reporters at the Westin Chaoyang Hotel. January 30, 2015. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/236976.htm (дата обращения: 07.10.2016).
[120] Testimony by Sung Kim, Special Representative for North Korea Policy, before the House Foreign Affairs Committee. The North Korean Threat: Nuclear, Missiles and Cyber. January 13, 2015. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235888.htm (дата обращения: 04.09.2016).
[121] General license No.4…; General license No.5…; General license No.8…

средств связи[122] эта политика была рассчитана на крайне длительный срок, а её конечные результаты были неясными.

Почему же произошёл столь существенный поворот в политике? Представляется, что объяснить его нельзя исключительно системными тенденциями и случайными событиями текущего момента. Логичнее будет поместить обновлённый в 2014–2016 гг. курс США в отношении КНДР в более длительный исторический контекст.

Представляется возможным выделить как минимум три связанных и последовательных явления в американской внешней политике, которые объединены неолиберальным историческим циклом, на завершение которого пришлось президентство Б. Обамы. Наиболее ранним источником его курса в отношении Северной Кореи стал опыт администрации Р Рейгана по либерализации социалистических стран Восточной Европы в 1980-х гг., подробно описанный П. Швейцером[123]. Его исследование и документы, доступные на сайте библиотеки Р. Рейгана[124], свидетельствуют, что для успешной реализации этого курса должны присутствовать шесть условий:

- курс страны должен в некоторой степени соответствовать американским представлениям о либеральной политике,
- страна и её правительство не должны ощущать угрозу внешнего вторжения,
- в ней должны присутствовать политические и экономические силы, заинтересованные в либерализации,
- процесс либерализации должен учитывать национальные традиции,
- его должна поддерживать влиятельная политическая группа,

---

[122] См.: Северная Корея перед лицом коллапса: внутриполитическая и социально-экономическая ситуация // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 89–102.

[123] Швейцер П. Ук. соч.

[124] Letter to the Speaker of the House of Representatives and the President of The Senate on Trade with Hungary and China. June 3, 1988. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/060388d.htm (дата обращения: 05.06.2009); Message to the Congress on Trade with Hungary, China, and Romania. June 3, 1985. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/60385c.htm (дата обращения: 05.06.2009); Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and China. June 3, 1986. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/60386f.htm (дата обращения: 05.06.2009); Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and China. June 2, 1987. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1987/060287g.htm (дата обращения: 05.06.2009); Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and the People's Republic of China. June 2, 1982. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/60282b.htm (дата обращения: 05.06.2009).

- над американским курсом не должна довлеть международная конъюнктура.

Более того, исследование П. Швейцера[125] свидетельствует, что подобный курс должен не только иметь поддержку у неформальной коалиции единомышленников, но и быть долгосрочным и последовательным, поскольку усилия по либерализации обладавшей сравнительно широкими по меркам социалистического содружества информационными свободами Польши, в которой существовала организованная неофициальная антикоммунистическая оппозиция в лице профсоюза «Солидарность», ушло десять лет.

Следующим источником, по-видимому, стоит считать цикл концепций Дж. Ная[126], которые были написаны им под влиянием пика неолиберальной волны или стали переосмыслением циркулировавших тогда идей. Нельзя забывать, что, будучи проводником идей о том, что общества можно трансформировать с помощью информационных инструментов, Дж. Най являлся одним из наиболее влиятельных представителей американской либеральной элиты, чьими идеями пользовались правительство и администрация Б. Обамы.

Наконец, нельзя списывать со счетов и личную историю успеха, которая для Б. Обамы была важным личностным психологическим фактором и источником информации при определении содержания внешней политики. Упоминание Мьянмы, которая ещё в начале его президентского срока управлялась военной диктатурой, а к 2014 г, либерализовавшись, присоединилась к международным санкциям в отношении КНДР[127], указывало, что у американского правительства создалось ощущение, что в Восточной Азии можно сравнительно легко обеспечить переход к либеральным общественно-политическим началам.

Если соотнести начинание правительства Б. Обамы на северокорейском направлении, которое пришлось на последние годы его президентства, когда для демократов ухудшилась внутриполитическая конъюнктура в Соединённых Штатах, то оно предстало как неосознанное, рефлекторное следование прежнему

---

[125] Швейцер П. Ук. соч.

[126] Nye J.S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics...; Nye J.S. Jr. The Future of Power…; Nye J.S. Jr. Smart power…

[127] Testimony by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy, Statement before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the House Committee on Foreign Affairs. U.S. Policy Towards North Korea. July 30, 2014…

либеральному американскому внешнеполитическому опыту, который исполнительная власть стала воспринимать в качестве внешних клише без учёта более сложных контекстов. Так, стремясь скопировать восточноевропейский опыт администрации Р. Рейгана в отношении КНДР, правительство Б. Обамы не учло, что все необходимые условия отсутствовали. Попытка опереться на концепции Дж. Ная были свидетельством очередного этапа идейного развития Демократического партии и приметой неолиберального цикла американской истории, которая не имела по своей природе никакого отношения к северокорейскому курсу даже опосредованного в виде общей модели прошлого опыта. Собственный же опыт сформировал иллюзию потенциального успеха. Как следствие из-за следования общим клише и отказа учитывать сложные контексты как исторического прошлого, так и текущей политики новая северокорейская политика правительства Б. Обамы потерпела неудачу.

В целом, политика правительства Б. Обамы в отношении КНДР характеризовалась сложным, изменчивым переплетением множества противоречащих начал. Первое подобное противоречие проявилось в стремлении изменить архитектуру региона. С одной стороны, фактическое завершение очных шестисторонних переговоров было воспринято как возможность построения сетевой многосторонней региональной архитектуры. С другой стороны, использование образа «северокорейской угрозы» для сплочения военно-политических союзов и прочих партнёрств на двусторонней основе, проведение двусторонних встреч в рамках сети «шестисторонних переговоров» и использование в качестве мыслительного архитектурного образа «треугольников» не позволили правительству Б. Обамы преодолеть архитектурных ограничений, которые накладывала конфуцианская система, препятствуя тем самым внедрению европейских подходов к формированию региональных связей. Как следствие, попытка США заменить совокупность двусторонних отношений на многосторонний формат в СВА оказалась неудачной из-за внутренних противоречий их курса.

Второе противоречие было связано с тем, что, ясно давая понять, что Соединённые Штаты будут строить в СВА эксклюзивную архитектуру, исключающую КНДР, в случае обострения гуманитарных проблем правительство Б. Обамы эпизодически выстраивало треугольник взаимодействия, который включал Китай и Северную Корею, что также обнаруживало внутренне противоречие американского подхода.

Третье противоречие касалось того, что Б. Обама, а вслед за ним и правительство тяготели к переносу политических клише из прошлого американского и своего иного опыта, не учитывая сложных исторических и стуационных контекстов.

Четвёртое противоречие проявилось в последние годы президентства Б. Обамы, когда под конец срока правления политика стала характеризоваться сосуществованием двух трудно совместимых элементов. С одной стороны, был чётко обозначен курс на либерализацию северокорейского общества, который требовал длительного хронологического отрезка, но при этом в силу отсутствия необходимых условий его успех не был гарантирован. С другой стороны, одновременно США стремились укрепить многостороннее взаимодействие со своими союзниками из разных регионов мира в контексте политической повестки, географически локализованной на тихоокеанском пространстве (в данном случае – в СВА).

В совокупности эти противоречия предопределили неудачи американского правительства н северокорейском направлении.

В то же время говорить о том, что курс Б. Обамы здесь был полностью лишён достижений, не приходится. Во-первых, «шестисторонние переговоры», возникшие на основе прошлого очного формата, хотя и не стали основой для широкой многосторонней региональной архитектуры, они позволили удерживать коалицию стран, поддерживающих американские интересы вплоть до обострения кризиса на Украине в феврале 2022 г., а значит и позволяли Соединённым Штатам эффективно вмешиваться в политические дела СВА. Во-вторых, стремление объединить американских союзников из разных частей света на основе

политически мотивированной повестки, которая географически локализована в Восточной Азии стало первой такой попыткой США после холодной войны. И хотя она не получила должного развития при Б. Обаме, впоследствии Д. Трамп и Дж. Байден учитывали этот опыт уже при осуществлении индо-тихоокеанской политики США. Это указывало, что обобщённые политические новации 44-го президента были жизнеспособны и в качестве инструментов поддержки американской вовлечённости в дела региона, и в качестве опыта, который можно было впоследствии переосмыслить и воспроизвести в новых контекстах для иных политических целей.

Если соотнести курс США на северокорейском направлении с их политикой в отношении союзников, которых было решено сплачивать не за счёт экономического интереса, а за счёт многоаспектного военно-политического и военно-технического взаимодействия, то необходимо констатировать, что в сугубо региональном измерении северокорейский вектор при Б. Обаме предполагал построение единой, эксклюзивной в отношении КНДР, политической архитектуры в СВА. Её центром мыслились Соединённые Штаты, вокруг них группировались их союзники, а также вовлекались Китай и Россия. В целом, это создало дополнительную опору для укрепления американских военно-политических союзов в СВА и позволило на протяжении 13 лет поддерживать сеть контактов, обеспечивавших внедрение в регион американской повестки. В этом контексте политика в отношении непосредственно самой КНДР здесь предстаёт как необходимый второстепенный атрибут, видимый контекст, который необходимо было поддерживать, не обращая внимания на успех или неудачу непосредственного курса. Собственно, это и стало причиной противоречий, характеризовавших политику правительства Б. Обамы в отношении Северной Кореи, с которой контрастировал, в целом, удачный опыт по формированию политической архитектуры и задел для её трансформации в будущем.

5.3 Политика в отношении КНР

В отличии от Японии, Республики Корея и КНДР, которым правительство Б. Обамы отвело чёткие функциональные ниши в своей политике, место Китая постоянно изменялось под влиянием сложного комплекса факторов. Во-первых, как и в случае с перечисленными странами на китайском направлении Б. Обаме не удалось избежать влияния наследия предшественников. Так, в качестве основного формата для двустороннего взаимодействия администрация Дж. Буша-мл. выбрала стратегический диалог, который по американской инициативе был посвящён политическим проблемам экономических отношений [128] . В то же время экономический кризис 2008 г., который поразил неолиберальную экономику, основывавшуюся на производственно-сбытовой кооперации стран, делал необходимым переход к обсуждению практических экономических вопросов. Более того, превращение одного формата в центральную площадку для отношений двух стран выступало ключевой предпосылкой того, что его повестка будет постоянно расширяться и изменяться.

Во-вторых, Китай оказался на перепутье внутренней политической борьбы и полемики в самих Соединённых Штатах, которая диктовалась и международной обстановкой, и внутренней американской повесткой, и персональной выгодой для отдельных политиков. На курс в отношении КНР оказывали влияние борьба между «группой Х. Клинтон» и командой Б. Обамы, противостояние между исполнительной и законодательной властью, характер отношений между партиями, борьба между группами интересов за влияние на определённые органы власти, политические организации. Это формировало условия, предопределившие противоречивость как важнейшую и постоянную черту политики правительства Б. Обамы в отношении Китая.

В-третьих, историческая эволюция американского общества обусловила то, что пик противоречий между старым и новым пришёлся именно на период правления Б. Обамы, который был сторонником уходящих неолиберальных

[128] Christensen T.J. Op. cit. P. 218–220.

подходов, с помощью которых стремился, хотя и не достаточно успешно, восстановить американскую экономику, в то время как к концу его президентского срока окончательно набрала силу оппонирующая волна реиндустриализации, которая из числа зарубежных стран мишенью для своей критики избрала Китай. Это формировало предпосылки для того, что политические вопросы экономических отношений, как и при Дж. Буше-мл., останутся в числе наиболее часто обсуждаемых в двусторонних отношениях, несмотря на то что они не сближали, а отдаляли страны друг от друга.

В-четвёртых, политика правительства Б. Обамы в отношении СВА предполагала формирование региона на политических, но не на экономических началах, как следствие, это изначально внедряло противоречия на китайском направлении, где оба начала были совмещены.

Общая динамика курса в отношении Китая характеризовалась следующими особенностями. С учётом предшествующих наработок ключевым форматом, в рамках которого Вашингтон реализовывал политику на Китайском направлении был Стратегический и экономический диалог (СЭД). На протяжении 8 лет президентства Б. Обамы он обрастал новыми функциональными сферами. Таким образом, при 44-м президенте политическая составляющая дополнялась экономической, чем формально выравнивалось значение двух ключевых направлений китайской политики, при том что Дж. Буш-мл. экономическую составляющую игнорировал.

Несмотря на то что запуск СЭД состоялся в 2009 г., а вместе с ним формально было устранено и парадоксальное положение, доставшееся в наследство от предшественника, президентство Б. Обамы также характеризовалось парадоксом, который тем не менее, был нормальным для политики США в отношении Китая с 1980-х гг. Дело в том что ключевой для двусторонних отношений формат, который воспринимался в Вашингтоне как пространство для реализации курса, был запущен в 2009 г. а концептуальную речь о политике в отношении Китая Х. Клинтон произнесла только в марте 2012 г. В связи с этим создание ключевого формата двусторонних тесно переплеталось с практикой, а концептуальные идеи долгое

время оставались второстепенным фактором. Тем самым, Соединённые Штаты вновь, как и во времена Р. Рейгана, стали выстраивать отношения с КНР на основе чуждой для себя, но естественной для Китая конфуцианской системы международных отношений и лишь спустя три года предприняли попытку вписать её рамки привычной для США европейской культуры.

В целом, как в Вашингтоне, так и в Пекине, видели следующую базовую архитектуру СЭД. Первое, формат предполагал две дорожки переговоров: стратегическую и экономическую. Второе, по географическому охвату проблематика делилась на двустороннюю, региональную и глобальную[129]. Третье, цели и задачи переговоров по своей срочности делились на краткосрочные и стратегические[130].

В течение 2009 г., когда данный формат только заработал, начался процесс формирования повестки. С американской стороны предлагался самый широкий набор проблем: модели экономического восстановления, внедрение либеральной экономической модели в КНР, финансовая политика, вопросы региональной безопасности и социального благополучия[131], однако в центр взаимодействия сторон была положена экологическая и энергетическая проблематика, чему в немалой степени способствовал первый визит Х. Клинтон в Китай в феврале 2009 г. В ходе него при участии представителей «Дженерал электрик» были заложены основы для сотрудничества в области «зелёного» машиностроения. Вместе с этой повесткой формировался и первый функциональный субдиалог СЭД, который на практике был ориентирован на снижение вредных выбросов в атмосферу, а в

[129] Здесь будут исследованы только те аспекты внешней политики США, которые были ориентированы непосредственно на Китай, а не являлись элементами глобального или широкого регионального курса.

[130] Media Note. Joint Statement by Secretary of State Hillary Rodham Clinton and Secretary of the Treasury Tim Geithner on the Establishment of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. April 1, 2009. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/04/121155.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[131] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Plenary Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 27, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126521.htm (дата обращения: 29.09.2016); Special Briefing on the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 27, 2009. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/july/126525.htm (дата обращения: 29.09.2016).

пропагандистском смысле позиционировался Вашингтоном как пример, которому должны последовать другие[132].

В то же время ставка на агрегирующий формат требовала расширения повестки, для чего на долгосрочную перспективу в Вашингтоне была избрана следующая тактика: руководителям сравнительно большого количества ведомств и иным ключевым представителям исполнительной власти предоставлялась возможность обозначить американские приоритеты в рамках площадок СЭД и переговоров, чья повестка ориентирована на СЭД, с тем чтобы на их основе Китай вовлекался во взаимодействие с США[133].

Как следует из колонки Х. Клинтон и Т. Гайтнера, опубликованной в «Уолл стрит джорнал», на практике это предполагало внедрение следующей экономической повестки: Китаю предлагалось реформировать финансовый сектор, отказаться от ориентированной на экспорт экономики, полагаться на внутренний спрос, отказаться от протекционизма и решать климатическую проблему[134]. К сентябрю 2009 г. стороны договорились о запуске диалога по правам человека и экспертного правового диалога[135].

В 2010 г. стала усложняться структура СЭД и связанных с его повесткой форматов. Тогда стороны запустили рабочую группу «Десятилетней основы» (РГ ДО) для организации сотрудничества в области экологии и энергетики. Она обладала двумя отличительными особенностями. Во-первых, включение всех министерств и ведомств, имевших отношение к повестке, указывало на адаптацию общеправительственного подхода Б. Обамы к ведению дел на отдельном функциональном направлении китайского курса. Во-вторых, в рамках РГ ДО

---

[132] Remarks by Hillary Rodham Clinton at the Signing Ceremony for the U.S.-China Memorandum of Understanding to Enhance Cooperation in Climate Change, Energy, and the Environment. July 28, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126575.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[133] Testimony. Statement by David Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia, The Pacific and the Global Environment. U.S.-China Relations: Maximizing The Effectiveness of the Strategic and Economic Dialogue. September 10, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/09/129103.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[134] Clinton H.R., Geithner T. A New Strategic and Economic Dialog with China. July 27, 2009. URL http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126455.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[135] Remarks by Hillary Rodham Clinton At the U.S. Chamber of Commerce Dinner Honoring His Excellency Wu Bangguo, Chairman of the Standing Committee of the National People's Congress of the People's Republic of China. September 10, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/09/129125.htm (дата обращения: 29.09.2016).

создавались трёхсторонние публично-частные экологические партнёрства, в которые вовлекались правительства, бизнес и общество[136]. Добавился диалог по линии военных. Был запущен диалог по обмену, который концентрировался вокруг инициативы по обмену 100 000 студентов от каждой стороны с целью обучения в КНР и США[137] и развития культурных институтов (Американского университета и Института Конфуция) на взаимной основе[138]. Впоследствии это позволило направлять ежегодно 14,5 тыс. студентов из США в КНР и 275 тыс. студентов из Китая в Соединённые Штаты[139].

В целом, организационная структура СЭД сформировалась в 2011 г.: изначальные положения, о которых стороны договорились в апреле 2009 г., дополнились. Главным стало введение в январе 2011 г. субнационального уровня кооперации, который был образован контактами штатов и провинций, городов, университетов, корпораций. Он охватывал самый широкий спектр экономических, экологических, научно-образовательных и гуманитарных вопросов. В рамках СЭД субнациональным диалогам отводилась функция лаборатории по выработке решений[140]. В апреле 2011 г. стороны сформировали повестку гуманитарного сотрудничества, которое касалось научных и образовательных стажировок, обсуждения женских вопросов, спортивных и культурных обменов[141]. Однако,

---

[136] Media Note. U.S.-China Ten-Year Framework for Cooperation on Energy and Environment. May 13, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/141822.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[137] Здесь американское правительство принимало во внимание опыт Тайваня и стремилось реализовать его в отношении материкового Китая. Тайвань в период президентства Б. Обамы был одним из ключевых поставщиков студентов в Соединённые Штаты, что их правительство трактовало как одно из слагаемых экономически успешной проамериканской траектории общественного развития на острове. Теперь же этот опыт правительство США стремилось реализовать в отношении КНР, рассчитывая изменить её общества в нужном для Соединённых Штатов направлении. См.: Speech by David B. Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. July 7, 2010…; Remarks by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Trends in U.S. – Taiwan Relationship. October 3, 2013…

[138] Remarks by Hillary Rodham Clinton at Signing Ceremony Launching the U.S.-China Consultation on People-to-People Exchange. May 25, 2010. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142181.htm 29.09.2016

[139] Remarks by Antony E. Blinken, Deputy Secretary of State Remarks at Plenary Session. The Strategic & Economic Dialogue / Consultation on People-to-People Exchange. June 24, 2015. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/244199.htm (дата обращения: 07.10.2016).

[140] Fact Sheet. Strengthening U.S.-China Sub-national Cooperation: The U.S.-China Governors Forum. January 19, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/01/154874.htm (дата обращения: 01.10.2016); Press Statement. Memorandum of Understanding concerning the establishment of the U.S.-China Governors Forum to Promote Sub-National Cooperation. January 19, 2011. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/155075.htm (дата обращения: 01.10.2016); Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. January 19, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/01/154875.htm (дата обращения: 01.10.2016).

[141] Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on the 100,000 Strong Initiative, April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160615.htm (дата обращения: 01.10.2016); Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation

столь всеобъемлющая повестка привела к тому, что единый СЭД через год был разделён на три отдельных диалога: за первым сохранилось наименование, второй стал называться стратегическим диалогом по безопасности, третий диалог представлял собой консультации по обмену[142].

Таким образом, весной 2012 г. окончилось формирование СЭД как ключевого формата американо-китайских отношений, который оказался центральной площадкой для реализации политики США в отношении КНР. Если вывести за скобки глобальные вопросы, которые играли роль «сверки политических часов» между сторонами, то повестка СЭД включала следующие проблемы: экономика, совокупность климатического, экологического и энергетического аспектов, гуманитарное взаимодействие, право, военный диалог, региональные вопросы. При этом каждое из направлений обладало своей, постоянно модифицирующейся повесткой, а между ними возникали связи сообразно логике развития формата и модификации повестки сотрудничества.

Несмотря на активные усилия, приложенные к созданию архитектуры СЭД, концептуально политика в отношении Китая была оформлена в марте 2012 г. в выступлении Х. Клинтон в Институте мира. Оно стало логическим завершением идей, изложенных американской стороной в течение 2009 г., а также следствием изложенной в 2011 г. позиции Белого дома, что США приветствуют подъём Китая, как члена западного общества[143]. Если кратко суммировать основные тезисы выступления Х. Клинтон, Соединённые Штаты поддерживали КНР, чтобы сформировать безопасное для себя пространство. Этой цели можно было достичь, если Китай будет впредь подниматься и развиваться как американский партнёр. Для этого ему необходимо было принять все элементы порядка, основанного на

---

on Women's Issues…; Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Sports . April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160628.htm (дата обращения: 01.10.2016); Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Science and Technology. April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160618.htm (дата обращения: 01.10.2016); Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Education. April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160629.htm (дата обращения: 01.10.2016); Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Culture. April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160619.htm (дата обращения: 01.10.2016).

[142] Media Note. U.S.-China Asia-Pacific Consultations. March 12, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/03/185646.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[143] Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of Chuna at Official Arrival Ceremony. January 19, 2011. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-chuna-official-arrival-ceremony (дата обращения: 02.11.2016).

правилах, которые выработаны в США в сферах экономики, политики, финансов, прав человека, управления интернетом. Подтверждением принятия этих правил в Государственном департаменте рассматривали реформы, проведённые китайским правительством в соответствии с американскими образцами или сообразно американским представлениям. Все эти проблемы, как подчёркивала Х. Клинтон, поднимались в рамках СЭД[144]. Таким образом, конечная цель этого формата заключалась в том, чтобы навязать Китаю американские нормы взаимодействия и политического поведения в соответствующих функциональных сферах.

И президентская администрация[145], и Государственный департамент, и казначейство[146] сходились в том, что важнейшей в отношении Пекина была экономическая политика, которая, как свидетельствуют официальные документы и воспоминания очевидцев[147] имела два измерения: двустороннее и международное.

В рамках двусторонних отношений Вашингтон придерживался следующих позиций. Их общие контуры, не лишённые противоречия, были обозначены в 2009 г., когда в ходе СЭД американская сторона не раз поднимала вопрос о том, что Китаю необходимо принять либеральные правила игры. Под ними подразумевались равный доступ китайских и иностранных производителей к государственному заказу, ослабление валютно-финансового регулирования, отказ от протекционистских практик, развитие экономики на основе внутреннего спроса. Эта позиция объяснялась необходимостью защитить американские компании и американских рабочих от чрезмерных поставок товаров из Китая на рынок США[148]. Выход, к которому прибегло правительство Б. Обамы с самого начала, касался развития «зелёного» машиностроения, в котором были заинтересованы корпорации Соединённых Штатов[149]. Иными словами, была сделана ставка на

---

[144] Remarks by Hillary R. Clinton, Secretary of State, at the U.S. Institute of Peace China Conference. March 7, 2012…

[145] Joint Press Statement by President Obama and President Hu of China. November 17, 2009. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-press-statement-president-obama-and-president-hu-china (дата обращения: 06.11.2016).

[146] Clinton H.R., Geithner T. Op. cit.

[147]

[148] Ibidem.; Special Briefing on the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 27, 2009…

[149] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Special Envoy for Climate Change Todd Stern And President of GE Energy China Jack Wen. February 21, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119433.htm (дата обращения: 29.09.2016).

формирование единого для двух стран производственно-сбытового пространства, в котором США отводилась роль технологического лидера.

Фактически тем самым правительство 44-го президента стремилось решить экономические проблемы американо-китайских отношений, которые игнорировал предшественник. С одной стороны, они происходили из существовавшей неолибиеральной экономической системы, основанной на выносе производств, международных производственно-сбытовых цепочках даже в пределах одной крупной корпорации, стремлении ведущих хозяйственных центров сохранить свои лидирующие позиции в мире. С этих позиций, американскому правительству необходимо было обеспечить быстрое восстановление объёмов экспортно-импортных операций, которое снизилось вследствие экономического кризиса 2008 г. (см. приложение 5), а также сформировать на будущее задел, обеспечивающий их рост. При этом было важно сделать ставку на наиболее технологичные и передовые товары, поскольку именно наукоёмкие производства мыслились основой восстановления американской экономики. С другой стороны, эти проблемы стали следствием торгового дисбаланса, возникновению которого способствовал неолиберальный хозяйственный контекст[150], который, тем не менее, не изжил стереотипов мышления прежнего времени, когда господствовали кейнсианские идеи, а торговый дефицит в ряде двусторонних случаев продолжал восприниматься как мультипликатор, свидетельствующий о силе или слабости национальной экономики. Поскольку правительство США указывало Китаю на необходимость принять выгодные для американской стороны экономические правила, то в Соединённых Штатах КНР воспринимали как конкурента, а значит необходимо было создать условия для исправления ситуации. Так в 2008 г. дефицит составил 268 039 790 млн долл. США, а в 2009 г., на пике экономического кризиса,

[150] Так по расчётам С.М. Труша около 50% торгового потока из Китая в США занимала продукция совместных предприятий, американских, тайваньских, европейских, т.е. продукция собственно китайских предприятий составляла только около половины объёмов американского импорта из КНР. Труш С.М. Динамика отношений КНР – США..

он составлял 226 887 004 млн долл. США, что было в 3,84 и 3,26 раза больше объёмов американских поставок в Китай[151].

Стремление одновременно решить проблемы двусторонней торговли неолиберальными и кейнсианскиким методами (хотя роль последних была существенно ограниченной) определило противоречие позиции Соединённых Штатов, которые призывали Китай принять либеральные правила игры, но одновременно высказывались в пользу ограничений для себя. Иными словами, вновь произошло совмещение либерального и протекционистского начал, которые были традиционными для внешнеэкономической политики США с 1980-х гг. Другим подтверждением, что протекционистские ноты в позиции правительства Б. Обамы не выходили за рамки традиций данного исторического цикла, стало то, что на Китай также была распространена политика поддержки рабочих мест посредством экспорта готовой американской продукции[152]. Причём касалась она в первую очередь машиностроительного сектора и производств, связанных с наличием уникальных технологий, которые не попадали под экспортный запрет. На это указывало намерение США вести разведку и организовать добычу сланцевого газа в Китае[153], что было сопряжено с экспортом соответствующего оборудования и технологий. На закрепление этой линии был рассчитан и запуск субнациональных программ, которые также устанавливали более тесные связи между китайскими и американскими компаниями не только на уровне производителя и потребителя, но и участия в совместных разработках. Кроме того, этот шаг позволял американской стороне сформировать разветвлённую сеть взаимодействия с Китаем на уровне корпораций, университетов, лабораторий[154].

Существовало и другое противоречие в позиции Вашингтона. Несмотря на то, что, с одной стороны, выражалось недовольство чрезмерным экспортом из КНР

---

[151] Рассчитано по: U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Imports from China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021)

[152] Remarks by Hillary Rodham Clinton During Visit to the Boeing Maintenance Facility at the Shanghai Airport. May 22, 2010. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142129.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[153] Media Note. U.S.-China Joint Statement on Energy Security Cooperation. May 25, 2010. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142179.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[154] Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. January 19, 2011…

в США и китайскими нелиберальными экономическими практиками, торгово-экономические отношения двух стран позиционировались как хорошая история по преодолению экономического кризиса[155]. Последнее указывает на справедливость замечания сенатора Брауна от штата Огайо, что основной поток импорта из Китая в Соединённые Штаты формируют американские корпорации, локализовавшие отдельные производственные операции в Китае[156]. Принимая во внимание расчёты С. М. Труша о месте разных по географии происхождения ТНК в формировании китайского экспорта в США[157], можно также уточнить, что американские корпорации оказались зависимыми от поставок из Китая не только вследствие выноса собственных производств, но и производств, которые вынесли туда их смежники из других стран.

Наличие выявленных противоречий указывает, что в течение 2009–2011 гг. экономическая политика США в отношении КНР была нацелена на преодоление последствий экономического кризиса со значительным учётом его последствий для ТНК, на создание платформы для отношений в будущем, на формирование целевых характеристик двусторонних отношений, с которыми необходимо было проводить сверку курса в дальнейшем.

В 2012 г., когда были преодолены последствие экономического кризиса, начался новый этап экономической политики в отношении Китая. Это связано с тем, что к этому времени был запущен ряд совместных экологических проектов на территории обеих стран с привлечением их компаний, начато производство более экологичных двигателей разного назначения. Эти проекты были нацелены на снижение нагрузки на экологию в наиболее густонаселённых районах с экстенсивной эксплуатацией природных ресурсов или с высокой концентрацией промышленности[158]. Это создавало устойчивые рынки сбыта товаров и услуг, связанных с производством и обслуживанием «зелёной» продукции. Иными

---

[155] Interview by Hillary Rodham Clinton With Meredith Vieira of NBC's Today Show. January 18, 2011. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/154916.htm (дата обращения: 01.10.2016).

[156] Congressional Record. September 22, 2010. P. S7313…

[157] Труш С.М. Динамика отношений КНР – США..

[158] Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. February 15, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184027.htm (дата обращения: 03.10.2016); U.S.-China Climate Change Working Group Fact Sheet. July 10, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211768.htm (дата обращения: 04.10.2016).

словами, первый рецепт смягчения негативного влияния китайской экономики на американскую давал для последней позитивные результаты, и необходимо было искать новые способы. В 2011 г. произошли два события, которые могли потенциально этому способствовать: в ходе переговоров была поднята проблема соблюдения интеллектуальных прав[159], и была принята программа XII пятилетнего плана в Китае[160].

Последнее было воспринято в Вашингтоне в качестве удобного повода для формирования обновлённой экономической повестки двусторонних отношений, тем более что, несмотря на рост американского экспорта в 1,58 раза в сравнении с 2008 г. по 2012 г., импорт из КНР вновь превосходил поставки из США в 3,85 раза, что едва отличалось от соотношения 2008 г.[161]. Во-первых, объявлялось что субнациональный диалог двух стран должен обеспечить рост американского экспорта в Китай, доступ китайских граждан к американскому образованию, научному обмену и способствовать китайским инвестициям в США[162]. Во-вторых, был открыто обозначен ряд проблем, которые проистекали из отличного от американского способа организации хозяйства, а без их решения развитие экономического взаимодействия и преодоление торгового дефицита виделось в Вашингтоне затруднённым. В их числе назывались технические преференции для государственных предприятий, ограничение на их взаимодействие с иностранными компаниями, проблема соблюдения авторских и патентных прав, использование Китаем ограничительных торговых практик, отсутствие согласованных стандартов на добычу полезных ископаемых, в т.ч. применяемых в отношении третьих стран[163]. В 2013 г. позиция США, озвученная вице-президентом Дж. Байденом на сессии СЭД, и вовсе ужесточилась: «Китаю необходимо принять следующие шаги,

---

[159] Background Briefing in Hong Kong. July 25, 2011. http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/07/169050.htm (дата обращения: 01.10.2016).
[160] Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. The Future of U.S.-China Economic Relations. December 6, 2012. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/201631.htm (дата обращения: 03.10.2016).
[161] Рассчитано по: U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016…; U.S. Imports from China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016...
[162] Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. The Future of U.S.-China Economic Relations. December 6, 2012…
[163] Ibidem.

чтобы его экономика была интересна США… включая либерализацию ключевой ставки, создание экономики потребления, улучшение [ситуации с] правами на интеллектуальную собственность»[164].

В дальнейшем эти проблемы многократно поднимались в рамках СЭД, они дополнялись вопросом рыночных условий для госпредприятий, создавались переговорные группы, обсуждались пути сближения позиций, но результата достигнуто не было. Наконец, нельзя не заметить, что с 2013 г. основной фокус был смещён с поиска сфер взаимодействия на акцентирование разногласий. Во многом на это повлиял тот факт, что в 2013 г. после ухода Х. Клинтон из Госдепартамента, которая больше внимания уделяла экономическим аспектам, произошла консолидация внешнеполитической команды Б. Обамы, которая на второй срок приняла повестку, в которой доминировали политические вопросы регионального и двустороннего характера, а экономические проблемы по степени приоритетности заняли предпоследнее место[165]. Вследствие такой политизации отношений, смещения экономических интересов с первой на предпоследнюю позицию, в целом долгосрочный экономический курс потерпел неудачу, о чём свидетельствует тот факт, что несмотря на все усилия американского правительства и рост объёмов американского экспорта с 62 936 млрд долл. США в докризисном 2007 г. до 115 602 млрд долл. США в 2016 г.[166], в течение 2015–2016 гг. объём поставок из Китая превышал американский экспорт уже в 4 раза[167]. Иными словами, экономическая политика, противоречивая по своей природе из-за совмещения неолиберальных и кейнсианских начал, не позволила Соединённым Штатам полностью решить проблемы экономических отношений с Китаем.

Нельзя характеризовать удачным и региональный вектор, реализовывавшийся в отношении КНР, чья конечная цель мыслилась как принятие

---

[164] Remarks John Kerry, Secretary of State, Vice President Joe Biden, Secretary of Treasury Jacob Lew, State Councilor Yang Jiechi, and Vice Premier Wang Yang. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Joint Opening Session. July 10, 2013. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/07/211773.htm (дата обращения: 04.10.2016).

[165] Statement by NSC Spokesperson Caitlin Hayden on the National Security Advisor's Trip to China. May 28, 2013. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/28/statement-nsc-spokesperson-caitlin-hayden-national-security-advisor-s-trip-china (дата обращения: 05.11.2016).

[166] U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016…

[167] Рассчитано по: Ibidem; U.S. Imports from China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016…

Китаем американских правил игры. Он включал в себя два аспекта. Первый предполагал реализацию инициативы ТТП, которая подразумевала более высокие стандарты для экономических отношений и понималась политическим руководством как альтернатива ВРЭП, которое воспринималось как распространение китайских стандартов экономических отношений в регионе[168]. Второй аспект предполагал конкуренцию китайским компаниям в отдельных секторах экономики соседних с Китаем стран, которые в значительной степени зависели от него экономически, например, в Монголии. Здесь Соединённые Штаты рассчитывали, что вследствие косвенного воздействия Пекин согласится разработать правила, если не идентичные, то близкие американским. В этом контексте Вашингтон и Улан-Батор обеспечили прочное проникновение корпораций США в монгольский добывающий сектор[169], подписали соглашение, повышавшее прозрачность торговых монголо-американских операций[170], создали основу для американских инвестиций в сельское хозяйство Монголии[171]. В целом, это позволило Дж. Керри на словах характеризовать Монголию как потенциального участника ТТП, которое, согласно официальному мнению Соединённых Штатов, к 2016 г. нуждалось в увеличении участников, что подразумевало расширение географии для внедрения широкого спектра американских экономических стандартов[172]. Однако, оба эти вектора, которые мыслились в Вашингтоне как взаимосвязанные, не достигли своей цели в отношении Китая.

В то же время правительство Б. Обамы добилось ограниченных успехов. Во-первых, экологические и климатические программы способствовали дополнительной загрузке производственных мощностей. Во-вторых, удалось

---

[168] Campbell K.M. Op. cit. P. 193.

[169] Remarks by Robert D. Hormats Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. The Future of U.S.-China Economic Relations…; Testimony Jonathan Addleton, Ambassador-designate to Mongolia. Statement Before the Senate Foreign Relations Committee. President Obama's Nominee to be U.S. Ambassador to Mongolia. July 23, 2010. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/07/126406.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[170] Media Note. United States and Mongolia Sign Bilateral Transparency Agreement. September 24, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/09/214654.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[171] Remarks by John Kerry, Secretary of State, at Joint Press Availability With Mongolian Foreign Minister Lundeg. June 5, 2016. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258078.htm (дата обращения: 04.09.2016).

[172] Conversation With Young Leaders. Remarks, John Kerry, Secretary of State, Shangri La Hotel, Ulaanbaatar, Mongolia, June 5, 2016…

увеличить объёмы американского экспорта в Китай: если брать максимальные значения, его объёмы выросли в 1,78 раза в сравнении с докризисными показателями, в то время как экспорт из КНР вырос только в 1,44 раза[173]. (См. приложение 5) Последнее указывает, что цель обеспечить увеличение производства через рост экспорта была в определённой мере достигнута, но при этом рост поставок из КНР в США удалось лишь замедлить, но не ограничить.

Иными словами, в долгосрочном плане экономическая политика Б. Обамы в отношении Китая потерпела неудачу, в то время как в тактическом, не выходящим за рамки отдельных аспектов отношений, у неё были некоторые успехи.

Второй по значимости проблемой в отношениях США и Китая в 2009 г. Вашингтону виделась эколого-климатическая. Однако в дальнейшем она распалась на две составляющих. Первая касалась общемировых климатических инициатив Соединённых Штатов, вследствие чего здесь политика в отношении Китая стала одним из многочисленных элементов глобальной экологической политики США. Вторая была тесно связана с производством «зелёной» продукции и была прочно интегрирована в экономический курс.

Третье по значимости место отводилось проблеме прав человека в Китае. Политика на этом направлении реализовывалась с помощью следующих инструментов. Во-первых, правительство Б. Обамы продолжило традиции, заложенные ещё в период президентства Р. Рейгана. В соответствии с ними издавались официальные комментарии, приуроченные к годовщинам определённых событий, например, демонстрации на площади Тяньаньмэнь, в которых осуждалось «преследование семей участников демонстраций» и содержался призыв к Китаю придать аналогичный приоритет господству права, защите международно признанных прав человека и развитию демократии, как и экономическим реформам[174]. Регулярно комментировалось положение с правами

[173] Рассчитано по: U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016…; U.S. Imports from China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016…

[174] Message by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, on the Twentieth Anniversary of Tiananmen Square. June 3, 2009. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/06/124292.htm (дата обращения: 29.09.2016).

человека в Тибете и нарушение прав национальных меньшинств[175], что стало нормой для американской политики с 1987 г. Во-вторых, эта проблема поднималась в рамках СЭД[176]. В-третьих, правительство Б. Обамы организовывало целенаправленные информационные кампании по отдельным случаям. Так в ситуации с Чэн Гунчэном, китайским диссидентом и юристом, который укрывался в американском посольстве в Пекине, Государственный департамент в течение 2–4 мая 2012 г. коснулся в 13 публичных документах[177]. По своим срокам она совпала с проведением очередной сессии СЭД, что позволяет её оценить средством давления на китайскую сторону. Иной раз кампании заменялись серийными, разделёнными интервалами выступлениями, которые были связаны с определённой фигурой, как в случае с писателем Лю Сяобо[178], в других случаях американская сторона могла ограничиться единичными заявлениями[179].

Иными словами, в области соблюдения прав человека Б. Обама следовал привычным политическим рецептам, которые, во-первых, восходят к идеям Р.

---

[175] См. например: Statement by Special Coordinator for Tibetian Issues Maria Otero. January 24, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/01/182424.htm# (дата обращения: 03.10.2016).

[176] Media Note. Conclusion of U.S. – China Human Rights Dialogue. July 24, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/07/195431.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[177] Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Chen Guangcheng. May 2, 2012…; Press Statement by Victoria Nuland, Department Spokesperson. Chen Guangcheng. May 4, 2012…; Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Victoria Nuland, Department Spokesperson, Secretary of the Treasury Timothy Geithner at the Strategic and Economic Dialogue U.S. Press Conference. May 4, 2012…; Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Ian Williams of NBC. May 3, 2012...; Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Karson Yiu of ABC News. May 3, 2012...; Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Marsha Cooke of CBS. May 3, 2012…; Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Stan Grant of CNN. May 3, 2012…; Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Michele Kelemen of NPR. May 2, 2012…; Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Jill Dougherty of CNN. May 2, 2012…; Background Briefing by Senior State Department Official. May 3, 2012…; Background Briefing With Senior State Department Officials on Chen Guangcheng. May 2, 2012…; Backgrounder with Senior State Department of Officials. May 4, 2012…; Special Briefing by Gary Locke, Ambassador to China, Victoria Nuland, Department Spokesperson. May 3, 2012…

[178] Press Statement Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Nobel Peace Prize Awarded to Liu Xiaobo. Nobel Peace Prize Awarded to Liu Xiaobo. October 8, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/149235.htm (дата обращения:29.09.2016); Press Statement on Trial Verdict of Chinese Activist Liu Xiaobo. December 24, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/dec/134094.htm (дата обращения: 29.09.2016); Remarks at the Japanese Ministry of Foreign Affairs by Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, Assistant Secretary of Defense Wallace Gregson. February 2, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/02/136412.htm (дата обращения: 12.09.2016); Press Statement by John Kerry, Secretary of State on Fifth Anniversary of Liu Xiaobo's Detention. December 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/12/218541.htm (дата обращения: 04.10.2016); Press Statement by John Kerry, Secretary of State on Fifth Anniversary of Liu Xiaobo's Conviction. December 24, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/12/235514.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[179] Remarks by Jon Huntsman, U.S. Ambassador to China, Urging Chinese Government to Consider Immediate Humanitarian Release of Xue Feng. February 18, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/02/156782.htm (дата обращения: 01.10.2016).

Такера [180] и Дж. Киркпатрик [181]. Согласно им страны, придерживающиеся либеральных экономических принципов, должны придерживаться их и в политической сфере. Во-вторых, они восходят к практике правительств Р. Рейгана и Дж. Буша-мл., которая, хотя и показала в отношении Китая несостоятельность, стала способом формировать негативный имидж Китая в публичном пространстве. В-третьих, публичные информационные кампании также уходят корнями в годы холодной войны: они активно применялись правительством Р. Рейгана в случае наложения ограничений на активистов в странах социалистического лагеря. Таким образом, политика по вопросам прав человека в отношении КНР стала воспроизведением модели, сформировавшейся в 1980-х гг.

Четвёртым направлением, которое стало усиливаться с 2012 г. и в особенности с 2013 г., было политическое и включало в себя самый широкий спектр вопросов. До этого рубежа роль политических проблем была ограничена по трём причинам: не были полноценно сформированы соответствующие диалоговые площадки в рамках СЭД, в 2013 г. сменилась команда в Государственном департаменте[182], изначально правительство Б. Обамы образ ключевой «угрозы» связывало с Северной Кореей. При этом было бы упрощением, говорить, что политические вопросы не поднимались до отмеченного рубежа, тем более что региональная обстановка благоприятствовала различным межгосударственным трениям.

Изначально их появление было связано с модернизацией китайского военного потенциала и необходимостью снизить риск конфронтации[183]. В конце 2009 г. началась подготовка к запуску правового диалога на уровне экспертов и

---

[180] Tucker, R. W. Op. cit.

[181] Приводится по: Гарбузов В. Н. Александр Хейг или три карьеры одного генерала. М.: Наука, 2003. С. 89.

[182] Назначение Дж. Керри госсекретарём означало консолидацию внешнеполитической команды Б. Обамы, устранение разделительных линий между внешнеполитическим ведомством и остальными органами исполнительной власти. Это позволило правительству и администрации в течение второго президентского срока Б. Обамы выступить с общих для всех ведомств позиций в отношении КНР.

[183] Testimony. Statement by Jon M. Huntsman, Jr.; Ambassador-Designate to the People's Republic of China Before the Senate Foreign Relations Committee. July 23, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/07/126382.htm (дата обращения: 29.09.2016).

диалога по линии военных[184]. Однако с 2011 г., Вашингтон начинает больше внимания уделять проблемам, которые вызывали у сторон разногласия. Так в поле зрения американского правительства входит юридическая проблематика акваториальных споров в ЮКМ, одной из сторон которых являлся Китай[185]. В 2012 г. это позволило сформировать стратегическое направление СЭД, состоявшее из диалоговых форматов, в рамках которых обсуждались различные политические аспекты. В их числе оказались военная безопасность, право, комплекс морских вопросов, права человека[186]. Был запущен и диалог по киберпространству с целью разработки приемлемых для обеих сторон норм поведения в нём[187], что стало ответом на инцидент с утечкой данных компании «Гугл». Одновременно на встречах с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи Х. Клинтон ещё в 2012 г. поднимала проблему акваториальных споров Китая в ЮКМ и ВКМ, призывая КНР к диалогу с другими сторонами и разработке кодексов поведения[188], которые в Вашингтоне понимались как правила поведения, обязательные для соблюдения всеми сторонами споров. Тем самым, американская сторона подспудно принуждала китайскую принять те поведенческие клише, которые происходили из англо-саксонской культуры, в соответствии с которой Вашингтон трактовал кодексы поведения в ЮКМ как неформальные в сравнении с международными договорами документы, но чьи положения выступают нормами, обязательными для исполнения всеми подписантами. Фактически, это был сигнал о том, что в дальнейшем ключевой целью политики США в отношении Китая независимо от

---

[184] Remarks by Hillary Rodham Clinton At the U.S. Chamber of Commerce Dinner Honoring His Excellency Wu Bangguo… ; Press Availability by KurtM. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. October 14, 2009. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/10/130578.htm (дата обращения: 29.09.2016).

[185] Testimony Statement by Daniel Kritenbrink Acting Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the U.S.-China Economic & Security Review Commission. U.S. Policy Toward the People's Republic of China (P.R.C.). April 13, 2011. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/160652.htm (дата обращения: 01.10.2016).

[186] Joint Statement on the U.S. – China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track May 3-4, 2012. May 4, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189287.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[187] Strategic and Economic Dialogue Joint Press Statement. May 4, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189324.htm (дата обращения: 03.10.2016).

[188] Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Chinese Foreign Minister Yang Jiechi. September 5, 2012. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197343.htm (дата обращения: 03.10.2016); Background Briefing: Readout of the Secretary's Meeting With Chinese Foreign Minister Yang Jiechi. September 27, 2012. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/198329.htm# (дата обращения: 03.10.2016).

проблемы или функциональной сферы двусторонних отношений будет разработка некоторого свода норм, обязательных для исполнения обеими сторонами.

В течение следующих четырёх лет политические проблемы поднимались в следующих контекстах. Запуск кибернетического диалога в Вашингтоне расценивали как возможность вовлечь Китай в число стран, принимающих американскую версию регулирования киберпространства. Оно базировалось на управлении, свободе, предотвращении инцидентов. В случае с Китаем, по мнению Вашингтона, признание этих столпов означало также и признание открытости интернета, множественности участников, вовлечённых в его функционирование, свободы от государственного контроля. Это, с точки зрения американского правительства, должно было предотвратить информационный национализм и способствовать свободному распространению информации среди китайских пользователей [189] , что отвечало интересам США. В целом, американская наступательная позиция способствовала созданию координационной группы для ведения переговоров по проблемам поведения в киберпространстве [190]. Однако, спустя год её работы американская сторона констатировала, что между ней и Китаем существуют долгосрочные различия в подходах к киберпространству[191], а в 2015 г. советник по национальной безопасности С. Райс и вовсе раскритиковала правительство КНР за блокировку свободного доступа к интернету и помехи свободному развитию китайского общества[192], что свидетельствовало о неудаче предпринятой Вашингтоном тактики.

В течение второго президентского срока Б. Обамы морские, военные и правовые вопросы в политике в отношении Китая слились в единое проблемное поле. Так уже в 2013 г. комплекс проблем, связанных со спорными пространствами

---

[189] Remarks Robert D. Hormats Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment U.S.- China Internet Industry Forum. April 9, 2013. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm (дата обращения: 04.10.2016).
[190] U.S – China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. July 12, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm (дата обращения: 04.10.2016).
[191] Special Briefing. Remarks on Secretary Kerry's Meeting With Chinese State Councilor Yang Jiechi. October 18, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/233142.htm (дата обращения: 06.10.2016).
[192] National Security Advisor Susan E. Rice As Prepared Remarks on the U.S. – China Relationship. September 21, 2015. URL: https://www.whitehouse.gov/the/press/office/2015/09/21/national-security-advisor-susan-e-rice-prepared-remarks-us-china (дата обращения: 02.11.2016).

в ВКМ и ЮКМ стал центральным для военной и политической повестки СЭД[193]. При этом незадолго до Восточноазиатского саммита 2013 г. Дж. Керри информировал Ван И, что проблемы установления морских границ в ЮКМ будут центральными в ходе обсуждения со странами АСЕАН, также госсекретарь призвал китайскую сторону решать споры на основе международного права с помощью мирных дипломатических средств, не прибегая к угрозам[194]. Ещё более острой риторика Вашингтона стала после включения воздушного пространства над островами Сенкаку в состав опознавательной зоны ПВО Китая. В феврале 2014 г. Дж Керри выразил мнение, что в районах ВКМ и ЮКМ нужно придерживаться менее конфронтационного подхода, более основанного на соблюдении норм права[195]. В контексте спора Пекина и Ханоя вокруг нефтяного шельфа Вашингтон характеризовал претензии Китая на акваторию как подрывающие мир и стабильность в регионе[196]. В июне 2014 г., излагая в Конгрессе позицию Госдепартамента в отношении Китая, заместитель госсекретаря Д.Р. Рассел выразил веру, что Китай должен признать правила и нормы, на которых построена международная система[197]. В октябре 2014 г. Дж. Керри на встрече с Ван И указал, что Вашингтон заинтересован в Китае, который играет ответственную роль в Азии и поддерживает существующие нормы и правила в области экономики и безопасности[198]. Таким образом, позиция Вашингтона в отношении Пекина с 2012 г. постепенно ужесточалась, в публичных заявлениях всё чаще создавался негативный образ Китая в сфере безопасности, как государства безответственного, дестабилизирующего региональную обстановку.

---

[193] Special Briefing. Senior Administration Officials On the First Day of the Strategic and Economic Dialogue and U.S.-China Relations. July 11, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211801.htm (дата обращения: 04.10.2016).

[194] Special Briefing. Readout of Secretary Kerry's Meeting With Chinese Foreign Minister Wang Yi. September 26, 2013. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/09/214801.htm (дата обращения: 04.10.2016).

[195] Solo Press Availability of John Kerry, Secretary of State. February 14, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221658.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[196] Press Statement by Jen Psaki, Department Spokesperson. Vietnam/China: Chinese Oil Rig Operations Near the Paracel Islands. May 7, 2014. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/05/225750.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[197] Testimony of Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, before the Senate Foreign Relations Committee. The Future of U.S – China Relations. June 25, 2014. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/06/228415.htm (дата обращения: 06.10.2016).

[198] Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Chinese Foreign Minister Wang Yi Before Their Meeting. October 1, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/10/232419.htm (дата обращения: 06.10.2016).

Более широкий контекст политики США в отношении стран СВА и Тихого океана позволяет лучше понять столь сильное изменение позиции. Так, как объяснял Д.Р. Рассел, региональное измерение курса в отношении Пекина включало укрепление отношений с союзниками, создание многосторонних форматов и укрепление отношений с развивающимися странами[199]. Дж. Керри в свою очередь называл ТТП, которое в правительстве воспринимали в числе прочего альтернативой китайским регионоустроительным проектам, средством связать воедино страны, способные укрепить регион, отношения в котором основаны на правилах[200]. Эти высказывания по времени совпадают с моментом, когда образ «китайской угрозы» превращается в превалирующий мотив укрепления военно-политических альянсов Вашингтона. Таким образом, изменение политики в отношении Китая было связано с реализацией общего курса в СВА (и шире – в АТР) по сплочению военно-политических союзников и партнёров на основе образа «китайской угрозы». Эта линия, как писалось выше, была начата Госдепартаментом ещё в 2010 г. Акцент на разногласиях, который стал делаться американской стороной с 2012 г. указывал, что условия для более активного осуществления этого курса сформировались, а в 2014 г. американские усилия здесь достигли квинтэссенции, что свидетельствовало о пике американской политики по конструированию собственной региональной архитектуры на основе противодействия «китайской угрозе».

В этом контексте кажется парадоксальной попытка широчайшей секьюритизации двусторонних отношений в области безопасности, предпринятая Белым домом в начале сентября 2016 г. Предложенная для встречи в верхах повестка охватывала 23 блока вопросов[201], что было в разы больше, чем в случае отношений с союзниками. А ведь подобный шаг в отношении Республики Корея предшествовал укреплению отношений союзников в треугольнике «США – Япония – РК» за счёт частично совпадавшей повестки двусторонних американских

[199] Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, at China – U.S. Symposium. April 18, 2014. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/04/225223.htm (дата обращения: 06.10.2016).
[200] Remarks by John Kerry, Secretary of State, on U.S. – China Relations. November 4, 2014. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/11/233705.htm (дата обращения: 06.10.2016).
[201] U.S. Fact Sheet for President Obama's Bilateral Meeting with President Xi Jinping. September 03, 2016…

альянсов, скрепой для которых было выбрано противодействие «китайской угрозе». Таким образом, подобный шаг в отношении КНР в корне противоречил региональной политике Соединённых Штатов в 2014–2015 гг. Это указывало, что предложенная повестка формировалась больше для внешнего эффекта, а не для развития двусторонних отношений. При этом информация об обсуждаемых вопросах была подана корректно, в уважительном тоне, а в ряде случаев с указанием на перспективы кооперации. Диссонанс с той ролью Китая, какую ему отвело второе правительство Б. Обамы в азиатско-тихоокеанской политике, в целом, и в курсе в отношении стран СВА, в частности, указывает, что причины этому лежат не в региональной, а в национальной плоскости. Вероятнее всего, этот шаг стал запоздалой реакцией на усиление позиций Д. Трампа в ходе предвыборной гонки, выступавшего с жёсткой критикой Китая, благоприятный фон для которой в числе прочих факторов сформировала риторика демократического правительства. С учётом электоральной конъюнктуры, риска поражения Х. Клинтон, агитации и популярности оппозиционного кандидата Б. Обама был вынужден сменить критический тон на тон сотрудничества в отношении Китая. Это в свою очередь свидетельствовало, что в рамках политического вектора в отношении КНР правительство Б. Обамы, с одной стороны, добилось укрепления военно-политических отношений со своими союзниками, с другой стороны, осложнило для Демократической партии внутриполитическую конъюнктуру в контексте приближавшихся всеобщих выборов.

В целом, в политике США в отношении КНР выделяются два крупных этапа. На первом в 2009 – начале 2012 гг. американское правительство делало ставку на институциональную организацию двусторонних отношений и вопросы, позволяющие развивать сотрудничество. Это создало прочную основу для двустороннего взаимодействия в области студенческого обмена и «зелёного» машиностроения. Это отражает и американские надежды на то, что удастся решить проблему торгового дефицита за счёт поставок технологичной продукции в

Китай[202], а также посодействовать трансформации мышления части образованного китайского общества в благоприятном для США направлении.

С середины 2012 г. до 2016 г. акцент в политике сместился в сторону разногласий, чтобы создать необходимое информационно-пропагандистское сопровождение усилиям по сплочению военно-политических союзников и экономических партнёров, формированию в СВА и на Тихом океане архитектуры отношений, удовлетворявшей интересам США. В то же время влияние внутриполитической конъюнктуры привело к тому, что к концу своего президентства Б. Обама предпринял попытку занять более партнёрскую позицию в отношении Китая. Эта перемена была связана с тем, что надежды на решение стратегически важных вопросов не оправдались. В одних случаях требовался длительный промежуток времени, как в случае с трансформацией мышления. В других случаях проблемы были решены лишь частично, как в случае с торговым дефицитом и увеличением американского экспорта в Китай. Вследствие этого на первый план вышли стратегические приоритеты регионального внешнеполитического характера, что способствовало ухудшению американо-китайских отношений.

В более широком контексте политика 44-го президента характеризовалась совмещением наследия предшественников, которое выразилось в общей логике построения отношений с КНР, политике в области прав человека, в принятии СЭД как общей конструкции для развития двусторонних отношений, совмещении разных подходов в экономической политике, и собственного новаторства, которое проявилось в наполнении политической и экономической повестки, в использовании образа китайской «угрозы» для изменения региональной архитектуры в области безопасности и укрепления отношений с торгово-экономическими партнёрами.

---

[202] Однако, здесь американское правительство не учло того, что дефицит формировался в т.ч. за счёт выноса в Китай отдельных производственных процессов корпораций США и их смежников, более того, поощряя экспорт наиболее технологичных товаров, произведённых в Соединённых Штатах, оно не отказывалось от преимуществ либеральной экономики, которая способствовала формированию дефицита.

Как следствие курс правительства Б. Обамы в отношении Китая был противоречивым: в одних случаях он позиционировался как конкурент, в других – как партнёр, в одних случаях в отношениях с ним делалась ставка на общие интересы, в других – на противоречия, в одних случаях предпочтение отдавалось длительным социальным, экономическим и политическим процессам, в других – американское правительство стремилось получить быстрый результат, в одних случаях США следовали нормам привычной для Китая конфуцианской системы международных отношений, в других – нормам привычной для себя европейской системы и англо-саксонской культуры. Именно такое позиционирование КНР, которое предполагало совмещение противоположных элементов, позволило добиться сплочения военно-политических союзников и партнёров на региональном уровне, имело ограниченный результат в экономической и гуманитарной политике в двустороннем контексте, не позволило добиться от Китая принятия норм, соответствовавших американским интересам.

В целом, политику правительства Б. Обамы в отношении стран СВА характеризовал сложный комплекс противоречий. На практике он проявился в следующих аспектах. Первым противоречием стало совмещение идейного и практического наследия предшественников с попытками собственных новаций. Как следствие, с одной стороны, использовались прежние наработки и клише (формат «2+2», СЭД), пришлось вовлекаться в работу региональных форматов, к которым США присоединились прежде (ТТП, шестисторонние переговоры), стремиться претворить в жизнь разные либеральные идеи, высказанные в недалёком прошлом (идея объединения ведущих экономических центров мира на основе свободной рыночной экономики, идеи Дж. Ная влиять на другие общества с помощью информации), использовать прежде апробированные, привычные и нормальные, с точки зрения американского правительства, инструменты (пропагандистские компании по защите прав человека, угроза введения заградительных пошлин как писанное положение торгового соглашения). С другой же стороны, правительство Б. Обамы предложило ряд новшеств. Оно начало перестройку архитектуры военно-политических альянсов в СВА, в основе которой

лежали «треугольники». В их рамках общее для трёх сторон взаимодействие строилось на основе частично совпадавших повесток отношений в сфере безопасности каждой из вовлечённых пар американских союзников. Позднее этот опыт был распространён не только на АТР, но и восточную часть Индийского океана. Правительство Б. Обамы стремилось создать многосторонний формат взаимодействия между странами СВА, что было подлинно новаторским шагом для региона, в котором доминирует совокупность двусторонних отношений, реже выстраиваются трёхсторонние взаимодействия. Кроме того, оно апробировало привлечение внерегиональных американских союзников для обсуждения политической проблемы, географически локализованной в СВА как части АТР.

Второе противоречие заключалось в том, что, организуя переговоры о ТТП и вовлекая в них Японию, Соединённые Штаты копировали международную стратегию по выводу национальной экономики из кризиса, предпринятую странами Восточной Азии после азиатского кризиса 1997 г., но при этом опоздали к этим процессам на десятилетие. Одновременно, такой подход подразумевал отношение к другим странам как партнёрам. В СВА на практике такой подход в чистом виде был реализован только в отношении Японии. В свою очередь КНР воспринималась партнёром постольку, поскольку на её территории были размещены отдельные производства американских корпораций и их смежников, а китайский рынок воспринимался перспективным для сбыта наиболее технологичной продукции США. В остальном Китай считался американским правительством в качестве экономического конкурента. Республика Корея вовсе рассматривалась исключительно американским конкурентом, поскольку в соглашении с ней были прописаны ограничительные меры. Таким образом, стремясь использовать внешний рынок СВА как ресурс преодоления последствий экономического кризиса 2008 г. и обеспечения хозяйственного роста соединили собственные подходы с заимствованными извне, а также либеральные и кейнсианские начала.

Третье противоречие касалось соотношения экономического и политического измерений курса. Формально приверженность к неолиберализму,

необходимость преодолеть экономический кризис ставили на первое место хозяйственное измерение политики. Однако отсутствие единого подхода, вовлечение каждой из стран региона в разные форматы экономических отношений способствовали тому, что экономическое измерение СВА в американском внешнеполитическом планировании было разделённым, соответственно экономика не мыслилась основой для отношений с государствами региона. Этому контрастировало положение в военно-политической плоскости: американские союзники были объединены за счёт кибернетического аспекта повестки, а идеалистическими скрепами стали образы северокорейской и китайской «угроз».

Четвёртое противоречие заключается в том, что, с одной стороны, Соединённые Штаты стремились внедрить в регион нормы взаимодействия, характерные для европейской международной и англо-саксонской внешнеполитической культуры (писанные многосторонние соглашения, создание многосторонних форматов, принятие писанных и неписанных обязательных регламентирующих норм, внедрение идеалистических начал), а, с другой стороны, взаимодействовали со странами СВА на основе конфуцианской международной культуры, что проявлялось во внимании к практическому решению двусторонних вопросов, представляющих взаимный интерес (как правило, они были локализованы в экономической плоскости), развивали отношения на двусторонней основе, а писанное международное право касалось исключительно двусторонних отношений независимо от конкретного вопроса.

Пятое противоречие является прямым следствием столкновения этих двух культур. Из-за этого Соединённые Штаты стремясь создать в регионе привычные для себя многосторонние институты, на практике были вынуждены придерживаться двусторонних отношений, свойственных для конфуцианской культуры. Результатом этого противоречия стали многосторонние взаимодействия, которые по сути являлись совокупностью двусторонних отношений, что проявилось и в построении американской региональной архитектуры безопасности в виде «треугольников» и в реализации курса по созданию многостороннего

военно-политического формата в СВА на основе «шестисторонних переговоров», которые по сути также представляли совокупность американских «треугольников».

Шестым противоречием можно считать и то, что географические границы региона постоянно менялись в зависимости от конкретного случая и политического контекста, что в рамках планирования открывало курс в отношении СВА для влияний, продиктованных особенностями, которые были характерны для других регионов.

Седьмое противоречие вытекает из внешнеполитического планирования. В течение первого правительства Б. Обамы (2009–2012), которое характеризовалось интенсивной межведомтсвенной борьбой, акцент в большей степени делался на экономических проблемах, на вопросах, сближавших стороны. В течение второго правительства (2013–2016) усилилось внимание к военно-политическим проблемам, всё больше внимания стало уделяться тем проблемам и подходам, которые усиливали фрагментацию СВА в американском внешнеполитическом планировании. В то же время под воздействием внутренней политической и электоральной конъюнктуры в 2016 г. правительство делало вынужденные, демонстративные отступления от жёсткой политической линии, чтобы продемонстрировать кооперационный настрой для внешнего мира и приверженность либерализму для внутренней аудитории. При этом, однако, акцент делался не на экономических, а на политических вопросах.

В целом, эти противоречия указывают на то, что ключевым функциональным направлением политики правительства Б. Обамы в отношении стран СВА было военно-политическое, поскольку именно оно характеризовалось внутренним единством, отсутствием каких-либо противоречий на этапе планирования, различные прежние основы и поздние новации дополняли друг друга, в её рамках адаптировались начала разных международных культур, в угоду различным политическим контекстам происходит географическое расширение региона. Экономическое же направление, наоборот, было лишено внутреннего единства, планирование характеризовалось противоречиями и на идейном, и на практическом уровнях, прежние начинания и новации были между собой слабо

связаны, США стремились внедрить привычные для себя подходы экономического взаимодействия, подчас стремясь подчинить своим подходам или вовсе игнорируя исторически сложившиеся нормы международного экономического взаимодействия в регионе. Это свидетельствует, что доминирующим функциональным вектором американского курса в СВА был военно-политический, в то время как экономический носил подчинённое, второстепенное значение.

Заключение

В целом, политику США в отношении стран СВА в период правления Б. Обамы можно охарактеризовать как следствие комплекса устойчивых, воспроизводимых противоречий. Они возникли ввиду ряда несогласованностей между траекторией исторической эволюции США и особенностей развития СВА, между интересами разных формальных и неформальных политических групп и институтов, между системным и бессознательным восприятием действительности в СВА, между экономической и политической сторонами курса, между влиянием идейного наследия прошлого и практическими новациями 44-го президента.

Качественная динамика исторического развития Соединённых Штатов определила, что период правления Б. Обамы пришёлся на заключительный этап неолиберального исторического цикла, начало которого ознаменовал экономический кризис 2008 г. Несмотря на него, доминирующими в развитии национального хозяйства оставались тенденции, свойственные для периода неолиберализма, а именно: вынос производств, создание двусторонних и многосторонних либеральных экономических форматов, поддержка ВПК. Стремление создать регулируемый федеральным правительством высокотехнологичный сектор было заблокировано республиканской оппозицией, которая смогла создать условия для реиндустриализации и развития наиболее передовых отраслей промышленности, которые не зависели от федеральной власти и потому были невыгодными для правительства Б. Обамы, т.к. в этом случае Демократическая партия оказывалась оттеснённой от новых тенденций социально-экономического развития и не могла их сделать своими в социально-политическом плане, в то время как оппозиция благодаря собственным усилиям обрела поддержку у новых групп общества.

В политической сфере также доминировали либеральные тенденции. По-прежнему, определяющим фактором была вера в организационную силу свобод, одной из ключевых политических проблем оставалось соблюдение и продвижение прав человека в их американском понимании, несмотря на поднимавшиеся

процессы реиндустриализации. Хотя отдельные члены Демократической партии, в т.ч. высокопоставленные (включая президента), принимали их во внимание, для ней самой определяющими были идеи увеличения социальной поддержки и усиление роли различных социальных меньшинств в жизни общества. Таким образом, её повестка эволюционировала с учётом идейных ресурсов самой партии, а не с учётом широкого социального контекста.

Как следствие правительство Б. Обамы оказалась в замкнутом положении: с одной стороны политические оппоненты вынудили его опираться на прежние, пришедшие в состояние упадка социально-экономические тенденции, с другой стороны, представляя Демократическую партию, оно само оказалось неспособным выйти за пределы обозначенных ранее идейных ресурсов и развить повестку, обращаясь к новым социальным тенденциям и явлениям.

Таким образом, в 2009–2012 гг. американское правительство развивало отношения со странами СВА на либеральных началах, в 2013–2014 гг. довольствовалось позитивными результатами прежнего четырёхлетия, а в 2015–2016 гг. из-за их исчерпания, перехвата перспективной повестки оппозицией и укоренённости прежнего идейного наследия в рядах Демократической партии оказалось фрустрированным.

Хотя ввиду кризиса 2008 г. экономическое направление формально позиционировалось ведущим в американской политике в отношении СВА, региональная действительность и прежний опыт взаимодействия Соединённых Штатов с его странами вступал в противоречие с такой постановкой приоритетов. Во-первых, страны Восточной Азии при активном участии стран СВА выработали собственные нормы архитектуры межгосударственных экономических отношений, которые основывались на традициях конфуцианской и юго-восточной систем международных отношений. Начиная с 1980-х гг. американская сторона была вынуждена время от времени принимать восточноазиатские традиции, ставившие практику и взаимный интерес превыше всего, чтобы встроиться в хозяйственную архитектуру на западном берегу Тихого океана. Во-вторых, наиболее прочная вовлечённость Соединённых Штатов в региональные дела обеспечивалась за счёт

военно-политических союзов, которые были основаны на идеалистических представлениях как привычном для американской внешней политике фундаменте. Как следствие любые внешнеэкономические инициативы США в отношении региона приводили к тому, что они были вынуждены встроиться в восточноазиатскую архитектуру на восточноазиатских правилах, а постоянство военно-политического присутствия позволяло навязать СВА американские подходы к построению региональной архитектуры, сдержать самостоятельные инициативы восточноазиатских стран предложить свои регионоустроительные инициативы. Таким образом, диктовавшаяся логикой идейного и хозяйственного развития США необходимость сделать экономическое направление приоритетным, надёжно сдерживалась военно-политической линией за счёт того, что именно в этой сфере американские региональные позиции были сильны.

Борьба между формальными и неформальными политическими группами и институтами оказала следующее влияние на политику в отношении СВА. Из-за отсутствия внутреннего единства Демократической партии, а также слабой связанности её фракций первое правительство Б. Обамы (2009–2012) характеризовалось постоянной межведомственной борьбой, что, тем не менее, способствовало более прочным экономическим началам курса и сдерживало политические. Смена правительства, которая совпала с консолидацией исполнительной власти летом 2012 – зимой 2013 гг., способствовало тому, что хозяйственная повестка приобрела второстепенное значение, а приоритетом стало военно-политическое измерение, которое позволило укрепить существовавшие военно-политические союзы, предпринять попытки создать новые политически мотивированные международные взаимодействия в регионе.

Борьба между законодательной и исполнительной властью прошла несколько этапов. В течение 2009–2012 гг. экономические и политические были уравновешены, при этом ключевые споры между партиями и ветвями власти касались именно вопросов внешнеэкономического взаимодействия, от которого выигрывал широкий спектр групп интересов. Параллельно с опорой на мыслительные клише периода холодной войны, характеризовавшие восприятие

СССР в США, начался процесс формирования политически мотивированного антикитайского консенсуса, который вынуждал правительство предпринимать на практике тактические шаги, ориентированные на группы интересов, которые поддерживали политическую линию правящей Демократический партии. В 2013 г. в Конгрессе был запущен цикл слушаний, посвящённых тихоокеанскому курсу Б. Обамы, в ходе которого были выражены критические взгляды в отношении его экономической и политической составляющих. Это привело к формированию устойчивого негативного образа Китая в американской политической среде. После всеобщих выборов 2014 г. Конгресс перешёл под контроль оппозиции, которая активно критиковала правительство и использовала в своей риторике образ «китайской угрозы», который был заимствован у прошедшего консолидацию правительства.

Таким образом, снижение межведомственной борьбы, с одной стороны, и усиление разделительных линий между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также между правящей Демократической и оппозиционной Республиканской партиями снизили роль экономического измерения курса в отношении стран СВА, повысили в 2013 г. роль военно-политической составляющей, укрепили положение мыслительных конструкций, характерных для политического восприятия действительности в период биполярного противостояния.

Нарративное измерение политики США в отношении региона также свидетельствовало о наличии противоречий. Приступая к системному стратегическому планированию, Б. Обама, его администрация и правительство в 2009–2010 гг. исходили из универсальности либеральной повестки, предложенной Соединёнными Штатами миру, её способности учесть нужды любого региона и субрегиона. В отношении СВА, которая входила в более широкий географический контекст Восточной Азии и Тихого океана, экономические проблемы позиционировались среди наиболее важные. В то же время в национальной и ведомственных стратегиях чаще упоминались проблемы военно-политического характера. В 2014 – 2015 гг. когда были приняты новые национальная и

ведомственные стратегии США в них кратно возросло упоминание военно-политической проблематики, а СВА стала трактоваться как мировое средоточие таковых угроз. Эти тенденции подтверждались и текстовыми формулировками, которые почти не касались экономических проблем региона. Более того СВА стала пониматься как составная часть макрорегиона, который мылился американским правительством как политически мотивированный. Несмотря на то что в некоторых абзацах, посвящённых КНР ещё содержались благожелательные оценки перспектив, в целом, это следует считать внешней данью менявшейся внутриполитической конъюнктуре США, попыткой правительства и администрации сохранить лицо перед приближавшимися всеобщими выборами, в то время как более широкое содержание стратегий указывало на превращение Китая в ключевую внешнюю военно-политическую «угрозу» в американском внешнеполитическом планировании.

Этой тенденции способствовало и то, как правительство обращалось к американским культурно-цивилизационным координатам в качестве идеального фундамента региональной политики. В большинстве случаев Вашингтон обращался не к экономическим, а к политическим координатам для формирования идеалистического фундамента для взаимодействия со странами СВА, для которых такой подход за исключением Южной Кореи по культурно-историческим причинам был чужд. В случае с РК и Японией он позволил укрепить военно-политические союзы, но в случае с Китаем только усилил роль разногласий в двусторонних отношениях. Как следствие культурно-цивилизационные координаты не только усилили роль военно-политических начал в региональной политике, но и позволили создать благоприятные условия для американского видения СВА в чёрно-белых тонах, нормальных для периода политического противостояния сверхдержав во время холодной войны.

Идейное наследие прошлого и одновременное стремление Б. Обамы, его администрации и правительства к новаторству также способствовали противоречивости регионального курса. Среди наследия, под влиянием которого оказался 44-й президент и его политическое окружение, играли противоречившие

друг другу идеи кейнсианства и экономического либерализма, стремление превратить США в скрепу ведущих хозяйственных центров мира, которые реализовывались в рамках многосторонних и двусторонних переговоров о соглашениях о свободной торговле, которые были начаты ещё при его предшественнике. В то же время существовало и политическое наследие. Его ключевым элементом были военные союзы, сохранившиеся со времён противостояния сверхдержав. В постбиполярный период они были адаптированы за счёт новых инструментов взаимодействия с союзниками. Во время холодной войны в контексте противостояния СССР США предпринимали попытки сконструировать политически мотивированные международные регионы в интересах США. Сохранились мыслительные клише периода холодной войны, в соответствии с которыми нужен был образ «врага». Им соответствовал опыт поиска источника «угроз» в СВА после холодной войны, в соответствии с которым сначала выбор падал на КНДР, но впоследствии это место занимал Китай. По-прежнему США были верны традиция политического обсуждения прав человека. Архитектура СВА характеризовалась наличием шестисторонних переговоров, многосторонней площадки для обсуждения региональных политических проблем. Как видно, военно-политическое наследие, которое влияло на политику правительства Б. Обамы в отношении СВА, превалировало над экономической.

При этом новаторство 44-го президента было сосредоточено исключительно в военно-политической сфере, что проявилось в попытке масштабировать «треугольную» архитектуру союзов и партнёрств на всё тихоокеанское пространство, использовать её как мыслительное клише для построения сети контактов на месте шестисторонних переговоров, попытка создать широкую политически мотивированную коалицию союзников и партнёров в СВА с привлечением внерегиональных стран, в т.ч. расположенных за пределами Восточной Азии и Тихого океана.

Таким образом, и наследие предшественников и собственное новаторство 44-го президента способствовали тому, что военно-политическое измерение

американского курса в отношении СВА к концу его президентского срока стало доминировать над экономическим.

Практические шаги Б. Обамы, его администрации и правительства указывали на то, что экономическое направление не является приоритетным. Об этом свидетельствовали следующие признаки. В области хозяйства не был выработан единый курс в отношении стран СВА. В отношении Японии, которая воспринималась партнёром, он реализовывался в рамках ТТП, в отношении Республики Корея, которая воспринималась конкурентом, он осуществлялся в виде двустороннего ССТ, в отношении Китая, который был необходимым партнёром американских корпораций, он был вплетён в рамки СЭД, но при этом играл значимую роль в двусторонних отношениях на ограниченном временном интервале. Это сформировало разделительные линии в той функциональной сфере, которая исторически была наиболее важной для стран региона в конструировании его архитектуры, но чуждой для Соединённых Штатов: для них она была важна, с точки зрения восстановления американской экономики, но была второстепенной для американской политической мысли.

В военно-политической сфере, наоборот, были предприняты разнообразные усилия по построению общего регионального пространства, хотя и построенного на принципе эксклюзивности. Для этого американское правительство попыталось выстроить на месте шестисторонних переговоров многосторонний политический региональный формат, предполагавший центральную роль США. Оно сделало ставку на унификацию процессов планирования в союзных государствах, внедрило типичные формы межгосударственного взаимодействия, сформировало частично совпадавшие повестки двусторонних альянсов и партнёрств, что позволило объединить их в общую гибкую сетевую архитектуру, было апробировано создание политически мотивированных коалиций с привлечением внерегиональных союзников Вашингтона. Кроме того, усилилась критическая риторика в отношении КНР, рассчитанная не столько на достижение позитивного результата в двусторонних отношениях, сколько на создание внешнего информационного эффекта.

Таким образом, внешнеполитическая практика подтверждает общую тенденцию регионального курса правительства Б. Обамы в отношении СВА, связанную с ослаблением экономических начал и усилением привычных ещё в период холодной войны политических начал.

Фактически малое значение экономических проблем в политике в отношении региона, где сосредоточены ключевые хозяйственные центры мира, было вызвано тем, что эти вопросы формировали, в первую очередь, повестку внутреннего развития Соединённых Штатов, в то время как их внешнее измерение, по крайней мере, в контексте СВА было вторичным. Как следствие, с момента кризиса 2008 г. хозяйственное измерение внешнего курса уходит на второй план, открывая пространство для политических, в т.ч. военно-политических начал. Это позволяет характеризовать период президенства Б. Обамы временем исторически обусловленной перестройки внешней политики США, связанной с уходом прежних, характерных для периода неолиберального триумфа экономических начал, и отправным моментом для формирования новой модели региональной политики.

В целом, в течение правления 44-го президента были сформированы следующие ключевые её элементы. Первый касался экономического взаимодействия со странами региона, которое превратилось в совокупность специфических двусторонних отношений, в рамках которых американская сторона по собственному усмотрению может поднимать хозяйственные или политические проблемы, сама выбирает, относиться к конкретной стране как к партнёру или как к конкуренту. Причём, наличие или отсутствие союзнических отношений на этот выбор не влияет. Вторым элементом стало превращение Китая во внешнеполитическом планировании США в стабильный источник «угроз», что указывало на возрождение мыслительных рамок, характерных для периода холодной войны с той лишь разницей, что теперь на роль оппонирующей Соединённым Штатам державы был выбран Китай. Третий элемент связан с масштабируемой консолидацией военно-политических союзов и партнёрств на гибкой основе частично совпадающей повестки двусторонних альянсов.

Фактически это стало адаптацией и расширением архитектуры двусторонних альянсов, созданной ещё в период биполярного противостояния. Теперь в неё, как вовлекались новые в географическом плане участники, так и сама она распространялась на новые функциональные сферы. Четвёртый элемент возрождал практику конструирования политически мотивированных макрорегионов в контексте противостояния Соединённых Штатов оппонирующему полюсу мировой системы, на роль которого теперь, по американским представлениям, претендовал Китай. Пятый элемент привносил новаторство и предполагал политически мотивированное вовлечение внерегиональных союзников и партнёров США в решение проблем региона.

С учётом длительного исторического контекста вовлечённости Соединённых Штатов в дела СВА можно заключить, что период президентства Б. Обамы оказался переломным: началось возвращение США к нормальному, привычному со времён холодной войны политическому и военно-политическому присутствию в регионе, которое предполагало возрождение биполярного противостояния новому оппонирующему полюсу с адаптацией прежде созданных институтов и предложенных инструментов и внедрением отдельных политических новаций. В то же время произошёл отказ от возникшей на волне неолиберализма экономической вовлечённости в региональные дела, в ходе которого доминировало отношение к другим участникам хозяйственных процессов как к партнёрам, а не конкурентам. В таком контексте оно предстаёт временным отклонением от исторически сложившейся нормы американского вовлечения в дела региона.

Список использованных источников и литературы

I. Источники.

Опубликованные источники.

Многосторонние соглашения.

1. Trans-Pacific Partnership Agreement Full Text // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/ttp (дата обращения: 01.06.2016).

Приложения к многосторонним соглашениям

2. Annex I. Schedule for New Zealand // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Annex-I-Non-Conforming-Measures-New-Zealand.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

3. Japan. Appendix-B-1. Agricultural Safeguard Measures // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-1-Agricultural-Safeguard-Measures.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

4. Japan. Appendix-B-2 Forest Good Safeguard Measure // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Japan-Appendix-B-2-Forest-Good-%20Safeguard-Measure.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

Переписка между государствами-подписантами

5. Brunei Darussalam – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016 // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-BN-Labour-Consistency-Plan.pdf (дата обращения: 01.06.2016)

6. Japan to US Letter on Motor Vehicle Distribution Survey // United States Trade Representative site. https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-JP-to-US-Letter-on-Motor-Vehicle-Distribution-Survey.pdf (дата обращения: 01.06.2016)

7. Malaysia – United States Labour Consistency Plan. 4 February 2016 // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-MY-Labour-Consistency-Plan.pdf (дата обращения: 01.06.2016)
8. US-Japan Letter Exchange Regarding Standards of Fill // United States Trade Representative site. https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-US-JP-Letter-Exchange-regarding-Standards-of-Fill.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
9. Vietnam – United States Plan for the Enhancement of Trade and Labour Relations. 4 February 2016 // United States Trade Representative site. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/TPP-Final-Text-Labour-US-VN-Plan-for-Enhancement-of-Trade-and-Labour-Relations.pdf (дата обращения: 01.06.2016).

Официальные комментарии к Соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве
10. Market Access in Non-Goods Sectors // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Maket-Access-Service-Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
11. Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP12%20Summary%20of%20the%20Agreement.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
12. Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Goods-Market-Access.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
13. Trans-Pacific Partnership. Government Procurement // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Govt-Procurement.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
14. Trans-Pacific Partnership. Intellectual Property // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Intellectual-property.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

15. Trans-Pacific Partnership. Investment and ISDS // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

16. Trans-Pacific Partnership. Legal and Institutional // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Legal-and-Institutional.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

17. Trans-Pacific Partnership. State-Owned Enterprises and Designated Monopolies // New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade site. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_SOEs.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

Совместные заявления

18. Joint Press Availability John Kerry, Secretary of State, With Japanese Foreign Minister Kishida After their Meeting. April 14, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207483.htm (дата обращения: 23.09.2016).

19. Joint Press Statement by President Obama and President Hu of China. November 17, 2009 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-press-statement-president-obama-and-president-hu-china (дата обращения: 06.11.2016).

20. Joint Press Statement for the U.S. – Japan Policy Cooperation Dialog on Internet Economy. June 11, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/165935.htm (дата обращения: 16.09.2016).

21. Joint Statement Adopted at the United States-Republic of Korea Foreign Ministers' Meeting. April 13, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/04/207457.htm (дата обращения: 27.09.2016).

22. Joint Statement from the First Meeting of the Japan – U.S. Comprehensive Dialog on Space. March 11, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/03/205939.htm (дата обращения: 23.09.2016).

23. Joint Statement from the Second Meeting of the Japan – U.S. Comprehensive Dialogue on Space. May 12, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/05/225990.htm (дата обращения: 23.09.2016).

24. Joint Statement of the 2012 United States - Republic of Korea Foreign and Defense Ministers' Meeting. June 14, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/06/192333.htm (дата обращения: 26.09.2016).

25. Joint Statement of the Security Consultative Committee: Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment The New Guidelines for US – Japan Defense Cooperation. April 27, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm (дата обращения: 24.09.2015)

26. Joint Statement of the Security Consultative Committee: Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities. October 3, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215070.htm (дата обращения:23.09.2016).

27. Joint Statement of the U.S. – Japan Security Consultative Committee. May 27, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142318.htm (дата обращения: 12.09.2016).

28. Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee. June 21, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166597.htm (дата обращения 14.09.2016).

29. Joint Statement on the U.S. – China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track May 3-4, 2012. May 4, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189287.htm (дата обращения: 03.10.2016).

30. Joint Statement on the United States-Republic of Korea Information and Communication Technology (ICT) Policy Forum. November 13, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/11/217540.htm (дата обращения: 27.09.2016).

31. Joint Statement on United States – Republic of Korea Bilateral Cyber Policy Consultations. August 26, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/230869.htm (дата обращения: 27.09.2016).

32. Strategic and Economic Dialogue Joint Press Statement. May 4, 2012 // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189324.htm (дата обращения: 03.10.2016).

33. U.S – China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. July 12, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm (дата обращения: 04.10.2016).

34. U.S. – Japan Joint Statement: The United States and Japan: Shaping the Future of the Asia-Pacific and Beyond. April 25, 2014 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/us-japan-joint-statement-united-states-and-japan:-shaping-future-asia-pacific-and-beyond (дата обращения: 04.11.2016).

35. United States – Japan Joint Statement: A Shared Vision for the Future. April 30, 2012 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-jffice/2012/04/30/united-states-japan-jointstatement-shared-vision-future (дата обращения: 05.11.2016)

Национальные, ведомственные и региональные стратегии США

36. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

37. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance (дата обращения:04.03.2021).

38. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // Archive of US National security strategies site. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf (дата обращения: 28.12.2017);

39. National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 1990. 32 p. // Archive of US National security strategies site. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

40. National Security Strategy. February 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

41. National Security Strategy. May 2010 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

42. National Strategy for the Arctic Region // The White House site. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctiv_strategy.pdf (дата обращения: 03.03.2014).

43. The Department of Defense Cyber Strategy. April 2015 // US Department of Defense site. URL: https://archive.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

44. The National Intelligence Strategy of the United States of America // National Criminal Intelligence Resource Center site. URL: https://www.ncirc.gov/documents/public/2014_NIS_Publication.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

45. The National Intelligence Strategy. August 2009 // Federation of American Scientists site. URL: http://fas.org/irp/offdocs/nis2009.pdf (дата обращения: 26.09.2016).

46. The National Military Strategy of the United States of America. 2011. Redefining America's Military Leadership. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

47. The National Military Strategy of the United States of America. 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015 // Joint Chief of Staff site. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 04.09.2016).

48. U.S. Department of Agriculture Foreign Agricultural Service Strategic Plan. FY 2012–2016 // US Department of Agriculture site. URL: http://www.fas.usda.gov/sites/development/files/fas_stratplan_2012-2016.pdf ((дата обращения: 05.09.2016).

Исполнительные указы

49. Executive Order 13514. Federal Leadership in Environment, Energy and Economic Performance. October 5, 2009 // Government Publishing Office site. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2009-10-08/pdf/E9-54518.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

50. Executive Order 13630. Establishment of an Interagancy task Force on Commercial Advocacy. December 6, 2012 // Government Publishing Office site URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2012-12-11/pdf/2012-30060.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

51. Executive Order 13534. National Export Initiative. March 11, 2010 // Government Publishing Office site URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2010-03-16/pdf/2010-5837.pdf (дата обращения: 26.02.2020).

Официальные и публичные заявления.

52. Budget Priorities for 21st Century Defense: A Conversation with Deputy Secretary of Defense Ashton Carter. *As* Delivered by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter. May 30, 2012 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1680 (дата обращения: 03.12.2016).

53. IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, Singapore, Saturday, May 31, 2014 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1857 (дата обращения: 03.12.2016).

54. IISS Shangri-La Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. May 31, 2014 // US Department of Defense site. URL:

http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1857 (дата обращения: 03.12.2016).

55. IISS Shangri-La Dialogue: “A Regional Security Architecture Where Everyone Rises”. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, Saturday, May 30, 2015 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1945 (дата обращения: 03.12.2016).

56. Inaugural Richard C. Holbrooke Lecture on a Broad Vision of U.S.-China Relations in the 21st Century by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. January 14, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/154653.htm (дата обращения: 01.10.2016).

57. Keynote Address: U.S.- China Internet Industry Forum by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. April 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm (дата обращения: 04.10.2016).

58. Message by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, on the Twentieth Anniversary of Tiananmen Square. June 3, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/06/124292.htm (дата обращения: 29.09.2016).

59. National Security Advisor Susan E. Rice As Prepared Remarks on the U.S. – China Relationship. September 21, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the/press/office/2015/09/21/national-security-advisor-susan-e-rice-prepared-remarks-us-china (дата обращения: 02.11.2016).

60. Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Briefing on the Republic of Korea for the traveling press corps. May 24, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142135.htm (дата обращения: 25.09.2016).

61. Press Statement by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Chen Guangcheng. May 2, 2012. // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189090.htm (дата обращения: 03.10.2016).

62. Press Statement by Ian Kelly, Department Spokesman. Japanese Lower House Election Results. August 30, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/aug/128445.htm (дата обращения: 12.09.2016).

63. Press Statement by Jen Psaki, Department Spokesperson. Vietnam/China: Chinese Oil Rig Operations Near the Paracel Islands. May 7, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/05/225750.htm (дата обращения: 06.10.2016).

64. Press Statement by John Kerry, Secretary of State on Fifth Anniversary of Liu Xiaobo's Detention. December 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/12/218541.htm (дата обращения: 04.10.2016).

65. Press Statement by John Kerry, Secretary of State on Fifth Anniversary of Liu Xiaobo's Conviction. December 24, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/12/235514.htm (дата обращения: 06.10.2016).

66. Press Statement by Robert R. King, Special Envoy for North Korean Human Rights Issues. North Korea Freedom Week. April 26, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/04/140804.htm (дата обращения: 04.09.2016).

67. Press Statement by Victoria Nuland, Department Spokesperson. Chen Guangcheng. May 4, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189290.htm (дата обращения: 03.10.2016).

68. Press Statement Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Nobel Peace Prize Awarded to Liu Xiaobo. Nobel Peace Prize Awarded to Liu Xiaobo. October 8, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/149235.htm (дата обращения:29.09.2016).

69. Press Statement on Trial Verdict of Chinese Activist Liu Xiaobo. December 24, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/dec/134094.htm (дата обращения: 29.09.2016).

70. Press Statement. Memorandum of Understanding concerning the establishment of the U.S.-China Governors Forum to Promote Sub-National Cooperation. January 19, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/155075.htm (дата обращения: 01.10.2016);

71. Remarks at the Japanese Ministry of Foreign Affairs by Kurt M. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, Assistant Secretary of Defense Wallace Gregson. February 2, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/02/136412.htm (дата обращения: 12.09.2016).

72. Remarks by Antony E. Blinken, Deputy Secretary of State Remarks at Plenary Session. The Strategic & Economic Dialogue / Consultation on People-to-People Exchange. June 24, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/244199.htm (дата обращения: 07.10.2016).

73. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State and Ambassador David Shear, Acting Principal Deputy Under Secretary of Defense for Policy. October 29, 2016. // US Department of State site. URL: https://www.state.gov/s/d/2016d/263897.htm (дата обращения: 03.01.2017).

74. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State on U.S. Economic Policy in East Asia and the Pacific. February 13, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/237511.htm (дата обращения: 24.09.2016).

75. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, at Brookings Institution. U.S.-Japan-R.O.K. Trilateral Relationship. March 29, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/2016d/255277.htm (дата обращения: 24.09.2016).

76. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State, With First Vice Foreign Minister Cho Tae-yong at ROK Ministry of Foreign Affairs. October 6, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/2015/248055.htm (дата обращения: 28.09.2016).

77. Remarks by Antony J. Blinken, Deputy Secretary of State. U.S. – R.O.K. – Japan Trilateral Meeting. Press Conference. April 19, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/2016d/256482.htm (дата обращения: 24.09.2016).

78. Remarks by Daniel R. Russel Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable at U.S. Embassy Tokyo. September 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/09/212696.htm (дата обращения: 23.09.2016).

79. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, at China – U.S. Symposium. April 18, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/04/225223.htm (дата обращения: 06.10.2016).

80. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable at U.S. Embassy Tokyo. September 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/09/212696.htm (дата обращения: 23.09.2016).

81. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. The United States and Japan: Allies, Global Partners, and Friends for the Future. January 13, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235903.htm (дата обращения: 24.09.2016).

82. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, at Center for Strategic and International Studies "Korea Going Forward" Conference. June 3, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/06/243120.htm (дата обращения: 28.09.2016).

83. Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy. December 15, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/12/178875.htm (дата обращения: 01.10.2016).

84. Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy upon arrival in Beijing. February 22, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/02/184318.htm (дата обращения: 03.10.2016).

85. Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy to Reporters at Four Seasons Hotel, Beijing, China. January 25, 2013 // US Department of State

site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/01/203282.htm (дата обращения: 04.10.2016).

86. Remarks by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy to Reporters at the Westin Chaoyang Hotel, Beijing, China. November 21, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/11/215047.htm (дата обращения: 04.10.2016).

87. Remarks by Glyn Davis, Special Representative for North Korea Policy, Upon Arriving at Haneda Airport. December 11, 2011 US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/12/178585.htm (дата обращения: 14.09.2016).

88. Remarks by Hillary R. Clinton, Secretary of State, at the U.S. Institute of Peace China Conference. March 7, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/03/185402.htm (дата обращения: 03.10.2016).

89. Remarks by Hillary Rodham Clinton at Signing Ceremony Launching the U.S.-China Consultation on People-to-People Exchange. May 25, 2010 // US Department of State site. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142181.htm (дата обращения: 29.09.2016).

90. Remarks by Hillary Rodham Clinton at the Opening Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. May 9, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/05/162881.htm (дата обращения: 01.10.2016).

91. Remarks by Hillary Rodham Clinton at the Signing Ceremony for the U.S.-China Memorandum of Understanding to Enhance Cooperation in Climate Change, Energy, and the Environment. July 28, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126575.htm (дата обращения: 29.09.2016).

92. Remarks by Hillary Rodham Clinton At the U.S. Chamber of Commerce Dinner Honoring His Excellency Wu Bangguo, Chairman of the Standing Committee of the National People's Congress of the People's Republic of China. September 10, 2009 // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/09/129125.htm (дата обращения: 29.09.2016).

93. Remarks by Hillary Rodham Clinton During Visit to the Boeing Maintenance Facility at the Shanghai Airport. May 22, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142129.htm (дата обращения: 29.09.2016).

94. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Victoria Nuland, Department Spokesperson, Secretary of the Treasury Timothy Geithner at the Strategic and Economic Dialogue U.S. Press Conference. May 4, 2012 // US Department of State site. URL. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189315.htm (дата обращения: 03.10.2016).

95. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State with Japanese Foreign Minister Katsuya Okada After Their Meeting. January 12, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135088.htm (дата обращения: 12.09.2016).

96. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, and Special Representative for North Korea Policy Ambassador Stephen Bosworth. Ambassador Bosworth To Lead Efforts on U.S. Engagement With North Korea. February 26, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119861.htm (дата обращения: 04.09.2016).

97. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Launch of the 100,000 Strong Foundation. January 24, 2013 // US Department of State site. http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/01/203250.htm (дата обращения: 04.10.2016).

98. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Plenary Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 27, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126521.htm (дата обращения: 29.09.2016).

99. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Strategic Track Discussion Session II. July 28, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126551.htm (дата обращения: 29.09.2016).

100. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at the Opening Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. May 9, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/05/162881.htm (дата обращения: 01.10.2016).

101. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Town Hall Meeting at the University of Tokyo. February 17, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117615.htm (дата обращения: 12.09.2016).

102. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at USA Pavilion at Shanghai Expo. November 16, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/11/131957.htm (дата обращения: 29.09.2016).

103. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, on The U.S. and China Working Toward Clean Energy. February 22, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119435.htm (дата обращения: 29.09.2016).

104. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Remarks at U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Opening Session. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/05/189213.htm (дата обращения: 03.10.2016).

105. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, upon arrival in Tokyo, Japan. The U.S. and Japan Collaborating To Address Global Concerns. February 16, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117349.htm (дата обращения: 12.09.2016).

106. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Chinese Foreign Minister Yang Jiechi. September 5, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197343.htm (дата обращения: 03.10.2016);

107. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Foreign Minister Yang Jiechi Before their Meeting. September 4, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197312.htm (дата обращения: 03.10.2016).

108. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Japanese Foreign Minister Fumio Kishida After Their Meeting. January 18, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/01/203050.htm (дата обращения: 23.09.2016).

109. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Secretary of Defense Robert Gates; Japanese Foreign Minister Takeaki Matsumoto; and Japanese Defense Minister Toshimi Kitazawa After Their Meeting. June 21, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/166644.htm (дата обращения: 14.09.2016).

110. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Yu. The U.S. and South Korea Working Together on Regional and Global Issues. February 20, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119412.htm (дата обращения: 25.09.2016).

111. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With South Korean Foreign Minister Kim Sung-Hwan After Their Meeting. June 24, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/06/167072.htm (дата обращения: 26.09.2016).

112. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Special Envoy for Climate Change Todd Stern And President of GE Energy China Jack Wen. February 21, 2009 // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119433.htm (дата обращения: 29.09.2016).

113. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Special Envoy for Climate Change Todd Stern And President of GE Energy China Jack Wen on Dialogue on U.S.-China Partnership on Clean Energy. February 21, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119433.htm (дата обращения: 29.09.2016).

114. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Toward a Deeper and Broader Relationship With China. February 21, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119432.htm (дата обращения: 29.09.2016).

115. Remarks by John Kerry, Secretary of State at Event on Human Rights in the D.P.R.K. September 23, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/09/232014.htm (дата обращения: 04.09.2016).

116. Remarks by John Kerry, Secretary of State, at Joint Press Availability With Mongolian Foreign Minister Lundeg. June 5, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258078.htm (дата обращения: 04.09.2016).

117. Remarks by John Kerry, Secretary of State, on a 21st Century Pacific Partnership. April 15, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207487.htm (дата обращения: 23.09.2016).

118. Remarks by John Kerry, Secretary of State, on U.S. – China Relations. November 4, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/11/233705.htm (дата обращения: 06.10.2016).

119. Remarks by John Kerry, Secretary of State, on U.S.-China Relations. November 4, 2014 // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/11/233705.htm (дата обращения: 06.10.20160.

120. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Chinese Foreign Minister Wang Yi Before Their Meeting. October 1, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/10/232419.htm (дата обращения: 06.10.2016).

121. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se. February 13, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221640.htm (дата обращения: 27.09.2016).

122. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Republic of Korea Foreign Minister Yun Byung-se After Their Meeting. January 7, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/01/219446.htm (дата обращения: 27.09.2016).

123. Remarks by John Kerry, Secretary of State, With Secretary of Defense Chuck Hagel, Japanese Foreign Minister Fumio Kishida and Japanese Defense Minister Itsunori Onodera October 3, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/10/215073.htm (дата обращения: 23.09.2016).

124. Remarks by John Kerry, Secretary of State. An Open and Secure Internet: We Must Have Both. May 18, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/05/242553.htm (дата обращения: 28.09.2016).

125. Remarks by Jon Huntsman, U.S. Ambassador to China, Urging Chinese Government to Consider Immediate Humanitarian Release of Xue Feng. February 18, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/02/156782.htm (дата обращения: 01.10.2016).

126. Remarks by Kathleen Stephens, U.S. Ambassador to South Korea. U.S.-Korea Free Trade Agreement. April 20, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/161242.htm (дата обращения: 26.09.2016).

127. Remarks by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Trends in U.S. – Taiwan Relationship. October 3, 2013 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/10/213756.htm (дата обращения: 26.01.2025).

128. Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Senate Foreign Relations Committee. U.S. Policy Toward North Korea. March 1, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/03/157472.htm (дата обращения: 04.09.2016).

129. Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before Departing for Japan, South Korea, India, and Singapore. April 14, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/187918.htm (дата обращения: 14.09.2016).

130. Remarks by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Media Roundtable in Tokyo, Japan. March 10, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/03/157975.htm (дата обращения: 14.09.2016).

131. Remarks by National Security Advisor Susan Rice on the 2015 National Security Strategy. February 6, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/remarks-national-security-advisor-susan-rice-2015-national-security-strategy (дата обращения: 02.11.2016)

132. Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of Chuna at Official Arrival Ceremony. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-chuna-official-arrival-ceremony (дата обращения: 02.11.2016).

133. Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of China at Official Arrival Ceremony. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china-official-arrival-ceremony (дата обращения: 02.11.2016).

134. Remarks by President Obama and President Hu of the People's Republic of China in an Exchange Toasts at State Dinner. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/remarks-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china-exchange-toasts-state-dinner (дата обращения: 02.11.2016).

135. Remarks by President Obama and President Xi Jinping in Joint Press-Conference. November 12, 2014 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office-/2014/11/12/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-joint-press-conference (дата обращения: 02.11.2016).

136. Remarks by President Obama and Prime Minister Abe after Bilateral Meeting. May 25, 2016 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-after-bilateral-meeting (дата обращения: 02.11.2016).

137. Remarks by President Obama at Hankuk University. March 26, 2012 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.dov/the-press-office/2012/03/26/remarks-president-obama-hankuk-university (дата обращения: 02.11.2016).

138. Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment. The Future of U.S.-China Economic Relations // US Department of State site. December 6, 2012. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/201631.htm (дата обращения: 03.10.2016).

139. Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation. January 23, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm (дата обращения: 26.09.2016).

140. Remarks by Robert D. Hormats, Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment, Kerri-Ann Jones, Assistant Secretary, Bureau of Oceans and

International Environmental and Scientific Affairs for the Signing of the Agreement between the Government of the Republic of Korea and the Government of the United States of America on Environmental Cooperation. January 23, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/2012/182522.htm (дата обращения: 26.09.2016).

141. Remarks by Robert R. King, Special Envoy for North Korean Human Rights Issues. Press Walk-out at the Ministry of Foreign Affairs and Trade, Seoul, South Korea. January 11, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/01/134171.htm (дата обращения: 04.09.2016).

142. Remarks by Stephen W. Bosworth Special Representative for North Korea Policy at The Korea Society Annual Dinner. June 9, 2009. // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124567.htm (дата обращения: 04.09.2016).

143. Remarks by Stephen W. Bosworth, Special Representative for North Korea Policy, Afternoon Walking With Journalists in Beijing. September 16, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/09/147215.htm (дата обращения: 29.09.2016).

144. Remarks by Stephen W. Bosworthб Special Representative for North Korea Policy at The Korea Society Annual Dinner. June 9, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124567.htm (дата обращения: 25.09.2016).

145. Remarks by Sung Kim, Special Representative for North Korea Policy, to Reporters at the Westin Chaoyang Hotel. January 30, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/236976.htm (дата обращения: 07.10.2016).

146. Remarks by Susan Thornton, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs at Brookings Institution. Taiwan: A Vital Partner in East Asia. May 21, 2015 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/05/242705.htm (дата обращения: 26.01.2025).

147. Remarks by Todd D. Stern, Special Envoy for Climate Change, at the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 9, 2014 // US Department of State site. URL:

http://www.state.gov/e/oes/rls/remarks/2014/228913.htm (дата обращения: 06.10.2016).

148. Remarks by Todd Stern, Special Envoy for Climate Change, Bureau of Public Affairs, on the U.S. Delegation's June 7-10 Trip to China to Discuss Climate and Energy Issues. June 12, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/oes/rls/remarks/2009/124705.htm (дата обращения: 29.09.2016).

149. Remarks by Vice President Biden and Chinese Vice President Xi at the State Department Luncheon. February 14, 2012 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/02/14/remarks-vice-president-biden-and-chinese-vice-president-xi-state-department (дата обращения: 03.10.2016).

150. Remarks by Vice President Biden and Mongolian Prime Minister Batbold. August 22, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/08/22/remarks-vice-president-biden-and-mongolian-prime-minister-batbold (дата обращения: 02.11.2016).

151. Remarks by Vice President Joe Biden on Asia-Pacific Policy. July 19, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/07/19/remarks-vice-president-joe-biden-asia-pacific-policy (дата обращения: 02.11.2016).

152. Remarks by William J. Burns, Deputy Secretary of State, at Press Roundtable at Embassy Tokyo. January 24, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/s/d/former/burns/remarks/2014/220638.htm (дата обращения: 23.09.2016).

153. Remarks Hillary Clinton With Secretary of Defense Robert Gates; Japanese Foreign Minister Takeaki Matsumoto; and Japanese Defense Minister Toshimi Kitazawa After their Meeting. Jine 21, 2011 // US Department of State site. URL: //www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166600.htm (дата обращения: 14.09.2016).

154. Remarks Hillary R. Clinton, Secretary of State on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. January 12, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm (дата обращения: 20.05.2012).

155. Remarks Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, at Meet and Greet with USA Pavilion Student Ambassadors and Employees at USA Pavilion at the Shanghai Expo. May 22, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142125.htm (дата обращения: 29.09.2016).

156. Remarks John Kerry, Secretary of State, Secretary of the Treasury Jacob J. Lew, Chinese Vice Premier Wang Yang, and Chinese State Councilor Yang Jiechi. June 7, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258163.htm (дата обращения: 07.10.2016).

157. Remarks John Kerry, Secretary of State, Vice President Joe Biden, Secretary of Treasury Jacob Lew, State Councilor Yang Jiechi, and Vice Premier Wang Yang. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Joint Opening Session. July 10, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/07/211773.htm (дата обращения: 04.10.2016).

158. Remarks on "Asia-Pacific's Principled Security Network" at 2016 IISS Shangri-La Dialogue As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, June 4, 2016 // US Department of Defense site. URL: http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/791213/remarks-on-asia-pacifics-principled-security-network-at-2016-iiss-shangri-la-dialog (дата обращения: 03.12.2016).

159. Remarks on “The Path to an Innovative Future for Defense”. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter. Oct. 28, 2016 / US Department of Defense site. URL: http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/990315/ (дата обращения: 03.12.2016).

160. Remarks on the Next Phase of the U.S. Rebalance to the Asia-Pacific (McCain Institute, Arizona State University). As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Tempe, AZ, Monday, April 06, 2015 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1929 (дата обращения: 03.12.2016).

161. Remarks Robert D. Hormats Under Secretary for Economic Growth, Energy, and the Environment U.S.- China Internet Industry Forum. April 9, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/rls/rmk/20092013/207490.htm (дата обращения: 04.10.2016).

162. Remarks to Seattle-area Technology, Business, Community, and Military Leaders. As Delivered by Secretary of Defense Ash Carter. March 3, 2016 // US Department of Defense site. URL: http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/685701/remarks-to-seattle-area-technology-business-community-and-military-leaders (дата обращения: 03.12.2016).

163. Speech by David B. Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. July 7, 2010 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/07/144363.htm (дата обращения: 26.01.2025).

164. State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. March 2, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520.htm (дата обращения: 25.05.2012).

165. Statement at Shangri-La Security Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta. June 02, 2012 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1681 (дата обращения: 03.12.2016).

166. Statement by NSC Spokesperson Caitlin Hayden on the National Security Advisor’s Trip to China. May 28, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/28/statement-nsc-spokesperson-caitlin-hayden-national-security-advisor-s-trip-china (дата обращения: 05.11.2016).

167. Statement by President on the Trans-Pacific Partnership. October 05, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership (дата обращения: 04.11.2016).

168. Statement by Special Coordinator for Tibetian Issues Maria Otero. January 24, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/01/182424.htm# (дата обращения: 03.10.2016).

169. Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership. February 3, 2016 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership (дата обращения: 05.11.2016).

170. Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-hndo-pacific-economic-framework-for-prosperity (дата обращения:02.06.2023).

171. Submitted Statement on DoD Challenges to the Senate Armed Services Committee. As Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates. January 27, 2009 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1337 (дата обращения: 03.12.2016).

172. The Rise of Asia and New Geopolitics in the Asia-Pacific Region. As Prepared for Delivery by Deputy Secretary of Defense Ashton B. Carter. March 20, 2013 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1761 (дата обращения: 03.12.2016).

173. Toward Deeper and Broader Relationship With China. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, Remarks with Chinese Foreign Minister Yang Jiechi, Beijing, China. February 21, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/119432.htm (дата обращения: 29.09.2016).

174. Trip Message: Hawaii, Singapore, Vietnam, India, Afghanistan. As Delivered by Secretary of Defense Leon E. Panetta June 14, 2012 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1707 (дата обращения: 03.12.2016).

Выступления представителей президентской администрации и правительства в Конгрессе

175. Submitted Statement on the FY2010 Budget to the House Armed Services Committee. As submitted by Secretary Robert M. Gates. May 13, 2009 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1351 (дата обращения: 03.12.2016).

176. Submitted Statement Senate Armed Services Committee (Budget Request). As Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates. February 02, 2010 // US Department of Defense site. URL: http://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1418 (дата обращения: 03.12.2016).

177. Testimony by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of Eastern and Pacific Affairs before the Senate Committee on Foreign Relations Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs. Evaluating U.S. Policy on Taiwan on the 35th Anniversary of the Taiwan Relations Act. April 3, 2014 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/04/224350.htm (дата обращения: 26.01.2025).

178. Testimony by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy, Before the Senate Committee On Foreign Relations, March 7, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/03/205691.htm (дата обращения: 04.09.2016).

179. Testimony by Glyn Davies, Special Representative for North Korea Policy, Statement before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the House Committee on Foreign Affairs. U.S. Policy Towards North Korea. July 30, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/07/229936.htm (дата обращения: 04.09.2016).

180. Testimony by James P. Zumwalt, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific. June 6, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/06/191869.htm (дата обращения: 26.09.2016)

181. Testimony by Jennifer Park Stout, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Oversight and Investigations. April 6, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/160055.htm (дата обращения:01.10.2016).

182. Testimony by Joseph R. Donovan, Jr., Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Before the House Foreign Affairs Committee Subcommittee on Asia, the Pacific, and the Global Environment. March 17, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/03/138481.htm (дата обращения: 12.09.2016).

183. Testimony by Kin Moy, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. Written Statement before the House Foreign Affairs Committee. March 14, 2014 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/03/223461.htm (дата обращения: 26.01.2025).

184. Testimony by Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the House Armed Services Committee. U.S.-Japan Relations for the 21st Century. July 27, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/07/145191.htm (дата обращения: 12.09.2016).

185. Testimony by Stephen W. Bosworth, Special Representative for North Korea Policy, Before the Senate Foreign Relations Committee. June 11, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/06/124657.htm (дата обращения: 04.09.2016).

186. Testimony by Sung Kim, Special Representative for North Korea Policy, before the House Foreign Affairs Committee. The North Korean Threat: Nuclear, Missiles and Cyber. January 13, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/01/235888.htm (дата обращения: 04.09.2016).

187. Testimony Jonathan Addleton, Ambassador-designate to Mongolia. Statement Before the Senate Foreign Relations Committee. President Obama's Nominee to be U.S. Ambassador to Mongolia. July 23, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/07/126406.htm (дата обращения: 04.09.2016).

188. Testimony of Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Asia Pacific, before the Senate Foreign Relations Committee. The Future of U.S – China Relations. June 25, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/06/228415.htm (дата обращения: 06.10.2016).
189. Testimony Statement by Daniel Kritenbrink Acting Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the U.S.-China Economic & Security Review Commission. U.S. Policy Toward the People's Republic of China (P.R.C.). April 13, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/04/160652.htm (дата обращения: 01.10.2016).
190. Testimony. Statement by David Shear, Deputy Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia, The Pacific and the Global Environment. U.S.-China Relations: Maximizing The Effectiveness of the Strategic and Economic Dialogue. September 10, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/09/129103.htm (дата обращения: 29.09.2016).
191. Testimony. Statement by Jon M. Huntsman, Jr.; Ambassador-Designate to the People's Republic of China Before the Senate Foreign Relations Committee. July 23, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/07/126382.htm (дата обращения: 29.09.2016).

Справки о телефонных переговорах

192. Readout of President Obama’s Call with President Lee Myung-bak of the Republic of Korea. February 12, 2013 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/readout-president-obama-s-call-president-lee-myung-bak-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016).
193. Readout of President Obama’s Call with President Lee of the Republic of Korea. December 19, 2011 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2011/12/19/readout-president-obama-s-call-president-lee-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016).

194. Readout of President Obama’s Call with President Park Geun-hye of the Republic of Korea. June 17, 2013 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/17/readout-president-obama-s-call-president-park-geun-hye-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016).

195. Readout of President Obama’s Call with President-elect Park Geun-hye of the Republic of Korea. December 21, 2012 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2012/12/21/readout-president-obama-s-call-president-elect-park-geun-hye-republic-korea (дата обращения: 05.11.2016).

196. Readout of President Obama’s Call with Republic of Korea President Lee Myung-Bak. May 25, 2009 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/2009/05/25/readout-president-obama-s-call-withrepublic-korea-president-lee-myung-bak (дата обращения: 05.11.2016).

197. Readout of the President’s Call with Japanese Prime Minister Shinzo Abe. February 13, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/13/readout-presidents-call-japanese-prime-minister-shinzo-abe (дата обращения: 06.11.2016).

198. Readout of the President’s Call with Japanese Prime Minister Taro Aso. May 25, 2009 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-japanese-prime-minister-taro-aso (дата обращения: 06.11.2016).

199. Readout of the President’s Call with Prime Minister Hatoyama of Japan. May 27, 2010 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-prime-minister-hatoyama-japan (дата обращения: 06.11.2016).

200. Readout of the President’s Call with Prime Minister-Designate Kan of Japan. June 5, 2010 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-with-prime-minister-designate-kan-japan (дата обращения: 06.11.2016).

201. Readout on the President’s Call to Prime Minister Aso of Japan. January 29, 2009 // The White House site. URL: https://ww.whitehouse.gov/the-press-office/readout-presidents-call-prime-minister-aso-japan (дата обращения: 06.11.2016).

Информационные справки президентской администрации и правительства США

202. Economic Value of the U.S. – South Korea Free Trade Agreement: More American Exports, More American Jobs // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/09272011_wh_economic_value_fact_sheet_us_korea (дата обращения: 06.11.2016).

203. Fact Sheet on U.S. – Japan Trade Agreement // United States Trade Representative site. URL: https://www.ustr.gov/about-us/policy/officies/tfact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement (дата обращения: 01.04.2020).

204. Fact Sheet. How the Trans-Pacific Partnership (TTP) Boosts Made in America Exports, Supports Higher-Paying American Jobs, and Protects American Workers. October 05, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/fact-sheet-how-trans-pacific-partnership-tpp-boosts-made-america-exports (дата обращения: 04.11.2016).

205. Fact Sheet. Strengthening U.S.-China Sub-national Cooperation: The U.S.-China Governors Forum. January 19, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/01/154874.htm (дата обращения: 01.10.2016);

206. Fact Sheet. The U.S.-China EcoPartnerships Program. July 10, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211792.htm (дата обращения: 04.10.2016).

207. Fact Sheet. The U.S.-China Strategic and Economic Dialogue, Rounds I-IV Strategic Track Outcomes. May 4, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189288.htm (дата обращения: 03.10.2016).

208. Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Culture. April 12, 2011. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160619.htm (дата обращения: 01.10.2016).

209. Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Education. April 12, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160629.htm (дата обращения: 01.10.2016).

210. Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Science and Technology. April 12, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160618.htm (дата обращения: 01.10.2016).

211. Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on Sports. April 12, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160628.htm (дата обращения: 01.10.2016).

212. Fact Sheet. U.S.-China CPE Cooperation on the 100,000 Strong Initiative, April 12, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160615.htm (дата обращения: 01.10.2016).

213. Fact Sheet. U.S.-Republic of Korea (R.O.K.) Agreement for Peaceful Nuclear Cooperation. June 16, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/t/isn/rls/fs/2015/243872.htm (дата обращения: 28.09.2016).

214. Fact Sheet: Obama Administration Leadership on International Human Rights. December 4, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/04/fact-sheet-obama-administration-leadership-international-human-rights (дата обращения: 05.11.2016).

215. Fact Sheet: The United States in the Trans-Pacific Partnership. November 12, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/12/fact-sheet-united-states-trans-pacific-partnership (дата обращения: 05.11.2016).

216. Fact Sheet: U.S – China Energy Efficiency Action Plan. November 17, 2009 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Efficiency-Action-Plan.pdf (дата обращения: 06.11.2016).

217. Fact Sheet: U.S. – China Commercial Relations. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/fact-sheet-us-china-commercial-relations (дата обращения: 05.11.2016).

218. Fact Sheet: U.S. – China Cooperation on 21st Century Coal. November 17, 2009 // The White House site. URL:

https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Coal.pdf (дата обращения: 06.11.2016).

219. Fact Sheet: U.S. – China Economic Issues. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/fact-sheet-us-china-economic-issues (дата обращения: 05.11.2016).

220. Fact Sheet: U.S. – China Electric Vehicles Initiative. November 17, 2009 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/files/documents/2009/november/US-China-Fact-Sheet-on-Electric-Vehicles.pdf (дата обращения: 06.11.2016).

221. Increasing U.S. Auto Exports and Growing U.S. Auto Jobs Through the U.S. – South Korea Trade Agreement // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/fact_sheet_increasing_us_auto_exports_us_korea_free_trade_agreement_2011.pdf (дата обращения: 06.11.2016).

222. Joint Fact Sheet on Strengthening U.S. – China Economic Relations. December 05, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/05/joint-fact-sheet-strengthening-us-china-economic-relations (дата обращения: 05.11.2016).

223. Joint Fact Sheet: The United States – Republic of Korea Alliance: A Global Partnership. April 25, 2014 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-global-partnership (дата обращения: 04.11.2016).

224. Joint Fact Sheet: The United States – Republic of Korea Alliance: Shared Values, New Frontiers. October 16, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/16/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-shared-values-new-frontiers (дата обращения: 04.11.2016).

225. President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment in United States. April 25, 2014 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/president-obama-attends-roundtable-korean-business-executives-encourage-investment-united-states (дата обращения: 04.11.2016).

226. The U.S. – South Korea Free Trade Agreement: More American Jobs, Faster Economic Recovery Through Export // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/09272011_wh_overview_fact_sheet_us_korea (дата обращения: 06.11.2016).

227. Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco. June, 2010 // United States Trade Representative site. URL: http://www.ustr.gov/tpp (дата обращения: 23.05.2012).

228. U.S. – China CPE Cooperation on Women's Issues. April 12, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160630.htm (дата обращения: 01.10.2016).

229. U.S. Fact Sheet for President Obama's Bilateral Meeting with President Xi Jinping. September 03, 2016 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/03/us-fact-sheet-president-obamas-bilateral-meeting-president-xi-jinping (дата обращения: 03.11.2016).

230. Working Group Fact Sheet. July 10, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211768.htm (дата обращения: 04.10.2016).

Справки для СМИ

231. Bureau of Political-Military Affairs Official to Keynote U.S. – Taiwan Business Council Defense Industry Conference. Media Note. October 6, 2014 // US Department of State site. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/10/232611.htm (дата обращения: 26.01.2025).

232. Deputy Secretary Deputy Secretary Steinberg's Participation in the Trilateral Strategic Dialogue. June 13, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166054.htm (дата обращения: 14.09.2016).

233. Inaugural U.S. – India – Japan Trilateral Ministerial. Media Note. September 29, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/09/247483.htm (дата обращения: 24.09.2016).

234. Interim report on the Revision of the U.S–Japan Guidelines for Defense Cooperation October 8, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/232694.htm (дата обращения: 23.09.2016).

235. Interview by Hillary Rodham Clinton With Meredith Vieira of NBC's Today Show. January 18, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/01/154916.htm (дата обращения: 01.10.2016).

236. Japan: Defense Cooperation. February 22, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184588.htm (дата обращения: 14.09.2016).

237. Joint Statement of the Security Consultative Committee: A Stronger Alliance for a Dynamic Security Environment The New Guidelines for U.S.-Japan Defense Cooperation. April 27, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm (дата обращения: 24.09.2016).

238. Media Note. Australian, Japanese, and U.S. Officials Meet for Security and Defense Cooperation Forum. February 13, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/02/204574.htm (дата обращения: 23.09.2016).

239. Media Note. Conclusion of U.S. – China Human Rights Dialogue. July 24, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/07/195431.htm (дата обращения: 03.10.2016).

240. Media Note. Deputy Press Secretary Steinberg's Upcoming Travel to Asia. February 28, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/02/137417.htm (дата обращения: 12.09.2016)

241. Media Note. Deputy Secretary Steinberg to Travel to Singapore and Japan. May 28, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/05/124013.htm (дата обращения: 12.09.2016).

242. Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. February 15, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184027.htm (дата обращения: 03.10.2016).

243. Media Note. Expansion of U.S.-China EcoPartnerships Program. January 19, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/01/154875.htm (дата обращения: 01.10.2016).

244. Media Note. Joint Statement by Secretary of State Hillary Rodham Clinton and Secretary of the Treasury Tim Geithner on the Establishment of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. April 1, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/04/121155.htm (дата обращения: 29.09.2016).

245. Media Note. Travel of the Delegation Led by Special Representative Davies to Seoul, Beijing, and Tokyo. January 16, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/01/202952.htm (дата обращения: 23.09.2016).

246. Media Note. U.S.-Australia-Japan Security and Defense Cooperation Forum October 22, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/233252.htm (дата обращения: 23.09.2016).

247. Media Note. U.S.-China Asia-Pacific Consultations. March 12, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/03/185646.htm (дата обращения: 03.10.2016).

248. Media Note. U.S.-China Joint Statement on Energy Security Cooperation. May 25, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142179.htm (дата обращения: 29.09.2016).

249. Media Note. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue 2010 Outcomes of the Strategic Track. May 25, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142180.htm (дата обращения: 29.09.2016).

250. Media Note. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. July 12, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm (дата обращения: 04.10.2016).

251. Media Note. U.S.-China Ten-Year Framework for Cooperation on Energy and Environment. May 13, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/141822.htm (дата обращения: 29.09.2016).

252. Media Note. U.S.-China Ten-Year Framework for Cooperation on Energy and Environment. May 13, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/141822.htm (дата обращения: 29.09.2016).

253. New Guidelines for US – Japan Defense Cooperation. April 27, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/04/241125.htm (дата обращения: 24.09.2015).

254. Secretary Clinton and Secretary Gates to Convene the U.S. – Japan Security Consultative Committee Meeting on June 21. June 17, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/06/166485.htm (дата обращения: 14.09.2016);

255. The 4th US – Japan Bilateral Cyber Dialogue. July 27, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/07/260572.htm (дата обращения: 24.09.2016).

256. The Second US–Japan Cyber Dialogue. April 10, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/04/224648.htm (дата обращения: 23.09.2016).

257. U.S – Japan – Republic of Korea Trilateral. Media Note. January 12, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/01/180515.htm (дата обращения: 14.09.2016).

258. U.S. – Japan – India Trilateral Meeting. Media Note. May 1, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/05/208819.htm (дата обращения: 23.09.2016).

259. United States and Mongolia Sign Bilateral Transparency Agreement. Media Note. September 24, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/09/214654.htm (дата обращения: 04.09.2016).

Интервью

260. ABC Interview: U.S., Japan Work Together for Global Recovery. Interview Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, with Marta Raddatz of ABC. February 17, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117600.htm (дата обращения: 12.09.2016).

261. Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Ian Williams of NBC. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189259.htm (дата обращения: 03.10.2016).

262. Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Karson Yiu of ABC News. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189248.htm (дата обращения: 03.10.2016).

263. Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Marsha Cooke of CBS. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189261.htm (дата обращения: 03.10.2016).

264. Interview by Gary Locke, Ambassador to China, With Stan Grant of CNN. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189252.htm (дата обращения: 03.10.2016).

265. Interview by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, to Global Times. U.S.-China Achievements Go Beyond Expo. May 21, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142073.htm (дата обращения: 29.09.2016).

266. Interview of John Kerry, Secretary of State, With Beijing TV's Yang Lan. September 24, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/09/247490.htm (дата обращения: 07.10.2016).

267. Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Michele Kelemen of NPR. May 2, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189175.htm (дата обращения: 03.10.2016).

268. Interview of Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, With Jill Dougherty of CNN. May 2, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189169.htm (дата обращения: 03.10.2016).

269. North Korea: Engaging in More Bilaterals and the Six-Party Talks. Interview Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Yochi Funabashi and Yoichi Kato of

Asahi Shimbun. February 17, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/02/117626.htm (дата обращения: 12.09.2016).

Стенограммы пресс-конференций, пресс-брифингов, пресс-подходов

270. Background Briefing – Developments on the Relationship between Japan and the Republic of Korea. December 28, 2015 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/12/250881.htm (дата обращения: 24.09.2016).

271. Background Briefing by Senior State Department Official. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189215.htm (дата обращения: 03.10.2016).

272. Background Briefing in Hong Kong. July 25, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/07/169050.htm (дата обращения: 01.10.2016).

273. Background Briefing on the Joint Statement of the Security Consultative Committee. October 3, 2013 // US Department of State site. URL: http://state.gov/r/pa/prs/ps/2013/10/215072.htm (дата обращения: 23.09.2016).

274. Background Briefing on the U.S. Military Realignment in Japan. April 26, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/04/188587.htm (дата обращения: 14.09.2016)

275. Background Briefing With Senior State Department Officials on Chen Guangcheng. May 2, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/182850.htm (дата обращения: 03.10.2016).

276. Background Briefing: Readout of the Secretary's Meeting With Chinese Foreign Minister Yang Jiechi. September 27, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/198329.htm# (дата обращения: 03.10.2016).

277. Background Briefing: Senior State Department Officials En Route to Vladivostok, Russia. September 7, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197481.htm (дата обращения: 08.09.2012).

278. Background Press Briefing on Vice President Biden's Trip to China, Japan and Republic of Korea. November 27, 2013 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/27/background-press-briefing-vice-president-biden-trip-china-japan-and-republic-korea (дата обращения6 05.11.2016).

279. Backgrounder with Senior State Department of Officials. May 4, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/05/189327.htm ((дата обращения: 03.10.2016).

280. Conference Call With Reporters to Discuss Vice President Biden Trip to China, Mongolia and Japan. August 15, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/08/15/conference-call-reporters-discuss-vice-president-biden-trip-china-mongolia-and-japan (дата обращения: 02.11.2016).

281. Joint Press Availability Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, with Japanese Foreign Minister Seiji Maehara. October 27, 2010 // US Department of State site. URL: http://state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150110.htm (дата обращения: 12.09.2016).

282. Kurt M. Campbell, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific, Affairs Media Availability at the Imperial Hotel in Tokyo. May 22, 2011 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2011/05/164070.htm (дата обращения: 16.09.2016).

283. On the Record Conference Call on the Upcoming State Visit of Prime Minister Abe of Japan. April 24, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/24/record-conference-call-upcoming-state-visit-prime-minister-abe-japan (дата обращения: 04.11.2016).

284. Press Availability by KurtM. Campbell Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs. October 14, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/10/130578.htm (дата обращения: 29.09.2016).

285. Press Availability in Vladivostok, Russia. Hillay Rodham Clinton, Secretary of State, Consulate General Vladivostok. September 9, 2012 // US Department of State site.

URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/197534.htm (дата обращения: 10.09.2012).

286. Press Availability of Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, With Korean Foreign Minister Yu Myung-hwan After their Meeting. July 21, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/05/142223.htm (дата обращения: 25.09.2016).

287. Press Availability, Stephen W. Bosworth, Special Representative for North Korea Policy. Morning walkthrough in Tokyo, Japan. December 13, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2009/12/133474.htm (дата обращения: 12.09.2016).

288. Press Conference with President Obama and President Hu of the Peoples Republic of China. January 19, 2011 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/press-conference-president-obama-and-president-hu-peoples-republic-china (дата обращения: 02.11.2016).

289. Preview of the Visit of Republic of Korea President Park Geun-hye. Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, Mark Lippert, Ambassador to South Korea. October 14, 2015 // US Department of State site. URL: http://fpc.state.gov/248192.htm (дата обращения: 28.09.2016).

290. Solo Press Availability in Beijing. John Kerry, Secretary of State. April 13, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/04/207469.htm (дата обращения: 04.10.2016).

291. Solo Press Availability of John Kerry, Secretary of State. February 14, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221658.htm (дата обращения: 06.10.2016).

292. Special Briefing by Gary Locke, Ambassador to China, Victoria Nuland, Department Spokesperson. May 3, 2012 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2012/05/189214.htm ((дата обращения: 03.10.2016).

293. Special Briefing on Secretary Hillary Clinton's Upcoming Visit to the 2010 Shanghai Expo. May 14, 2010 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2010/05/141870.htm (дата обращения: 29.09.2016).
294. Special Briefing on the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 27, 2009 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2009/july/126525.htm (дата обращения: 29.09.2016).
295. Special Briefing. Readout of Secretary Kerry's Meeting With Chinese Foreign Minister Wang Yi. September 26, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/09/214801.htm (дата обращения: 04.10.2016).
296. Special Briefing. Remarks on Secretary Kerry's Meeting With Chinese State Councilor Yang Jiechi. October 18, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/10/233142.htm (дата обращения: 06.10.2016).
297. Special Briefing. Senior Administration Officials On the First Day of the Strategic and Economic Dialogue and U.S.-China Relations. July 11, 2013 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211801.htm (дата обращения: 04.10.2016).
298. Special Briefing. Senior State Department and Treasury Officials on the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue. July 8, 2014 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/07/228888.htm (дата обращения: 06.10.2016).
299. U.S. – China Clean Energy Announcements. November 17, 2009 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2009/11/17/us-china-clean-energy-announcements (дата обращения: 06.11.2016).

Стенограммы выступлений перед зарубежной аудиторией

300. Conversation With Young Leaders. Remarks, John Kerry, Secretary of State, Shangri La Hotel, Ulaanbaatar, Mongolia, June 5, 2016 // US Department of State site. URL: http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258079.htm (дата обращения: 04.09.2016).
301. Remarks by President Barack Obama at Town Hall Meeting with Future Chinese Leaders. November 16, 2009 // The White House site. URL:

https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-town-hall-meeting-with-future-chinese-leaders (дата обращения: 02.11.2016).

Списки приглашённых

302. Expected Attendees at Tonight's China State Dinner. September 25, 2015 // The White House site. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/25/expected-attendees-tonights-china-state -dinner (дата обращения:04.11.2016).

303. President Obama Attends Roundtable With Korean Business Executives to Encourage Investment In United States. April 25, 2014 // The White House site. URL; https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/-president-obama-attends-roundtable-korean-business-executives-encourage-investment-united-states (дата обращения: 04.11.2016).

Электронная переписка Х. Клинтон

304. E-mail from Sullivan, Jacob J. Friday, November 12, 2010. Subject: RE: 3Ds Forward – Asia Pacific // US Department of State site. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

305. E-mail from Sullivan, Jacob J. Thursday, November 17, 2011. Subject: Fw: SecDef Panetta calls India, China 'threats' // US Department of State site. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016)

306. E-mail from Sullivan, Jacob J. Wednesday, March 28, 2012. Subject: FW: US/India/China/Trialogue – Update // US Department of State site. URL: https://foia.state.gov/Search/Results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 04.01.2016).

Генеральные лицензии Казначейства США

307. General license No.4. Noncommercial, Personal Remittances Authorized. March 24, 2016 // US Treasury site. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl4.pdf (дата обращения: 06.05.2016)

308. General license No.5. Certain Services in Support on Nongovernmental Organizations' Activities Authorized. March 24, 2016 // US Treasury site. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl5.pdf (дата обращения: 06.05.2016)

309. General license No.8. Certain Transactions Related to Patents, Trademarks and Copyrights Authorized. March 23, 2016 // US Treasury site. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sunctions/Programs/Documents/nk_gl8.pdf (дата обращения: 06.05.2016).

Официальные сайты министерств США.

310. Official web page of U.S. Department of State Bureau of East Asian and Pacific Affairs. URL: https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-of-political-affairs/bureau-of-east-asian-and-pacific-affairs/ (дата обращения: 24.02.2025).

Сборники документов Государственного департамента прошлых лет

311. American Foreign Policy. Current Documents. 1987. Washington: Department of State, 1988. 894 p.

Публичные и рассекреченные документы правительств Р. Рейгана и Дж. Буша

312. EAP Press Guidance. September 2, 1992 // George Bush Presidential Library site. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/china/1999-0182-F.php (дата обращения: 20.09.2011).

313. Letter to the Speaker of the House of Representatives and the President of The Senate on Trade with Hungary and China. June 3, 1988 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/060388d.htm (дата обращения: 05.06.2009).

314. Message to the Congress on Trade with Hungary, China, and Romania. June 3, 1985 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/60385c.htm (дата обращения: 05.06.2009).

315. Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and China. June 3, 1986 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/60386f.htm (дата обращения: 05.06.2009).

316. Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and China. June 2, 1987 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1987/060287g.htm (дата обращения: 05.06.2009).

317. Message to the Congress on Trade with Romania, Hungary, and the People's Republic of China. June 2, 1982 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1982/60282b.htm (дата обращения: 05.06.2009).

318. Remarks at the Shanghai Foxboro Company, Ltd., in Shanghai, China. April 30, 1984 // Ronald Reagan Presidential Library site. URL: http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/43084c.htm (дата обращения: 26.08.2011).

319. Statement by Press Secretary Fitzwater on Trade with China. 1989-12-19 // George Bush Presidential Library site. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php. (дата обращения: 31.08.2011).

320. The President's News Conference. 1989-06-05 // George Bush Presidential Library site. URL: http://bushlibrary.tamu.edu/research/public_papers.php. (дата обращения: 31.08.2011)

Стенограммы слушаний в Конгрессе

321. A New Era of U.S. – China Relations? Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One

Hundred Thirteen Congress. September 17, 2014. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 45 p.

322. Across the Other Pond: U.S. Opportunities and Challenges in the Asia Pacific. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. February 26, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015. – 89 p.

323. America as a Pacific Power: Challenges and Opportunities in Asia. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. April 28, 2016. Washington D.C.: Government Printing Office, 2016. – 71 p.

324. Maritime Security Strategy in the Asia-Pacific Region. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. One Hundred Fourteen Congress. September 17, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015. – 48 p.

325. Rebalance to Asia II: Security and Defense; Cooperation and Challenges. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. April 25, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 43 p.

326. Rebalance to Asia III: Protecting the Environment and Ensuring Food and Water Security in East Asia and the Pacific. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. July 24, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 50 p.

327. Rebalance to Asia IV: Economic Engagement in the Asia-Pacific Region. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. December 18, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 58 p.

328. Rebalance to Asia: What Does it Meen for Democracy, Good Governance and Human Rights? Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on foreign relations. United States Senate. One Hundred Thirteenth

Congress. First session. March 21, 2013. Washington: U.S. Government Printing Office, 2013. – 43 p.

329. Rebalancing to the Asia-Pacific Region and Implications for U.S. National Security. Hearing before Committee on Armed Services, House of Representatives. One Hundred Thirteen Congress. July 24, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 104 p.

330. Strengthening U.S. Alliances in Northeast Asia. Hearing before the Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. One Hundred Thirteen Congress. March 4, 2014. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 49 p.

331. The Trans-Pacific Partnership: Prospects for Greater U.S. Trade. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. March 4, 2015. Washington D.C.: Government Printing Office, 2015. – 83 p.

332. The U.S. – Republic of Korea – Japan Trilateral Relationship: Promoting Mutual Interests in Asia. Hearing Before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred Fourteen Congress. September 27, 2016. Washington D.C.: Government Printing Office, 2016. – 35 p.

333. U.S. Asia-Pacific Strategic Considerations Related to People's Liberation Army Naval Forces Modernization. Hearing before the Subcommittee on Seapower and Projection Forces of the Committee on Armed Services House of Representatives. One Hundred thirteen Congress. December 11, 2013. Washington D.C.: Government Printing Office, 2014. – 109 p.

Аналитические доклады Исследовательской службы Конгресса

334. Fergusson I.F., Vaughn B. The Trans-Pacific Partnership Agreement. CRS Report for Congress. June 25, 2010. / I.F. Fergusson, B. Vaughn // Congressional research service site. URL: http://www.crs.gov (дата обращения: 17.05.2012).

335. The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. CRS Report for Congress. August 21, 2013 / Coordinator I.F. Fergusson // US Department of State site. URL: http://fpc.state.gov/documents/organization/213981.pdf (дата обращения: 05.09.2014).

Данные Статистического бюро США

336. U.S. Exports to Australia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c6021.html (дата обращения: 27.10.2015).

337. U.S. Exports to Brunei by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5610.html (дата обращения: 27.10.2015).

338. U.S. Exports to Canada by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c1220.html (дата обращения: 27.10.2015).

339. U.S. Exports to Chile by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c3370.html (дата обращения: 27.10.2015).

340. U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

341. U.S. Exports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 27.10.2015).

342. U.S. Exports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

343. U.S. Exports to Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021).

344. U.S. Exports to Malaysia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5570.html (дата обращения: 27.10.2015).

345. U.S. Exports to Mexico by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c2010.html (дата обращения: 27.10.2015).

346. U.S. Exports to New Zealand by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c6141.html (дата обращения: 27.10.2015)

347. U.S. Exports to Peru by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c3330.html (дата обращения: 27.10.2015).

348. U.S. Exports to Singapore by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5590.html (дата обращения: 27.10.2015).

349. U.S. Exports to Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5520.html (дата обращения: 27.10.2015).

350. U.S. Imports from Australia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c6021.html (дата обращения: 27.10.2015).

351. U.S. Imports from Brunei by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5610.html (дата обращения: 27.10.2015).

352. U.S. Imports from Canada by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c1220.html (дата обращения: 27.10.2015).

353. U.S. Imports from Chile by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c3370.html (дата обращения: 27.10.2015).

354. U.S. Imports from China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

355. U.S. Imports from Japan by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5880.html (дата обращения: 27.10.2015).

356. U.S. Imports from Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021).

357. U.S. Imports from Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016 // US Census Bureau site. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021).

358. U.S. Imports from Malaysia by 5-digit End-Use Code // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5570.html дата обращения: 27.10.2015).

359. U.S. Imports from Mexico by 5-digit End-Use Code // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c2010.html (дата обращения: 27.10.2015).

360. U.S. Imports from New Zealand by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c6141.html (дата обращения: 27.10.2015).

361. U.S. Imports from Peru by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c3330.html (дата обращения: 27.10.2015).

362. U.S. Imports from Singapore by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5590.html (дата обращения: 27.10.2015).

363. U.S. Imports from Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014 // US Census Bureau site. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5520.html (дата обращения: 27.10.2015).

Официальные документы зарубежных государств.

364. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шёлкового пути и морского шёлкового пути XXI в. // Россия и АТР. – 2015. – №3. – С. 255–270.

365. National Security Strategy of Japan. December 2022 // Japan Cabinet intelligence and research office site. URL: www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf (дата обращения: 17.01.2023).

Мемуары и иные труды государственных деятелей США

366. Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Зб. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.

367. Гейтс, Р. Сбалансированная стратегия / Р. Гейтс // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т.2. – № 2. – С. 20 – 32.

368. Гор, А. Атака на разум / А. Гор. – СПб.: Амфора, 2008. – 478с.

369. Клинтон, Х.Р. Тяжёлые времена / Х.Р. Клинтон. – М.: Эксмо, 2016. – 736 с.

370. Мэтлок, Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность / Дж. Мэтлок. – М.: Международные отношения, 2011. 384 с.

371. Обама, Б.Х. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты / Б.Х. Обама. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 416 с.

372. Bader, J.F. Obama and China’s Rise. An Insider Account of America’s Asia Strategy / J.F. Bader. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2012. – 171 p.

373. Baker, J.A. Emerging Architecture for a Pacific Community / J.A. Baker // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70. – №5. – P. 1–18.

374. Campbell, K.M. The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia / K.M. Campbell – New York – Boston: Twelve, 2016. – 401 p.

375. Campbell, K.M., Ratner E. Far Eastern Promises. Why Washington Should Focus on Asia /K.M. Campbell, E. Ratner // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – № 3. – P. 106–116.

376. Carter, A.B. Running the Pentagon Right. How to Get the Troops What They Need / A.B. Carter // Foreign Affairs. – 2014. – Vol. 93. – №1. – P. 101–112.

377. Cha, V. The Impossible State. North Korea, Past and Future / V. Cha. – London: The Bodley Head, 2012. 530 p.

378. Clinton, H.R. America's Pacific Century / H.R. Clinton // Foreign Policy. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (дата обращения: 18.10.2017).

379. Clinton, H.R. Leading Through Civilian Power. Redefining American Diplomacy and Development / H.R. Clinton // Foreign Affairs. 2010 Vol. 89. No 6. P. 13–24

380. Clinton, H.R., Geithner, T. A New Strategic and Economic Dialog with China. July 27, 2009. / H.R. Clinton, T.A. Geithner // US Department of State site. URL http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126455.htm (дата обращения: 29.09.2016).

381. Obama, B. A Promised Land / B. Obama. – New York: Crown, 2020. – 751 p.

Труды государственных деятелей других стран.

382. Mahbubani, K. An Asia-Pacific Consensus / K. Mahbubani // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76. – №5. – P. 149–158.

Труды представителей американской политической мысли

383. Боуз, Д. Либертарианство: история, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск: Социум – Институт КАТО, 2009. – 392 с.

384. Nye J.S. Jr. Smart Power / J.S. Nye, Jr. // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol. 26. – № 2. – P. 7–9.

385. Nye, J.S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics / J.S. Nye-Jr. – New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

386. Nye, J.S. Jr. The Future of Power / J.S. Nye-Jr. – New York: Public Affairs, 2011. 298 p.

387. Tucker, R. W. Reagan’s Foreign Policy / R.W. Tucker // Foreign Affairs. – 1988 / 1989. – Vol. 68. – № 1. – P. 1 – 28.

Публицистика.

388. Брагин, М.Ю. Америка выбрала Обаму / М.Ю. Брагин // Международная жизнь. – 2008. – № 12. – С. 34–50.

389. Овчинников, В.В. Сакура и дуб / В.В. Овчинников. – М,: АСТ, Восток-Запад, 2008. – 448 с.

390. Шитов, А.К. Четверть века в Америке. В Вашингтоне от Клинтона до Трампа / А.К. Шитов. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 416 с.

II. Периодическая печать

391. Congressional Record. 2009–2016 // Congressional Record web-page. URL: https://www.congress.gov/crec/ (дата обращения: 14.09.2017).

III. Исследования.

Исследования на русском языке

392. Аликберов, А.К. Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход / А.К. Аликберов. – М.: Наука, 2023. – 736 с.

393. Алхименков М.А. Религиозные аспекты внешнеполитических постулатов Республиканской партии США: консервативная эволюция 2008–2011 гг. / М.А., Алхименков // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 38–54.

394. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность / Под ред А.В. Яковенко, К.А. Манасенко. – М.: Содружество культур, 2023. – 588 с.

395. Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / Под ред. Г.Е. Скорова. – М.: Наука, 1986. – 525 с.

396. Антипов, К.В. Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога / К.В. Антипов // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №6. – С. 39–54.

397. Ануреев, С.В. Инфляционный всплеск второй половины 2020-х годов. Прогноз на основе данных США по сырьевым цинам и минимальной оплате труда с 1946 г. / С.В. Ануреев // Проблемы прогнозирования. – 2024. – №1. – С. 168–182.

398. Арапова, Е.Я. Интеграция стран Восточноазиатского саммита и интересы США / Е.Я. Арапова // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №5. – С. 65–70.

399. Арешидзе, Л.Г. Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды / Л.Г. Арешидзе. – М.: Международные отношения, 2007. – 296 с.

400. Асмолов, К.В. Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений / К.В. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №4. – С. 26–36.

401. Балакин, В.И. Восточноазиатский регионализм: политическая мотивация участников интеграции / В.И. Балакин // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №5. – С. 19–24

402. Балакин, В.И. Монголия в интеграционных процессах Восточной Азии / В.И. Балакин // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №1. –С. 77–81.

403. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки / М.А. Барг. – М.: Наука, 1984. – 342 с.

404. Батакова, А.А. Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея / А.А. Батакова // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. –С. 32–44.

405. Баталов, Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э.Я. Баталов. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.

406. Бейлин, Б. Идеологические истоки американской революции / Б. Бейлин. – М.: Новое издательство, 2010. – 307 с.

407. Белобров, Ю. Геополитические амбиции и интриги США в АТР / Ю. Белобров // Международная жизнь. – 2015. – №9. – С. 114–127.

408. Белобров, Ю. Китай и ПРО / Ю. Белобров // Международная жизнь. – 2012. – №8. – С. 28–40.

409. Белокреницкий, В.Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике / В.Я. Белокреницкий. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 320 с.

410. Берри, Н.О. Почему американскую внешнюю политику так трудно понять? / Н.О. Берри // Международная жизнь – 1998. – № 11 – 12. – С. 33 – 49.

411. Богатуров, А.Д. Великие державы на тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны. (1945–1955) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – НОФМО, 1997. – 351 с.

412. Болдырев, В.Е. Обеспечение безопасности США: Трансформация интерпретаций и межведомственных взаимодействия в 2009–2020 гг. / В.Е. Болдырев. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. – 221 с.

413. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО–Университет, 2010. – 444 с.

414. Бондарев, В.В. Совет национальной безопасности США при администрации Обамы / В.В. Бондарев // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 11. – С. 33–48.

415. Бордачев, Т.В. Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII – XV веков повлияла на будущее России / Т.В. Бордачев. – М.: Издательство АСТ, 2024. 336 с.

416. Борисова, А.Р. Влияние личностного фактора на формирование политики США (Госсекретарь Дж. Керри) / А.Р. Борисова // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 72–83.

417. Бубнова, Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века / Н.И. Бубнова. – М.: РОССПЭН, 2021 – 647 с.

418. Варнавский, В.Г. Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США / В.Г. Варнавский // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №2. – С. 34–46.

419. Васильев, В.С. «Из тени в свет пролетая» и обратно: анатомия финансовых потрясений / В.С. Васильев // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №7. – С. 3–23.

420. Васильев, В.С. Политико-финансовая операция «управляемый дефолт» /В.С. Васильев // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №10. – С. 61–73.

421. Васильев, В.С., Роговский, Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т. Гайтнера / В.С. Васильев, Е.А. Роговский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – №4. – С. 3–29.

422. Васильев, В.С., Роговский, Е.А. Стратегия администрации Обамы: национальная безопасность как национальная экономическая безопасность / В.С. Васильев, Е.А. Роговский // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №12. – С. 3–25.

423. Васильев, Л.Е. Юго-Восточная Азия: США и Китай – от соперничества к противостоянию / Л.Е. Васильев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVII / Под ред. Е.И. Сафроновой. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 352 с. С. 87–99.

424. Великий китайский почин: к десятилетию Инициативы «Пояса и пути» / Под ред. В.Л. Ларина. – М.–СПб.: Русь, 2024. 244 с.

425. Великобритания и Латинская Америка (XVI – XXI вв.) / Под ред. Е.А. Ларина. – М.: Наука, 2022. – 636 с.

426. Вода, К.Р. Японо-Китайские отношения: на пороге холодной войны? К.Р. Вода // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 84–92.

427. Войтоловский, Ф.Г. Единство и разобщённость Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций

политического миропорядка 1940–2000-е гг. / Ф.Г. Войтоловский. – Москва, “Крафт+”, 2007. – 471 с.

428. Волошина, А.В. Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая / А.В. Волошина // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №6. – С. 12–24.

429. Волошина, А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях / А.В. Волошина // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 80–93.

430. Воронцов, А.В. Агальцов, П.С. Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии / А.В. Воронцов, П.С. Агальцов // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №4. – С. 7–22.

431. Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США / Под ред. В.И. Курилова, А.Л. Лукина. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2006. – 228 с.

432. Гаджиев, К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура / К.С. Гаджиев. – М.: Наука, 1990. – 240 с.

433. Гарбузов, В. Н. Александр Хейг или три карьеры одного генерала / В.Н. Гарбузов. М.: Наука, 2003. – 203 с.

434. Гарбузов, В.Н. Американские консервативные волны /В.Н. Гарбузов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №5. – С. 3–17.

435. Гарбузов, В.Н. Революция Рональда Рейгана / В.Н. Гарбузов. М., 2008. 580 с.

436. Гарусова, Л.Н. Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико-академического сообщества / Л.Н. Гарусова // Россия и АТР. – 2012. – №2. – С. 122–134.

437. Гарусова, Л.Н. Тихоокеанская Россия: интересы и политика США / Л.Н. Гарусова // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы / Под ред. В.Л. Ларина, В.В. Кожевникова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с. С.260–286.

438. Геловани, В.А., Бритков, В.Б., Дубовский, С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования / В.А. Геловани, В.Б. Бритков, С.В. Дубовский. – М.: Либроком, 2009. – 320 с.

439. Глобальная перестройка / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014. – 528 с.

440. Гордеева, И. В. Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао) / И.В. Гордеева // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №1. – С. 40–47.

441. Гордеева, И.В. Политика Японии в отношении Тайваня: проблемы и тенденции / И.В. Гордеева // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. –С. 45–55.

442. Графов, Д.Б. Китайский лоббизм в США / Д.Б. Графов // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №6. – С. 25–32.

443. Гринюк, В.А. Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова / В.А. Гринюк // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №2. – С. 35–47.

444. Громова, А.В. Сферы интересов США и Канады в экономике Монголии /А.В. Громова // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 55–66.

445. Губин, А.В. Предпосылки современного китайско-американского противоборства / А.В. Губин // Общественные науки и современность. – 2024. – №2. – С. 23–39.

446. Давыдов А.Ю. Структурные изменения в американской экономике / А.Ю. Давыдов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №11. – С. 35–47.

447. Давыдов, А.Ю. Внешняя торговля США и её государственное регулирование / А.Ю. Давыдов // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 1. – С. 13–28.

448. Давыдов, А.Ю. Новые факторы роста американской экономики / А.Ю. Давыдов // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №2. – С. 4–21.

449. Дрезнер, Д. Есть ли у Обамы большая стратегия? / Д. Дрезнер // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т. 9. – №4. – С. 48–58.

450. Дубинин, Ю.А. СЕАТО – феномен военно-политического союза на периферии холодной войны / Ю.А. Дубинин // Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / Под ред. Н.И. Егоровой. – М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2012. – 460 с. С. 149–156.

451. Жебин, А.З. КНДР: несменяемый вектор / А.З. Жебин // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №3. – С. 46–66.

452. Зиновьев, Г. В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949 – 1991) / Г.В. Зиновьев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2010. 330 с.

453. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. Ред. И.С. Семененко. – М.: Весь Мир, 2023. – 512 с.

454. История Востока. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в. Кн. 1. / Под ред Л.Б. Алаева. – М.: Восточная Литература, 2004. 608 с.

455. Калмычек, П.А., Кистанов, В.О. Леонтьева, Е.Л. Япония: текущие проблемы политики, экономики, дипломатии / П.А. Калмычек, В.О. Кистанов, Е.Л. Леонтьева // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №4. – С. 37–54.

456. Карасев, П.А. Новые информационные технологии во внешней политике США / П.А. Карасев // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №5. – С. 53–62.

457. Кикучи, Т. Новый порядок в АТР. Японский взгляд на экономические процессы / Т. Кикучи // Россия в глобальной политике. 2015. – №6. – С. 164–175.

458. Кириченко, Э.В. США: год президентских выборов и преодоления финансового кризиса / Э.В. Кириченко // Год планеты. Выпуск 2008 г. / Под ред. В.Г. Барановского. – М.: Наука, 2008. – 326 с. С. 203–215.

459. Кириченко, Э.В. США: проблемы государственного долга и бюджетного дефицита / Э.В. Кириченко // Год планеты. Выпуск 2011 г. / Под ред. В.Г. Барановского. – М.: Идея-Пресс, 2011. – 488 с. С. 244–256.

460. Кириченко, Э.В. США: стратегия выхода из кризиса / Э.В. Кириченко // Год планеты. Выпуск 2010 г. / Под ред. В.Г. Барановского. – М.: Идея-Пресс, 2011. – 296 с. С. 159–171.

461. Китай в мировой и региональной политике: История и современность / Под ред. В.Я. Портякова. – М.: ИДВ РАН, 2008. – 276 с.

462. Ковригин, Е.Б. Новая роль экспорта капитала в экономике Японии // Япония 1979. Ежегодник / Под ред. И.И. Коваленко. – М,: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 352 с., С. 176–194.

463. Кокошин, А.А., Бартенев, В.И., Веселов, В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США / А.А. Кокошин, В.И. Бартенев, В.А. Веселов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №11. – С. 3–22.

464. Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? / В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №1. – С. 23–36.

465. Корсаков, Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США / Г.Б. Корсаков // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №1. – С. 71–88.

466. Корсаков, Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона / Г.Б. Корсаков // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 22–40.

467. Корсакова Н.И. Французская дипломатия и Кубинский кризис / Н.И. Корсакова. – М.Ж РОССПЭН, 2006. – 280 с.

468. Косолапов, Н.А. Новая администрация США: наследие, проблемы, задачи / Н.А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №4. – С. 22–34.

469. Костюнина, Г., Баронов, В, Транстихоокеанское партнёрство: основные положения соглашения и потенциальный эффект / Г. Костюнина, В. Баронов // Международная жизнь. – 2016. – №2. – С. 90–112.

470. Костяев, С.С. Корейское лобби в США: соглашение о свободной торговле, военное сотрудничество / С.С. Костяев // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №8. – С. 95–101.

471. Кременюк, В.А. Внешняя политика президента Б. Обамы: поиски выхода из кризиса / В.А. Кременюк // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №6. – С. 3–20.

472. Крупянко, М.И., Арешидзе, Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок» / М.И. Крупянко, Л.Г. Арешидзе. – М.: Международные отношения, 2010. – 448 с.

473. Курилла, И*. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США / И. Курилла*. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

474. Лавринович, Л.Л. Электротехнические монополии Японии на внешних рынках // Япония 1978. Ежегодник / Под ред. И.И. Коваленко. – М,: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 326 с. С. 170–183.

475. Ларин А.Г. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 13–26.

476. Лекаренко, О.Г. Роль США в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе / О.Г. Лекаренко // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54. – №6. – С. 31–47

477. Лексютина, Я.В. «Возвращение в Азию» – внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации / Я.В. Лексютина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №9. – С. 17–34.

478. Лексютина, Я.В. Обострение напряжённости в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США / Я.В. Лексютина // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №5. – С. 30–41.

479. Лексютина, Я.В. Противоречия между США и КНР в районе Южно-Китайского моря / Я.В. Лексютина // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №8. – С. 16–29.

480. Лукин А.Л. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: теоретические подходы и концепции / А.Л. Лукин // Россия и АТР. – 2009. – №2. – С. 33–47.

481. Лукин, А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность / А.Л. Лукин. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2009. – 248 с.

482. Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве и контрмеры Китая/ Б. Лю // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. – С. 56–66.

483. Людтке, А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке – М.: РОССПЭН, 2010. – 271 с.

484. Маликова, О.И., Побываев, С.А., Толкачёв, С.А. Энергосырьевые факторы и перспективы реиндустриализации экономики США / О.И. Маликова, С.А. Побываев, С.А. Толкачёв // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №9. – С. 3–22.

485. Масуо, Т. Глобальная дипломатия Японии как ответ на китайскую инициативу «Один пояс – один путь» / Т. Масуо // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Под ред А.В. Лукина, В.И. Якунина. – М.: Весь мир, 2019. – 416 с. С. 187–208.

486. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Под ред. Д. В. Петрова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 279 с.

487. Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос, приполярные зоны, воздушные и морские пространства, глобальная информационная сфера / Под. Ред А.Д. Богатурова. – М.: Ленанд, 2011. 272 с.

488. Механизм формирования внешней политики США / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

489. Мид, У.Р. «Движение чаепития» и американская внешняя политика / У.Р. Мид // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т.9. – №3. – С. 64–79.

490. Мирзаян, Г.А. Итоги президентских выборов в США и их последствия для Республиканской партии и американской внешней политики / Г.А. Мирзаян // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – №4. – С. 30–38.

491. Михеев, В.В., Луконин, С.А., Луконина, Ю.С. Дальше без заветов – 3. («Китайская мечта», Ликономика, амбиции лидерства) / В.В. Михеев, С.А.

Луконин, Ю.С. Луконина // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №2. – С. 13–23.

492. Нгуен Динь Лием. Вьетнамо-Китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря / Д.Л. Нгуен // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. –С. 68–79.

493. Носов, М.Г. Отношения между США и Японией: история взлётов и падений (1791–2020) / М.Г. Носов. – М.: Весь мир, 2020. – 416 с.

494. Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / Под ред. Н.Н. Иноземцева. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 623 с.

495. Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №4. – С. 35–79.

496. Панов, А.Н. США – Япония: модернизация военно-политического союза / А.Н. Панов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №2. – С. 22–42.

497. Панов, А.Н. США и экономические интеграционные процессы в АТР / А.Н. Панов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №5. – С. 3–14.

498. Парканский, А.А. Мифы и реалии американо-китайских экономических отношений / А.А. Парканский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 19–35.

499. Парканский, А.Б. Азиатско-Тихоокеанское направление экономической политики США / А.Б. Парканский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №2. – С. 3–24.

500. Парканский, А.Б. Новейшие тенденции в американо-китайском инвестиционном взаимодействии / А.Б. Парканский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №9. – С. 3–18.

501. Песцов, С.К. Индо-тихоокеанский versus Азиатско-тихоокеанский: дискуссия о перспективах азиатского регионализма / С.К. Песцов // Россия и АТР. – 2025. – №2. С. 8–26.

502. Песцов, С.К. Меняющаяся институциональная архитектура АТР: представления и взгляды РФ / С.К. Песцов // Тихоокеанская Россия в системе

международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы / Под ред. В.Л. Ларина, В.В. Кожевникова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с. С. 3753.

503. Петрова, М. А. Старые источники – новые подходы: изучение европейской дипломатии раннего Нового времени в зарубежной историографии конца XX – начала XXI века / М.А. Петрова // Новая и новейшая история. – 2024. – №6. – С. 21–39.

504. Петровский, В.Е. Россия и азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция. В поисках «точки входа» / В.Е. Петровский // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №5. – С. 4–18.

505. Печатнов, В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя / В.О. Печатнов. – М.: Наука, 2008. – 503 с.

506. Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / Под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск: Параллель, 2015. – 248 с.

507. Попов, А.А. Вторая администрация Барака Обамы / А.А. Попов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №6. – С. 17–40.

508. Попов, А.А. Выборы-2012 в США: основные результаты / А.А. Попов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №2. – С. 3–18.

509. Пороховский, А.А. Структурные изменения американской экономики после кризиса 2007–2009 гг. / А.А. Пороховский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 3–18.

510. Портанский, А.П. Вашингтон пересматривает свои торговые приоритеты / А.П. Портанский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №12. – С. 27–40.

511. Портной, М.А. Трансокеанские партнёрства – новый этап мирового интеграционного процесса / М.А. Портной // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №8. – С. 73–84.

512. Потапов, М.А. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов / М.А. Потапов // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №3. – С. 90–96.

513. Потапов, М.А. Мировой экономический кризис и Восточная Азия / М.А. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №12. – С. 19–25.

514. Потапов, М.А. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии / М.А. Потапов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №1. – С. 42–52.

515. Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии / Под ред. Д.В. Гордиенко. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 232 с.

516. Рогов, С.М. Перспективы политики администрации Обамы / С.М. Рогов // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 3. – С. 3–22.

517. Роговский, Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции / Е.А. Роговский. – М.: Международные отношения, 2014. – 848 с.

518. Роговский, Е.А., Васильев В.С. Идейное оправдание экономической политики Б. Обамы / Е.А. Роговский, В.С. Васильев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №10. – С. 47–66.

519. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь мир, 2011. – 580 с.

520. Савельев, А.Г. Политика безопасности США: сдвиг в сторону Китая / А.Г. Савельев // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №8. – С. 5–13.

521. Самарцев, В.В. Китайские прямые инвестиции в США: выгоды и вызовы // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 57–71.

522. Самуйлов, С.М. Кто отвечает в Вашингтоне за внешнюю политику и военную политику / С.М. Самуйлов // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – №6. – С. 55–68.

523. Самуйлов, С.М. О стилях принятия внешнеполитических решений президентами США / С.М. Самуйлов // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №12. – С. 3–22.

524. Самуйлов, С.М. Реформирование системы национальной безопасности при Бараке Обаме / С.М. Самуйлов // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №11. – С. 27–41.

525. Севастьянов, С.В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии / С.В. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – №4. – С. 5–12.

526. Северная Корея перед лицом коллапса: внутриполитическая и социально-экономическая ситуация // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 89–102.

527. Семин, А.В. Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею / А.В. Семин // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №6. –С. 45–51.

528. Семин, А.В. США – Япония: полвека альянса / А.В. Семин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №8. – С. 34–46.

529. Семин, А.В. Токио – Пекин: конфликтный потенциал сохраняется / А.В. Семин // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №4. – С. 104–109.

530. Семин, Н.Л. Современная стратегия национальной разведки США: опыт политического анализа / Н.Л. Семин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 57–76.

531. Сидоров, А.А. США и Транстихоокеанское партнёрство: проблемы и перспективы / А.А. Сидоров // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №11. – С. 14–32.

532. Системная история международных отношений в двух томах. Т.2. События 1945–2003 годов. / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006. 720 с.

533. Смородинская, Н., Катуков, Д. Глобальный разворот в национальных промышленных стратегиях: курс на технологическую самодостаточность / Н. Смородинская, Д. Катуков // Общество и экономика. – 2024. – №12. – С. 5–25.

534. Советско-американские отношения в современном мире / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

535. Современный Китай в системе международных отношений / Под ред. Д. В. Буярова. – М.: Красанд, 2012. – 280 с.

536. Согрин, В.В. Архетипы и факторы цивилизации США / В.В. Согрин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 5. – С. 3–22.

537. Согрин, В.В. Исторический опыт США / В.В. Согрин. – М.: Наука, 2010. – 580 с.

538. Старкин, С.В., Рыжов, И.В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов / С.В. Старкин, И.В. Рыжов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №10. – С. 49–56.

539. Стрельцов, Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы / Д.В. Стрельцов // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №3. –С. 21–32

540. Стрельцов, Д.В. Япония: новая парадигма безопасности в свете обострения территориального спора с Китаем / Д.В. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №1. – С. 53–62.

541. Супоницкая, И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем / И.М. Супоницкая. – М.: РОССПЭН, 2010. – 302 с.

542. Супян В.Б. США в мировой экономике: перспективы сохранения лидерства / В.Б. Супян // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №7. – С. 3–16.

543. Супян, В.Б. Мировой кризис и перспективы американской экономики / В.Б. Супян // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 8. – С. 3–16.

544. Супян, В.Б. Перспективы экономического восстановления в США / В.Б. Супян // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 3–16.

545. Супян, В.Б. Послекризисное развития экономики США: новые вызовы / В.Б. Супян // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 3–17.

546. Супян, В.Б. США: уроки кризиса / В.Б. Супян // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №8. – С. 3–18.

547. Супян, В.Б. Экономика США: тенденции и вызовы текущего десятилетия / В.Б. Супян // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №6. – С. 3–18.

548. Супян, В.Б. Экономические отношения России и США: торговля и инвестиции в начале XXI века / В.Б. Супян // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №1. – С. 3–25.

549. Тарелин, А.А. Вопросы внешней политики в президентской кампании-2008 / А.А. Тарелин // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. – №10. – С. 69–76.

550. Тимофеев, О.А. США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / О.А. Тимофеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 16–27.

551. Тимофеев, О.А. Тема отношений США с КНР в президентской кампании 2012 года / О.А. Тимофеев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №2. – С. 47–56.

552. Тимофеев, О.А. Эволюция американо-китайского диалога в начале XXI в. / О.А. Тимофеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №3. – С. 33–41.

553. Тихоокеанская политика США при новой администрации // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №7. – С. 3–10.

554. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Под ред. В.Л. Ларина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 386 с.

555. Толкачёв, С.А., Тепляков, А.Ю. Региональная промышленная политика и решоринг в США / С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №10. – С. 56–72.

556. Толорая, Г.Д. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из тупика / Г.Д. Толорая // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №5. – С. 3–19.

557. Травкина, Н.М. «Конец» президентства Б. Обамы (по итогам промежуточных выборов в Конгресс) / Н.М. Травкина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №1. – С. 65–77.

558. Травкина, Н.М. 2010: США перед выбором / Н.М. Травкина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №9. – С. 19–40.

559. Травкина, Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков? / Н.М. Травкина // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. – №9. – С. 3–36.

560. Травкина, Н.М. Итоги промежуточных выборов 2010 г. и политические перспективы Б. Обамы / Н.М. Травкина // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №3. – С. 3–21.

561. Травкина, Н.М. Ключевые фигуры экономической команды Б. Обамы / Н.М. Травкина // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 6. – С. 37–54.

562. Травкина, Н.М. США: меняющийся алгоритм развития / Н.М. Травкина. – М.: Весь Мир, 2018. – 264 с.

563. Травкина, Н.М. США: партии, бюджет, политика / Н.М. Травкина. – М.: Наука, 2008. – 275 с.

564. Травкина, Н.М., Маргелова, С.А. Демократы и республиканцы перед выборами в США / Н.М. Травкина, С.А. Маргелова // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №7. – С. 53–71.

565. Трифонов, В.И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство / В.И. Трифонов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVII: Ежегодное издание / Под ред. Е.И. Сафроновой. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 352 с. С. 29–44

566. Трифонов, В.И. Тайваньский вопрос на современном этапе / В.И. Трифанов // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 28–36.

567. Труш, С. М. Администрация Обамы и Китай: мотивации и события / С.М. Труш // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №8. – С. 45–60.

568. Труш, С.М. Выборные циклы в США и КНР: следствия для двусторонних отношений / С.М. Труш// США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №3. – С. 21–36.

569. Труш, С.М. Динамика отношений КНР – США: мотивации России / С.М. Труш // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №4. – С. 19–42.

570. Труш, С.М. Отношения КНР – США: диалог новых администраций / С.М. Труш // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №5. – С. 23–36.

571. Файзулаев, Д.А. Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства? / Д.А. Файзулаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С. 29–41.

572. Федоровский, А.В. Возможности и проблемы регионального сотрудничества в Восточной Азии / А.В. Федоровский // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №1. – С. 82–91.

573. Федоровский, А.В. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов / А.В. Федоровский // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 40–50.

574. Фененко, А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор / А.В. Фененко. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 573 с.

575. Феномен Трампа / Под ред. А.В. Кузнецова. – М.:ИНИОН РАН, 2020. 642 с.

576. Филитов, А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 / А.М. Филитов. – М.: Наука, 2009. – 333 с.

577. Фридберг, А. Несговорчивый Пекин: Альтернативная китайская политика США / А. Фридберг // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10. – №5. – С. 148–159.

578. Фу Ин, У Шицунь. Обстановка в Южно-Китайском море и спор вокруг архипелага Наньша: историческая ретроспектива и актуальные соображения / И. Фу, Ш. У // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 36–54.

579. Челлани, Б. Тень Китая над Азией и политика США /Б. Челлани // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8. – №6. – С. 161–178.

580. Чжао Синь. Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития / С. Чжао // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 41–55.

581. Шавкунов, В.М. Вялотекущая рецессия в США: новые явления и закономерности / В.М. Шавкунов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №1. – С. 39–51.

582. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с.

583. Шариков, П.А. Китайские киберугрозы безопасности США / П.А. Шариков // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 21–37.

584. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / П. Швейцер. – Минск: Авест, 1995. – 464 с.

585. Шенин, С.Ю. Долгий путь в Пентагон: взгляды и интересы Чака Хейгла / С.Ю. Шенин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №9. – С. 95–106.

586. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции / Под ред. В.Б. Супяна. – М.: Весь Мир, 2018. – 424 с.

587. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 496 с.

588. Яров, С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов / С.В. Яров. – СПб.: Европейский дом, 2006. – 569 с.

Исследования на английском языке

589. Altman, R.C., Haas, R.N. American Profligacy and American Power. The Consequences of Fiscal Irresponsibility / R.C. Altman, R.N. Haas // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 6. – P. 25–34.

590. Atanassova-Cornelis, E. Chinese Nation Building and Foreign Policy: Japan and the US as the Significant “Others” in National Identity Construction / E. Atanassova-Cornelis // East Asia. – 2012. – Vol. 29. – №1. – P. 95–108.

591. Au Kung Wing. The East China Sea Issue: Japan – China Talks for Oil and Gas / Kung Wing Au // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – № 3. – P. 223–241.

592. Babones, S. The Middling Kingdom. The Hype and the Reality of China's Rise / S. Babones // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 90. – №5. – P. 79–88.

593. Bader, A.D., McCourt, D.M. Rethinking International Theory, History and the Event with Hannah Arendt / A.D. Bader, D.M. McCourt // Journal of International Political Theory. – 2010. – Vol. 6. – №2. – P. 117–141.

594. Barai, M.K., Kar, R.N., Bhasin, N. Understanding the Indo-Japan Relations in the Asia-Pacific century /M.K. Barai, Kar R.N., N. Bhasin // Global Business Review. – 2015. – Vol. 16. – №. 6. – P. 1061–1081.

595. Berton P. Culture – Communication – Negotiation: Japan, China and the Soviet Union / Russia / P. Berton // International Comparative Studies of Negotiation Behavior. International Symposium. August 28–30, 1996. Kyoto, Japam / Ed. by H. Kimura. – Kyoto: International Research Centre for Japanese Studies, 1998. – 256 p. P. 175–210.

596. Borah, R. The Strategic Relations Between India? The United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three is not a Crowd / R. Borah. – Singapore: World Scientific, 2022. – 175 p.

597. Brooks, S.G., Wohlforth, W.C. Reshaping the World Order. How Washington Should Reform International Institutes / S.G. Brooks, W.C. Wohlforth // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – №2. – P. 49–63.

598. Brown, J.D. Japan's security cooperation with Russia: neutralizing the threat of a China-Russia / J.D. Brown// International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 861–882.

599. Cai, Penghong. The Indo-Pacific: Its Geopolitical Implications for China / P. Cai // Global Review. – 2013. – №4. – P. 71–81.

600. Campbell, D.E., Putnam, R.D. God and Cesar in America. Why Mixing Religion and Politics Is Bad for Both / D.E. Campbell, R.D. Putnam // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 34–43.

601. Chiang Min-Hua. The Potential of China – Japan – South Korea Free Trade Agreement / M.-H. Chiang // East Asia. – 2013. – Vol. 30. – №3. – P. 199–216.

602. Choi, Young Mi. Constituency, Ideology and Economic Interests in U.S. Congressional Voting: The Case of the U.S. – Korea Free Trade Agreement / Young Mi Choi // Political Research Quarterly. – 2015. – Vol. 68. – №2. – P. 266–279.

603. Chollet, D. The Long Game. How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World / D. Chollet. – New York: Public Affairs, 2016. – 262 p.

604. Choudhury, S.R. India–Japan Relations: Economic Cooperation Enabling Strategic Partnership / S.R. Choudhury // International Studies. – 2018. – Vol. 54. – №. 1–4. – P. 106–126.

605. Christensen, T. J. The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power / T.J. Christensen. – New York – London: W.W. Norton & Company, 2015. – 371 p.

606. Clarke, A.J. Party Sub-Brands and American Party Factions / A/J/ Clarke // American Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 64. – № 3. – P. 452–470.

607. Cui, Tiankai On the Asia-Pacific and Sound for the China–US Interaction in the Region / T. Cui // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 16–24.

608. Daimon-Sato, T. Sino-Japan Aid War and India's Role: Possibilities for 'Win–Win–Win' / T. Daimon-Sato // China Report. – 2021. – Vol. 57. – №. 3. – P. 289–308.

609. Das, K. Ch. International Connectivity Initiatives by China and India for the developing Countries / K. Ch. Das // South Asian Survey. – 2018. – Vol. 24. – № 2 – P. 101–116.

610. Dueck, C. The Obama Doctrine. American Grand Strategy Today / Dueck C. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 323 p.

611. Dumbrell, J. American Power: Crisis or Renewal / J. Dumbrell // Politics. – 2010. – Vol. 30. – № S1. – P. 15–23.

612. Economy, E.C. The Game Changer. Coping With China's Foreign Policy Revolution / E.C. Economy // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. N 6. P. 142–152.

613. Elman, C., Elman, M.F. The Role of History in International Relations / C. Elman, M.F. Elman // Millennium. Journal of International Studies. – 2008. – Vol. 37. – № 2. – P. 357–364.

614. Espinoza, M. Donald Trump's impact on the Republican Party / M. Espinoza // Policy Studies. 2021. – Vol. 42. – №. 5–6. – P. 563–579.

615. Franz, M.M., Ridout, T.N. Political Advertising and Persuasion in the 2004 and 2008 Presidential Elections / M.M. Franz, T.N. Ridout // American Politics Research. – 2010. –Vol. 38. – № 2. – P. 303–329.

616. From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Asia-Pacific Security and Cooperation / Ed by R. Azizian, A. Lukin. – Vladivostok – Honolulu: Far Eastern Federal University Press – Asia-Pacific Center for Security Studies, 2012. – 248 p.

617. Fu, Mengzi. Tackling Challenges in the Global Economy and Building a New World Order – China Influence and U.S. Factors / M. Fu // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 1–9.

618. Gaddis, J.L. Toward the Post-Cold War World / J.L. Gaddis // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 2. P. 102–122.

619. Gao, Zugui. Transforming Sino–U.S. Strategic Relations / Z. Gao // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №3. – P. 31–40.

620. Gezmis, H. From Neoliberalism to Neo-developmentalism? The Political Economy of Post-crisis Argentina (2002–2015) / H. Gezmis // New Political Economy. – 2018. – Vol. 23. – №3. – P. 66–87.

621. Globalization and the ‘New’ Semi-Peripheries / Ed. by O. Worth, Ph. Moore. – Houndmills – New York: Palgrave Macmillan, 2009. 271 p.

622. Graham, M. Presidedents’ Secrets: The Use and Abuse of Hidden Power / M. Graham. – New Haven – London, 2017. – 258 p.

623. Gries, P.H., Zhang, Qingmin, Crowson M.H., Cai Huajian. Patriotism, Nationalism and China’s US Policy: Structures and Consequences of Chinese National Identity / P.H. Gries. Q. Zhang // The China Quarterly. – 2011.– №1. – P. 1–17.

624. Gr∅nning, B. Operational and industrial military integration: extending the frontiers of the Japan – US alliance / B. Gr∅nning // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 755–772.

625. Gui, Yongtao. The Future of Korean Peninsula and Major Power Relations in Northeast Asia / Yo. Gui // East Asian Review. – 2011. – Vol. – 14. – P. 21–38.

626. Halperin, M., Clapp, P. Bureaucratic Politics of Foreign Policy / M. Halperin, P. Clapp, A. Kanter. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2006. – 400 p.

627. Hameiri, Sh., Jayasuriya, K. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region / Sh. Hameiri, K. Jayasuriya // Political Studies. – 2011. – Vol. 59. – № 11. – P. 20–37.

628. Harris, P. The Imminent US Strategic Adjustment to China / P. Harris // The Chinese Journal of International Politics. – 2015. – Vol. 8.– P. 219–250.

629. Hobson J.M., Lawson G. What is history in International Relations // Millennium. Journal of International Studies / J.M. Hobson, G. Lawson. – 2008. – Vol. 37. – № 2. – P. 415–435.

630. Holyoke, T.T. Interest Groups and Lobbying. Pursuing Political Interests in America / T.T. Holyoke. – Boulder: Westview Press, 2014 – 334p.;

631. Horwitz, R.B. Trump and the “deep state” / R.B. Horwitz // Policy Studies. – 2021. – Vol. 42. – №. 5–6. – P. 473–490.

632. Indyk, M.S., Liberthal, K.G., O’Hanlon, M.E. Scoring Obama’s Foreign Policy. A Progressive Pragmatist Tries to Bend History M.S. Indyk, K.G. Liberthall, M.E. O’Hanlon // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 3. – P. 29–43.

633. Itoh, S. China’s Surging Energy Demand: Trigger for Conflict or Cooperation with Japan? / S. Itoh // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №1. – P. 79–98.

634. Jackson, M.C. Critical Systems Thinking and the Management of Complexity / M.C. Jackson. – Hoboken – Chichester: John Wiley and Sons Inc., 2019. – 696 p.

635. Jiang, Shixue. A Tale of Two Major Powers: Chinese Perception of the United States / Sh. Jiang // Global Review. – 2013. – №4. – P. 39–54.

636. Kaplan, R.D. Center Stage for the Twenty-first Century. Power Plays in the Indian Ocean / R.D. Kaplan // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – № 2. – P. 16–36;

637. Kaplan, R.D. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea / R.D. Kaplan // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 3. – P. 22–41.

638. Kissinger, H.A. The Future of U.S. – Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity / H.A. Kissinger // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – №2.– P. 44–55.

639. Komori, Ya. Regional Governance in East Asia and the Asia-Pacific / Ya. Komori // East Asia. 2009. – Vol. 26. – № 4. – P. 321–341.

640. Lee J. America Rising. Indispensible Again in Asia / J. Lee // World Affairs. – 2016. – Vol. 179 – № 1. – P. 22–29.

641. Liao, J. X. Sino-Japanese Energy Security and Regional Stability: The Case of East Chian Sea Gas Exploration / J.X Liao // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №1. – P. 57–78.

642. Lin, Hongyu. Google and Sino-U.S. Relations / H. Lin // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1. – P. 44–49.

643. Lindsay, J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy / J.M Lindsay. – Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 1994. – 228 p.

644. Liu, Fu-Kuo. The Structural Change in the United States – China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region / F.K. Liu // East Asian Review. – 2011. – Vol. 14. – P. 39–56.

645. Liu, Liping. On the Basis of Sino – U.S. Cooperation / L. Liu // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1.– P. 1–16.

646. Liu, Liping. US Misperceptions and China's Chances / L. Liu // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №4. – P. 1–14.

647. Lobell, S.E., Ernstsen, J. The liberal international trading order (LITO) in an era of shifting capabilities / S.E. Lobel, J. Ernstsen // International Affairs. – 2018. – Vol. 97. – №5. – P. 1489–1504.

648. Ma, Zhengang. Sino – US Relations: Present and Future / Zh. Ma // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 25–40.

649. Magcamit, M.I., Tan, A.C. East and South China Seas Maritime Dispute Resolution and Escalation: Two Sides of the Same Coin? / M.I. Magcamit, A.C. Tan // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – №2. – P.113–134.

650. Malik, M. Balancing Act. The China – India – U.S. Triangle / M. Malik // World Affairs. – 2016. – Vol. 179. – №1. – P. 46–57.

651. Mann, J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power / J. Mann. – New York: Penguin Books, 2012. – 392 p.

652. Maske, T., Shokhey, A.E. Revisiting the Divisive Primary Hypothesis: 2008 and the Clinton–Obama Nomination Battle / T. Maske, A.E. Shokey // American Politics Research. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 233–265.

653. Mearsheimer, J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia / J.J. Maersheimer // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. – P. 381–396.

654. Mukherjee, R. Japan's strategic outreach to India and the prospects of Japan – India Alliance / R. Mukherjee // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №. 4. – P. 835–859.

655. Nagy, S.R. Nationalism, Domestic Politics, and the Japan Economic Rejuvenation / S.R. Nagy // East Asia. – 2014. – Vol. 31. – №1. – P. 5–21.

656. Nguyen, Thi Thui Hang. The US Rebalance towards the Asia-Pacific: Really Realist? / T.T.H. Nguyen // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – №.3 – P. 291–306.

657. Niu, Xinchun. Sino – US Relations: Dependence and Fragility / X. Niu // Contemporary International Relations. 2010. Vol. 20. N1. P. 74–95.

658. Norton, A. Politics Against History: Temporal Distortions in the Study of Politics / A. Norton // Political Studies. – 2010. – Vol. 58. – №2. – P. 340–357.

659. Nownes, A.J. Interest Groups in American Politics: Pressure and Power / A.J. Nownes. – New York – London: Routledge, 2013. – 316 p.

660. Nye, J.S., Jr. The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective / J.S. Nye, Jr. // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 6. – P. 2–12.

661. O'Hanlon, M.E., Steinberg, J. A Glass Half Full? Rebalance, Reassurance, and Resolve in the U.S. – China Strategic Relationship / M.E. O'Hanlon, J. Steinberg. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2017. – 104p.

662. Orlova, E.A. Interaction Paradigms of Decision-Making / E.A. Orlova // International Political Science Review. – 1982. – Vol. 3. – №2. – P. 212–217.

663. Osborn, T., McClurg, S.D., Knoll, B. Voter Mobilization and the Obama Victory / T. Osborn, S.D. McClurg, B. Knoll // American Politics Research. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 211–232;

664. Osborne, P. The Politics of Time. Modernity and Avant-Garde / P. Osborne. – New York – London, 1995. – 272 p.

665. Owen, J.M. Two emerging international orders? China and the United States / J.M. Owen // International Affairs. – 2021. – Vol. 97. – №5. – P. 1415–1431.

666. Pan, Rui. Sino – U.S. Relations: Forty Years After the Issuance of the "Shanghai Communique" / R. Pan // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 41–53.

667. Pardo, R.P. Chian and Northeast Assia Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? / R.P. Pardo // East Asia. – 2012. – Vol. – 29. №4. – P. 337–354.

668. Phillipart, A. Transfers Decision-Making Complexity and Influence on Decision-Making Powers / A. Phillipart // International Political Science Review. – 1982. Vol. 3. – №3. – P. 269–276.

669. Pierce, A.R. A Perilous Path. The Misguided Foreign Policy of Barack Obama, Hillary Clinton and John Kerry / A.R. Pierce. – Ney York: Post Hill Press, 2016. – 342 p.

670. Riley, R.L. The White House as a Black Box: Oral History and the Problem of Evidence in Presidential Studies / R.L. Riley // Political Studies. – 2009. – Vol. 57. – №1. – P. 187–206.

671. Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1. / Ed. by M. Beeson. – Singapore: World Scientific, 2019. 480 p.

672. Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 2. Geoeconomics and Development / Ed. by M. Beeson. – Singapore: World Scientific, 2019. 528 p

673. Rozman, G. Northeast Asia Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization / G. Rozman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.

674. Sakaki, A., Nishino, Ju. Japan's South Korea predicament / A. Sakaki, Ju. Nishino // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 735–754.

675. Satake, T., Hemmings, J. Japan – Australia security Cooperation in the bilateral and multilateral contexts / T. Satake, J. Hemmings // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 815–834.

676. Schlesinger, A.M.-Jr. The Cycles of American History / A.M. Schlesinger, Jr. – Boston – New York: A Mariner Book Houghton Mifflin Company, 1999. – 498 p.

677. Segal, A. Chinese Computer Games. Keeping Safe in Cyberspace / A. Segal // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 14–20.

678. Smith, M. Why is the West so rotten at strategy? / M. Smith // International Affairs. – 2024. – Vol. 100. – №4. – P. 1591–1614.

679. Song, Guoyou. Competition for Rules: China, the United States and East Asian FTA Negotiations / G. Song // East Asian Review. – Vol. 16. – 2015. – P. 41–52.

680. Sun, Ru. The Prospects of the United States' Asia-Pacific Alliance System /R. Sun // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 54–75.

681. Suzuki, M. Introduction: The rise of formal institutions in the Asia-Pacific region through regime complexity / M. Suzuki // International Relations of the Asia-Pacific. – 2024. – Vol. 24. – №3. – P. 367–397.

682. Tan, A.C. Tipping the Scale: PRC's Military Modernization and Cross-Taiwan Straits Relations / A.C. Tan // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2015. – Vol. 1. – №2. – P. 127–144.

683. Tayloe, Sh. C. Crossover Point: How China's Naval Modernization Could Reverse the United States' Strategic Advantage / Sh.C. Tayloe // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2017 – Vol. 4. – №1. – P. 1–25.

684. Thomaz, L.F., Oliveira, M.F. de. International Agricultural Trade Policy: Interests, Institutions and Information in the Corn Supply / L.F Thomaz, M.F. de Oliveira // Brazilian Political Science Review. – 2016. – Vol. 10. – № 1. // Site of journal "Brazilian Political Science Review" URL: https://brazilianpoliticalsciencereview.org/wp-content/uploads/articles_xml/1981-3821-bpsr-10-1-1981-38212016-000100005/1981-3821-bpsr-10-1-1981-38212016000100005.x70117.pdf (дата обращения: 24.03.2022).

685. Turchin, P. End Times. Elites, counter-elites, and the path of political disintegration / P. Turchin. – New York: Penguin Press, 2023. – 362 p.

686. Wallace, C. Leaving (north-east) Asia? Japan's southern strategy / C. Wallace // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 883–904.

687. Wei, Zonglei, Fu, Yu. China's Foreign Strategy: Constantly Deepening and Broadening / Z. Wei, Yu Fu // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 79–95.

688. White, S.K. Pluralism, Platitudes, and Paradoxes. Fifty Years of Western Political Thought / S.K. White // Political Theory. – 2002. – Vol. 30. – №4. – P. 472–481.

689. Womak, B. Northeast Asia in a Multinodal World / B. Womak // East Asia. – 2014. – Vol. 31. – № 3. – P. 171–182.

690. Wu, Chunsi. Strategic Transition and Security Cooperation in the Asia-Pacific Region / Ch. Wu // Global Review. – 2013. – №4. – P. 82–88.

691. Yan Xuetong, Qi Haixia. Football Game Rather Than Boxing Match: China – US Intesifying Rivalry Does not Amount to Cold War / X. Yan, H. Qi // The Chinese Journal of International Politics. – 2012. – Vol. 5. – P. 105–127.

692. Yang Fang, Li Mingjiang. Comparing China's Claims and Policies in the East and South China Seas: Implications for Regional Security / F. Yang, M. Li // Journal of Asian Security and International Affairs. 2016. Vol. 3. №2. P. 135–156.

693. Yang Qiaoyan, Guo Qi. Changes in the U.S. 2010 National Security Strategy. Based on Frequency of Word Usage / Q. Yang, Q. Guo // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – N№5. – P. 119–131.

694. Yoo, Chan Yul. North Korea's Resurgence and China's Rise: Implications for the Future of Northeast Asian Security / Ch. Yoo // East Asia. – 2008. – Vol. 25. – №3. – 293–316.

695. Yu, Hongyuan. The New Development of US Climate Policy and the Implications for China–US Cooperation / H. Yu // Global Review. – 2013. – №4. – P. 55 – 70.

696. Yuan, Peng. China – U.S. Handshake in Northeast Asia / P. Yuan // Contemporary International Relations. – 2011. – Vol. 21. – №1. – P. 11–24.

697. Yuan, Peng. Strategic Reassurance and the Future of China – U.S. Relations / P. Yuan // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 17–29.

698. Yuan, Peng. The Financial Crisis and US Economic Hegemony / P. Yuan // Contemporary International Relations. – 2009. – Vol. 19.– №N5. – P. 24–39.

699. Yuan, Peng. Where are Sino–U.S. Relations Headed? / P. Yuan // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – Special Issue, September 2010. – 2010. – P. 53–62.

700. Zhao Susheng, Qi Xiong. Building a New Model of US – China Relationship in East Asia / S. Zhao, X. Qi // East Asian Review. – Vol. 16. – 2015. – P. 123–158.

701. Zhu, Feng. China Studies on U.S. Strategy and Sino–U.S. Relations / F. Zhu // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 68–72.

Исследования на польском языке

702. Nie tylko represje i opór: z professorem Dariuszem Jaroszem roozmamają Andrzej Skalomowski i Michał Przeperski / A. Skalomowski, M. Przeperski // Nowe książki: przegląd nowości wydawniczych. – 2018. – №. 6. – S. 4–8.

703. Rodkiewicz, W. Zwrot na wshód. Ułomna dywersyfikacja rosyjskiej polityki zagranicznej / W. Rodkiewicz. – Warszawa: Ośrodek studiów wshodnich im. Marka Karpia, 2014. – 36 s.

704. Topolski, J. Metodologia historii / J. Topolski. – Warszawa, 1973. – 612 s.

705. Topolski, J. Nowe idee współczesnej historiografii / J. Topolski. – Poznań: Wydawnictwo Poznańske, 1980. – 308 s.

IV. Учебная литература

706. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 448 с.

707. Толстокулаков, И.А. История общественно-политической мыли Кореи / И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 368 с.

V. Справочная литература

708. Дипломатический словарь. Т. 1. / Под ред. А.А. Громыко. М.: Наука, 1985. – 424 с.

709. Словарь международного права / Под ред. С.А. Егорова. – М.: Статут, 2014. 495 с.

710. Davidson, R.H., Oleszek, W.J., Lee, F.E., Schickler, E., Curry, J.M. Congress and Its Members / R.H. Davidson, Oleszek W.J., F.E. Lee, E. Schickler, J.M. Curry. – Thousand Oaks – London: CQ Press – Sage Publications, 2022. – 626 p.

711. MIT Atlas of Economic Complexity. US Subnational Profiles // OEC World Atlas site. URL: https://oec.world/en/profiles/subnational_usa/ (дата обращения: 24.04.2021).

Приложения

Приложение 1.

Штатные программы по поддержке реиндустриализации

Штат	Поддерживаемые отрасли	Ведущие статьи экспорта (2017 г.)
Вашингтон	полупроводниковая (+), аэрокосмическая (+)	1. Самолёты. 2. Продовольствие. 3. Машины и оборудование. 4. Прокат. 5. Инструменты.
Виргиния	полупроводниковая (+)	1. Машины и оборудование. 2. Химическая продукция. 3. Транспорт. 4. Продукция бумажной отрасли. 5. Продукция лёгкой промышленности
Висконсин	Нет	1. Машины и оборудование. 2. Транспорт. 3. Инструменты. 4. Химическая продукция. 5. Продовольствие.
Джорджия	Нет	1. Транспорт. 2. Машины и оборудование. 3. Изделия бумажной промышленности. 4. Химическая продукция. 5. Инструменты.
Иллинойс	Нет	1. Машины и оборудование. 2. Химическая продукция. 3. Транспорт. 4. Инструменты. 5. Прокат.
Калифорния	Нет	1. Машины и оборудование. 2. Транспорт. 3. Инструменты. 4. Химическая продукция. 5. Прокат.
Массачусетс	биотехнологическая (!)	1. Машины и оборудование. 2. Приборы и инструменты. 3. Прокат и драгметаллы. 4. Химическая продукция. 5. Транспорт.
Мичиган	автомобильная (+)	1. Автомобили. 2. Машины и оборудование. 3. Химическая продукция. 4. Прокат. 5. Измерительные приборы.
Мэриланд	Нет	1. Машины и оборудование. 2. Транспорт. 3. Химическая продукция. 4. Прокат. 5. Инструменты.

продолжение приложения 1

Штат	Поддерживаемые отрасли	Ведущие статьи экспорта (2017 г.)
Нью-Джерси	биотехнологическая (!)	1. Химическая продукция. 2. Машины и оборудование. 3. Драгметаллы. 4. Транспорт. 5. Инструменты.
Нью-Йорк	Нет	1. Драгоценности и ювелирные изделия. 2. Машины и оборудование. 3. Предметы искусства. 4. Химическая продукция. 5. Транспорт.
Огайо	Нет	1. Транспорт. 2. Машины и оборудование. 3. Химическая продукция. 4. Прокат. 5. Табачные изделия.
Пенсильвания	Нет	1. Химическая продукция. 2. Машины и оборудование. 3. Прокат. 4. Транспорт. 5. Продовольствие.
Северная Каролина	табачная (Х)	1. Химическая и биохимическая продукция 2. Машины и оборудование. 3. Транспорт. 4. Продукция лёгкой промышленности. 5. Табачные изделия.
Техас	Нет	1. Машины и оборудование. 2.Нефть и иные виды сырья. 3. Химическая продукция. 4. Транспорт. 5. Прокат.
Теннеси	Нет	1. Машины и оборудование. 2. Транспорт. 3. Химическая продукция. 4. Инструменты. 5. Продукция лёгкой промышленности.
Флорида	аэрокосмическая (+)	1. Машины и оборудование. 2. Транспорт. 3. Химическая продукция. 4. Приборы. 5. Прокат.

Примечание: (+) отрасль специализации, (Х) традиционная отрасль, (!) новейшая отрасль, возникшая в последнее время.

Составлено по: Толкачёв С.А, Тепляков А.Ю. Ук. соч.; MIT Atlas of Economic Complexity. US Subnational Profiles. URL: https://oec.world/en/profiles/subnational_usa/ (дата обращения: 24.04.2021).

Приложение 2.

Ведущие штаты-экспортёры в АТР

Штат	Доля стран АТР в экспорте штата	Основные статьи
Вермонт	88%	1. Электроника; 2. Нерудные полуфабрикаты
Мичиган	78%	1. Транспорт; 2. Машины и оборудование
Вашингтон	64%	1. Транспорт; 2. Электроника; 3. Топливо и нефтепродукты
Массачусетс	44%	1. Электроника; 2. Машины и оборудование.
Южная Каролина	41%	1. Транспорт; 2. Химическая продукция

Составлено по: Trans-Pacific Partnership. Round 2. San-Francisco…

Приложение 3.

Торговля США со странами ТТП (млрд. долларов США за 2014 г.)

Страна	Экспорт из США			Импорт в США			Оборот		
	Объём	Доля (%)	Место	Объём	Доля (%)	Место	Объём	Доля (%)	Место
Австралия	26,6	3,6	5	10,7	1,2	7	37,3	2,3	6
Бруней	0,5	(-)	11	0,03	(-)	11	0,6	(-)	11
Вьетнам	5,7	(-)	9	30,6	3,4	4	36,3	2,2	7
Канада	312,4	43	1	347,8	39,4	1	660,3	41	1
Малайзия	13,1	1,8	7	30,4	3,4	5	43,5	2,7	5
Мексика	240,2	33	2	294,1	33,2	2	534,3	33,2	2
Новая Зеландия	4,3	(-)	10	4,0	(-)	10	8,2	(-)	10
Перу	10,1	1,4	8	6,1	(-)	9	16,1	1	9
Сингапур	30,2	4,1	4	16,4	1,8	6	46,7	2,9	4
Чили	16,5	2,2	6	9,5	1	8	16,0	1,6	8
Япония	66,7	9,1	3	134,0	15,2	3	200,7	12,5	3
ИТОГО	726,5	100		883,5	100		1 610,0	100	

Примечания. Исходные данные округлены до 0,1 млрд долларов США; 2. В строке «ИТОГО» и столбцах «Доля (%)» расчётные данные приведены в соответствии с первоисточником, где они указаны в тысячах долларов США; 3.В ячейках со знаком (-) доля имеет значение менее 1%.

Составлено по: U.S. Exports to Australia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c6021.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Brunei by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5610.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Canada by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c1220.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Chile by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014.URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c3370.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Malaysia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5570.html (дата обращения:

27.10.2015); U.S. Exports to Mexico by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c2010.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to New Zealand by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c6141.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Peru by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c3330.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Singapore by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5590.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Exports to Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5520.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Australia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c6021.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Brunei by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5610.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Canada by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c1220.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Chile by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c3370.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Japan by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5880.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Malaysia by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5570.html дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Mexico by 5-digit End-Use Code. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c2010.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from New Zealand by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c6141.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Peru by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c3330.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Singapore by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5590.html (дата обращения: 27.10.2015); U.S. Imports from Vietnam by 5-digit End-Use Code. 2005 – 2014. URL: http://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5520.html (дата обращения: 27.10.2015).

Приложение 4.

Ведущие статьи экспорта и импорта США в страны ТТП за 2014 г. (за исключением Канады, Мексики и Японии).

Страна	Экспорт	Импорт
Австралия	1. Транспорт; 2. Электроника; 3 Оборудование.	1. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 2. Металлы и прокат; 3. Оборудование (в т.ч. узлы машин);
Бруней	1. Буровые установки; 2. Химическая продукция; 3. Металлы и прокат.	1. Химическая (в т.ч. нефтехимическая) продукция; 2. Текстиль и продукция лёгкой промышленности; 3. Морепродукты
Вьетнам	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Текстиль, продукция лёгкой промышленности; 2. Электроника; 3. Оборудование (в т.ч. узлы машин).
Малайзия	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Электроника; 2. Оборудование; 3. Пищевая и сельскохозяйственная продукция
Новая Зеландия	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 2. Оборудование; 3. Пиломатериалы и деревоматериалы
Перу	1. Транспорт; 2. Оборудование; 3. Электроника.	1. Топливо и нефтепродукты; 2. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 3. Металлы и прокат.
Сингапур	1. Нефть и топливо; 2. Оборудование; 3. Электроника	1. Оборудование; 2. Электроника; 3. Фармацевтическая продукция.
Чили	1. Нефть и нефтепродукты; 2. Оборудование; 3. Транспорт.	1. Металлы и прокат; 2. Пищевая и сельскохозяйственная продукция; 3. Морепродукты.

Составлено по: U.S. Exports to Australia…; U.S. Exports to Brunei…; U.S. Exports to Chile…; U.S. Exports to Malaysia…; U.S. Exports to New Zealand…; U.S. Exports to Peru…; U.S. Exports to Singapore…; U.S. Exports to Vietnam…; U.S. Imports from Australia…; U.S. Imports from Brunei…; U.S. Imports from Chile…; U.S. Imports from Malaysia…; U.S. Imports from New Zealand…; U.S. Imports from Peru…; U.S. Imports from Singapore…; U.S. Imports from Vietnam…

Приложение 5.

Торговля США со странами СВА (в тыс. долл. США)

	год	КНР	РК	Япония
ЭКСПОРТ	2008	37 732 838	34 668 671	65 141 753
	2009	69 496 679	28 611 928	51 134 184
	2010	91 911 081	38 820 637	60 471 852
	2011	104 121 524	43 431 633	65 799 737
	2012	110 516 616	42 282 565	69 975 787
	2013	121 746 189	41 468 728	65 237 414
	2014	123 657 203	44 649 563	66 891 843
	2015	115 931 978	43 484 321	62 393 093
	2016	115 602 074	42 309 379	63 232 274
ИМПОРТ	2008	337 772 628	48 069 079	139 262 197
	2009	296 373 883	39 215 589	95 803 683
	2010	364 952 634	48 875 171	120 552 145
	2011	399 371 233	55 661 359	128 927 889
	2012	425 619 083	58 898 926	146 431 693
	2013	440 430 020	62 370 452	138 575 342
	2014	468 474 895	69 676 891	134 504 543
	2015	483 188 696	71 757 537	131 382 960
	2016	462 618 107	69 881 216	132 046 258
ОБОРОТ	2008	405 505 466	82 737 750	204 403 950
	2009	365 870 562	67 827 517	146 937 867
	2010	456 863 718	87 695 808	181 023 997
	2011	503 492 757	99 122 992	197 727 626
	2012	536 135 699	101 181 491	216 407 480
	2013	562 176 209	103 839 180	203 812 756
	2014	592 132 068	114 326 454	201 396 386
	2015	599 120 674	115 241 585	193 776 053
	2016	578 220 181	112 190 595	195 278 532

Составлено по: U.S. Exports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5700.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Exports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Exports to Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/exports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Imports to China by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5700.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Imports to Japan by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/imports/c5880.html (дата обращения: 26.04.2021); U.S. Imports to Korea, South by 5-digit End-Use Code. 2007 – 2016. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/product/enduse/eimports/c5800.html (дата обращения: 26.04.2021).

Приложение 6.

Образец записи языка непрямого кодирования

Национальная стратегия 2010г.	Развитие международной экономической кооперации	0001?20102015?101.02?201:1:310 0001?20102015?107.02?201:1:310 0001?20102015?107.03?201:1:310 0001?20102015?107.05?201:1:310 0001?20102015?107.06?201:1:310

0001 – код государства (США)

20102015 – код времени (периода действия стратегии, 2010–2015 гг.)

101 – код подсистемы (экономическая подсистема)

02 – код компонента (изменение экономического потенциала

201 – код стратегии (Национальная стратегия 2010 г.)

1 – код ведомства (президентская администрация)

310 – порядковый код приоритета стратегии

? – знак, делящий коды разных классов

. – знак, отделяющий код подсистемы от кода компонента

: – знак, указывающий на связь между стратегией, ведомством и приоритетом.

Составлено автором.

Приложение 7

Таблица кодирования

101 Экономическая подсистема	
101.01	Темпы роста
101.02	Изменение экономического потенциала
101.03	Подушевые экономические показатели
101.04	Уровень жизни
101.05	Обеспеченность трудовыми ресурсами
101.06	Производительность труда
101.07	Материалоёмкость
101.08	Энергоёмкость
101.09	Соотношение экспорта и импорта
101.10	Внедряемые технологии
101.11	Характер конкуренции
101.12	Структура корпораций и предприятий по собственнику и форме организации
101.13	Устаревание, несовместимость, деффектность оборудования
101.14	Отраслевая структура хозяйства
101.15	Территориальная структура хозяйства
102 Демографическая подсистема	
102.01	Темпы роста населения
102.02	Средняя продолжительность жизни
102.03	Смертность
102.04	Половозрастная структура населения
102.05	Нетто-воспроизводство населения
102.06	Миграционный прирост и его структура
102.07	Рождаемость
102.08	Демографические кризисы
103 Продовольственная подсистема	
103.01	Продуктивность сельского хозяйства
103.02	Продуктивность рыбной отрасли
103.03	Обеспеченность продовольствием
103.04	Внедрение новых сортов и видов
103.05	Угроза сорняков
103.06	Угроза грибов и болезней
103.07	Угроза вредителей
103.08	Водообеспеченность
103.09	Характер почв
103.10	Влияние климата
103.11	Структура сельскохозяйственного производства
103.12	Стоимость продукции сельского хозяйства
103.13	Структура потребления продовольствия

продолжение приложения 7

104 Энергетическая подсистема	
104.01	Структура потребляемого топлива и источников энергии
104.02	Стоимость добычи
104.03	Доступность топлива и источников энергии
104.04	Энергоёмкость производства и быта
104.05	Истощённость ресурсов
104.06	Стоимость энергии
104.07	Внедрение энергосберегающих технологий
105 Ресурсно-сырьевая подсистема	
105.01	Наличие легко извлекаемых ресурсов
105.02	Структура видов сырья
105.03	Логистические возможности импорта (экспорта) сырья
105.04	Структура потребляемого сырья
105.05	Структура мирового рынка сырья с точки зрения покупателя (продавца)
105.06	Технологическое развитие добывающего сектора
105.07	Структура национальных отраслевых рынков сырья
105.08	Рециклинг
105.09	Химические состав сырья
105.10	Потребности экономики в сырье
105.11	Сбережение сырья
105.12	Географическая структура предприятий по переработке сырья
105.13	Дилемма экстенсивного и интенсивного освоения ресурсов
105.14	Способность комплексного освоения сырья
106 Природно-климато-экологическая подсистема	
106.01	Структура загрязнения атмосферы
106.02	Деградация земли и почв
106.03	Загрязнение мирового океана
106.04	Негативное антропогенное воздействие на леса
106.05	Рост объёмов потребления пресной воды
106.06	Загрязнение пресных вод
106.07	Смещение изотерм
106.08	Концентрация промышленности и транспорта
106.09	Трансформация режима осадков
106.10	Трансформация температурного режима
106.11	Заболевания и смертность в контексте трансформации климата, природы и экологии
107 Торговая подсистема	
107.01	Степень открытости национальной экономики, протекционизм и его характер
107.02	Товарная структура экспорта
107.03	Географическая структура экспорта
107.04	Производственные издержки в стоимости продукции
107.05	Товарная структура импорта
107.06	Географическая структура импорта
107.07	Демпинг
107.08	Нетарифные ограничения

продолжение приложения 7

108 Финансово-кредитная подсистема	
108.01	Темпы роста долговых обязательств
108.02	Структура долговых обязательств
108.03	Структура должников
108.04	Относительные объёмы выплат кредиторам
108.05	Инфляция: характер, размер, структура
108.06	Девальвация
108.07	Структура банковских операций и инструментов
108.08	Цены на драгоценные металлы
108.09	Процентные ставки по кредитам, в т.ч. ставка рефинансирования
108.10	Инвестиционный климат, приток / отток капитала
108.11	Угроза банкротства
108.12	Снижение ликвидности
108.13	Структура бюджетных расходов
109 Технологическая подсимстема	
109.01	Степень внедрения гибких производственных систем (ГПС)
109.02	Степень роботизации
109.03	Локализация производства ГПС, роботов, периферических устройств и необходимого программного обеспечения
109.04	Внедрение технологий по обработке информации и данных
109.05	Производство и внедрение энергосберегающего оборудования
109.06	Разработка новых технологий добычи сырья
109.07	Разработка и внедрение композитных материалов
109.08	Разработка и внедрение биотехнологий
109.09	Наличие технологий освоения океана
109.10	Разработка базовых технологий совместно с попутными
109.11	Разработка и внедрение безотходных производств
109.12	Разработка и производство космических аппаратов
109.13	Создание инфраструктуры, связывающей лаборатории и производства в комплекс
110 Социальная подсистема	
110.01	Уровень образования
110.02	Соответствие образования потребностям рынка, безработица
110.03	Доступность здравоохранения
110.04	Социальное неравенство
110.05	Государственная политика в сферах социального и медицинского обеспечения, образования
110.06	Социально-возрастная структура населения
110.07	Распределение доходов и расходов
110.08	Положение страны в международном разделении труда
110.09	Девиантное поведение
110.10	Иждивенческие настроения населения
110.11	Самовоспроизводство низов
110.12	Роль средних слоёв в обществе
110.13	Структура преступной деятельности
110.14	Обеспеченность жильём

продолжение приложения 7

111 Военная подсистема	
111.01	Структура вооружённых сил и принятых вооружений
111.02	Технологичность вооружений
111.03	Риск утечки критических технологий и вооружений, распространение ОМП
111.04	Риск быть жертвой агрессии
111.05	Угрозы международных дестабилизирующих факторов
111.06	Внутренние дестабилизирующие факторы военного и террористического характера
111.07	Обеспечение паритета
111.08	Развитие и внедрение оборонительных вооружений
111.09	Военные союзы и партнёрства
112 Кибернетическая подсистема	
112.01	Структура производства оборудования, зависимость от импорта
112.02	Структура производства программного обеспечения, зависимость от импорта
112.03	Специфика использования отечественного оборудования и программного обеспечения
112.04	Построение сетей управления
112.05	Интегрированные сети сбора, обработки, обмена и хранения информации
112.06	Структура производства защитного программного обеспечения, криптографических ключей и иных защитных кибертехнологий, зависимость от их импорта
112.07	Структура пользователей контента
112.08	Таргетирование кибернетических угроз
112.09	Структура интернета
113 Правовая подсистема	
113.01	Система национального права
113.02	Взаимодействие национального, международного права и национального права других государств
113.03	Особенности законотворческого и нормотворческого процессов
113.04	Особенности применения национального права
113.05	Организация судебной системы
113.06	Специфика конституции
113.07	Соотношения правового обычая, правоприменительной практики и закона
114 Гражданская подсистема	
114.01	Обеспечение равенства граждан в правах
114.02	Особенности поражения в правах отдельных категорий граждан
114.03	Развитие общественных институтов
114.04	Дилемма индивидуальных и коллективных свобод
114.05	Инструменты и механизмы индивидуального и группового волеизъявления
114.06	Уровень свобод в стране
114.07	Специфика контроля за обществом со стороны государства

продолжение приложения 7

115 Гуманитарная безопасность	
115.01	Обеспечение равного доступа к ключевым аспектам социальной политики
115.02	Отсутствие голода, структура потребляемых продуктов питания
115.03	Нормальная эпидемиологическая обстановка
115.04	Степень и характер взаимодействия жителей страны
115.05	Свобода передвижения и контактов
115.06	Обеспеченность граждан чистой водой и свежим воздухом
115.07	Способы межличностных коммуникаций
115.08	Предотвращение насилия
115.09	Уровень бедности
116 Культурная подсистема	
116.01	Доступность культурного досуга
116.02	Доступность информации и явлений, подрывающих культурно-цивилизационные основы общества
116.03	Роль религии
116.04	Культурно-цивилизационные особенности общества
116.05	Распространённые языки и их использование
116.06	Характер культурного выражения
116.07	Политика в области культуры
116.08	Доступ к фундаментальным культурным ценностям
116.09	Негативная пропаганда

Составлено по: Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С. В. Ук. соч., Роговский Е.А. Ук. соч.

Приложение 8.

Структура стратегий обеспечения безопасности, принятых при Б. Обаме (2009–2016 гг.)

Стратегия	Кол-во подсистем	№ подсистемы	Кол-во компонентов	№ компонентов	Кол-во упоминаний	Общее кол-во упоминаний	Ранг подсистемы
Национальная стратегия (2010)	10	101	2	02	1	2	4
				11	1		
		104	1	07	1	1	5
		106	3	00	1	3	3
				09	1		
				10	1		
		107	4	02	1	4	2
				03	1		
				05	1		
				06	1		
		109	1	00	1	1	5
		110	4	01	1	4	2
				02	1		
				03	1		
				13	1		
		111	5	03	1	5	1
				04	1		
				05	1		
				06	1		
				09	1		
		112	1	00	1	1	5
		114	2	01	1	2	4
				06	1		
		115	3	00	1	3	3
				02	1		
				08	1		
Национальная стратегия (2015)	11	101	3	00	1	6	2
				01	2		
				11	3		
		104	1	01	1	1	7
		106	1	00	1	1	7
		107	4	00	2	5	3
				01	1		
				05	1		
				06	1		
		109	1	00	1	1	7
		110	2	02	1	2	6
				13	1		

продолжение приложения 8

Стратегия	Кол-во подсис-тем	№ под-системы	Кол-во компо-нентов	№ ком-понен-тов	Кол-во упоми-наний	Общее кол-во упоми-наний	Ранг подсис-темы
Национальная стратегия (2015)		111	6	02	1	8	1
				03	1		
				04	2		
				05	1		
				06	2		
				09	1		
		112	1	00	1	1	7
		113	2	01	1	3	5
				02	2		
		114	3	01	2	4	4
				02	1		
				03	1		
		115	4	02	1	4	4
				03	1		
				06	1		
				09	1		
Разведывательная стратегия (2009)	4	109	1	00	1	1	4
		111	4	03	1	7	1
				04	2		
				05	2		
				06	2		
		112	2	02	1	2	3
				06	1		
		115	4	03	1	4	2
				04	1		
				08	1		
				09	1		
Разведывательная стратегия (2014)	5	104	1	03	2	2	3
		109	2	00	1	2	3
				04	1		
		111	3	03	1	5	1
				04	2		
				05	2		
		112	1	05	1	1	4
		115	3	00	1	3	2
				02	1		
				06	1		
Военная стратегия (2011)	8	101	2	10	1	2	2
				11	1		
		109	1	04	1	1	3
		110	1	03	1	1	3

продолжение приложения 8

Стратегия	Кол-во подсистем	№ подсистемы	Кол-во компонентов	№ компонентов	Кол-во упоминаний	Общее кол-во упоминаний	Ранг подсистемы
Военная стратегия (2011)		111	6	03	1	9	1
				04	1		
				05	3		
				06	1		
				08	1		
				09	2		
		112	1	05	1	1	3
		113	1	02	2	2	2
		114	1	01	1	1	3
		115	1	02	1	1	3
Военная стратегия (2015)	4	101	1	10	1	1	3
		109	1	00	1	1	3
		111	8	00	1	14	1
				03	1		
				04	2		
				05	4		
				06	1		
				07	1		
				08	3		
				09	1		
		115	2	00	1	2	2
				08	1		
Кибернетическая стратегия (2015)	7	101	1	11	1	1	3
		109	1	04	1	1	3
		110	2	01	1	2	2
				02	1		
		111	4	00	1	4	1
				07	1		
				08	1		
				09	1		
		112	4	03	1	4	1
				04	1		
				05	1		
				08	1		
		113	1	03	1	1	3
		115	2	04	1	2	2
				05	1		
Сельскохозяйственная стратегия (2012)	9	101	4	10	1	4	2
				11	1		
				12	1		
				14	1		
		103	2	01	2	3	3
				03	1		

продолжение приложения 8

Стратегия	Кол-во подсистем	№ подсистемы	Кол-во компонентов	№ компонентов	Кол-во упоминаний	Общее кол-во упоминаний	Ранг подсистемы
Сельскохозяйственная стратегия (2012)		107	5	01	1	7	1
				02	2		
				03	2		
				05	1		
				06	1		
		108	2	00	1	2	4
				07	1		
		109	3	01	1	3	3
				02	1		
				04	1		
		110	3	00	1	4	2
				01	1		
				02	2		
		113	3	02	2	4	2
				04	1		
				07	1		
		114	1	01	1	1	5
		115	1	02	1	1	5
Торговая стратегия (2010)	5	101	4	01	1	5	1
				04	1		
				06	1		
				12	2		
		107	1	00	3	3	2
		108	1	07	1	1	3
		110	1	02	1	1	3
		113	1	04	1	1	3
Торговая стратегия (2012)	4	101	1	11	1	1	2
		108	2	07	2	3	1
				11	1		
		109	1	04	1	1	2
		113	1	07	1	1	2
Энергетическая стратегия (2009)	6	101	2	06	4	5	2
				08	1		
		104	2	04	3	4	3
				07	1		
		105	3	04	1	3	4
				08	1		
				11	1		
		106	3	00	3	6	1
				01	2		
				08	1		
		109	4	00	1	4	3
				01	1		
				02	1		

				05	1		
Стратегия	Кол-во подсис-тем	№ под-системы	Кол-во компо-нентов	№ ком-понен-тов	Кол-во упоми-наний	Общее кол-во упоми-наний	Ранг подсис-темы
Энергетическая стратегия (2009)		110	2	03	1	2	5

Составлено по: National Security Strategy. May 2010…; National Security Strategy. February 2015…; The National Intelligence Strategy. August 2009…; The National Intelligence Strategy of the United States of America…; The National Military Strategy of the United States of America. 2011…; The National Military Strategy of the United States of America. 2015…; The Department of Defense Cyber Strategy. April 2015…; U.S. Department of Agriculture Foreign Agricultural Service Strategic Plan…; Executive Order 13534… Executive Order 13630...